

"Чистильщик"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

ПРОЛОГ

- Стоять! - грубо сказал парень в камуфляжных штанах.- Хули ты тут делаешь?

- Стою,- лениво произнес Васек, будто не замечая направленный ему в живот ствол.

- Борода шутит,- процедил приятель целящегося, шагнул вперед и неожиданно нанес быстрый удар ботинком по щиколотке. Васек потерял равновесие и плюхнулся животом в грязный снег.

Парень с пистолетом наступил ему на поясницу, а второй тем временем быстренько ощупал Васька.

- Чистяк,- сообщил он.

- Встать, козел! - скомандовал обладатель пятнистых штанов.

Васек встал.

- Пошел! - Ствол с силой уперся ему в спину.

Васек качнулся назад, отчего ствол еще глубже впился ему в спину, сделал шаг вперед... Затем резко повернулся, и пистолет, скользнув по кожаной куртке, устоял в пустоту раньше, чем его хозяин успел нажать на спуск. Собственно, он и не мог нажать на спуск, потому что палец Васька скользнул под спусковой крючок с противоположной стороны. Рывок под локтевой сустав - вопль - сокрушительный удар коленом - и вопль перешел в утробное мычание, оборвавшееся, когда левый кулак Васька вошел в соприкосновение с челюстью противника.

Второй кинулся вперед, но застопорил, обнаружив, что пистолет поменял хозяина. Вот он, главный недостаток огнестрельного оружия. Чуть зазеваешься - и оно уже не у тебя, а совсем наоборот.

- Грабки кверху и кру-гом! - велел Васек.

Парень команду выполнил, но духом не пал.

- Ты, бля, хоть понял, бля, как ты попал? - поинтересовался он.

- Понял, понял,- успокоил его Васек и врезал рукояткой по стриженному затылку. От души врезал: щиколотка еще ныла.

Спрятав пистолет, Васек подхватил пришибленного за ворот, отволок к двери ближнего гаража, привалил спиной. Не замерзнет. Не февраль, середина апреля. Зиме уже давно пора кончиться, достала уже...

Сунув пистолет в карман, Васек вернулся к его бывшему хозяину. Обшарил его наскоро, обнаружил бумажник, пустую кобуру и мобильник. Мобильник забрал. Зачерпнув две пригоршни снега, Васек энергично растер «пострадавшему» уши. Парень очнулся и наверняка пожалел об этом. Ему было больно и обидно. А потом стало очень больно и очень обидно, когда он ответил матерщиной на вежливый вопрос. Урок пошел впрок. Обошлось без членовредительства.

- Молодец,- похвалил Васек.- Лучше поступиться гордостью, чем некоторыми частями тела.

- Чего? - не понял парень.

- Того. Встали и пошли.

Идти было недалеко.

Это оказался не гараж - мастерская. Васек позволил своему провожатому постучать и сказать: «Я». Больше ничего. Тычок в основание черепа - и парень на время потерял способность говорить и двигаться. Когда железная дверь начала открываться, Васек резко рванул ее на себя, а затем толкнул вперед. Удар, сдавленный вопль, снова рывок на себя, рубящий левой... Васек наступил ногой на упавший автомат (предосторожность не бывает лишней) и направил пистолет на последнего боеспособного обитателя мастерской. Тот тупо глядел на Ваську. В руке - полупустая бутылка пива. Слабое оружие против модернизированного «макарушки». Уцелевший аккуратно поставил бутылку на стол и поднял руки.

- Умница,- похвалил Васек.- Будешь жить. Когда они приедут?

- Скоро. Уже звонили.

- Охрана?

Парень пожал плечами.

- Да обычная. Чего тут охранять.

- На пол, и руки на затылок.

Васек оглядел мастерскую. Две машины: «лендровер» и «фольксваген-гольф». Последний - наполовину перекрашенный. Стеллажи. Куча покрышек, три лампочки под потолком, но горит только одна, у входа.

Васек достал телефон, свой, не трофейный, набрал номер:

- Я внутри,- сказал он.- Скоро будут.

- Принято,- лаконично отозвались с той стороны.

Васек сложил телефон и сунул в карман. Затем втащил двух выбывших из игры внутрь, пристроил за кучей покрышек и прикрыл автомобильным чехлом. Подумал о третьем, но решил: отлучаться не стоит.

- Эй, командир,- позвал лежащий на полу.- Холодно, командир, кинь ватничек подстелить.

- В могиле холодней,- заметил Васек. Но сжалился и бросил ватник. Правда, сначала проверил карманы.

Васек поднял с пола автомат, обычный «калаш» с откидным прикладом, проверил магазин. Комплект.

Прошло минут пятнадцать, и снаружи раздался рокот подъезжающих машин. Это могли быть и не те, кого он ждал, но тут уж лучше перестраховаться.

- Подъем,- скомандовал Васек отдохавшему на полу.- Сядь на свое место. Постучат - откроешь. Веди себя хорошо - и увидишь солнышко. Все понял?

- Да понял, понял! - В глазах у парня Васек прочитал острое желание жить. Это неплохо. Васек передернул затвор автомата и укрылся за покрышками. Между ними и стеной оставалось достаточно места для маневра. И полумрак, что тоже кстати.

Машина остановилась у мастерской.

Они вошли втроем. Четвертый, косая сажень, остался в дверях. Вошли, не сторожась. Парень в точности выполнил указание Васька: молча открыл дверь и пропустил «гостей» внутрь. Он явно не забыл о «калаше», поэтому расположился так, чтобы оказаться отдельно от вновь прибывших.

- Вот ваша машина,- сказал первый из приехавших, низенький, деловитый.- Это, как вы сами понимаете, аванс, майор. Просто знак нашего расположения.

- Разумеется,- сухо ответил тот, кого называли майором.- Если я закрываю глаза на шестьдесят миллионов, мой процент должен быть существенно больше, чем игрушка на колесах.

- Да пошел ты в жопу! - злобно процедил третий, черный, с усиками.- Чё, думаешь, ты один скурвился? Чё, думаешь, мы, бля, другого не забашляем? - Он вытащил пистолет и потряс им в воздухе.- А тебе, бля, я сейчас шмальну в брюхо - и криздец! Понял, бля?

Майор ничего не ответил, только усмехнулся. Бодигард в дверях тоже не пошевелился.

- Давлат! - укоризненно произнес первый.

Третий скривился, пренебрежительно сплюнул, спрятал оружие и демонстративно отошел.

Васек аккуратно прицелился в грудь застывшего в дверях бодигарда. Даже если броник выдержит, мало не покажется. Палец аккуратно потянул спусковой крючок. «Калашников» коротко рявкнул, и бодигарда вынесло на улицу. Резкий Давлат тут же отпрыгнул в сторону, пригнулся... на свою голову. Васек целил в туловище, но... короткая очередь пошла чуть выше, и мозги Давлата выплеснулись из черепа.

Майор среагировал лучше всех. Отскочил под прикрытия джипа и выстрелил на вспышку. Попал. Но не в Васька, а в одного из прикрытых автомобильным чехлом. Васек же откатился в сторону и, под днищем джипа, длинной очередью полоснул майора по ногам. Тут же вскочил, прыгнул вперед. Майор рухнул на пол, но пистолет не выпустил. Васек мимоходом врезал каблуком по руке майора, размозжив пальцы, ведущим форвардом рванул к двери и захлопнул ее. Через пару секунд снаружи загрохотали выстрелы, но ни дверь, ни железные стены из автомата не пробить. Разве что из подствольника, однако наличие такового у атакующих сомнительно. Питер все-таки не Грозный.

Повернувшись, Васек обнаружил:

одного коррумпированного майора - в шоке;

одного предприимчивого бизнесмена - в ступоре;

одного рядового бандита - предусмотрительно улегшегося мордой в пол.

Остальных пока можно пока в расчет не принимать.

Первым делом следовало наложить жгуты на простреленные ноги майора, что Васек и

проделал с помощью оказавшегося под рукой репшура. Тем же репшуром он скрутил умного бандита и предприимчивого бизнесмена. Последний, выйдя из ступора, в лучших традициях с ходу предложил Ваську лимон зелени. Васек проигнорировал.

Под чехлом живых убавилось вдвое. Майорская пуля оказалась роковой для обладателя пятнистых штанов.

Васек достал пистолет покойника, тщательно обтер и положил на стеллаж. Автомат же вложил в руки финансиста (тот, было, заартачился, но, нюхнув ствол пистолета, сразу перестал возражать) и заставил бизнесмена пальнуть в потолок. Затем отобрал автомат, огляделся внимательно... Лишних улик оставлять не следует. «Помочь» следствию – это одно, а доверять... извините! «Благодарность заказчика» Васек испытал на собственной шкуре.

Снаружи снова загрохотали выстрелы, однако через пару минут все стихло, а еще через минуту в двери постучали.

- Кто? – спросил Васек на всякий случай.

- Мы. Снаружи закончено.

Голос знакомый, именно тот, который Васек рассчитывал услышать. Поэтому он отворил без промедления.

Из шести вошедших только на одном не было маски.

- Забирайте товар,- сказал Васек.- Пришлось немного попортить, ну, уж извините.

Те, что в масках, устремились к живописно расположенным по полу телам. Один из них тут же сделал майору укол. Лекарство, хотя сам майор, скорее всего, предпочел бы яд.

- Этого не трогать,- Васек указал на предусмотрительного бандита.- Мой.

Тот, что был без маски, спорить не стал.

- Хочешь – забирай. Спасибо.

- Пожалуйста,- ответил Васек.- Удачи.- И предусмотрительному: – Пойдем, корешок.

Снаружи маячили еще люди, но перед Васьком расступились. Предупреждены.

Территорию покинули через дыру в заборе. У железнодорожной насыпи Васек распутал руки парня.

- Исчезни,- сказал ему Васек.- Навсегда.

- Спасибо,- ответил тот.- Я не забуду.

- Лучше забудь,- посоветовал Васек, взбежал на полотно и по шпалам отправился к станции.

Путь был неблизкий, километра полтора.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КОРАБЛЬ ЖИЗНИ

Валерий Витальевич Васильев был бюджетником. То есть принадлежал к категории людей, с которыми государство должно делиться награбл... Простите!.. Налогами. Иначе говоря, денег у него не было. Вернее, за основную работу он не получал ни гроша, но кое-как перебивался изготовлением клеев. Валерий был химиком. И человеком, особо не примечательным. Хотя нельзя сказать, что природа его обидела. Умом и ростом он был ничуть не хуже прочих, а здоровьем даже получше, поскольку зимой непременно бегал на лыжах, а летом регулярно играл в футбол с коллегами по работе. Но спирт, подобно остальным, после игры не пил. Не любил смешивать удовольствия. Даже вредная во всех отношениях работа в химической лаборатории его не подкосила. Но это уже скорее чистое везение. В свои двадцать семь лет имел Виталий за спиной и два неудачных брака. Первая жена ушла от него, прихватив с собой сына. Через полгода оба уехали в США. От второй Васильев ушел сам. Вернее, выставил из своей комнаты. За блядство. Бывает. С тех пор жил один. В общем, таких, как Валера, в Питере - море. Вернее, таких, каким он был до...

Девчушка прилипла к нему сама. Подклеилась у выхода из метро. Подклеилась традиционно. «Скажите, который час? А где я вас могла видеть?»

«Нигде», - был бы правдивый ответ, поскольку в свои лет шестнадцать-семнадцать девчушка была прикинута минимум на годовую зарплату Васильева. Но Валера промолчал, и как-то очень естественно вышло, что через улицу Восстания они перешли вместе, а у кинотеатра «Колизей» девушка (ее звали Таня) непринужденно взяла его под руку.

В этот день Валера чувствовал себя уверенней, чем обычно, поскольку в кармане у него лежала тысяча рублей, полученная от заказчика за пять килограммов клея. Поэтому он шиканул и предложил Тане мороженого. Под мороженое беседа пошла веселей, и они с удовольствием профланировали до угла Невского и Литейного и прошли бы дальше, но рядом с ними тормознула гладкая, как мыльница, темностекольная иномарка, распахнулась дверца, мускулистая ручища сцапала Таню за локоток. Таня сдавленно пискнула, но рука уже оторвала ее от Валерия и втянула внутрь. Дверца захлопнулась. Васильев не успел ничего углядеть, кроме мелькнувших Таниных загорелых коленок. Иномарка прыгнула влево и унеслась к Адмиралтейству. Остался только расплющившийся об асфальт стаканчик мороженого, который тут же окончательно размазала чья-то нога.

Зеленый свет замигал, Валерий поспешно перебежал через Литейный и остановился. Следовало что-то предпринять. Но что? Номера машины он не запомнил, о девушке не знал ничего, кроме ее имени. Может, это просто шутка ее друзей?

Правильней всего было бы забыть и о Тане, и о «похищении». Но в голове у Васильева словно что-то сдвинулось. Он как будто впервые увидел парадную пестроту Невского, череду престижных магазинов, швейцаров у «Невского паласа», вальяжных гаишников и круглоголовых парней, отирающихся у блестящих лаком автомобилей. Он видел мужчин, попивающих пиво за пластиковыми столиками, и женщин, сосредоточенно подкрашивающихся французской косметикой. Он видел рекламные плакаты, приглашающие во все страны мира, и многое, многое другое, что требовало денег, денег и еще больше денег. Но дело было не в деньгах. Просто Валерий осознал, что, пока он варил элементарноорганические полимеры для науки и универсальные клеи для того, чтобы не умереть с голоду, весь окружающий мир отвалил куда-то вбок, оставив его за бортом. Разумеется, не его одного. Приглядевшись, он без труда распознавал в толпе таких же... забортных. Причем их было большинство. Обветшавший линкор Российской Империи, почти век назад захваченный пиратами, перелившими ее силу и

веру в гладкие туши баллистических ракет, проржавел и развалился. Грязное радиоактивное пятно, разводы солянки и иностранные, якобы спасательные катера под разноцветными флагами, шарящие среди обломков и вылавливающие, что приглянется. Кому-то из экипажа досталось место в шлюпке, кому-то – спасжилет. Большинству не досталось ничего. Но часть этого большинства все равно копошилась, пытаюсь сострять из ошметков палубы и фальшборта нечто, способное держаться на плаву. У них не было выбора. Копошиться или тонуть. Многие выбирали последнее. Но не все. Некоторые копошились. И у них получалось. Но построить корабль – это одно, а захватить местечко в уютной каюте – совсем другое. Так что паразиты паразитировали, строители строили, тонущие – тонули. «Каждому – свое!» – как было написано на известной вывеске.

Валерий Витальевич Васильев балансировал где-то между вторыми и третьими. Как многие. Но это не утешало. Корабль Жизни уплывал, и, чтобы взобраться по гладкому борту, нужно было отрастить стальные когти или обзавестись навыками ниндзя. Потому что лестницы сверху ему не спустят. Не нужен там, наверху, старший научный сотрудник Валерий Васильев, разведенный, двадцати семи лет, без вредных привычек и полезных капиталов.

Валерию очень захотелось уйти с Невского, он свернул на Литейный, но это не принесло облегчения. Васильев окончательно понял: от нового понимания мира убежать не удастся. И теперь он всюду будет чувствовать себя болтающимся на волнах обломком прошлых надежд. Васильев скрипнул зубами от обиды: всего несколько минут назад ему было хорошо. Он чувствовал себя Человеком. Человеком среди людей. Гражданином. Мужчиной.

Если говорить откровенно, собственная значимость волновала Валерия куда больше, чем геополитическая значимость России. Это был не эгоизм, а обычный здравый смысл. Республика состоит из граждан, империя – из подданных. Правительство республики вынуждено заботиться о гражданах. Император должен заботиться о подданных. Если империя называет себя республикой, это еще не значит, что подданные превращаются в граждан. Это лишь значит, что государство намерено ободрать их как липку, вот и все. Граждане должны поддерживать свою республику, подданные вынуждены платить дань.

Народная мудрость гласит: если изнасилование неизбежно, расслабьтесь и получите удовольствие.

Но для Валерия Васильева этот вариант был неприемлем. Не совмещался с чувством собственного достоинства. Не мог он ратовать за ДЕРЖАВУ из положения раком.

- Нет уж! – говорил здравый смысл.– Сначала выпрямись и надень штаны!

Разумеется, все эти «разнообразные образы» не складывались в сознании Валерия в нечто глобальное. Они вообще не складывались. Просто Васильеву было очень, очень хреново. И следовало что-то предпринять. Немедленно. Иначе, не ровен час, захочется кинуться под какой-нибудь джип.

Почему-то вспомнился анекдот о помершем и попавшем в рай работяге.

В раю, как водится, сбываются мечты. А о чем мечтает половина работяг России? На покойничка надели клубный пиджак, нацепили на шею золотую цепь, вставили в карман «Мотороллу» и запустили повеселиться в ночной клуб с голыми девочками. А когда сытый, пьяный и повеселившийся покойник вывалился из престижных дверей, на него вдруг навалилась целая толпа оборванцев и отметелила до полусмерти.

- За что? - возопил полуживой покойник.

- А это,- сказали ему ангелы-администраторы,- сбываются мечты второй половины работяг России.

Валера раньше не относил себя ни к одной из половин. Собственно, и теперь ему не хотелось ни к первым, ни ко вторым. Ему просто хотелось обратно на борт. Только и всего.

Валера, как сказано, был не дурак. Поэтому он свернул направо, присел на скамеечку в больничном сквере и задумался.

Для человека с руками и головой существует множество способов заработать деньги. Даже очень приличные деньги, если он будет работать круглые сутки и на себя, а не на дядю. Но рано или поздно дядя все равно придет и отберет заработанное. Может быть, дядя приедет на бандитском джипе или банковском «мерсе», но, скорее всего, в качестве дяди выступит жлоб с совокупной вислощекой рожей думского депутата, именуемый Государство. Этот не погнушается отнять бутылочку молока у младенца и вставную челюсть у старухи. Что уж тут говорить о каких-то честно заработанных деньгах. Значит, первое, что следует делать,- это обезопасить себя от насилия. Самое простое - уехать к гребаной матери из этой страны... В принципе, для кандидата химических наук это реально. Многие коллеги Валерия так и поступили. Но у Васильева к забугорью как-то душа не лежала. Да и никто не ждал его там, за кордоном, чтобы подарить гражданские права и золотую кредитную карточку. Те ребята сами построили свой капитализм и не больно любят чужих. Значит, самое простое отпадает. Придется играть по-сложному. Раз деньги зарабатывать бессмысленно, значит, надо зарабатывать силу. Для начала физическую. Стальные когти. А там посмотрим.

Васильев встал со скамейки. Он принял решение, и решение оказалось неожиданно простым. Удивительно, что он не наткнулся на него раньше. Нет, не удивительно. Раньше он просто об этом не задумывался.

В институте, где он работал, полгода назад сменилась охрана. Вместо бабушек и дедушек преклонного возраста пришли крепкие ребята с кобурами под мышкой и резиновыми дубинками. С одним из них Валерий как-то разговорился. Оказалось, оба равнодушны к футболу. С тех пор здоровались. И именно этот парень сегодня стоял на вахте, когда Васильев выходил из института.

Охранник был на месте. После обмена несколькими общими фразами Валера взял быка за рога.

- Юра (так звали охранника),- сказал Васильев.- Я хочу позаниматься каратэ.

Охранник изучил Валерину фигуру, кивнул:

- Давай, ты мужик спортивный.

- А что для этого надо?

- Выйти на улицы и почитать объявления. Секций нынче - хоть жопой ешь.

Валерий уловил в голосе собеседника иронию.

- Ну,- протянул он.- Я хочу что-нибудь стоящее, реальное...

- С этим труднее.
- А ты сам, как?..- с намеком проговорил Васильев.- Не ведешь группу?
- Нет,- Юра качнул головой.- До сэнсэя я еще не дорос.

Но предположение Валерия ему польстило.

- Но занимаешься?
- Занимаюсь.
- А мне... можно?

Юра покачал головой.

- Ты же хочешь каратэ.
- Да мне без разницы, каратэ или там ушу. Если честно... Надоело быть сарделькой!

Юрий еще раз покачал головой.

- Извини, Валера, не получится. Наш, он с разбором берет. И в основном пацанов.
- Это в смысле...- Васильев растопырил пальцы.
- Да нет! - Юра рассмеялся.- Мальчишек. А ты... Сам понимаешь.

Васильев твердо посмотрел в глаза собеседника:

- Юра, мне надо! Надо! Дай мне шанс! Ну, не возьмет меня твой сэнсэй, значит, не возьмет. Значит, так тому и быть. Только я вот на тебя смотрю и вижу: ты такой, каким я хочу стать! Понимаешь? Дай мне шанс!
- Ну ты наехал! - охранник засмеялся.- Ладно, уговорил. Поговорю сегодня с Егорычем. Доволен?

Теперь засмеялся Валерий.

- А то! Век помнить буду!
- Да ладно!

На том и расстались.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На следующий день дежурил уже другой охранник. С такой жуткой рожей, что Валерий к нему и подойти не рискнул бы. Но тот сам окликнул.

- Васильев - ты? Тут тебе Юран маляву оставил.

В записке значилось:

«Сегодня в шесть на Ладужской. Возьми спортивный костюм. Обуви не надо. Юра».

Ровно в шесть Васильев стоял у выхода из метро. Юру он не признал. Только, когда тот, подойдя, поздоровался. В институте Юра всегда был в форме, а тут: несолидная футболка, мятые штаны. Совершенно шалопаистый вид. Да еще бейсболка, надвинутая едва ли не на глаза.

- Готов? - спросил он.

- Готов. Поедем?

- Пешком пойдем. Тут пять минут.

Пришли к детскому саду. К бывшему детскому саду. Теперь половина здания превратилась в развалюху, но вторая еще как-то держалась. На одной из дверей было написано оранжевой краской: «Оптово-сырьевая база». Но вошли они в ту, на которой не значилось ничего.

Обстановка в раздевалке выглядела спартанской. Низенькие скамьи, наследство детского сада, вместо вешалок - забитые в стену гвозди.

- Мы первые,- удовлетворенно сказал Юра.- Переодевайся. Готов? Пошли. При входе в зал положено кланяться. При выходе - тоже.

В зале находился всего один человек. Усатый мужчина лет сорока. Ростом примерно с Валеру, но пошире. И потяжелее раза в полтора.

- Вот, Егорыч, привел,- Юра показал на Васильева.

Сэнсэй бросил на новичка равнодушный взгляд, кивнул.

- Иди, разминайся,- сказал Юра.

Больше ничего.

Разминку Валера знал только ту, что делал в лыжной секции. Ею и занялся. Попутно оглядывал зал. Особое его внимание привлекли отрезки ошкуренных бревен разной длины, на цепях, свисающих с длинных стальных кронштейнов.

В зале понемногу собирался народ. Разнообразный. От совсем мальчишек до матерых мужиков в районе сорока. По возрасту Валерий был где-то посерединке. Некоторые - в кимоно, но большинство - в произвольной одежде. Один даже в боксерских трусах и майке. Когда набралось примерно десятка полтора «игроков», сэнсэй хлопнул в ладоши и скомандовал:

- Побежали!

И сам тоже побежал.

Бегали минут тридцать. Сэнсэй периодически выкрикивал разные японские слова, а ученики, соответственно, махали руками и ногами. Валера тоже махал, как умел. Вроде получалось что-то: он ведь не совсем темный, боевики тоже смотрел и всякие рукопашные соревнования, если больше ничего путного не было.

- Стой! - гаркнул сэнсэй.- Встали-подышали!

Все начали шумно дышать. Валерий тоже попыхтел, хотя и без необходимости. Отметив мимоходом, что физическая подготовка у него не хуже прочих.

- Хорош! - последовала новая команда.- Разбились на пары. Новичок ко мне. Олежек, иди сюда. Паша, поработай пока с макиварой. Новичок, это твой противник. Все, поехали.

И отвернулся.

Валера слегка опешил: его противник выглядел лет на тринадцать, и макушка его была на уровне Валериного подбородка.

«Не ушибить бы»,- мелькнула мысль.

Пацан быстренько поклонился, выпрямился... и врезал Валере в глаз. Да так, что искры посыпались. И еще раз, расплющив губу. Васильев рассердился. А рассердившись, церемониться не стал. Замахнулся, целясь тоже влить нахалу в глаз. Но Олежек ловко поднырнул под Валерину руку, и Васильев ощутил острую боль в боку. Он отпрянул назад, лягнул противника... и получил в пах. Это было дьявольски больно, но пацан не стал его добивать, подождал, пока Валера очухается.

- Работать! - рявкнул как будто над самым ухом сэнсэй.

Олежек сорвался с места, но Васильев был начеку и пнул противника на манер футбольного мяча. Мальчишка пинок отбил, но поскольку Васильев был в два раза тяжелее, то пацана все равно отбросило назад. Уже через секунду паренек повторил атаку, Валера пнул его по голени. Попал. Даже с ног сбил. Но сбитый с ног Олежек тут же красивым перекатом встал в стойку, а Васильев, поскольку был босиком, здорово ушиб палец на правой ноге. Третью атаку он встретил кулаком - и схлопотал пяткой в нос. От удара Васильев «поплыл», паренек вlepил ему под колено, и Валера грохнулся на спину. Правило «лежащего не бьют» здесь не работало. Васильев получил пинок в бок, отбил еще один в голову, успев порадоваться тому, что его противник - тоже босиком, изловчился ухватить пацана за ногу, дернул, свалил... и заработал такой удар в горло, что в глазах позеленело, а пальцы сами разжались. Больше он ловить противника не пытался, а вертелся на спине, отбиваясь руками и ногами по мере сил. Олежек приплясывал вокруг, не давая подняться. Впрочем, Васильев особо и не пытался.

- Стоп! - гаркнул появившийся в поле зрения сэнсэй.

Валерий встал на ноги.

- Ямэн!

Парнишка быстренько поклонился и убежал.

Васильев тоже отвесил поклон, отозвавшийся болью в ребрах и в паху.

Сэнсэй пристально смотрел на него.

«Выгонит,- мрачно подумал Васильев.- С сопляком не справился».

- Пошли,- сказал сэнсэй и отвел его к мешку с песком.

- Смотри и запоминай! - сэнсэй звучно вlepил по мешку ногой.

Мешок содрогнулся. Сэнсэй ударил еще раз, с другой стороны.

- Понял?

Васильев кивнул и попытался повторить. Удар вышел жалкий.

- Колено выше,- сказал сэнсэй.- И веди его по кругу, вот так.- И показал, как именно.- Доступно?

Валера повторил. Вышло еще слабее, чем в первый раз. Избитый организм отчаянно протестовал, но Васильев, стиснув зубы, терпел и пнул мешок еще раз. Чахлый шлепок, но сэнсэй сказал:

- Нормально. Работай.

И ушел.

Валера «работал». Лупил и лупил по мешку. Стопы сначала горели, потом Валера вообще перестал их чувствовать.

«Это мой шанс,- бодрил он сам себя.- Мой последний шанс!»

Звук хлопка не сразу дошел до его сознания.

- Построились! - скомандовал сэнсэй.- Рэй! - Все поклонились.- Спасибо, до свиданья. Новенький!

Васильев подошел.

- Как тебя зовут?

- Валерий.

- Можешь приходить, Валерий.

- Когда? - У Васильева не осталось сил даже обрадоваться.

- Завтра.

Валерий кивнул и побрел в раздевалку, оставляя на полу кровавые следы. Ноги стер.

В раздевалке на него налетел Юра:

- Ну? Взял?

- Угу,- пробормотал Валерий и рухнул на детскую скамью, не уверенный, что сумеет когда-нибудь с нее подняться.

- Молоток! - Юра явно обрадовался.- Бойцы! У нас пополнение!

В раздевалке возникло легкое оживление.

Некоторые подходили, представлялись. Кое-кто весьма своеобразно.

- Шиза! - худой чернявый мужик со свернутым носом.

- Петренко! - громадный горбоносый хохол, бритый под ежик, с диаконским басом.

- Гавриил! - пацаненок лет двенадцати.
- Олег! - парнишка, который сделал из Валеры отбивную.- Молодец, ловко ты мне ногу поймал! - сказал он, лучезарно улыбаясь.
- На! - Мужчина строгого вида, с аккуратной светлой бородкой, сунул Валере бактерицидный лейкопластырь.- Пятки заклей.
- Пятки? - удивился Валера и рефлекторно потрогал глаз. Глаз уже заплаыл.
- Это, брат, пустяки,- усмехнулся бородатый.- Надел темные очки - и порядок. А ноги беречь надо. Дома мумие положи, понял? Петренко, ты на колесах?
- Так и ты на колесах! - пробасил Петренко.
- У меня «стрелка». Подкинь Валерика домой, сделаешь?
- Ну. Давай, друг, одевайся,- здоровяк на удивление деликатно похлопал Васильева по плечу.- Или ты решил еще поработать? Га-га-га!

Валерий почувствовал себя удивительно хорошо, хотя, кажется, ничего целого в его организме не осталось. Его словно завернули во что-то теплое.

«Сдохну, а завтра приду»,- подумал он.

Машина Петренко, черный сверкающий «лексус», еще совсем недавно вызвала бы у Валеры легкий приступ неполноценности. Но теперь он без малейшей робости плюхнулся на обитое плюшем сиденье.

- Куда? - осведомился его новый приятель.
- В центр. На Рубинштейна.
- Реальное место,- одобрил Петренко.- Квартира?
- Комната.
- Ну, это ничего,- утешил новый приятель, заводя мотор.- А ты хорошо против Олежки стоял, я глядел.
- Да ладно! - устало вздохнул Васильев.- С мальчишкой не справился!
- Га-га-га! С мальчишкой! Ну ты сказал! Ладно, братила, руки-ноги у тебя есть, а главное - характер. Это, Валера, главное. Ты, Валера, боец. Раз Кремень тебя взял.
- Кремень?
- Сэнсэй. Ты, главное, первое время переможись, потом легче будет. По себе знаю. А я, Валера, не с базара пришел. У меня камээс по боксу. В тяжелом весе. Смекаешь?
- Угу.

«Лексус» гнал по проспекту, безжалостно делая всех и вся. Вел Петренко мастерски.

- Ты, вижу, тоже спортом балуешься? Каким?

- Лыжи. И футбол, так, для себя.

- Нормально! - одобрил новый приятель.- Лыжи - это дышалка. И растяжка. А в футбол мы еще с тобой погоняем! Мы с Силычем каждую неделю играем. Силыч, он тоже футболист. Когда-то в СКА играл, правда, не в основном.

В иное время Васильев непременно заинтересовался бы, но сейчас только вяло кивнул.

Доехали.

- Во,- пробасил Петренко, притормаживая и показывая на табличку.- «Дом построен архитектором Хреновым»! Как при царе-батюшке хреновые архитекторы строили, а? Га-га-га!

- Мой дом - вон тот,- показал Васильев.

- Твой? - Петренко притормозил.- Нормальный домик. Беру! Га-га-га! Короче, Валера. Завтра в шестнадцать тридцать жди меня здесь. Подхватчу, у меня хата тоже рядом. Бывай.

И уехал.

Валера кое-как поднялся к себе на второй этаж. Выпил полчайника воды, смазал ноги раствором мумиё, упал на кровать и выпал из окружающего мира.

Проспал Валера до девяти утра следующего дня. Проснувшись, обнаружил, что правый глаз открывается только на четверть. И это еще цветочки. Шипя и ругаясь, Валерий поднялся с постели. Ноги, как ни странно, почти не болели, зато чистку зубов весьма затрудняли распухшие губы. Подумав, Васильев решил принять душ. Собственно, это следовало сделать еще вчера. Заодно Валера изучил повреждения. Синяков было много, побаливали ребра, физиономия выглядела так, что Васильев с легкостью вписался бы в контингент любого вытрезвителя. Радовали подошвы. Мумие сработало. Еще бы дня три - и снова можно бегать. Трех дней у Валеры не было.

- Ни хрена се! - приветствовал сосед Афоня явление Васильева на кухне.- Подрался?

- Вроде того,- прошлепал Валера картофельными губами.

Соседи у Васильева были хорошие. Бойкая бабулька-пенсионерка и ее сын Афанасий - престарелый охламон и алкаш. Но алкаш культурный и не наглый. Только занудный. Еще одна комната пустовала. Хозяева все собирались ее продать, да уж больно подъезд непрезентабельный и коридорчик в квартире с гулькин щип.

Завтракал Валера скромно: картошка с подсолнечным маслом, селедка. По деньгам завтракал, одним словом. Но аппетит на удивление разгулялся.

В институт не поехал. Ну его. В двадцать минут пятого спустился вниз.

Петренко подъехал тик-в-тик. Распахнул дверцу.

- Здорово. Как ноги?

- Нормально, спасибо.

На этот раз у Валеры была возможность насладиться поездкой в крутом авто. И получить удовольствие от музыки и всего остального. Сегодня Петренко не лихачил. И молчал. Думал о чем-то. Доехали, тем не менее, быстро, пробок не было.

Машину Петренко оставил на стоянке у проспекта. Перекинулся парой слов с охраной. Тут его знали.

К залу дошли пешком. Валера почти не хромал.

В раздевалке с ним поздоровались сдержанно, даже как-то холодно. Васильев сразу почувствовал себя неуютно. Но это прошло, когда бородатый протянул ему полиэтиленовый пакетик. В пакетике лежали чешки.

- Спасибо,- растрогался Валера.- А можно?

- Можно.

- Как, в пору? - поинтересовался Петренко.

- В самый раз.

- У Силыча - глаз-алмаз!

- Петренко,- сухо произнес бородатый Силыч.- Хорошо киздеть.

Огромный хохол смущенно хмыкнул.

Войдя в зал, Васильев понял, для чего предназначались бревна. Тощий Шиза свирепо лупил по одному из обрубков руками и ногами. Сильно лупил, не жалея. Будь на его месте Валерий - сразу остался бы без ног и рук.

Васильев пристроился в углу, разминаться. К нему тут же подошел юный Олежек.

- Не так,- сказал он.- Давай покажу. А ты делай.

И прогнал целый разминочный комплекс. Валерий оценил: ни один сустав, ни одна мышца не остались «холодными».

- Ну давай,- одобрил его усилия паренек.- Делай. Только это лабуда.

- Почему? - удивился Васильев.

- Думаешь, враг будет ждать, пока ты раскачаешься? - удивился в свою очередь юный Олежек.- Сразу надо включаться. Но ты пока давай, тянись. Тебе еще рано.

Хлопок.

- Побежали!

Валера в очередной раз оценил подарок Силыча. Без чешек бег стал бы пыткой.

- Новичок! - рявкнул сэнсэй.- Ко мне.

Остальные продолжали бег.

- Гляди, как они делают,- сказал Егорыч Васильеву.

Валера поглядел. Парни не просто дрыгали руками и ногами в разных направлениях. Они вкладывались в каждый удар.

- Вижу, понял,- проворчал сэнсэй.- А ты машешь, как трусы вытряхиваешь. Даже лоб не вспотел. Марш в круг. Работай.

После пробежки народ опять разбился на пары. На этот раз к Валерию решительно направился Петренко. Одет он был в широкие штаны черного цвета и такую же черную майку. Руки Петренко по толщине могли спокойно конкурировать с ногами среднеразмерного человека.

- Ну, Валерик,- сказал он.- Врежь-ка мне в брюхо. Давай, давай, не стесняйся.

Васильев врезал. Петренко поморщился:

- Я ж не девочка,- проворчал он.- Я говорю: врежь, а не пощупай.

Оскорбленный Валера размахнулся и треснул что было силы. Рука заныла, Петренко осклабился.

- Уже лучше. Особенно замах твой деревенский. Пошли.

К стене была приложена фанера. На фанеру наклеен толстый квадрат пеноплена. Профессиональным глазом Валерий отметил: клей - говно, по краям все отстало.

Петренко утвердился напротив стены, согнул ноги в коленях, примерился и выстрелил стремительной серией ударов. Любой из них наверняка отправил бы Валеру в небытие.

- Делаю медленно, гляди! - Могучее тело Петренко совершило некое волнообразное движение. Прижатый к животу кулак, разворачиваясь по спирали, пошел вперед, соприкоснулся с пенопленом, погрузился в него, по телу Петренко, от ноги к плечу, прокатилась еще одна волна, привинченная к стене фанера скрипнула.

- Еще раз!

Так же неторопливо пришла в движение левая рука, а правая отошла назад, к подбородку.

- И еще. Ну, пробуй. Медленно!

Васильев сделал.

- Локоть прижимай,- сказал его наставник.

Валерий попробовал прижимать локоть.

Петренко только крикнул.

Рядом остановился сэнсэй. Поглядел и отошел.

- Что не так? - спросил Валерий.

- Все не так,- мрачно произнес Петренко.

Неслышно подошел сэнсэй. В руках - небольшой обруч.

- Ты иди,- сказал сэнсэй Петренко.- Поработай с Гошей, у него пары нет.

Поставил кольцо между Валерой и стеной.

- Попробуй сквозь него,- произнес он.- Старайся не задеть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лето окончилось незаметно. Валерий ел, спал, тренировался. Три раза в неделю ходил в институт. Научную работу забросил, занимался только халтурой, хотя денег все равно почти не было. Каждый вечер он приходил в зал. Но этим не ограничивался. По несколько часов в день мучил себя стойками, кихоном и прочей техникой, которую можно отрабатывать в одиночку. Он уже забыл, зачем начал тренироваться. Его захватил сам процесс. В середине сентября, когда листья кленов на набережной, где Валера бегал по утрам, стали рыжими, позвонила Лариса.

Лариса была многолетней любовницей Васильева. Связь их прерывалась во времена его браков или когда у Валерия закручивался очередной скоротечный роман, но потом возобновлялась с прежней регулярностью.

- Ты не женился? - с подкупающей прямоотой спросила Лариса.

- Нет,- ответил Васильев.

- Может, заедешь?

Валерий вспомнил, что вот уже несколько месяцев у него не было женщины. Правда, и не хотелось. Но Ларисин голос вызвал в организме знакомое шевеление.

- Приеду,- сказал он.- Сейчас.

- Жду.

Его подруга повесила трубку.

- Господи! - ужаснулась Лариса.- Что это?

Руки Валерия были сплошь покрыты сочными фиолетовыми и лиловыми синяками.

- Не важно,- буркнул Васильев, продолжая раздеваться.

- Ох! - выдохнула Лариса.

Торс Васильева, если и выглядел лучше, чем руки, то только потому, что имел большую площадь.

- Тебя что, избили?

- Вроде того. Ты так и будешь сидеть в свитере?

- Валечка! Как же это?

В роли страдающей женщины Валерий свою любовницу видел в первый раз. Роль эта ей не шла.

- Кто же тебя так? - продолжала охать Лариса и вдруг поинтересовалась совершенно другим, деловым тоном: - Ты в милицию заявлял?

Васильев свирепо глянул на свою любовницу.

«Ну и дура!» - подумал он.

- Ты поэтому так долго не звонил? - трагическим голосом промолвила подруга.

- Да,- соврал Валерий.

Лариса взирала на него скорбно. Вид у нее был - как у больной курицы.

Валерий пожалел, что приехал.

- Ну? - осведомился он.- Трахаться будем или как?

Лариса спохватилась, стянула свитер, расстегнула молнию на брюках.

- У нас час,- сообщила она.- Потом мне в садик, за Кешкой. Господи, кто же это тебя так? - снова ужаснулась она.

- Тебе помочь? - спросил Валерий, наблюдая, как она возится с тесными брючками.

- Я сама.

Лариса не любила, когда ее раздевают. Васильев знал это. Он знал все ее привычки и пристрастия. Васильев подозревал, что он - не единственный ее постельный приятель. Его это не волновало. Оба не строили больших планов относительно друг друга.

- У тебя красивые ножки,- сообщил Валерий, усаживаясь на постель.

- Правда? - кокетливо проговорила его подруга.

Это входило в ритуал. Хотя ноги у нее и верно были неплохие. Да и фигура тоже. Только по лицу и видно, что ей давно уже не двадцать.

Лариса юркнула под одеяло, прижалась в нему:

- Ты тепленький! - И тут же отстранилась.- Тебе не больно?

Валерий сгреб ее в охапку, перевернул на спину.

- Не задавай дурацких вопросов!

- Больше не буду! Ой!

Часа им хватило. Достаточно было бы и тридцати минут. Лариса была нетребовательна, а Валерий давно уже не испытывал в постели с ней огненной страсти. Собственно, никогда не испытывал.

Перед уходом Лариса накормила его супом.

- Ешь, ешь,- покровительственно говорила она.- Знаю я вас, ученых!

Лариса окончила курсы бухгалтеров и ушла из института еще в начале рыночного разгула. В богачки она не выбилась, но и не нищенствовала. Иногда позволяла себе помечтать о богатом муже. Валерий в этой роли на рассматривался, и это его тоже устраивало.

Когда они расстались, Валерий неожиданно ощутил некий подъем.

И на тренировке чувствовал себя легким и стремительным.

- Ты сегодня прямо летаешь! - одобрительно произнес Юра, с которым он отрабатывал кумитэ.- Молодец!

Похвала, впрочем, не помешала Юре раза три отправить Васильева в нокдаун и прилично рассадить ему ухо. Валерий не обижался. Он знал, что и Юра, и Петренко, и прочие с ним деликатничают. Поскольку видел, как его новые товарищи бьются между собой. Другое дело, что удар, от которого Васильев птичкой отлетал метров на пять, у того же Петренко вызывал сдержанное: «Х-ха!» И все.

- Набивка и уклоны,- поучал он Васильева.

Этим вечером Валерий в первый раз попробовал по-настоящему постучать по висячим поленьям. Оказалось, не такие уж они и твердые.

- Тебе что, правда, не больно? - поинтересовался Васильев.

Он отрабатывал удары ногами, используя в качестве макивары торс парня с игривой кличкой Монплефир. Монплефир, тот самый охранник, что когда-то (еще в прошлой жизни) передал Валерию Юрину записку. По комплекции Монплефир мог соперничать с Петренко, но если у жизнерадостного хохла рожа (если не сердить) была нахальной, но добродушной, то ряшка Монплефира, сплошь состоящая из выступающих костей и желваков, обтянутых бледной веснушчатой кожей, с глазками, упрятанными глубоко в черепе, вызывала острое желание держаться от этого человека подальше. А вот иметь такого бойца в своей команде - совсем неплохо.

- Искусство «Железной рубашки»,- гордо произнес Монплефир.

- Железная рубашка - это как? - поинтересовался Валерий.

- Это тебе, брат, еще рано. Ты давай бей, не отвлекайся!

Рядом с ними вдруг оказался сэнсэй. А может быть, и не вдруг. Егорыч обладал способностью не обращать на себя внимания. Мог минут десять наблюдать за тренирующимися, а те его вроде как и не видели.

- «Железная рубашка» - первый шаг к воротам мастерства,- уронил сэнсэй.- Не болтай попусту, Монплефир.

Монплефир побагровел. Смутился.

- «Некто Ша,- нараспев негромко произнес сэнсэй.- Некто Ша изучил искусство силача „Железной рубахи“. Сложит пальцы, хватит - отрубает быку голову. А то воткнет в быка палец и пропорет ему брюхо. Как-то во дворе знатного дома Чоу Пэнсаня повесили бревно и послали

двух дюжих слуг откачнуть его изо всех сил назад, а потом сразу отпустить. Ша обнажил живот и принял на себя удар. Раздалось – хряп! – и бревно отскочило далеко. А то еще, бывало, вытащит свою, так сказать, силу и положит на камень. Затем возьмет деревянный пест и изо всех сил колотит. Ни малейшего вреда.

Ножа, однако, боится» [1] .

Сэнсэй помолчал, дав время переварить историю, затем сказал Монплезиру:

- Там Шиза без пары. Иди, поработай.- Затем обернулся к Васильеву: - Что скажешь, Валера?

- Надо учиться работать ножом.

Егорыч улыбнулся, что с ним случилось не часто.

- Хорошо,- одобрил он.- Подойди к Олежку. Пусть покажет тебе работу с ножом. Где ножи и рукавицы – он знает.

«Ножи» оказались просто деревянными палочками. К счастью. В первую же минуту Васильев получил «дырки» в сердце, печень, горло и еще дюжину мест, куда проникновение железа категорически противопоказано.

Проведя наглядный урок Валериной безграмотности, Олежек быстренько показал Васильеву азы техники, как держать, как и куда бить, чем встречать атаку, и дал Валерию возможность эти движения отработать. Потом похвалил, хотя с точки зрения Васильева хвалить было не за что. Сам он Олежка не достал ни разу. При этом каждая атака обучаемого завершалась, как правило, «вспоротыми» венами и «перерезанными» сухожилиями на бьющей руке.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прошел октябрь, потом ноябрь. В конце ноября погода неожиданно подалась к теплу. Растаял выпавший уже снег, солнце за пару дней выпило все лужи, даже весной запахло. Уже перелезшие в шубы и дубленки петербуржцы поглядывали на небо и удивлялись. К чему бы такая нежданная перемена?

Васильев на небо не глядел. Но перемены пришли и к нему. И начались с того, что Силыч привез новые макивары.

Заказывал их сам Егорыч. Официально. Ждали их уже месяц. Срок заказа давно миновал, но, как водится в нашем отечестве, пока гром не грянет...

- Грянет! – пообещал Силыч.- Петренко, Монплеzir, завтра с утра – ко мне.

- Точно, мать-перемать! – одобрил Петренко.- Это что им, табуретки?

В общем, макивары привезли через два дня. Сплошная кожа и хромированная сталь. Сэнсэй пощупал, попробовал пружины, кивнул одобritельно.

- Петренко,- сказал Силыч,- найди завхоза, дай ему стоху, а то опять вонь подымет. Я завтра мужиков пришлю, стены долбить.

Васильев перевернул один из тренажеров, осмотрел пластину с обратной стороны.

- Можно и не долбить,- сказал он.- Я могу приклеить.
- Приклеить? - недоверчиво произнес Силыч.- Это чем?
- Соплями,- сказал кто-то из мальчишек и захихикал.
- Ша! - вмешался Монплезир.- Валера - химик. И за базар отвечает.
- А не отвалится? - продолжал сомневаться Силыч.- Мы же не для красоты вешаем.
- Не отвалится,- уверенно заявил Васильев.
- Ну добро,- согласился Силыч.- Попробуй. Сделаешь, мы тебе премию выпишем. Так, Петренко?
- Ясное дело.

Больше об этом не заговаривали.

На следующий день Васильев привез в зал наждак, компоненты клея и все прочее. К вечеру все шесть макивар висели на своих местах, а еще через день их опробовали на практике. Ни одна не отвалилась. Каждый из учеников Егорыча не поленился выразить восхищение работой Васильева.

Теперь Валера знал всех. Учеников оказалось совсем немного. Силыч, который был вроде старосты. Мордвороты Петренко и Монплезир. Гоша по прозвищу Терминатор, квадратный бородатый мужчина, уступавший Петренко и Монплезиру габаритами, но не силой. Торс Гоши вызывал в памяти вылезший из-под земли корень старого дерева. С Гошей, правда, Валерий почти не общался. Зато с Юрой-охранником они сошлись хорошо. Даже пару раз в баньку сходили и водочки приняли. Еще был Паша-академик, белобрысый, добродушный и слегка тормозной. Не в кумитэ, конечно, а по жизни. И Шиза, который оказался очень образованным (с филфаком за плечами), неглупым и приятным в общении. Еще тренировались шесть мальчишек, причем делившихся на две неравные группы: Олежек и Гавриил, которого обычно звали Гариком, корешились со взрослыми и вели себя соответственно. Остальные - обычная пацанва, шумноватая и старших слегка побаивающаяся. Это были те, кто приходил постоянно. Время от времени появлялись и другие. Но не новенькие, а «старенькие», поскольку остальные их хорошо знали.

Профессии у новых друзей Васильева были самые разные, но по разговорам Валерий уже понял: никто из них по специальности не работает. Кроме Паши, который имел диплом фельдшера и сутки через семь трудился в «Скворечнике» [2]. Но наверняка Пашина деятельность этим не ограничивалась, поскольку на фельдшерский оклад, даже с «сумасшедшими» надбавками «опель-вектру» не купишь. Впрочем, «опель» этот был у остальных вечным предметом шуток, поскольку все время ломался и, несмотря на «молодость», уже начал ржаветь.

Машины были у всех взрослых учеников Егорыча. У Силыча - даже три, но две, как он утверждал, не его, а фирмы. Однако фирма, насколько понял Васильев, тоже принадлежала Силычу.

В общем, новые друзья Валерия имели на корабле жизни собственные места, если и не в первом классе, то и не на нижней палубе. Как ни странно, для Васильева это уже почти не имело значения. А деньги и прочее... Да Бог с ними! Он нашел себя - вот главное.

Деньги, однако, появились сами. В пятницу Силыч вручил Валере «премию». Четыреста долларов.

- Это много! - возразил Васильев.

- Ничего,- Силыч похлопал его по плечу.- Мы не обеднеем, а тебе пригодится. Сам увидишь.

Валера «увидел».

Тем же вечером Юра и Петренко пригласили его в кабак.

«Выпить, покушать и поговорить»,- как сказал Петренко.

Кабак оказался пустынный, уютный и безумно дорогой, поскольку на Невском и с понтом. Кушанья были такие, о которых Васильев даже не слышал. И они действительно стоили своих денег.

1

Пу Сунлин. Рассказы о людях необычайных.

2

Психиатрическая клиника имени Скворцова-Степанова в Санкт-Петербурге.

Под водочку и приятный разговор о различных аспектах рукопашной Васильев умял столько, сколько дома не съедал за три дня. Но в сравнении с аппетитом Петренко, аппетит Васильева выглядел мышинными потягушками. Два официанта вились вокруг их стола и взирали на могучего хохла с нескрываемым восхищением. Ни один не простаивал.

- А шо? - басил Петренко, уминая очередную порцию.- Я и в армии за двоих кушал. Мне положено.

Единственное, что слегка заботило Васильева: хватит ли четырехсот долларов, чтобы покрыть Петренков аппетит.

Но расплатиться ему не позволили.

- Не суйся,- грубовато пресек Петренко.- Тебе эти гроши завтра понадобятся.

Отстегнув официантам лишку, Петренко велел им принести пива, а самим исчезнуть и не мельтешить.

- У нас,- сказал он,- разговор кон-фи-ден-ци-альный.

- Ну,- спросил заинтригованный Васильев.- Что вы мне такое приготовили?

- Да ничего особого,- ответил Петренко.- Завтра ты, браток, возьмешь свои баксы, пойдешь и

купишь пистолет.

- Ты серьезно? - удивился Валерий.- А зачем мне пистолет?

- Для порядку,- пробасил Петренко.

- Традиция такая,- пояснил Юра.- У нас.

С первого прихода должен купить ствол. У тебя первый приход?

- Первый.

- Ну так и все.

Валерий понял: спорить бесполезно. Конечно, это пахивало криминалом, и Васильев мог отказаться...

Нет, не мог.

- Ладно,- согласился он.- И где его купить?

- На рынке,- ответил Юра.- Подходишь к черным понаглее и интересуешься. Кто-нибудь, да и продаст.

- Или кинет,- сказал Петренко.- Юрок, ты мозгой шевели.

- Пусть учится!

- Угу. Лохов учат...

- Слушай!..

- ...А он и есть лох. Натуральный. Гы-гы!

- Пусть учится! - мрачно произнес Юра.- Пойдешь и купишь, понял?

Валерий вопросительно взглянул на Петренко, но тот решил больше не возражать.

- Давай,- сказал он.- Завтра я к тебе с утра подъеду и до рынка подброшу. Все. Допивай и поехали.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На следующий день Петренко привез Валерия на Ладожскую, кратко проинструктировал и высадил у входа «Оккервиля».

На вещевых рынках Васильев бывал не раз, поскольку всегда искал, где подешевле. Не из жадности, а по бедности. Черных на рынке хватало, но, когда Васильев доверительно наклонялся и спрашивал насчет оружия, продавцы шмоток глядели на него с опаской и мотали головой. Один, впрочем, предложил газовик, но новые друзья Васильева специально напомнили: только боевой. Никаких вонючек.

После часа бесцельного брожения Валерий проголодался и пошел на вкусный запах жареного

мяса.

Шашлык стоил его двухдневной институтской зарплаты, но Васильев решил пороскошествовать. Почему обязательно спускать на пистолет все четыреста баксов?

- Возьмешь? - спросил он чернявого шашлычника, протягивая сто долларов.

- Почем?

- А сколько дашь?

- По курсу.

- Годится. И шашлычок.

- Дорогой!..- Лицо шашлычника стало скорбным.

- Шашлычок вычтешь,- сказал Васильев, и шашлычник снова заулыбался.

Взяв еще бутылку «коки», Валерий пристроился за одним из столиков.

Он уже доедал шашлык, когда к нему подсел мужик явно «кавказской национальности».

- Слышь, братан, ты пушку спрашивал? - сказал он почти без акцента.

- Ну я,- кратко ответил Васильев.

- «Макар» пойдет?

- Сколько?

- Триста пятьдесят.

- Триста,- возразил Васильев, ощущая себя необычайно крутым.

- Грабишь,- озабоченно произнес «кавказец».- А, хрен с ним. Пусть будет триста. Пошли!

- Не видишь, я кушаю,- заявил Васильев.

Бросить недоеденным такой дорогой шашлык он посчитал бы кощунством.

- Кушай,- согласился продавец.- Я подожду.

Васильев доел, поднялся с достоинством.

- Куда пойдём?

- Где тихо,- оглядевшись по сторонам, ответил «кавказец».- Ты один?

- Один.

- Давай деньги.

- Не пойдет,- Васильев усмехнулся, вспомнив про «лоха».- Деньги - товар. Знаешь такую поговорку?

- Ладно, как скажешь. Иди со мной.

Они вышли с территории рынка, пересекли автостоянку. За ней громоздились одноэтажные строения складского типа.

- Далеко еще? - спросил Васильев.

- Уже пришли,- ответил «кавказец» и проворно отскочил в сторону.

Васильев удивился, но удивлялся он недолго.

Из-за штабеля ящиков вышел еще один персонаж. В руках персонаж держал то, что Валерий собирался приобрести. Но не похоже, чтобы персонаж собирался продавать.

- Дэнги давай! - заявил персонаж, многозначительно покачав стволом.

Васильев оглянулся на своего проводника.

- Давай, давай,- поторопил тот.- Керим нервный, только с войны пришел. Ты его не дразни.

- Нет, так не пойдет,- сердито возразил Васильев, прикидывая, удастся ли броском достать нервного Керима. Или хотя бы удрать.

Нет, не удастся. Может, он не рискнет стрелять?

- Убью,- пообещал Керим, прочитав его мысли.- Дашь живой - маладэц. Нэт - мертвый дашь.

Он не шутил. И не блефовал. По роже видно.

Валерий полез за бумажником.

«Хоть шашлыка поел», - подумал он.

Внезапно тот, кто завел Васильева в западню, издал гортанный возглас. Васильев поднял глаза и увидел за спиной Керима ухмыляющуюся физиономию Петренко. А сбоку, шагах в десяти, у противоположного угла склада стоял Юра и держал в руках небольшой автомат без приклада.

- Аккуратно и медленно положил пушку на землю,- прорычал Петренко.

Керим послушно наклонился, и Васильев увидел в руках у Петренко точно такой же автомат.

Керим положил пистолет, но распрямиться не успел. Петренко отвесил ему смачного пинка, и кавказец, пролетев метра четыре, растянулся на земле.

- Встал! - рявкнул Петренко.- К стене, пидерасня! Руки на затылок, ноги расставил! И ты тоже! Юрок!

Юрий сунул автомат слегка ошарашенному Валерию и быстренько обшарил вымогателей.

У обоих обнаружили ножи, но огнестрельного больше не было, только у Керима - пара запасных обойм.

- Что ж это вы, макаки черножопые, на чужой территории беспредельничаете? - ленивым голосом осведомился Петренко.

- Это наша территория! - возразил тот, что вел Васильева.

Юра шумно вздохнул и неожиданно выбросил ногу. Тяжелый ботинок впилился в поясницу «кавказца».

Валерий вздрогнул. Он очень хорошо представлял, какой силы этот удар. А «кавказцу» и представлять не пришлось.

С воплем он распластался на стене, начал оседать наземь.

- Стоять! - зарычал Петренко, и пострадавший, вполголоса ругаясь по-своему, остался стоять, только несколько перекосясь.

- Ноги расставил, козел! Может, мочкануть их? - предложил Петренко.

- Можно и мочкануть,- согласился Юрий.

Васильев глядел на происходящее, как через толстое стекло.

- Как, черножопый, жить хочешь?

- Хочу,- глухо ответил Керим.

Его приятель тоже промычал что-то, присоединяясь.

- Ладно,- сказал Петренко.- Живите. Помните нашу доброту.

И кивнул Юрию.

Тот сцепил руки и с размаха треснул кидалу по затылку. Тот рухнул. Второй - тоже: Петренко огрел его рукоятью «трофейного» пистолета.

- Вот так делаются дела,- сказал он, вручая пистолет, обещанный «макаров», кстати, Васильеву.- А теперь - ходу. Это, действительно, их территория.

- Как вы меня нашли? - уже в машине спросил Валерий.

- Тебя? - Юра засмеялся.- Без проблем. Сначала срисовали этих, а потом сели на хвост второму. Потому что, ежику понятно, к кому тебя приведут.

- Лохов учат,- пробасил Петренко, не оборачиваясь.- А ты - лох. Верно, Юрок?

- Верно,- согласился тот.- Но ты - наш лох. Поэтому учим тебя мы, а не кидалы черножопые. И мы тебя научим, не сомневайся.

- Я и не сомневаюсь,- сказал Васильев.

Пистолет оттягивал карман, одновременно пугая и ободряя. Но настроение у Валерия было прекрасное. Нет, это чертовски приятно, когда ты - часть команды. И даже имеешь право не платить за ошибки, потому что и ты, и твои ляпы, совершенные по невежеству и неумению, заранее учтены и исправлены. Главное - честь не уронить.

- На вот, хлебни,- Юра протянул Васильеву банку с пивом.- Как сердечко, не жмет?

- Нет.

Юра взял Валерино запястье, нашел пульс.

- Как у слона,- с удовлетворением констатировал он.- Наш человек, а, Петренко?

- Егорычу, значит, ты больше не доверяешь? - ухмыльнулся Петренко.

- Уел! - Юра хохотнул.- Ладно, поехали. Только тихонько, помни, что везем.

- Не учи мамку галушки делать! - фыркнул Петренко.

«Лексус» тронулся, аккуратно выехал со стоянки и небывалой для Петренки скоростью в шестьдесят километров покатился по проспекту.

Васильев пил холодное пиво и сам себе удивлялся. Ведь этот черный Керим и впрямь мог запросто его пристрелить. А страха - ни на миллиграмм.

Неожиданно Васильева прижало к спинке сиденья - Петренко прибавил скорость. Стрелка прыгнула до восьмидесяти, потом до девяноста. Лексус запетлял между машинами.

- Юрок,- незнакомым, лишенным интонаций голосом позвал Петренко.- Глянь взад, серая «жигулятина».

Юра повернулся, поглядел:

- Ну, есть такая.

- Висит на хвосте уже минут десять.

- Думаешь, не случайная?

- Жопой чую. Больно прыткая. Не по фасону.

- Менты?

- Может, и менты. А может, и не совсем. Где-то мы прокололись.

Петренко, угадав зеленый, прибавил и рванул на Охтинский мост, километрах на восьмидесяти, виляя в потоке машин, перекатился через Неву, прибавил, выскочил на Суворовский. Серый неприметный «жигуль» упорно висел на хвосте.

- Позвонить - пусть встретят? - спросил Юрий.

- Не надо светить лишних. Сейчас я сверну, тормозну, и ты со стволами соскочишь в подворотню. Дом там порушенный. Удобный. А мы с Валерой встанем. И поглядим.

- Годится,- кивнул Юра.- Валерик, пистолет.

Собрав все оружие, он приоткрыл дверь, приготовился.

Петренко свернул, ударил по тормозам. Юра колом выкатился наружу и исчез в подворотне. «Лексус» встал двадцатью метрами дальше.

Серый «жигуль-девятка» вывернулся буквально через пару секунд, пронесся мимо, визгнул

тормозами и тоже встал. Все четыре дверцы его распахнулись, наружу вывалили четверо и направились в «лексусу». Все – в штатском, но двое – с автоматами на изготовку.

- Сиди тихо и скромно,- процедил Петренко.

Один из четверки постучал автоматом по стеклу.

- Выйти из машины,- скомандовал он.- Оба. Ноги расставить, руки на капот.

Памятуя указание Петренко, Валерий выполнил команду точно и молча.

Их быстро и умело обыскали. У Юры ничего не было, кроме кошелька с деньгами. У Петренко изъяли бумажник и права. Затем двое обшарили машину. С нулевым результатом.

- Где оружие? - Один из автоматчиков ткнул Петренко стволом в поясницу.

- Не борзей,- предупредил Петренко.

- Где стволы, кабан? - закричал автоматчик.- Хочешь, чтоб мозги из ушей полезли?

Валера услышал глухой удар.

- Ну ты, это...- укоризненно проговорил кто-то из четверки.

Васильев повернул голову и обнаружил, что Петренко сполз к колесу и лежит неподвижно. Валерий не испугался. Его охватила холодная ярость. Автоматчик за его спиной отвлекся, глядел на упавшего.

«Подставился»,- мелькнула мысль. Не раздумывая, он с разворота ударил автоматчика ногой в затылок. Первый раз в жизни он использовал в деле то, чему учился. Эффективно использовал. Автоматчик завалился рожей в асфальт. Его коллеги отреагировали с похвальной быстротой. Двое отпрыгнули назад и полезли за пазуху, третий стремительно развернулся, вскидывая автомат... и оказался в медвежьих объятиях внезапно ожившего Петренко. Ладони могучего хохла накрыли руки автоматчика, развернули ствол в направлении двух остальных, и те застыли. Прихваченный автоматчик ущемленным зайцем дергался в лапищах Петренко, пинал его каблуком в голень, но победитель не обращал на него внимания.

- Мы из милиции! - запоздало выкрикнул один из оказавшихся на мушке.

- Поздно пить боржомом, когда почки отвалились! - ухмыльнулся Петренко. И треснул лбом по затылку трепыхавшегося. Тот обмяк. Петренко отпустил его, безглаголиво отпихнул ногой.

- Сошли с дороги и легли на пузо! - скомандовал он.- Руки за голову, и, не дай Бог, кто дернется – пополам разрежу.

Валерий не удивился, когда оба приятеля в точности выполнили сказанное. Физиономия Петренко не сулила ничего хорошего.

- Обыскать их? - предложил оживившийся Васильев.

- Кому надо - обыщут,- ответил Петренко.- Телефон мне принеси.

- Силыч,- пробасил он в трубку.- Сыграй вариант семь. Угол Суворовского и Шестой

Советской.

- Что теперь? - спросил Васильев.

Он жаждал действий.

- Теперь ждем,- флегматично отозвался Петренко, одной рукой прихватил за шкурку того, кого свалил Валерий, второй - своего и тоже отволоч на газон.

- Приглядывай за ними,- сказал он.

Улочка оказалась нелюдная, а редкие прохожие, углядев черную иномарку, оружие и тела на газоне, разумно меняли маршрут.

Первая машина появилась минут через двадцать и высадила двух совершенно не воинственных пассажиров: тетку лет пятидесяти да дедка-ветерана с полосками орденов - и уехала.

Петренко направился к ним. Разговор занял минут пять, после чего тетка и дедок откочевали в сторонку.

- Валерик,- сказал Петренко.- Если что, говори правду и только правду,- и наклонившись к уху.- Но про Юру забудь.

Еще через десять минут объявился целый кортеж. «Форд» с милицейской мигалкой на крыше, микроавтобус, тоже с милицейской полосой, черная «Волга» без специальных знаков и «скорая помощь». Все сразу и под развеселую сирену.

Петренко аккуратно положил автомат на капот «лексуса». Юра последовал его примеру. Из микроавтобуса выскочило полдюжины парней в камуфле. Быстренько рассредоточились, один подхватил автоматы, понюхал стволы, кивнул и взял на контроль Петренко и Васильева. Валерий недоумевал. Но недолго. Из «Волги» вышли двое посолидней и направились к ним. Уложенные на газон зашевелились.

- Лежать, суки,- зарычал один из камуфлированных.

- Мы...- Пинок десантного ботинка оборвал реплику.

Двое солидных подошли в Петренко. Один представился:

- Старший следователь городской прокуратуры Еремин.

Второй просто пожал Петренко руку.

- Что произошло? - строго спросил старший следователь.

- Нас остановили эти четверо,- сказал Петренко.- Угрожая оружием, заставили выйти из машины, отняли деньги и документы и начали избивать. Мы... хм... оказали сопротивление. И вот...- Он кивнул на уложенную четверку.

- Под угрозой оружия? - усомнился следователь.

- Мы можем! - Петренко осклабился.

- Они могут,- подтвердил спутник Еремина.

Подошел еще один мужчина в штатском, окинул Васильева и Петренко цепким взглядом.

- Один кричал, что он милиция. Это когда мы их уже... того.

Следователь построжел.

- Предъявил документы?

- Нет. Но за пазуху полез. Не знаю, как документы, но ствол там точно просматривается.

- Вы их обыскивали? - недовольно спросил следователь.

- Как можно! Мы же не милиция, мы просто граждане.

Третий в штатском засмеялся.

- Сережа,- сказал ему следователь, кивнул на отдыхающую четверку,- посмотри, что у тех.

Напавших подняли с газона, обыскали. Добычу названный Сережей принес и разложил на капоте «лексуса». В том числе два эмвэдэшных удостоверения.

- Это мой,- сказал Валерий, показав на бумажник.- Там у меня должна быть квитанция на квартплату.

Еремин раскрыл бумажник. Квитанция была. А также доллары и рубли.

- А это мой,- показал Петренко.- Да ладно, гражданин старший следователь! Раз это ваши - то у нас претензий нет. Знаем же, что бюджетники. У них же зарплата - два раза пива попить. Ну, решили ребята немного подзаработать, ясное дело. Вот драться не надо было, это точно, а деньги, ну, ясное дело, дети там, семья, жить-то надо...

Пока он говорил, лицо Еремина медленно каменело.

- Их зарплата - это не ваше дело! - яростно отчеканил старший следователь.- А побои я вам рекомендую снять, если вас, действительно, били.

- Прикажете снять - снимем,- Петренко вздохнул. Потом провел рукой по затылку и продемонстрировал ладонь. Ладонь была в крови.

- Я их знаю,- сказал тот, что жал руку Петренко.- И могу поручиться.

- Вы лучше найдите свидетелей,- сердито бросил следователь.- А это,- кивок на бумажники,- приобщите.

- Можно мне взять часть денег? - попросил Валерий.- Это у меня все. Сегодня заказ оплатили.

Еремин хмуро поглядел на него, но разрешил:

- Берите. Под расписку. Позже получите остальное, полностью, - последнее слово он подчеркнул интонацией.

Приблизился один из камуфлированных. С ним - дедок и тетка, прибывшие первыми.

- Свидетели,- сказал камуфлированный.

- Что вы видели? - строго спросил следователь.
- Все! - гордо заявил дедок. И тетка закивала.
- Я тут случайно,- затарахтела она,- мне тут средство от тараканов...
- Стоп,- оборвал Еремин.- Поедете со мной.

Дедок важно кивнул, а тетка засмушалась:

- Да мне домой, мне...
- Надо,- веско произнес следователь.- Надолго не задержу. Сережа, ты со мной. Вы...- взгляд на Петренко и Васильева,- пока свободны. Вас вызовут. Если не соврали - как потерпевших. Побой снимите.

И удалился.

Его спутник протянул руку Петренко и, на этот раз, Валерию.

- Спасибо,- поблагодарил Петренко.
- Взаимно. Свидетели-то подтвердят?
- Сто процентов.
- Тогда удачи.

Валерий и Петренко сели в машину и пронаблюдали, как загружают в машину злополучную четверку.

- Подождем пару минут,- сказал Петренко, когда все уехали.

«А ведь это серьезно! - подумал Васильев.- Кто же они, черт возьми, такие - мои новые друзья? Какая-нибудь спецслужба? Или немерено крутые бандюки?»

Нет, бандюки вряд ли. Конечно, у того же Монплезира морда натурально бандитская... Но ни Силыч, ни Кремень точно бандитами не были. В этом Валерий был убежден. Некая мощная охранная структура? Может быть... Да какая на самом деле разница? Со временем все выяснится, а пока радоваться надо, что ты теперь - часть настоящей силы.

«Разве ты не этого хотел?» - спросил себя Валерий.

«Нет,- ответил он сам себе,- не этого».

Он даже и не думал о том, что приобретет не только силу, но и друзей. И будь он проклят, если друзья для него теперь не важнее силы.

Спустя некоторое время из подворотни появился Юра с грязным бумажным пакетом в руках.

- Багажник открой,- сказал он,- а то я тебе всю обивку изгажу.

Усевшись на заднее сиденье, он похвалил Валерия:

- Молодец, братишка! Я все видел.

- Да,- присоединился Петренко.- Добре сработал. Жить будешь.

Васильев аж покраснел от похвалы.

- Куда теперь? - спросил он.

- Как куда? - удивился Петренко.- В травму. Побои снимать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Домой Васильев вернулся с полным мешком дорогой еды и справкой из травмпункта, из которой явствовало, что Валерию нанесли телесные повреждения средней тяжести. Небольшое денежное вспомоществование помогло врачу-травматологу, бабушке лет семидесяти, не разглядеть, что некоторым повреждениям уже недели две сроку.

По правде говоря, Васильев уже привык к тому, что бока его покрыты следами молодецких ударов, а предплечья и голени - отметинами не менее молодецких и не менее болезненных блоков. Партнеры по кумитэ с ним теперь почти не церемонились. Разве что не били в полную силу по уязвимым местам и голове. Но и «неполного» хука Петренки Валере хватало. Что приятно, так это то, что Васильев уже научился давать сдачи. Разумеется, против тяжеловесов и даже «середняков» типа Юры он не тянул. Но однажды ухитрился сбив с ног тощего Шизу, чему тот был необычайно рад. Впрочем, в реальном деле сбив не дал бы Васильеву никакого преимущества: Шиза вскочил раньше, чем Валера успел его «добить». Работая с товарищами по занятиям, Васильев привык к тому, что большинство его ударов воспринимаются как комариные укусы. Сегодня же, завалив на асфальт вполне крепкого и наверняка кое-что умеющего мужчину, Васильев осознал: не такой уж он слабак. И сознание это было приятно.

Набив холодильник продуктами и бросив на сковородку шмат доброго телячьего мяса, Васильев решил, что на борт Корабля Жизни он уже взобрался. Причем сразу оказался в отличной компании, так что свалиться обратно ему не дадут. Если он будет соответствовать. А уж в этом можно не сомневаться. Не было случая, чтобы Валера Васильев поставил себе цель, а на полпути свернул с дороги.

Привлеченный мясным духом, на кухню забрел сосед. Поглядел на Валерию, жующего бутерброд с нежной рыночной ветчиной.

- Что, зарплату вернули?

- Халтура,- помотал головой Васильев.- Ветчины хочешь?

- А чего-нибудь покрепче?

- Чего нет, Афоня, того нет! - Валерий засмеялся.

- Это неправильно,- строго сказал сосед.- Ты, Валерка, традиций не знаешь! Халтуру тем более обмывать положено.

- Зато ты традиции знаешь, пьяница! - на кухне появилась Афонова мать.

Валерий быстренько ретировался. Назревала шумная дискуссия, в которой каждая из сторон полагала его союзником и арбитром.

Следующие четверть часа Васильев посвятил поискам хранилища для ПСМ. Наконец остановился на торшерном столике. Приладил снизу проволочные петли. Две побольше, две – поменьше. В большие вставил сам пистолет, в меньшие – запасные обоймы. Нормально. Случайный человек не наткнется. Торшер был тяжелый, сталинских времен, основательный до невозможности и очень удобный. Валерий привязался к нему с детства и потребовал в собственность, когда разменивался с родителями. Родители Валерия уже десятый год жили в Симферополе, а уехали потому, что эскулапы посулили Васильеву-старшему скорую кончину, если тот не сменит климат. Так что разменяли двушку на Ваське на двушку же в Симфи и эту комнатушку.

Не соврали эскулапы. На крымском воздухе отцовы болезни пропали, батяка опять пошел работать и хорошо зарабатывал даже по питерским меркам, поскольку классный автомеханик. Пытался даже сыну денег подкинуть, но Валерий не брал: стеснялся, во-первых, во-вторых, считал, что им и самим надо. Мать не работала, сестра училась в Симферопольском университете. Красивая девка выросла. И практичная. Не в пример старшему брату.

Взгляд Валерия упал на «мыльницу», магнитофон фирмы «Повасоник», мерзкую отрывку то ли Польши, то ли Болгарии.

«А что? – подумал он. – Пойду и куплю нормальную музыку! Прямо сейчас! Или нет, сначала поем».

Мясо поспело, приправленное и обжаренное в сухариках. Васильев распечатал бутылочку «Калинкина», утаенную от Афанасия, достал с полочки роман «Анахрон», самую прикольную книжку, какая ему подворачивалась за последние годы, и принялся наслаждаться. Ей-Богу, вчера в ресторане он не получил такого удовольствия.

После обеда, завершеного крепким, собственноручно сваренным кофе, Васильев прихватил две сотни долларов и спустился вниз. Продав доллары чернявому парнишке у обменника, Валерий прошелся по магазинам вдоль Владимирской и приобрел даже и не просто магнитофон, а музыкальный центр «Панасоник».

Ощущая себя богатым и довольным, Васильев глянул на часы: пятнадцать сорок восемь. Пора собираться на тренировку.

Выйдя в коридор, позвонил на мобильник Петренко.

- Подхватишь меня?

- Без проблем.

Счастье было полным. Но где-то на краю сознания маячил вопрос: какие еще традиции существуют у его новых друзей, кроме приобретения пистолета с первой полочки?

Страшного предполагать не хотелось. Не могут такие отличные парни заниматься дрянными делами. А если могут?

«По фиг!» – честно признался сам себе Васильев.

Чем бы они ни занимались, обратно ему хода нет. Да и некуда.

Рассчитывая, что его вот-вот введут в курс дела, Валерий ошибался. И Петренко, и Юра вели себя так, будто ничего не произошло. И в этот день, и на следующий. А на третий день большая

часть группы попросту отсутствовала на тренировке. Были только пацаны (кроме Олежка и Гарика) да Паша-Академик. После обычной разминки Егорыч принес коробку теннисных мячей, поставил Пашу и Валерия к стене, запретив сдвигаться больше, чем на шаг. А затем велел пацанам произвести «расстрел», наказав при этом целить по уязвимым местам.

Через пару секунд Валерий убедился, что успеет защитить исключительно эти уязвимые места да физиономию. И то не всегда. Раза три он довольно чувствительно получил по уху. Скоро он перестал следить за летящими мячами (все равно бесполезно) и сосредоточился только на узком пространстве вокруг себя. Это было чем-то похоже на работу с завязанными глазами: не на зрении, а на ощущении. Сразу стало легче. Теперь Валерий отбивал почти половину мячей. От некоторых даже успевал уворачиваться. Дальше – еще лучше. Наконец настал момент, когда Васильев отбил три удара из трех. И получил возможность поднять голову. И убедился, что «ловкость» его имеет вполне объективную причину. Причина же была в том, что Паша ловил мячики и аккуратно складывал их к ногам, выводя из игры. Поймав взгляд Васильева, он белозубо улыбнулся.

Игра прекратилась через минуту. Причем последний мяч (и единственный) поймал сам Валерий.

На этом разминка закончилась.

Флегматичный и медленно соображающий в обычных делах Паша в спарринге совершенно преображался, становился быстрым, хитрым и опасным. То есть движения его казались такими же неторопливыми. От любой, тщательно подготовленной атаки Валерия он оборонялся с нарочитой небрежностью. Вяло так отмахивался... Но, хотя блоки его не отзывались болью в конечностях Валерия, тем не менее он как-то необъяснимо путался в этих самых конечностях и в конце концов оказывался в полуметре от противника, совершенно открытый и незащищенный. Тогда Паша награждал Васильева парой-тройкой тычков, от которых Валерий отлетал назад, плюхался на пол или секунд пять приходил в себя.

- Как это у тебя выходит? – спросил Валерий, когда Егорыч скомандовал передышку.

- А я у мишки учился, – улыбаясь во весь рот, пояснил Паша. – Видал, как мишка лапами машет? – Он поднял над головой руки, заревел, приседая и пританцовывая.

Вокруг тут же собрались пацаны, а Паша продолжал ломать комедию, изображая медведя. Выходило похоже. Пацаны хохотали.

Представление прервал сэнсэй, рявкнув:

- Работать!

- Ну, понял? – спросил Паша.

- Да вроде бы, – неуверенно проговорил Валерий.

- Ну тогда становись.

И избиение младенцев возобновилось.

В качестве компенсации Паша подвез Васильева домой. По дороге Валера осторожно поинтересовался: где весь народ?

- Вот завтра придут - и спросишь,- ответил Паша-Академик.

На следующую тренировку, точно, пришли все. Причем у Юры была забинтована кисть левой руки.

- Где это ты? - поинтересовался Васильев.

- Порезался,- последовал лаконичный ответ.

- Валера,- окликнул Васильева Силыч.- Подойди, пожалуйста. На вот. Возьми.

Он протянул серенький бланк.

Бланк оказался повесткой в прокуратуру.

- Это по тем ментам? - спросил Васильев.

Силыч неопределенно пожал плечами.

- А что говорить? - осторожно спросил Валерий.

- Это уж тебе, Валера, лучше знать. Меня там не было.

- Понял,- сказал Васильев.

И он действительно понял.

Визит в прокуратуру, а равно беседа со следователем прошла гладко. Подловить его следователь не пытался. По лицу видно: факты в его мозгу уже выстроились, и допрос Валерия (пострадавшего) - почти формальность. Васильев со своей стороны не жаловался, слегка упирал на то, что претензий не имеет, но с другой стороны, справку из травмы представил, и справка была приобщена. Расстались довольные друг другом.

Прошел еще день, и еще один, ничем не выдающийся, кроме того, что неожиданная оттепель сменилась свирепым пятнадцатиградусным морозом. Проснувшийся утром от свирепого дубака Валерий в качестве зарядки заделал оба окна размоченным в воде асбестом. В институте профсоюзная тетка попытались снять с него деньги в какой-то фонд.

- У меня грантов нет! - грубо ответил Васильев.

- Ну и напрасно! - тетка явно обиделась.

Часа два Васильев потратил на то, чтобы расфасовать по банкам сваренный три дня назад универсальный клей. Заказ для автомастерской. Раньше этим клеем клеили корабли. Космические. Теперь выставленную перестройкой на всеобщее обозрение секретную пропись Васильев использовал в целях обогащения. Лет двадцать назад за подобное его посадили бы лет на пятнадцать. Но в те времена, слава Богу, Васильев занимался химией на уровне перекиси ацетона и селитросахарных дымовух.

К трем Валерий закончил, проглотил в институтской столовой мертворожденную котлету и поехал на тренировку.

В зале было немногим теплее, чем на улице. Батареи грели чисто символически. Но стараниями Егорыча Васильев согрелся очень быстро. А чуть позже даже вспотел, когда,

поставленный в пару с Шизой, вынужден был отрабатывать защиту от ножа. Результатом этой работы стали новые синяки и приличная ссадина на виске. Иногда Шиза развлекался тем, что заранее объявлял, в какое место будет нанесен удар. Блокировать удар Васильев, как правило, не успевал. Шиза веселился. Пока не подошел сэнсэй и не взялся Васильева обучать, используя Шизу в качестве подвижной куклы. Двигался сэнсэй так, чтобы Валерию была видна каждая деталь. Вероятно, Шизе тоже было все видно, но, как недавно Васильев, сделать он ничего не мог. Кремень неизменно перехватывал его руку, фиксировал, заводил, выворачивал так, что Шиза аж зубами скрипел. Выглядело все невероятно просто. Как будто Шиза Егорычу подыгрывает. Но по физиономии партнера Валерий видел - ничего подобного.

- Давай ты,- скомандовал сэнсэй.

Васильев «дал» - и получил деревяшкой в печень.

- Дистанцию чувствуй, спешишь.- сказал Егорыч. И Шизе: - А ты не хитри. Хитрить со мной надо было.

На этот раз у Валерия получилось. Перехватил, вывернул, подтолкнул - и Шиза с ходу «сел» на нож. Был бы настоящий - вошел бы по рукоять.

- Вот! - похвалил сэнсэй.- А теперь с поворотом на залом.

Вышло и это.

- Руку его вверх приподнимай,- посоветовал Егорыч.- Во-во! Чтоб на носочки встал!

Шиза шипел, преодолевая боль.

- Главное,- учил сэнсэй - не побольше выкрутить, а выкрутить в нужную сторону. Так ты хоть до затылка дотяни, толку немного. А вот если сюда...

Шиза со свистом выпустил воздух. От боли его пробил пот. Но - терпел.

- Примерно досюда,- наставлял Кремень.- Возьмешь повыше - вывихнешь руку, а если резко - то и связки порвешь. Когда делаешь болевой, делай так, чтобы противник обо всем позабыл, кроме боли. Тогда он твой.

Он отпустил бедного Шизу, и тот присел на корточки, переводя дух.

- На одном приеме не закливайся,- продолжал сэнсэй.- И сочетай. Блок-удар-захват. Да об остальном не забывай. Если противник с ножом, это не значит, что он безногий и однорукый. Ну давайте, работайте.- Кремень похлопал Шизу по спине (одобрив выносливость) и отошел.

- Ты как? - спросил Валерий.- Жив?

- Нормально,- Шиза выпрямился.- Только давай я пока с левой поработаю.

- С левой так с левой,- не стал спорить Валерий.

После тренировки Петренко сам предложил Васильеву подвезти. Но когда сели в машину, ехать не торопился. Сначала Валерий подумал: двигатель греет. Но прошло минут пятнадцать, а «лексус» все стоял. А Петренко молчал. И все попытки поговорить игнорировал. Васильев уже начал беспокоиться, когда в машину нырнул Силыч.

- Уф! - сказал он.- Морозец крепчает. Ну как, новичок, созрел для разговора?

- Давно,- буркнул Васильев.

Новичком его даже Егорыч давно уже не называл.

- Это хорошо,- кивнул Силыч.- Разговор будет долгий.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Все оказалось почти так, как предполагал Васильев. Его новые друзья не имели отношения ни к торговле оружием, ни к наркотикам, ни к рэкету. Они продавали услуги. Но не в торговле-приобретении недвижимости и не в области евроремонта. Новые друзья Валерия торговали силовыми акциями. Кто и как натолкнул их на этот рискованный бизнес, Силыч не распространялся. Скорее всего, он сам все и организовал. А с кадрами ему помог сэнсэй. Сам Егорыч в акциях участия не принимал. «Кремень - в стороне»,- сразу уточнил Силыч. Но кадры для Силыча подбирал именно сэнсэй. Настоящих бойцов. Их Егорыч нюхом чуял. Конечно, битых-тертых, обстрелянных парней, таких, что не наложат в штаны под дулом автомата, а заставят наложить в штаны хозяина автомата, в Питере хватало. Но среди нюхнувших крови и пороху далеко не все умели держать язык за зубами. Не годились и те, кто мог устроить по пьяному делу пальбу по живым и неживым мишеням или без нужды затеять меряться крутизной с круглоголовыми отморозками. Нужны были те, кто в случае нужды положит и крутизну, и отморозков, но тихо и незаметно для общественности. Силыч особо подчеркнул: незаметность - основа всего бизнеса. Есть профи куда круче их. Есть такие волки, что за минуту накрошат дюжину таких, как Васильев. И таких, как Петренко.

В этом месте Петренко недоверчиво хмыкнул.

- Ты не хрюкай,- одернул его начальник.—

Я знаю, что говорю.

После этой реплики гипотеза Васильева о том, что некогда Силыч и сам принадлежал к клану «профи», еще больше укрепилась.

- Мы пользуемся приемом «железный джихад»,- сказал Силыч. И тут же пояснил: - Если, например, нужно убить нехорошего человека, его убивают и оставляют на нем табличку: «Это сделал „железный джихад!“» И все верят. А железный джихад не верит, но не возражает. Поскольку повышается его авторитет.

В общем, если о деятельности компании Силыча узнают те, кто понес от нее ущерб (а таких немало), то всех компаньонов ждет конец. Неотвратимый и болезненный. Поэтому играют в команде только те, у кого нервы армированы титановой проволокой, а воля - как лобовик танка. Настоящие бойцы. Вот тут и вступает в игру Егорыч, который враз определяет, кто настоящий, а кто прикидывается. И прикинувшихся гонит взашей.

- Но,- еще раз напомнил Силыч,- Кремень в наши игры не играет. Хотя и не против. Потому что главным в жизни считает воспитывать бойцов, а бойцом на одном только татами не станешь. Так считает Кремень. Конечно, мы тоже проверяем, каков экземпляр. Обстреливаем, так сказать.

- Когда? - спросил Васильев.
- Что - когда?
- Меня когда проверите?
- Уже проверился,- пробасил Петренко.- Годишься. Рядовой необученный.
- Вопросы есть? - перебил Силыч.
- Надо подумать.
- Думай. На что смогу, отвечу.
- Да это не так важно,- махнул рукой Валерий.- Я согласен.
- Не понял?
- Ну, я согласен войти в команду.

Петренко хохотнул. Похлопал Васильева по плечу.

- А тебя, Валера, извини, никто и не спрашивает,- сказал Силыч.- «Нет» у нас говорить не положено.
- Уж если черт тебя съест...- пробасил Петренко.
- Анекдотами потом будете развлекаться,- строго произнес Силыч.- Поручаю тебя Петренке. Спокойной ночи.

Когда он вылез, Петренко сразу тронул машину.

- Что за анекдот? - спросил Васильев.
- Да как раз про тебя. О салабоне, которого в армию загребли. Приходит он, значит, к цыганке: погадай, говорит. Цыганка ему и толкует. Забрили тебя, значит, это еще ничего. Нормально. Тут есть два выхода. Будет война или не будет. Ну если не будет, то все ништяк. А если будет, тут есть два выхода. Запердолят тебя на фронт или не запердолят. Ну если не запердолят, то все путем. А если запердолят, то тут есть два выхода. Или ты соскочишь, или тебя мочканут. Ну если соскочишь, то все схвачено, а если мочканут, то тут есть два выхода. Или ты попадешь в рай, или в ад. Ну если в рай, то все в кайф. А если в ад, то тут есть два выхода. Стопарнет тебя там черт или не стопарнет. Ну если не стопарнет, то пруха, а если стопарнет, то тут есть два выхода. Или черт тебя схавает, или нет. Ну, если не схавает, тогда ладно. А если схавает... Тут уж выход только один! - Петренко заржал. Потом его потянуло на философию.
- Ты, братишка, только не думай, что мы, типа, Сталлоны с Вандамами. Ни хрена. Нормальный бизнес, и мне лично нравится. Хотя, я прикидываю, польза от нас народу есть. Вот я тут по телеку фильмец смотрел. Африканский. Про грифов. Знаешь, птицы такие, сами черные, бошки лысые, когти - во! - Он показал, какие именно.- Знаешь?
- Знаю,- кивнул Васильев.- Ты бы лучше руль держал - дорога-то скользкая.
- Ни хрена не будет. Ты дальше слушай. Значит, грифы эти называются стервятники. Падаль всякую жрут. Тухлятину. Противно, конечно, но надо. Иначе вся Африка к херам протухнет. И

потому польза от них офуенная. Чистильщики они. Вот и мы, братишка,- тоже стервятники, чистильщики. Пададь всякую жрем - и народу легче, и сами кормимся. Такая тема. Что скажешь, Валерик?

Васильев пожал плечами:

- Что я могу сказать?

- Ну, ты же умный, институт кончил. Похоже я слепил?

- Откуда я знаю, я же с вами еще не играл. Разве что в футбол.

- Это верно,- согласился Петренко.- Но я так мыслю: чистильщиком быть не обидно. Знаешь, какая самая здоровая хищная птица?

- Американский кондор?

- Точно! Молодец! Не зря тебя в институте учили. Так вот прикинь: кондор - он самый крутой. А тоже стервятник! Чистильщик! Все, приехали,- и затормозил у Валериного подъезда.- Завтра в десять, чтоб как штык у подъезда. «Макара» своего возьми.

- А что будет? - заинтересовался Васильев.

- За город махнем. Стрелять учиться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В КОМАНДЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Третий час сидели в машине. В Пашином «подгнившем» «опеле». Петренко, Монплефир, сам Паша и Васильев. Стекла лепило снежком, и Петренко, расположившийся на водительском месте, время от времени включал снегоочистители.

Из подъезда напротив вышел здоровенный парень в меховой куртке, огляделся, снял перчатку, поковырял в носу.

- Этот? - спросил Монплефир.

- Нет,- ответил Петренко.- Но уже близко.

С Измайловского вырулил «мерседес». Тормознул перед подъездом. Парень в куртке вытащил рацию, что-то сказал.

- Контакт,- произнес Петренко и потянул вниз шерстяную шапочку, тут же превратившуюся в маску с прорезями для глаз и дыхания. Ту же операцию проделали Монплефир и Васильев - с секундной задержкой, поскольку у него этот жест еще не был отработан. Лицу сразу стало жарко. Монплефир и Петренко совершенно одинаковыми движениями передернули затворы оснащенных глушителями автоматов. Паша достал телескопическую дубинку, протянул Валерию. Тот запихнул ее в карман. Во второй, предварительно передернув затвор, сунул

«макарку».

- Пошли! – скомандовал Петренко, открыл дверцу, вывалился наружу и, пригибаясь, устремился к «мерседесу». Монплезир протиснулся на водительское сиденье и выскочил через ту же дверь, а Паша, напротив, нисколько не скрываясь, выбрался через правую дверцу и взялся протирать стекла.

Васильев, как и было уговорено, досчитал до десяти, тоже вышел и неторопливо двинулся через улицу, вроде бы направляясь к магазину «24 часа». Лицо, прикрытое маской, он прятал за воротником, как будто прикрываясь от ветра. Он видел притаившихся у «мерседеса» – один за капотом, второй за багажником – Петренко с Монплезиром. Видел и водителя «мерса», сидящего за рулем.

Васильев, сутулясь, приблизился к дверям магазинчика, но не вошел, а повернулся к парню в куртке:

- Эй, ты!

Парень, до этого лишь равнодушно скользнувший взглядом по согбенной фигуре Валерия, резко повернулся, увидел маску...

Петренко прыгнул на него сзади. Глухой удар – и парень рухнул в снег. В этот же миг Монплезир рванул на себя дверцу, ухватил водителя, выдернул его из машины, врезал разок, уронил на дорогу, сам забрался внутрь. На противоположной стороне улицы Паша медленно тронул «опель» и не спеша покатился в сторону Московского проспекта.

Петренко махнул рукой Васильеву, и они нырнули в подъезд.

- Лифт держи, – негромко скомандовал Петренко и устремился по лестнице – сверху уже кто-то спускался. Пешком. С грохотом двинулся лифт. Через пять секунд Петренко снова оказался на площадке, гоня перед собой неплохой экземпляр бодигарда. С задранными лапками.

- К стене, – прошипел Петренко, разворачивая пленного. И Васильеву: – Пригляди.

Прибыл лифт. Остановился, лязгнув. Двери разъехались. Внутри – двое мужчин. Один – в замшевом дорогом пальто при белоснежном шарфе, второй – в прикиде попроще.

- Приехали! – рявкнул Петренко. – С вещами на выход.

- Не понял!.. – с угрозой процедил тот, что в пальто.

- Это потому что ты тупой, – пояснил Петренко. – Считаю до одного...

Считать не пришлось. Оба выскочили как ошпаренные.

- Гера! Делай что-нибудь! – свистящим шепотом произнес зашарфованный.

- А хули тут сделаешь? – резонно ответил второй.

- Точно! – поддержал Петренко.

Перебросил автомат в левую руку, а правой засветил бодигарду в висок. Завалил, конечно. Васильев, сориентировавшись, тут же съездил второму дубинкой по затылку. С аналогичным результатом.

Ручища Петренко устремилась к обладателю пальто. Тот зажмурился от страха, но Петренко бить его не стал. Сгреб, намотал шарф на руку и поволок наружу. Парочка, уложенная на снежок несколько минут назад, уже начала подавать слабые признаки жизнедеятельности.

Васильев распахнул заднюю дверь «мерса». Петренко, с клиентом под мышкой, нырнул внутрь. Монплеизир тронулся, как только Валерий упал на сиденье с другой стороны.

Машина выехала на Измайловский, затем свернула направо и покатила вдоль Обводного.

- Куда вы меня везете? - дрожащим голосом осведомился обладатель пальто.

- Купаться! - рявкнул Петренко.

- Сколько вы хотите? Десять тысяч? Двадцать?

- Дешево себя ценишь, - процедил Петренко. - А теперь закрой пасть, пока зубы не проглотил.

Пленник заткнулся.

«Мерседес» петлял по набережным, пробираясь к заливу.

Через полчаса Монплеизир остановился. Прибыли.

Петренко выволок пленника наружу. Набережная. Забранные в камень берега. Мутный свет фонаря. Ступенчатый спуск вниз, а внизу - черный квадрат полыньи.

Пленник, почуяв совсем нехорошее, пискнул. Петренко слегка придушил его шарфом, сволок вниз, швырнул на лед у края полыньи. Пленник с ужасом поглядел на воду.

- Вы что, просто так бросите меня туда? - севшим от ужаса голосом пробормотал он, поднимаясь на коленки.

- Просто так не бросим, - со смешком ответил Петренко. - Мы ж не звери.

Вынул из куртки пистолет, наvertsел глушитель и выстрелил пленнику в затылок. Тот без звука повалился на лед. Петренко пинком спихнул труп в полынью. Туда же кинул пистолет.

Они вернулись в машину. Васильев был слегка ошарашен.

Петренко достал телефон, набрал номер.

- Отработали, - доложил он. - Чисто.

- Молодцы, - проскрипело в трубке.

Петренко похлопал Валерия по спине.

- Расслабься, братишка. По нему уже лет пять черти плачут.

- А почему?

- Бизнес у него такой. Малолеток в Турцию продавал. Оптовыми партиями.

- И что? - глупо спросил Васильев.

- А то, что сам видел. Не переживай. Я ж сказал, что мы стервятники. Чистильщики, стало быть. Работа у нас такая - падаль убирать.

На следующий день перед тренировкой Силыч вручил Валерию узкий конвертик.

- Здесь тысяча двести,- деловито произнес он.- Твоя доля - полторы. Двадцать процентов - страховка.- И другим тоном: - Завтра утром мячик погонять не хочешь?

- А где?

- На Приморской. Из дома поедешь? Петренко тебя подхватит, я его предупрежу.

Тренировка оказалась на удивление легкой. Егорыч посвятил ее дыханию. Сначала просто дышали на все лады, потом кричали, потом учились ловить дыхание противника. Под конец сэнсэй показал технику экономного дыхания, суть которой сводилась к тому, что специально дышать вовсе не надо, чтобы не тратить силы попусту, а следует правильно двигаться. А уж легкие будут сами расширяться и сокращаться в зависимости от движений тела. С последним пунктом у Васильева возникли трудности, но он решил, что попрактикуется дома. Идею он понял.

После тренировки Юра подкинул Васильеву предложение:

- В крутой ночной клуб не хочешь сходить?

- Да можно,- отозвался Валерий, который в крутых ночных клубах сроду не бывал.

- Третьим возьмете? - подключился Монплезир.- Я угощаю.

- Тебя не возьмешь, как же! - фыркнул Юра.- Только угощаю я. И выбираю тоже я.

- И что ты выбрал? - поинтересовался Монплезир.

- Около моего дома есть одна конюшня. «Черный байкер» называется.

- В кайф,- одобрил Монплезир.- Едем.

Несмотря на название и оформление, ни байков снаружи, ни байкеров внутри в заведении не водилось. Вместо мотоциклов перед клубом парковались блискучие иномарки, а вместо лихих всадников дорог за столами вольготно расположились наездники офисных кресел. Не удивительно. Среднему русскому мотоциклисту в таком клубе по карману разве что чаю с сахаром выпить. Не говоря уже о плате за вход, приправленной надбавкой по поводу эротического шоу.

Размялись «разинским» пивком с креветками. Добавили голландским с мелкой круто просоленной рыбкой. Водку решили не брать, оздоровиться.

- Пиво, оно для почек полезно, промывает,- заявил Монплезир. И пошел отлить.

- Когда шоу-то будет? - поинтересовался Валерий.

- Рано, брат,- ответил Юра.- Еще и одиннадцати нет. Да и народу не густо.

На взгляд Валерия, народу уже набралось достаточно. Человек тридцать. Большинство -

мужики.

Вернулся Монплезир, свистом, перекрывая музыку, подозвал официанта. Компания за ближним столиком уставилась на Монплезира неодобрительно. Тот осклабился. Улыбка Монплезира чем-то напоминала ухмылку Кинг-Конга. Компанию из трех упитанных дядек с гладкими загривками улыбка Монплезира удовлетворила вполне.

- Что будем заказывать? - проворковал официант.

- Еще по паре пива,- скомандовал Монплезир.- Горячее сам выбери. Но чтоб мясное и ядреное.

- Рекомендую ростбиф «Король скорости»,- с приторной улыбкой изрек официант.

- Неси,- великодушно кивнул Монплезир.- Возражений нет? - спросил он у приятелей.

- Нет,- ответил Юра.- Мы тут интересуемся: когда девочки раздеваться будут.

- Через полчаса,- сладко отозвался официант.

- Пидор,- буркнул Монплезир, когда тот убежал.

- Да не, это порода такая,- возразил Юра.

В ходе короткой дискуссии выяснилось, что оба предпочитают официанток женского пола. Валерий в разговоре не участвовал. Пытался определить, каковы ощущения от осознания себя - в дорогом ночном клубе. Особых ощущений не было. Но пиво хорошее.

«Король скорости» тоже оказался ничего. Сочный.

И эротическое шоу порадовало взгляд Валерия. Вместо вульгарного раздевания с подергиваниями и потряхиваниями три девушки явили зрителям очень неплохую пластику в духе современного балета. У всех троих чувствовалась недурная хореографическая школа.

А вот Монплезир шоу не одобрил. И девушек тоже. Жилисты и несисясты. Юра тоном знатока заметил, что тощие, они как раз и есть самые страстные. Монплезир не согласился. И заказал еще пива. На сей раз немецкого, с ощутимым привкусом дрожжей.

Народу прибавилось. Воздух загустел от сигаретного дыма - поскупились основатели клуба на хорошую вентиляцию. От духоты, шума, а, главное, от хорошего, не разбавленного пива Валерий слегка поплыл.

В полутемном зале появились новые фигуры. Вернее, фигурки. Одну из них Монплезир поймал за локоток, усадил рядом, принялся поить пивом из собственной кружки и попутно ощупывать. Девчушка хихикала, хлопала Монплезира по рукам, на что он, впрочем, не обращал внимания.

Эротическое шоу закончилось. Танцовщицы, оставшиеся исключительно в узеньких трусиках, присутствие которых скорее подчеркивало, чем прикрывало, прошли между столиками. Оказалось, что полупрозрачные трусики - вещь функциональная. Именно в них засовывали деньги благодарные зрители. Компания за соседним столиком поинтересовалась насчет интима, но получила вежливый отказ.

На авансцене появился новый персонаж. Разбитная «девушка» лет тридцати, представленная ди-джемем полуночной радиoproграммы. Народ оживился, видно, диджейка была персонажем известным и развеселым. Минуток эдак пятнадцать ди-джейка хохмила и прикалывалась

насчет незначительности российских мужских достоинств сравнительно с оними, представленными на интернетовских картинках. Публика реагировала разнообразно. Некоторые – даже злобно, но большинство веселилось, не без основания полагая, что если у какого-нибудь негра инструмент и подлинней раза в два, то толщиной кошелька разницу можно подсократить.

Вылез клубовский массовик-затейник, объявил: администрация «Черного байкера» в лучших байкерских традициях объявляет конкурс: у кого баловник окажется длинней прочих, тому неувядаемая слава, двести долларов награды и общеукрепляющий массаж лично от бойкой диджейки, взявшей на себя обязанности главного арбитра. А чтоб доверие к судейству было полным, в арбитры приглашаются еще две дамы из числа публики.

Две дамы нашлись тут же. Приволокли ширму и объявили, что состязания начинаются. За ширму потянулись мужики, иные – ну очень респектабельные.

- Не хочешь поучаствовать? – в шутку предложил Валерий Юре.

- Я – нет. Но я знаю, кто хочет! – Потянувшись через стол, Юра хлопнул Монплезира по плечу. Тот оторвался от изучения анатомии подвыпившей девчухи, поглядел вопросительно. Как выяснилось, объявленная олимпиада прошла мимо внимания Монплезира. Однако после того, как Юра ознакомил его с темой, Монплефир необычайно оживился, спихнул девчуху с колен, вылез из-за стола и решительно направился к ширме.

- Он что, серьезно? – удивился Валерий.

- Еще как! – Юра подмигнул. – За деньгами пошел.

- То есть?

- Как ты думаешь, – Юра хитро прищурился, – отчего нашего друга Монплефиром зовут?

- Понятия не имею, – искренне ответил Васильев.

Во французском он был не силен.

- Эх ты! – воскликнул Юра. – Чему тебя в институте учили? Что есть монплефир?

Валерий напряг эрудицию.

- Вроде павильон такой есть... В Петергофе. Или в Павловске?

- Мон плефир, Валерик, чтоб ты знал, на французском языке означает – мое наслаждение. А что есть наслаждение для француженки, это уж ты сам догадайся!

- А-а-а, – протянул Васильев. До него дошло.

- Так что, братишка, будь спокоен! Приз у нас в кармане! – заверил Юра.

Как в воду глядел. Не прошло и десяти минут, как очаровательное жюри единогласно провозгласило Монплезира победителем. Публику пригласили поприветствовать чемпиона овацией. Публика жиденько похлопала. Затем победителю торжественно вручили премию, которую тот небрежно запихнул в карман. И вознамерился вернуться за столик. Но тут на мускулистой руке чемпиона повисла разбитная ди-джейка. Клубный конференсье громогласно

напомнил в микрофон, что главный приз – не какие-нибудь двести долларов, а сильно оздоравливающий массаж, выполненный лично звездой отечественного радио.

Монплеизр скептически оглядел диджейку и не менее громогласно (хотя и без всякого микрофона) сообщил, что с дочкой звезды он оздоровился бы с удовольствием, а с ней самой – извините!

После чего стряхнул диджейку с локтя и направился к своему столику.

Вот теперь ему хлопали от души. Диджейка обиделась, но ее тут же утешили посетители, предложившие шампанского, а Монплеизр, воссев на законное место, позабыл о прежней договоренности и заказал водки. Ни Юра, ни Васильев не стали напоминать о недавних планах побережь организмы. Надо же обмыть славную победу.

Победу обмыли славно. Настолько славно, что конец праздника начисто выпал из памяти Валерия. Проснувшись утром в гостиничном номере, он долго и трудно соображал, как здесь очутился. Так и не вспомнил. Что характерно, не помнил и Юра, проснувшийся там же, но получасом раньше.

Не помнил и Монплеизр, которого разбудили еще через полчаса, поднеся к носу распечатанную банку пива, которого в номере оказалось целых две упаковки.

Номер, как выяснилось, был уже оплачен, а из окна гостиницы можно было углядеть рекламу «Черного байкера». Выяснилось также, что и денег у всех троих поубавилось. Лично у Васильева из двенадцати зеленых бумажек осталось только восемь, а у Юры – и того меньше.

- На лялек стратили,- уверенно заявил он.

- Откуда знаешь? – засомневался Валерий.

- Что ж по-твоему, я сам себе хрен губной помадой раскрасил? – проворчал Юрий.

Аргумент звучал убедительно. Не менее убедительно выглядели раскиданные по коврику презервативы.

«Жалко,- подумал Васильев.- Ничего не помню. А, должно быть, весело было!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Коробочка, перевязанная шелковой ленточкой, была еще ночью ловко переброшена через коронованный колючкой забор прямо к мраморному крылечку. Так сказал Петренко, который, собственно, ее и подбросил, а теперь вот уже третий час маялся в снежном окопе. Впрочем, экипировка у него была подходящая: унты, тулуп, меховая шапка-шлем. Все белое. Так что гляделся Петренко гибридом между полярным летчиком и белым медведем. Но на медведя походил больше. Остальные: Монплеизр, Юра, Гоша-Терминатор и Васильев – присоединились к нему попозже. Точнее, в Петренковой яме сидели, кроме хозяина, только Монплеизр и Валерий, а Терминатор с Юрой вырыли себе лежбище с противоположной стороны особняка.

- Как они там? – поинтересовался Монплеизр.

- Лучше, чем я тут,- буркнул Петренко.

- Ты радуйся, что оттепель,- ухмыльнулся Монплефир,- а то вдарило бы минус двадцать - и криздец тебе. Вы, хохлы, народ мерзлякуватый.

- Ну,- согласился Петренко, вытащил из необъятного кармана плоскую бутылочку, приложился, протянул Васильеву.- Этому не давай,- предупредил, кивнув на Монплефира.- Джигита пусть кровь греет. Тебя Силыч проинструктировал, Валерик?

- В общих чертах.

- Главное, клиента не завали,- отметил Монплефир.

- Постараюсь,- пообещал Валерий.- Я...

- Ша! - Петренко поднял руку.

Двери особнячка распахнулись, на снежок вышел мордастый мужик в кожаной куртке. Бок куртки многозначительно топырился.

Монплефир вытянул из чехла винтовку, пристроил ее на сошках, глянул в прицел.

Мордастый в это время орлиным взглядом обозрел окрестности, затем соизволил посмотреть под ноги. Коробку, перевязанную яркой синей ленточкой, не заметить было трудно. Мордастый повел себя осторожно: попятился. Затем еще раз огляделся, набрался храбрости и пихнул коробку ботинком.

Коробка не взорвалась, но мордастый все же решил отправиться за подмогой. Через пару минут он появился снова. Уже не один, а с «братом-близнецом», таким же мордастым и коренастым. «Близнец» принес металлоискатель.

Обследовав коробочку с помощью хитрого прибора и не обнаружив внутри металлических деталей, мордастые «братья» приободрились. Присели на корточки около «подарка», посоветовались немного, после чего один извлек внушительный тесак и перерезал ленточку.

Петренко и Монплефир беззвучно веселились.

Один из «близнецов» пристроил коробку на колене и распечатал. Стриженные головы склонились над содержимым и... Первый из «братьев» отшвырнул коробку в сугроб и разразился фонтаном матерщины. Утро было тихое, поэтому слышно его было километров за десять.

- Пришел хохол, насрал на стол, пришел цацап - зубами цап,- откомментировал ситуацию Петренко.

- Ты мне тут национализма не разводи,- проворчал Монплефир.- Тут тебе, блин, не Полтава.

Но видно было, он тоже получает удовольствие от спектакля.

На злобную ругань мордастого из особнячка вывалило еще человек пять. Столпились вокруг злополучной коробки. Шумно обсуждали подарок. Выглядели очень недовольными. Наконец появились еще двое: чернявый крепыш с приплюснутым носом и лысый мужчина со значительным лицом. Им доложили обстановку. Чернявый счел себя оскорбленным, чего и не стал скрывать. Лысый от реплик воздержался. И встал чуть поодаль от остальных. Это был клиент.

Валерий увидел, как из-за дома появились две белые тени и залегли в пушистом снегу: Юра и Терминатор под шумок перемахнули через ограждение. Ради этого и затевался отвлекающий маневр.

Монплеизир прильнул в винтовке.

- На счет «три»! - скомандовал Петренко, сбрасывая тулуп и шапку и перещелкивая «калаш» на автоматический огонь.- Раз... Два... Три!

Васильев выпрыгнул из ямы, приотстав от Петренки на долю секунды, и, зачем-то пригибаясь, понесся вдоль сетчатого забора.

- Всем лечь на землю! - заревел с высоченной сосны усиленный электроникой голос Силыча.

Лег только лысый, клиент. Остальные схватились за оружие. Чернявый крепыш, обхватив пистолет двумя руками, мигом расстрелял обойму в сосну, на которую ночью закрепили громкоговоритель. Возможно, даже попал. В громкоговоритель. Припав на колени, крепыш выщелкнул из пистолета обойму, заправил новую, и тут звонко взлаял из-за угла автомат, крепыш завертелся на месте и повалился в снег. Петренко влупил очередь в электронный замок на воротах, пинком распахнул створку и со страшным ревом бросился в атаку. Позади Васильева дважды прогремела винтовка. Зазвенело разбитое стекло.

Петренко несся зигзагами по нетронутому снегу. Васильев отставал от него шагов на десять, хотя тоже рвал изо всех сил. Охранники (их осталось только четверо - остальных срезали залегшие с фланга Юра и Терминатор) наконец сориентировались и развернулись в сторону Петренко и Васильева. Все - с пистолетами в руках. Но прежде, чем они открыли пальбу, ревуций, как ледокол в тумане, Петренко уже оказался между ними, влепил в одного очередь - в упор, еще одного свалил ударом приклада, взбежал на крыльцо и скрылся в доме.

Васильев с разбега налетел на одного из «братьев-близнецов» - тот с открытым ртом глядел вслед Петренке, - и въехал ему стволом автомата по зубам. «Близнец» взвизгнул, на куртку хлынула кровь. За спиной Васильева оглушительно хлопнуло, по шее «близнеца» будто ударило чем-то острым - красная струя фонтанчиком брызнула на снег. Валерий развернулся, увидел второго - с направленным на Васильева пистолетом, из ствола которого выползала бледная струйка дыма. Морда у стрелка была ошалевшая.

- Я ж не хотел! - закричал он.- Я не...

Васильев надавил на спусковой крючок, автомат забился в руках, «быка» с пистолетом отбросило шага на три. Васильев крутнулся на месте. Его первый противник ворочался в снегу, пуская кровавые пузыри. В особнячке грохнуло, вниз посыпались стекла.

- Сейф,- удовлетворенно констатировал Терминатор, каким-то образом оказавшийся рядом.

По дорожке шагал Монплеизир: в одной руке винтовка, в другой - чехол и Петренковы зипун с шапкой.

Из особнячка выскочили Юра и Петренко. Юра тащил длинную черную сумку.

- Уходим! - рявкнул Петренко, подхватил пистолет чернявого крепыша и влепил бывшему владельцу пулю в затылок. Затем проделал то же с тремя валявшимися на земле охранниками. На взгляд Васильева, этого можно было и не делать: какой смысл добивать покойников. Однако

смысл был. Петренко подошел к лысому, неподвижно лежащему лицом вниз, тщательно прицелился и прострелил ему правую руку. Тот даже не дернулся. Петренко прицелился еще тщательнее и выстрелил клиенту в голову. Красная от морозца лысина тут же заалела кровью.

Васильев даже удивиться не успел: Гоша пихнул его в спину.

- Уходим, твою мать! Бегом!

И Васильев, перехватив автомат поудобнее, припустил за остальными. Бежать долго не пришлось. Навстречу выкатился микроавтобус. Старенький «мерседес». За рулем сидел Силыч.

Команда погрузилась, и микроавтобус, развернувшись, покатил в сторону Всеволожского шоссе.

- Раненых нет? - спросил Силыч.

- Нет,- ответил за всех Петренко.

Монплеизир извлек флакон со спиртом, зеркало, упаковку ваты и принялся смывать с физиономии черные полосы. Остальные последовали его примеру.

- Петренко, ты зачем клиента пристрелил? - вполголоса спросил Васильев.

- Разве ж это «пристрелил»? - удивился Петренко.- Так, чуток покарябал. Для конспирации. Но ты не печалься, Валерик, при таком аппетите, как у него, долго не живут. Не мы, так дружки его постараются. Давай сюда машинку.

Собрав все оружие, он загрузил его в тайник, оборудованный под полом микроавтобуса.

- Это шоб ГАИ не обидеть ненароком,- пояснил он.- Ты давай умывайся, скоро пост.

- А потом куда? - спросил Валерий.

- В баньку пойдем. После работы банька - в самый раз. Как профилактика гриппа.

Никакое ГАИ ими не заинтересовалось - в город въехали беспрепятственно. И сразу, как и говорил Петренко,- в частную баньку. Баньку арендовал Силыч. На полном обеспечении, с бассейном и буфетом. Правда, без лялек.

А на Васильева накатило. Как только выдохся в крови боевой адреналин, завозились в голове разные нехорошие мысли и воспоминания. Кровь и грохот. И смерть. Вспомнился чернявый, лупящий с колена вверх, ошарашенный «бык» с пистолетом: «Я не хотел!..»

«Я убил человека»,- мысленно произнес он.

Не то чтобы в груди что-то ворохнулось, но как будто бы потерял что-то такое... Важное.

- Валерик, чего смурной такой? - На скамейку плюхнулся распаренный красномясый Петренко.

- Да так,- пробормотал Васильев.- Раньше, понимаешь, не стрелял ни в кого...

- Ах вот оно что...- Петренко подхватил из ящика пару бутылок пива, свернул зубом пробки, сунул одну бутылку Валерию.- Ты, брат, не печалиться должен, а радоваться. Не дитя

невинное, гадину пришил.

- Откуда ты знаешь, что гадину? Может, нормальный мужик, вроде нас?

- Это мы - нормальные? - Петренко захохотал.- Ну ты сказал! Слышь, Силыч, чё Валерка гутарит?

- Что? - Силыч опустил на скамью с другой стороны от Васильева, тоже взял бутылку, пробку снял аккуратно, открывашкой. Чем-то он напоминал Валерию его научного руководителя аспирантских времен. Правда, только в профиль.

- Говорит - мы нормальные! - И опять заухал басом, как филин-переросток.

- Он прав,- кивнул Силыч.- Мы - нормальное явление ненормального времени. А с чего это вы о норме заговорили?

Петренко объяснил.

- Понятно,- узкое лицо Силыча стало строгим.- Надо бы тебе с Егорычем потолковать. О пути воина.

- А я просто скажу,- заявил Петренко.- Если мужик со стволом ходит, должен быть готов его в ход пустить. А если ты сам готов кого хлопнуть, значит, кто-то и тебя мочкануть может. Кто не успел, тот опоздал, а кто успел, тот не виноват.

- В чем-то он прав,- подтвердил Силыч.- В чем-то. Но мы, Валерий, не душегубы. Мы - русские люди, а значит,- православные, христиане. И убивать корысти ради или ради удали нам не пристало.

- Ну, начались разговоры...- недовольно протянул Петренко.

- Помолчи! - строго произнес Силыч.- Давай, Валерий, разберемся, что почем. И ради чего мы сегодня не одну душу на суд Божий отправили.

Тут Петренко хмыкнул, встал и, скинув простыню, плюхнулся в бассейн. На пол хлынула вода.

- Вот бегемот,- усмехнулся Силыч.- Ну ладно. Так ради чего? Деньги нам заплатили. И удаль мы тоже показали, иным...- он кивнул на плещущегося Петренко,- без этого и жизнь не жизнь. Но только ли ради этого? Нет, я не жду, что ты ответишь. Ты в этом мире себя еще не нашел, скорее, потерял. Но понял, что потерял, а это уже шаг вперед. Так?

- Да,- согласился Валерий.- Потому и к вам пришел, что понял. Наверно, мне повезло.

- Ты по году - кто?

- Собака,- ответил Васильев.

- Ага. Пес. А псу нужна стая. И поначалу-то все равно, куда стая бежит, куда вожак ведет, лишь бы плечо надежное чувствовать. И силу. Но проходит время, Валерий, и просто бежать в стае уже мало. Хочется знать, куда и за чем бег и на кого охота. Так?

- Хотелось бы,- ответил Валерий.

- Узнаешь,- кивнул Силыч.- Не сразу. Со временем. А пока поверь вожаку: никогда и никого я не заставлю пролить невинную кровь. И меня никто не заставит. Вот сегодня одна мразь решила чужими руками прихлопнуть другую. Такую же гадину. Мразь нашла меня. То есть не меня, конечно, а посредника. Одного из длинной цепочки, которая начинается мразью, а кончается нами. За убийство одной мрази другая мразь готова заплатить пятьдесят тысяч долларов. И половину уже заплатила, кстати. Я, Валерий, скажу честно: убил бы бесплатно. Обоих. И прихлебателей их тоже убил бы. Бесплатно. Но если я так сделаю, если сумею... То скорее всего, убьют и меня. Очень скоро. Потому что это против правил. Поэтому я убиваю одну мразь, а у второй беру деньги. А потом появится еще третья мразь и закажет мне вторую. И произойдет это очень скоро, потому что в сумке, которую мы унесли,- наркотиков на несколько миллионов долларов. А это такие деньги, за которые обязательно кто-то должен ответить. А хозяин этой дури - не мой заказчик, а та самая третья мразь. Но мой заказчик деньги за эту сумку просто так ни за что не отдаст, можешь не сомневаться. Может, у него и нет таких денег.

- Но ведь он догадается, кто взял? - предположил Васильев.

- Если и догадается, то болтать об этом не будет. Не в его интересах. Может, он и попробует выйти на нас, но это долго. И хлопотно. А хлопот у него и своих будет по горлышко. Вот если бы я решил выбросить эту наркоту на рынок, вычислить меня было бы проще. Но я этого не сделаю.

- Почему?

- По кочану! - сердито сказал Силыч.- Потому что на рынок эта дурь никогда не попадет. Потому что она уже в канализации плавает.

- Не жалко? - спросил Васильев.- Все-таки миллионы...

- Да хоть миллиарды! Ты, Валерий, пока что щенок. Способный, но не натасканный. Но сегодня ты убил своего первого врага. И это хорошо. А если бы ты припер из Азии мешок маковой соломки, ты бы никого не убил. Сразу. Но погубил бы больше людей, чем перестрелял Петренко. А он, поверь мне, разменял уже не один десяток. Понимаешь?

- Да не очень. По-моему, если кто-то на иглу сел, это его дело. Хочет травиться, пусть травится.

- Так,- произнес Силыч.- Недопонимаешь. Ладно. Расскажу историю. Свою историю.

К ним подошел Юра, хотел присесть рядом, но сообразил, что разговор серьезный, и присаживаться не стал.

- Была у меня дочь,- произнес Силыч.- А у дочери был друг, учились они вместе. Толковый парень, я его одобрял. И вот однажды парень этот домой возвращался. И не дошел. Ударили его сзади железкой по голове. Куртку сняли, кошелек забрали и ушли. А парень умер. А дочка моя, как узнала, из окна прыгнула. А у нас седьмой этаж. Так что насмерть. Вот такая история, Валерий.

- Беда...- пробормотал Васильев.- Сочувствую.

- Ладно, проехали. Пять лет назад это было. Припорошило пеплом.

Помолчали.

- Этих нашли? - спросил через некоторое время Васильев.

- Нашли. Два торчка. На дозу им не хватало, поправиться.- И продолжил после паузы.- Вот поэтому, Валера, я и делаю то, что делаю. И вы вместе со мной. И все, кто со мной, слово дают: ни грамма дряни из их рук на рынок не попадет. И ты такое слово дашь. Дашь?

- Дам,- не раздумывая, ответил Васильев.- Обещаю.

- Спасибо. Ладно, пойду погреюсь,- Силыч встал, взял пару веников и пошел в парилку.

Валерий распечатал еще одну бутылку пива, глотнул, прислушался к себе и понял: наладилось. В душе опять были порядок и определенность.

«Вот так, кондор,- с усмешкой сказал он сам себе.- Еще летаем».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Новый год подступил незаметно. Однажды вечером пришел Валера в зал и увидел елку. И сообразил: а ведь уже тридцатое декабря. Елку привез Гоша, елку и ящик игрушек, который молодняк уже развесил по колючим веткам. Наверху вместо звезды красовался стеклянный каратэк с лицом, подозрительно похожим на Егорычево.

Работать Валеру сэнсэй поставил к Паше, Шизе и Монплезиру. Четвертым. Отрабатывали парную технику. Двое на двое. Сначала Валера бился в паре с Монплезиром. Монплезир, впрочем, Васильеву развернуться особо не давал. Рубил так, что легонького Шизу просто уносило. Паша со своей мягкой техникой держался лучше, но сила солону ломит. Академику даже подобраться к Монплезиру на подходящую дистанцию не удавалось, поскольку руки-ноги у того были на добрую пядь длиннее. В общем, главной задачей Валерия было - не подворачиваться под руку. И не позволять хитрому Паше пользоваться собой, как щитом. Через некоторое время поменялись. Шиза стал в пару с Монплезиром, а Паша - с Васильевым. Теперь почти что не при деле оказался Шиза. Монплезир сыпал страшными ударами, которые было почти невозможно принять на жесткий блок, зато и уйти от них было не так уж трудно. Но именно уйти. Монплезир, опытный боец, не позволял пройти внутрь собственной защиты. Валерий попробовал, схлопотал сильнейший йоко в бедро, оказался на полу и получил еще и от Шизы, не упустившего возможность «добить» упавшего.

- Вот что, мужики, давайте-ка на меня втроем,- предложил Монплезир.

Остальные переглянулись и дружно кивнули. Паша и Шиза атаковали с двух сторон. Монплезир встретил обоих вразрез, но они вовремя отскочили. Монплезир атаковал челноком. Сначала одного, потом второго. Не достал. Передвигались Шиза и Академик чуток попроворней. Валерий поначалу решил, что опять остался не у дел... и вдруг заметил, что его партнеры не просто вертятся вокруг Монплезира, а разворачивают его спиной к Васильеву. Причем, не просто разворачивают, а еще и вяжут на встречных движениях. Упустить такую подставу было стыдно. С другой стороны, могучая спина Монплезира казалась абсолютно неуязвимой, а голова - слишком высоко для достаточно мощного удара. Все это промелькнуло в сознании Валерия за какую-нибудь долю секунды. Затем он оттолкнулся от пола. Прыжок - и его правая нога воткнулась под колено Монплезиру. Сверху вниз. Колонноподобная нога подогнулась, Монплезир потерял равновесие и упал на колено. Паша и Шиза ринулись на него с двух сторон. Пашу встретил выброшенный навстречу кулак, угодивший Академику в печень. Шиза изловчился, достал Монплезира рубящим по шее, но тот удар проигнорировал, схватил

Шизу за лодыжку, рванул – и Шиза грохнулся на спину.

- То-ой!

Васильев из низкой стойки пробил гияку-цки в мускулистый затылок Монплезира.

И свалил его. Все еще согнутый пополам Паша поднял большой палец, а Валерий все еще не верил своим глазам. Он завалил Монплезира!

Ненадолго. Уже через пару секунд здоровяк встал на четвереньки, потряс головой, поднялся на колени, потер затылок, оглянулся... Васильев стоял, крайне смущенный.

Монплезир захохотал. Он встал во весь рост, сгреб Валерия в охапку, стиснул так, что позвоночник отслоился от ребер.

- Ну дал! Ну молодец! – заревел Монплезир, встряхивая Васильева, как куклу.- Ну это класс!

Он отпустил Валерия, когда тот уже решил, что никогда не сможет вздохнуть. Отпустил, поставил на ноги, пощупал затылок, на котором вздулся приличный желвак.

- Крепко, ох крепко!

- Неплохо,- рядом с Васильевым стоял сэнсэй. Он улыбался. Не частое зрелище.- Совсем неплохо для семи месяцев занятий.

- Талант! – Шиза демонстративно вздохнул.- Талант, и все тут.

- Все,- отрезал сэнсэй.- Поговорили. Работать. И работать в парах. Монплезир, задача ясна? В парах!

- Да понял я,- недовольно пробормотал Монплезир.- Только мне одному сподручней.

- Это я видел,- ехидно произнес Кремень.- Минуту назад. Ладно. Шиза, Академик, Монплезир! Работаете тройкой.

Три вопрошающих взгляда.

- А мы с Валерой поработаем против вас в паре,- сэнсэй подмигнул Васильеву.- Джимэ!

Коротким блоком Валерий срезал кулак Шизы, коленом отвел удар ногой, боковым зрением уловил движение слева, но проигнорировал. Слева стоял сэнсэй. Шиза повторил атаку, но Валерий не успел ее отразить: перед ним мелькнула спина в выцветшем кимоно, Шиза завертелся волчком... И Валера увидел совершенно открытого, вполоборота, даже не глядящего на него Пашу. Не раздумывая, он вставил май-гери в незащищенный правый бок, и Пашу согнуло пополам. Бедная его печенька. Валера запоздало вспомнил, что Академик совсем недавно заполучил туда же от Монплезира... И уловил боковым молотоподобный кулак Монплезира, летящий прямо в него. Васильев дернулся, не успевая... Но тут буквально из-за его уха змеей выпрыгнула рука сэнсэя, перехватила, подпернула, и Монплезир корпусом влетел в цки Валерия. Пробил Васильев на автомате, но оч-чень качественно! Монплезир даже крикнул, несмотря на железобетонный пресс. Но это так, мимоходом, потому что Егорыч продолжал «вести» его вокруг себя. Описав круг, Монплезир, по пути, отшиб назад ринувшегося в бой Шизу и, почти полностью потерявший ориентировку, вновь оказался перед Васильевым, чем тот не замедлил воспользоваться и аккуратно сработал локтем в солнечное

сплетение. Пробил.

- Стоп! – скомандовал сэнсэй.- Какие выводы от нашей парной работы?
- Один прикрывает, второй рубит,- тут же сказал Шиза.
- Верно.
- Так это вы,- пробурчал Паша, потирая бок.- Я бы, к примеру, все равно не успел.
- А зачем тебе успевать? – осведомился Егорыч.- Вас же трое. И ясно, кто у вас молотобоец. Вот его и прикрывайте. А он пусть бьет. А вы налетели, как грачи на червяков, захлопали крыльями. Ладно. Академик, поди сюда, что ты живот гладишь? Ну-ка...- Сэнсэй пощупал Пашин бок, Паша охнул.
- Нормально,- констатировал Кремень.- Все цело, поболит – пройдет. Посиди пока. Монплефир, Шиза – работать. Васильев, отойдем-ка.
- Ну,- спросил,- какие ощущения?
- Хорошие,- Валерий улыбнулся.
- Уверенность почувствовал?
- Так точно.
- Правильно. В чем проблема новичка?
- У новичка много проблем,- дипломатично ответил Васильев.
- Главная – в неуверенности. А неуверенность – от того, что силы нет. Противник подставился, а толку ноль. Ему твой удар – как комариный чих. Так?
- Так,- согласился Васильев, вспомнив, как он изо всех сил колотил того же Монплезира, а тот только ухмылялся.
- В общем, парень, у тебя действительно талант. И пашешь ты, себя не жалея, и закваска у тебя настоящая, и голова на месте. Молодец. А теперь иди поработай с Пашей. Хватит ему прохлаждаться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Новый год Валерий встретил в лесу. Тридцать первого совершенно неожиданно позвонила Алинка, его давняя подружка, прошлой зимой уехавшая в Германию учиться. За счет какого-то немецкого музыкального фонда. Алинка приехала на каникулы. И предложила Васильеву составить ей пару в немецко-русской компании оттягивающейся молодежи. В программе значились возжигание огней, пляски вокруг елки, катание на санях и купание в шампанском. Валерию надлежало играть роль русского мачо, а еще лучше – бандита. Немецкие друзья желали вкусить местный колорит.

Валерий долго смеялся, но в итоге обещал не ударить пьяной мордой в снег. Алинка не знала о его новой жизни, но, должно быть, сработало в ней что-то интуитивное.

Через час Валерий был на вокзале.

Веселая компания состояла из двух горячих немецких парней, патлатого русского музыканта с ярко выраженными семитскими чертами, Алинки, ее очаровательной голубоглазой подружки, похожей на куклу Барби, и двух рослых рыжих немцев, одна из которых, как выяснилось, играла на саксофоне, а вторая – на флейте-пикколо. На взгляд Васильева, ей больше подошла бы труба. Немки очень стеснялись.

Из поезда вышли на каком-то полустанке под Лугой. Там уже ждал местный мужик на видавшем виды автобусе. Погрузились и поехали.

Дом и вправду стоял в лесу. Аккурат на вершине холма. Перед домом красовалась живая ель, перевитая гирляндами. В доме оказались еще одна елка, два этажа, дюжина комнат, накрытый стол и деловитая тетка с лисьим личиком. Оба немца, взяв в толмачи волосатого музыканта, с чисто немецкой дотошностью принялись выяснять, все ли заказанное и оплаченное в наличии. Тетка отбрехивалась.

Водитель автобуса поймал Васильева за рукав и потащил демонстрировать хозяйство: сарай с санями, ящик с пиротехникой, тульского производства дробовичок, из коего господа иностранцы могли пострелять по зайцам или, если зайцев под рукой не окажется, то по пустым бутылкам, для каковой цели внизу был оборудован «полигон» с тремя пеньками. Кататься предлагалось с соседней горки (она покруче и лысая), и костер жечь тоже там. Дрова приготовлены. Когда Васильев и его инструктор вернулись к дому, там уже ждала взмыленная тетка, тут же напустившаяся на мужика: где шлялся? Десятый час, а ехать еще...

- Ну, с наступающим! – флегматично сказал мужик. – Давай звони, если что.

И, к немалому удивлению Васильева, сунул ему визитку, на которой значилось, что мужик не кто-нибудь там, а исполнительный директор фирмы «Отдых на природе». Исполнительный директор потопал вниз вместе с деловитой теткой, которая монотонно пилила его сварливым голосом. Через пару минут внизу заурчал автобус, и Валерий пошел в дом.

Немецких парней звали Фридрих и Йоганнес. Попросту Фриц и Ганс. Саксофонистка представилась Лоттой, а подруга ее – Гретой. Волосатого звали Борис, а «барби» – Лизой. Фриц и Ганс явно были к ней равнодушны. На взгляд Валерия, выбирать им было особо не из чего. Розовощекие веснушчатые Лотта и Грета выглядели во всех отношениях жизнеспособнее тонконогой и длинношеей Лизы, но телосложением совсем не походили на фотомоделей. А Алина недвусмысленно продемонстрировала, что герой ее сердца – Валера.

- Врремя! – провозгласил Фриц, и Ганс немедля грохнул в стену пробкой от шампанского.

И дело пошло.

До Нового года оставалось еще полтора часа, и эти полтора часа вся компания усердно догонялась. Так что, когда волосатый Борис провозгласил, что по русской традиции следует, открыв окно, провожать Старый год стоя и до дна, уже не розовые, а ярко-красные Лотта и Грета с трудом удерживали одновременно и бокалы, и равновесие. Их земляки стояли твердо, но русский язык забыли напрочь, да и немецким пользовались с трудом. Шампанское и водка образуют довольно мощный коктейль.

Васильев шампанское только пригублял, а пользовал исключительно водочку, не забывая закусывать. Той же традиции придерживался и волосатый Борис, который, несмотря на

костлявость, дозу держал крепко.

Новый год встретили под звездами у переливающейся гирляндами елки. Выпили, поорали, покружили хоровод. Морозец был слабый: градусов пять. Сыпал крупный редкий снежок. Лепота. Отхороводив, притащили ящик с огненными забавами, пуляли в небо ракетами и пускали огненные фонтанчики. Когда пиротехника кончилась, решили кататься. Взяли санки, пошли на лысую гору. По дороге потеряли Грету. Васильев с Борисом пошли ее искать. Нашли немку в сугробе, в прекрасном настроении. Вытащили, подняли наверх. Наверху трудолюбивые немецкие парни уже разожгли костер. Костерище. В два человеческих роста. И вознамерились прыгать. Слыхали они, что русские этим в Рождество развлекаются. Удержали. Разъяснили, что через костры прыгают летом, на Ивана Купалу. Прыгают, купаются и язычески совокупаются в бузинных кустах. Немцы пришли в восторг. Заявили, что непременно приедут и совокупятся.

Пока дискутировали, потеряли Лотту. Нашли, привели, посадили на санки на пару с Борисом. Разогнали и столкнули под жизнерадостный визг. Фриц и Ганс тоже взгромоздились на сани, прихватили Лизу, поехали, перевернулись, долго и жизнерадостно гоготали.

Валерий на больших санях никогда не катался, но по санному делу в юности слыл виртуозом. Поэтому Алинку прокатил с ветерком и лихим разворотом. В общем, веселились все. Борис по очереди сплавлял вниз то Лотту, то Грету. На горку санки тащили немки.

- Им полезно,- заявил Борис Васильеву.- Верно, фройляйн?

Фройляйн шумно соглашались. Они были счастливы. Герры Фридрих и Йоганнес тоже были счастливы. Один таскал санки, второй - Лизу. Здоровые лоси. Тоже менялись грузом. Чтоб все по-честному. Васильев предположил, что и в постели они тоже честно поделятся. Ошибся, как потом выяснилось.

Накатавшись (кстати, и костер догорел), вернулись в дом. Морозец пробудил аппетит. Поели, выпили, сплясали русские пляски. Главным образом, Борис с Лизой. Немки тоже старались, кружились лебедушками. Потом как-то незаметно исчезли. Вместе с Борисом. И танцы стали более современными. Фриц и Ганс по очереди топтались с Лизой, Васильев и Алинка оторвали мумбу-юмбу под добрую старую «Аббу». Зрители хлопали. В процессе танца Алинка нащупала Васильевскую кобуру. Обрадовалась. Потребовала продемонстрировать немцам. Васильев продемонстрировал, предусмотрительно разрядив. Алинка гордилась: «Я же говорила, что бандит!»

Что бандит, немцам понравилось, а вот к «макарке» отнеслись презрительно. Оказалось, что дома у обоих тоже есть пистолеты, а у Ганса - даже помповое ружье. Ба-бах - и ваших нет. Базука, а не ружье.

Васильев охотно верил. Поскольку не далее как три дня назад пострелял из Монплезирова «ремингтона». Все плечо отбил с непривычки.

Немцам же пояснил: «помповуха» и автомат, конечно, лучше «макарки», но носить неудобно. Слишком заметно. Немцы согласились: да, заметно. Вообще, между ними и Васильевым обнаружилось полное понимание. На уровне языка жестов.

Вернулись Грета и Лотта. Счастливые и порозовевшие. Немедленно стали кушать и пить. Борис появился чуть погодя. Подмигнул Васильеву. Уселся. Свернул косячок, попыхал, предложил Васильеву, но тот отказался. Оно конечно конопелька не героин, но штука бесполезная. Реакция портится, концентрация. Бойцу - сплошные проблемы. А вот немецко-

подданные обоих полов «травке» явно обрадовались. И Лиза с Алинкой – тоже. Богема, ясное дело.

- Попробуй,- уговаривала Валерия Алинка.- Под «травкой» такой секс!

- Ничего, с такой девочкой, как ты, мне и так будет сладко! – заявил Васильев.

Алинка была польщена.

- Ты скучал без меня?

- Еще как! – соврал Валерий.

Борис набил еще один косячок, взял гитару... и выдал класс.

Действительно, класс. Гитаристом он оказался великолепнейшим. И голос ничего. Пел исключительно на английском. И исключительно регги.

Захватил всех. Васильев «поплыл», мир сгустился и перевернулся. Все вокруг обрело сродство. Черная головка Алины на плече, мерцающие огни, мерцающие звуки...

- Гениально,- прошептала Алина, когда Борис отложил гитару.- Пошли наверх, а?

И они пошли наверх, прихватив бутылку шампанского и охапку красных парниковых роз. Для экзотики.

Любили друг друга прямо на ковре. Жадно и долго. Алина, нагая, без пышных одежек и длинных каблучков оказавшаяся совсем маленькой, тоненькой и гибкой (Васильев за год успел ее забыть), отдавалась ему вся целиком и чувствовала его, как, наверное, свою скрипку. И Валерий чувствовал мельчайшее ее желание. Куда лучше, чем раньше. Потом, размышляя над этим, он пришел к выводу, что умение ощущать женщину чем-то сродни умению угадывать противника на татами. Только там – угадывать и опережать, а здесь – угадывать и отдаваться. Неважно, мужчина ты или женщина. Настоящий кайф – это когда отдаешь себя целиком. Вот тогда – подлинное наслаждение.

- Какие у тебя мускулы,- прошептала Алинка, припадая к его влажной груди.- И какой ты... весь. Раньше ты так не умел. Кто эта женщина? Я ее знаю?

- Какая женщина? – Васильеву было слишком хорошо, чтобы удивляться.

- Которая тебя научила.

- О! – Васильев усмехнулся, представив себе Егорыча в роли «женщины».- Это что-то особенное. Но ты – намного женственнее. Слово!

Алинка аж замурлыкала от удовольствия.

- Пойдем, попьем чего-нибудь. Не спиртного.

- Пойдем,- согласился Васильев.

Оба знали, что еще вернутся на этот ковер. Желание не ушло, только спряталось. На время.

Внизу обнаружили четверо спящих. Фриц с Гансом и Грета с Лоттой. Лотта с Гретой - в обнимку на диванчике, Фриц - на столе, а Ганс - под столом.

Борис с Лизой отсутствовали.

- Крепок мужик,- одобрил Васильев.

- Угу,- рассеянно проговорила Алинка, наливая себе соку.- Борька - гигант. Но ты лучше, не сомневайся.

От широты русской души Васильев решил позаботиться об иностранных гостях. Добыл одеяло, переложил обоих аккуратно, на бочок, стащил с арийских ног пудовые башмаки, подумал: цивилизация, бя. В уличной обуви по коврам шастать. Хорошо хоть снежок на дворе, а не осенняя грязь.

Алине пришло в голову посетить ванную. Так сказать, заодно и помоемся. Обломилось. Ванная оказалась занята. Изнутри доносились смех и хлюпанье.

- Присоединимся? - игриво предложила Алинка.- Ребята не против, я их знаю.

- Нет,- решительно заявил Валерий.- Я тебя делить не собираюсь.

Групповушку не жаловал. Не возбуждала.

- Ну и ладненько,- не опечалилась его подружка.- Тогда пошли наверх. Там душ есть.

Кувыркались еще часа два. До полного изнеможения. Но спать совершенно не хотелось. Опустошенные, невесомые и какие-то прозрачные спустились вниз. Немцы дружно сопели в восемь дырочек: смотрели свои немецкие сны. В огромном кресле вдвоем устроились Борис с Лизой. Борис перебирал струны, Лиза - его волосы. Перед ними горела толстая красная свеча.

Валерий с Алинкой не стали им мешать. Пристроились к столу, заморили червячка, прополоскали горло сухоньким. Поправились.

Борис отложил гитару.

- Пошли погуляем? - предложил он.- Новый год все-таки.

Снегопад прекратился. На ветвях новогодней елки лежали белые рукава. Разноцветные огоньки отражались от игольчатого снега. Утопая по колено в снегу, взобрались на соседний холм. Брошенные санки занесло снегом - три маленькие горки на одной большой.

- Давайте снеговика сделаем! - сказала Лиза.

Сделали. Огромного и важного. Похожего на Чебурашку. Потом играли в снежки. Три на одного. Одним был Васильев. Он же оказался победителем, а когда «противник» перешел в рукопашную, Валера снова показал себя героем и вывалил в снегу всех троих. С Борисом, правда, пришлось повозиться. Волосатый гитарист оказался на диво ловок и цепок. Но легкий, что тут поделаешь. Вернувшись домой, смеха ради достали из сарая лопату и завалили снегом двери. И окна тоже залепили. Прикололись. В дом попали по лестнице, через второй этаж. Расползлись по спальням и тут же уснули.

Проснулись от зычного германского смеха на улице. Солнце уже вскарабкалось почти на максимальную высоту. Полдень.

- Выспалась? - спросил Валерий.

Алинка потянулась сладко и тут же протянула к нему все четыре игривые лапки...

...Она никогда не закрывала глаз. Даже когда с губ уже срывалось жаркое протяжное: «А-а-ах!» - черные глаза блестели из-под дрожащих век.

Немцы, бодрые и жизнерадостные, успевшие позавтракать, покататься на санях и вдосталь вывалиться в снегу, встретили заспавшихся аборигенов жизнерадостным гоготом. Прикол со снегом германцы оценили. А еще говорят, у них чувства юмора нет. А вот похмелья у них, точно, не наблюдалось. Здоровые европейские печенки без проблем перерабатывали алкоголь.

После завтрака Васильев порылся в сарае и нашел целый ворох лыж. Там же на веревке висели ботинки. Как сушеная рыба. Подобрали на всех. Тщательно смазали - тепло, снег липкий.

Перед самым выходом появился вчерашний мужик, директор. Причем не на автобусике (дорогу занесло), а на настоящих розвальнях, влекомых мохнатой лошаденкой. На розвальнях приехала лосиная нога. За ногу директор желал двести марок.

- Побойся Бога,- сказал ему Валерий.- Вот тебе тридцать баксов и считай, что тебе повезло.

Директор спорить не стал, а на Валерия поглядел с уважением.

Ногу оставили отмерзать, а сами отправились к озеру, до коего, как сообщил директор, километров шесть.

Поначалу лыжню прокладывал Васильев. Как спортсмен-лыжник. Но вскоре выяснилось: немецкие друзья тоже не лыком шиты. Завятые горнолыжники, а Ганс - еще и биатлонист. Васильев охотно уступил первенство. Самым слабым ходоком оказался половой гигант Борис. Техники никакой, а силенок за ночь несколько поубавилось. Но шесть километров - не тридцать. Дотрехал.

Озеро открылось внезапно. Дивной красоты место. Высокие, поросшие густым лесом берега, сверкающая, совершенно ровная нетронутая пуховина надледного снега. Даже съезжать жалко.

Немцы тут же устроили слалом. Васильев поначалу напрягался: кто его знает, какой нынче лед. Но потом вспомнил, что потеплело только новогодней ночью, а до того морозы стояли крепкие. И опасаться перестал. Присоединился к немцам.

Назад возвращались уже в сумерках. Голодные и уставшие. Перекусили наскоро и взялись за лосиную ногу. Решили зажарить, вернее, запечь на огне, в камине. Ганс с Фрицем заверили, что выйдет отличное кушанье. Вроде того, что у себя в Германии они именно в каминах дичь и запекают.

Должно быть, немецкие каминные в корне отличались от русских. Провоняв весь дом, кулинары получили малосъедобное блюдо, черное снаружи и сырое внутри. Заявления типа того, что настоящие нибелунги кушают исключительно кровавое мясо, прекрасной половиной общества были отвергнуты с презрением. Васильева послали за топором, которым несчастная нога была сначала очищена от окалины, а потом разделана на более удобоготовимые куски.

Незадачливых поваров приспособили отбивать жесткую, как башмачная кожа, лосятину.

На этот раз вышло значительно лучше. Под красное вино приговорили почти половину ноги.

Затем из того же вина волосатый Борис в огромной кастрюле сварил нечто пряное и приторно-сладкое, обозванное им – глинтвейн. Немцы слегка повозмущались: по их мнению, глинтвейн – это совсем другое, но напиток, черпавшийся прямо из кастрюли и разливаемый по чайным чашкам, потребляли активно. Опять закосели. На этот раз – все. Борис выпал первым, к немалому огорчению всех: публика рассчитывала на повторение вчерашнего концерта, а кое-кто – и на нечто более активное. Гитарой завладела Лотта, а Грета, добыв из собственного багажа крохотную дудочку, подыгрывала ей весьма искусно. Затем немцы многогласно запели свои немецкие песни, а Алинка и Лиза им подпевали. Васильев заскучал, поскольку участвовать не мог в силу некомпетентности. Заметив, что он опечалился, Алинка отобрала у Лотты гитару и заявила, что в России следует петь русские песни, а немецкие они попоют в Германии. Тему одобрили и хором грянули «Дубинушку». К некоторому своему стыду Васильев обнаружил, что немцы владеют русским фольклором значительно лучше его. По крайней мере классический набор из «Ямщиков», «Стенек» и «Пуховых платочков» они знают наизусть, в то время как коренной великоросс Валерий Васильев ни одной песни не смог допеть до конца. Впрочем, этого и не заметили.

В самый разгар веселья Валерий подмигнул Алинке, и они тихонько смылись наверх. А внизу еще добрый час гремели поставленные германские голоса. Потом стихли. Должно быть, природа взяла свое.

Эта ночь, в отличие от неистойвой первой, вышла тихой и нежной. И уснули они в объятиях друг друга, даже не заметив, что уснули.

Следующий день был похож на предыдущий. С той лишь разницей, что после обеда постреляли из дробовика. Девушки. Ганс и Фриц заявили, что стрелять по бутылкам им запаadlo. Борис сообщил, что он вообще пацифист, а Васильев охотно попрактиковался бы из «макарки», но у него с собой была только одна обойма, а мало ли что...

Вечером пришел автобус – дорогу расчистили, что, верно, не обошлось без дополнительного вливания со стороны шустрого директора.

Уезжать было чуточку грустно.

– Если что – всегда рады! – сказал директор Васильеву. – Вижу: вы человек серьезный.

В Питере прямо с вокзала поехали к Лизе, которая была флэтодержателем четырехкомнатной квартиры на Лиговском. По дороге закупили водки и всего, что положено. После двух праздничных суток город казался тихим и просветленным. Даже алкаши у лотков имели одухотворенность в лицах.

Напились, конечно. А жаль, поскольку ночь была последней. Утром вся музыкальная компания уезжала в Москву. Звали и Васильева, но Валера отказался. Не без сожаления. Взял адреса Фрица и Ганса. Те обещали прислать вызов и намекали на сказочный оттяг, если русский кореш-браток Васильев посетит добропорядочную Германию. Обещал посетить. Проводил новых друзей на вокзал. Долго целовался с Алинкой. Клялись друг другу помнить и любить вечно. Оба знали, что клятвы не стоит принимать всерьез. Но ведь им было хорошо, разве нет?

К пяти вечера, когда Васильев пришел в зал, от похмельного синдрома не осталось и следа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

- Как праздничек? - поинтересовался Юра - Головка не болит?
- Уже прошла,- усмехнулся Васильев.- А у тебя?
- Чего тут болеть, это же кость! - Юра звучно постучал по собственному лбу.- Значит, в форме?
- Пока да. А что будет после тренировки, поручиться не могу.
- Значит, со мной встанешь,- заявил Юра.- У нас с тобой на днях работенка намечается. Интеллигентная. Для людей с культурной внешностью, понял?
- Это у тебя-то культурная внешность? - усмехнулся Васильев.
- А что? - Юра приосанился.- Бородку наклею - и порядок. Во всяком случае поинтеллигентней, чем у Монплезира.
- Это точно. А что за работенка?
- Узнаешь. Тебе понравится.

С бородкой, в строгом костюмчике Юра и впрямь выглядел вполне интеллектуально. Ему даже организовали аристократическую горбинку на носу. Еще бы очки в толстой оправе, и вполне сошел бы за профессора математики. Васильеву тоже организовали бородку, пегую, на русский ежик водрузили черный парик с небольшой лысинкой на макушке, в ноздри засунули какую-то дрянь, а физиономию помазали гримом, отчего Валерий «постарел» минимум лет на пятнадцать. Зато стал депутатом. Вернее, очень похожим на депутата, и звали его теперь не Валерий, а Сергей Семенович. Депутатом Сергей Семенович был мелким, что-то там на районном уровне, но возомнил о себе Бог знает что и не желал подписывать некую бумажку. За что людьми значительно более солидными ему было обещано, что этот Новый год будет последним, который встретит Сергей Семенович. На Новый год господин депутат с семейством тихонько смылся в Эмираты, но когда-нибудь же придется возвращаться...

- Скромненько, скромненько,- заметил Юра, прохаживаясь по четырехкомнатной депутатской квартире. Заглянул в бар, хмыкнул: - Очень скромненько.
- Ты бы лучше у окна не маячил,- предупредил Васильев.
- Не учи отца уши мыть! Это тебе маячить не следует, а я так, секретарь-помощник, жопка с ручкой.

Васильев уселся в кресло, включил телик. По телику гнали лабуду. Но забавную. КВН.

Зазвенел телефон. Вернее, заворковал музыкально. Васильев снял трубку, убедился, что маленький магнитофон аккуратно зафиксирует беседу.

- Ну что, козел, надумал? - поинтересовался собеседник.
- Простите, а с кем я говорю? - спокойно осведомился Валерий.
- Вот я тебе очко порву натрое, избранничек, тогда и узнаешь.
- Что вам нужно? - Васильев придал голосу легкое дрожание.
- А то ты, бля, не знаешь! Не надо целку строить.

- Может, все-таки решим по-хорошему? Как-то договоримся...
- Поздно, Семеныч! Теперь по-хорошему не будет,- но голос собеседника слегка смягчился.- Будешь делать, что скажут. Если не хочешь, чтоб лохматки твои кровяной ссали. Понял, урод?
- Понял,- буркнул Васильев.- После Рождества я все сделаю. Только вы, пожалуйста, никого не трогайте.
- Не будешь выеживаться, не тронем,- покровительственно заявила трубка.- А сделаем все сегодня.
- Но бумаги...- вяло возразил Васильев.
- Бумаги у нас,- отрезал собеседник.- Сиди дома и жди. И если ты, сука, хоть кому стукнешь, мусорам или еще куда, лучше тебе сразу в окно прыгнуть, понял? Мышкой сиди, понял, нет?
- Понял,- буркнул Васильев.

Он положил трубку, поглядел на Юру.

- Наглый, однако, нынче риелтор пошел,- заметил он.- Я даже обиделся.
- Ничего,- успокоил Юра.- Мы его тоже обидим. Нельзя так с депутатами разговаривать. Неуважение к избирателям! - И ухмыльнулся.
- С нашими свяжемся? - спросил Валерий.
- Телефон может быть на прослушке. С нынешней техникой даже проводки присоединять не надо.
- А если по «трубе»?
- Тоже можно отследить. Это же не спутниковая. Нет, пусть сами контролируют. Наше дело маленькое: упаковать и ленточкой повязать.

Заявились аж четверо. Толстый господин со всеми атрибутами новоруса, два мордворота, каждый размером со встроенный шкаф, и золотозубый наглец, звонивший по телефону. Мордвороты быстренько обследовали квартиру, обнаружили Юру, прихватили его под руки и представили пред блеклые очи толстяка и золотозубого.

- Я тебе что, бля...- завелся было золотозубый, но толстяк сказал:
 - Ша!
- Мордвороты обшарили Юру, нашли газовый пистолет, забрали.
- Ты кто? - спросил толстяк.
 - Это мой секретарь,- вмешался Васильев.
 - Я его спросил, а не тебя! - писклявым голосом процедил толстяк.
 - Юрий...- пробормотал Юра.- ...Иосифович.

- Еврей, что ли? - оскалился золотозубый.

Юра сделал оскорбленное лицо. Сдержанно-оскорбленное. В личности его никто не усомнился. Как сказал классик: если уж человек решил соврать насчет собственного имя-фамилия-отчество, не станет он представляться как Гершанзон Исаак Абрамович. Не та у нас социальная идеология.

- Мой дипломат,- произнес толстяк.

Появился дипломат. Понтовый, с кодовым замочком и золочеными уголками. Из дипломата, в свою очередь, появилась прозрачная папочка с бумагами.

Оба мордovorота сместились к Васильеву. Когда папочка легла на стол, лапа одного из мордovorотов легла на плечо Валерия и пригнула его книзу. Второй подставил стул.

В папочке лежали несколько листков: что-то о передаче чего-то. Под каждым листком - солидная колонка подписей. Не хватало одной. Гукина С. С. Так Васильев узнал «собственную» фамилию.

Толстяк положил рядом ручку. Шикарную ручку, долларов на пятьдесят, если судить по весу. Предмет желтого металла. Васильев взял ее, поднес к бумаге (над ухом шумно сопел мордovorот), помедлил...

- Ну! - нетерпеливо бросил толстяк.

- Сейчас...- пробормотал Васильев.

И не глядя воткнул паркеровское стило в глаз сопящего мордovorота.

Реву позавидовал бы даже конголезский бегемот.

Васильев оттолкнулся, опрокидываясь вместе со стулом назад, поэтому ринувшийся вперед золотозубый попусту накрыл брюхом стол.

Юра, о котором забыли,- и совершенно напрасно! - ловко вlepил под копчик второму мордovorоту, поймал его кисть, прихватил на болевой, свободной рукой нащупал кобуру у бугая под курткой...

Толстяк, багровый и страшный, водил влево-вправо зажатый в руках чудовищных размеров пистолетом. Но цели не находил. Васильев вообще пропал с поля его зрения, а Юру надежно прикрывал сыплющий матюками мордovorот. Его многоэтажные переливы тонули в рычании покалеченного приятеля, правой рукой зажимающего глазницу, а левой пытающегося извлечь оружие. Нелегкая задача, поскольку достать что-либо из левой подмышки левой же рукой и в спокойном состоянии проблематично. Зато у лежащего на столе золотозубого с обзором проблем не было. Васильева, кувырком ушедшего назад и застывшего на корточках, он видел прекрасно. И ствол у золотозубого тоже имелся...

Но и у Валерия тоже имелся сюрприз: притороченный к лодыжке маленький, но эффективный револьверчик.

- Ба-бах!

И буйная головушка раскинула мозгами. Никогда уже не учить ей жизни лохов-депутатов.

Толстяк, осознав, что пахнет жареным, не раздумывая, несколько раз выпалил в сторону Юры и бросился в коридор. Но тучность не способствует скорости. У самых дверей Васильев достал его, а когда толстяк развернулся, намереваясь испробовать на Валериной шкуре импортную машинку, Васильев в прыжке «пробежался» по откормленной туше. Выронив пистолет, толстяк прилип к двери, совсем не по-джентльменски схлопотал в пах и отлип, чтобы принять более наклонное положение. Васильев вlepил ему в переносицу и с удовольствием услышал хруст.

В Юру толстяк не попал. Зато прострелил лапу охраннику, которого держал Юра. Охранник, наверное, удивился, но ненадолго. Юра гуманно отключил его, треснув по затылку. Второго, окривевшего, Валерин напарник тоже успокоил. Не насмерть, но основательно.

- Вот теперь можно и позвонить,- сказал Юра.- Твой как?

- Жить будет, любить - не знаю,- ответил Васильев.- Надо его от двери оттащить, она вовнутрь открывается.

- Вот и займись. А я пока позвоню.

Отволочив от дверей минимум восьмипудовую стонущую и всхлипывающую тушу, обнаружил, что из недр пиджака вывалился толстенный бумажник. Валерий не удержался, заглянул.

Ничего себе! Оказывается, солист криминального квартета тоже был депутатом. Экая, понимаешь, жалость, что Васильев не знал этого раньше и нарушил, понимаешь, неприкосновенность. Валерий засмеялся, легонько пнул могучее брюхо. Депутат жалобно хрюкнул. Морда его была перемазана в крови, натекающей из расквашенного носа, но глаза закрыты. На всякий случай.

Еще в бумажнике обнаружили деньги (весьма значительные), водительские права и лицензия на пистолет, оказавшийся девятимиллиметровой «Береттой 92».

Итак, в осадке остались два трупа и два кандидата в преступники. Васильев вернулся в комнату и вложил в руку подстреленного мордворота свой револьвер, второго мордворота, окривевшего (глаз его остался в глазнице, но выглядел неважно), ухватил под мышки, отволоч в коридор и обмакнул его лапы в толстякову кровь.

- Химичишь? - поинтересовался Юра.- Давай-давай. Сейчас заказчики подойдут.

Звонок раздался буквально через пару секунд. Вошли трое мужчин неброской внешности. Двое, подчеркнuto игнорируя Васильева с Юрой, устремились в комнаты. Третий небрежно бросил:

- Спасибо. Дальше мы сами.

- Пошли,- Юра потянул напарника за руку.

- И это все? - недовольным голосом осведомился Валерий уже в машине.

- А чего ты ждал? - усмехнулся Юра.- Звезды Героя? На вот,- он протянул Валере флакон.- Это чтоб пленку с пальцев смыть. Кстати, имей в виду, что зеленки нам за сегодняшнюю акробатику не отстегнут. Мы, так сказать, оказывали дружескую услугу.

- Я уже догадался,- буркнул Васильев.

Третий заказчик оказался тем самым мужиком, который здоровался с Петренко, когда старший следователь прокуратуры Еремин «принимал» под опеку уложенных на газончик ссученных ментов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рождество Валерий проспал. После вчерашнего «депутатствования», вместо того чтобы с толком отдохнуть, в баньку сходить, расслабиться, как учили старшие товарищи по работе, Васильев непонятно зачем потащился в кабак, снял какую-то дуру, приволок домой, трахнул без особого удовольствия, а когда вышел отлить, то вернувшись, обнаружил «подругу» за изучением содержимого его письменного стола. Оправданий слушать не стал: взял за локоток и выставил за дверь. И похвалил себя за то, что пользовался презервативом. Все-таки не полный придурок.

Утром пришлось к девяти тащиться в пустынный институт и варить клей, уже неделю как обещанный Академику. К пяти поехал на тренировку, отдал Паше «рождественский подарок», выслушал Юрино приглашение подъехать к нему: «Раз твой далеко, приезжай ко мне, мама будет рада: в кои веки у меня дружок с человеческим лицом появился». Обещал приехать... и проспал. Лег вздремнуть на часок, таймер поставил на десять... И проснулся в десять часов, но уже следующего дня. Перепутал ночь и день. Ладно, зато выспался. Позвонил Юре. Извинился. Позвонил в Симферополь, поздравил своих. Там все было – слава Богу. Батька пахал, сестренка училась, а мама их обихаживала. Хорошо поговорили. Соскучился он по ним. Слетать, что ли? Батька деликатно осведомлялся о финансовых делах сына. Валерий порадовал его, мол, решил с друзьями небольшое дело организовать. Говорить пока рано, но дело обещает быть доходным. Уже сейчас есть кое-какая прибыль. Батька порадовался. Угнетало его то, что сын в жизни не преуспел. А уж сына-то как угнетало! Зато теперь все хорошо будет. Интересно, узнал бы батя, в какое дело Валерий вписался, одобрил бы? А хрен знает! Сам-то в молодости был рискованный мужик. И резкий. Вечно в драки влипал. Но тогда проще было. Ни пистолетов, ни даже каратэ с кунфу. Любимое оружие – «розочка» из пивной бутылки. Батька рассказывал: как-то повел маму в бар, «Медведь» называвшийся, отошел пивка взять, а вернувшись, обнаружил, что путь ему преграждает обтянутая белыми брюками задница. А хозяин задницы, опершись локтями на стол, самым нахальным образом пристаёт к его жене. Ни слова не говоря, кокнул батя бутылочку о соседний стол и воткнул «розан» в сочную ягодицу. А потом ухватил маму за руку и под вопли пострадавшего сделал ноги. Больше, правда, в том баре не появлялся. Вот такой лихой у Валеры батька. Так что, может, и одобрил бы новые сыновьи игры. Кто знает...

Остаток января вышел тихим. Если не считать того, что Шиза сломал Васильеву нос. Ничего страшного. Походил некоторое время с синяками под глазами, потом все прошло. Заживало на Валере, как на собаке. Особенно с мумиё. Через неделю его больше нервировал не сломанный нос, а безобразные скачки температуры воздуха, превращавшие улицы то в болото, то в каток. К февралю погода, наконец, установилась. На минус двадцати. А с холодами пришла работа.

Подъехали на двух машинах: старой «бээмвухе» и Силычевом джипе. Джип – машина приметная, зато в нее особо не заглядывают, даже наоборот. Встали на углу. Чтоб и улица просматривалась, и из окон не видно. «БМВ» припарковалась метрах в двадцати. Как бы сама по себе. За рулем – Гоша-Терминатор.

Олежек отирался у подъезда. Видок у него был беспризорный. И замерзший. К нему подошел Шиза (его высадили заранее), такой же неприметный. Рядовой алкаш средних лет.

Поговорили. Олежек отбыл в подъезд, погреться. Шиза шаркающей походкой пошкандыбал за угол. Среди прохожих он не выделялся.

Валера сидел на заднем сиденье Силычева джипа, стиснутый Петренко и Монплезиром. Два здоровяка занимали восемьдесят процентов просторного сиденья. Оставшихся двадцати Васильеву не хватало.

Шиза остановился шагах в десяти. Монплезир выбрался на улицу, потянулся, потопал ножищами. Типичный бритоголовый бандюган.

Шиза подшкандыбал к нему, принял униженную позу. Монплезир порылся в кармане, достал бумажку, швырнул небрежно в снег. Шиза подхватил, долго благодарил, кланялся, пока Монплезир не показал жестом: проваливай.

Вернувшись в джип, доложил.

- Все там. Вместе с клиентом. Ждут бабок. За жрачкой ходит один. Сам ходит. Никаких заказов.

- Жаль,- отметил Силыч.

Закосить под рассыльного - милое дело.

- Закупается в универсаме. Утром и вечером. Сегодня еще не ходил. На улице руку из кармана не вынимает. Поднимается пешком, без лифта.

- Сделаем,- буркнул Петренко.

- А если шумнет? - возразил Силыч.- Там,- жест вверх,- насторожатся. Стрельба будет. Клиент может пострадать. Куда Шиза пошел?

- На Подъяческую. Там через дворы - черный ход.

- Дело,- кивнул Силыч.- Значит, так, мужики. Ты, Монплезир, остаешься. Ждешь, пока закончим. Выйдем - сразу подхватишь клиента - и ходу. Нас Терминатор возьмет. Теперь по силовой. Ты, Петренко, выйдешь первым. Зайдешь вон в ту кафешку, возьмешь стошку коньяка и кофе. Выпьешь и идешь в подъезд. Поднимаешься на четвертый, клиент, если помнишь, на третьем. Поднимаешься и тихаришься. Васильев, мы с тобой - через двадцать минут. Все.

Через двадцать минут Силыч и Валерий вошли в подъезд. Олежек сидел на батарее, грелся. Вопросительно уставился на Силыча. Тот оглядывал лестницу. Лестница ему не нравилась. Просторная, просматривается на три этажа вверх. Включая площадки. И все лампочки горят. Лампочки, конечно, не проблема, но если погаснут, могут обеспокоить кого беспокоить не надо.

Силыч немного подумал, потом спросил Олежка:

- Пакет большой?

- Большой,- ответил паренек, мигом сообразив, о чем речь.

- Предложи помочь. Дождись, пока дверь откроют, и постарайся не дать ее закрыть.

- А если он откажется от помощи?

- Надо, чтоб не отказался.

То, как тринадцатилетний мальчишка не позволит закрыть дверь двум здоровым бандюганам, не уточнялось.

- Все,- сказал Силыч.- Пошли, Васильев.

С третьего этажа площадка четвертого просматривалась почти целиком, но Петренко заметно не было. Зато слышен был негромкий храп.

Здоровяк-хохол сидел на полу, прислонившись к стене. При появлении друзей он перестал храпеть, приоткрыл один глаз и матюкнулся.

- Пошел ты...- усталым голосом громко отозвался Силыч.- И без тебя тошно.

Петренко снова захрапел, а Силыч с Валерой поднялись еще на полтора этажа, к двери на чердак. Здесь освещения не было. Зато весь лестничный пролет просматривался превосходно.

Ждать пришлось около часа. Из-под чердачной двери тянуло холодом - наверняка окна не заделаны. У Валеры замерзли ноги. Силыч же стоял, словно каменный. Даже на стенку не опирался и не шевельнулся ни разу.

Внизу текла обычная жизнь. Приходили и уходили люди. Какие-то подростки привязались, было, к Олежку, но тот их быстро отшил. Идущий на прогулку французский бульдог облаял Петренко. Потом то же сделала хозяйка бульдога. Петренко пьяным голосом послал их на три буквы. Акустика в подъезде была превосходная. Бульдог и хозяйка удалились, удовлетворенные. Через пару минут какая-то старушка попыталась уговорить Петренко встать, дескать, простудится. Валерий забеспокоился, но Петренко решил вопрос, приоткрыв глаз и хрипло осведомившись:

- Бабка, у ты бабки есть?

И старушка сочла за лучшее оставить его в покое.

Наконец открылась заветная дверь. Вниз по лестнице быстро сбежал мужчина, хлопнула дверь подъезда.

Вернулся гонец минут через пятнадцать.

- Дяденька, давай помогу,- заблажил Олежек.

- Пошел в жопу,- буркнул «дяденька».

- Ну всего за рупь,- канючил Олежек, тащась следом.- Очень жрать хочется, честно! - Голос у паренька был пронзительный.

- На! - Бандюган сунул Олежку пакет, решив, что так будет проще.

Сам поднимался следом, рука в правом кармане, глаза обшаривают лестницу наверху.

Храп Петренко его не смутил.

Поднялись. Гонец позвонил.

- Я, Калмык,- проворчал он в ответ на вопрос из-за дверей. И Олежку: - Давай пакет, писюнва!
- Дяденька, а рубль! - заверещал Олежек.
- Пошел в жопу! - Гонец попытался отобрать пакет, но Олежек проворно отскочил.
- Ты рубль обещал! - завопил он.- У самого вон сколько жратвы!

Силыч сорвался с места и ринулся вниз, Валерий - за ним. Вопль Олежка прикрыл топот их ботинок.

Внизу открылась дверь.

- Это что за на хрен?
- Дай ему рубль.
- Охренел? Где я тебе рубль возьму? У меня меньше стохи нет!
- Дай ему стоху! - Калмык попытался припереть Олежка к стенке, но тот увернулся. Что-что, а это он умел!
- Сам и дай!
- Да... Упс!

Злополучный пакет полетел Калмыку в физиономию, а ботинок Олежка грамотно вписался гонцу в пах. Сверху страшной птицей Рух пал Петренко. Второй бандюган придавленным хомячком затрепыхался на полу.

Силыч, на полпролета опередивший Валерия, косым ударом добил Калмыка. Петренко уже был в дверях, когда третий бандюган выполз в коридор:

- Что за базар? - начал он недовольно.

И умолк, увидев Петренко с вороненым «Кипарисом» в руке.

- Тс-с-с! - сказал Петренко, приложив палец к губам, аккуратно взял недовольного за горло и передал назад, в руки Силыча. Валера, временно оказавшийся не у дел, на всякий случай прикрыл спиной глазок двери напротив, проворный Олежек, подмигнув, залепил глазок жвачкой.

Петренко проскользнул в комнату и обнаружил там троих: похищенного замгендиректора, еще одного бандюгана с «пушкой» в руке и работающий телевизор.

Петренко бережно вынул пистолет из руки бандюгана (тот совершенно опешил, а пистолет так и вовсе стоял на предохранителе), выключил телевизор.

- Никто не возражает? - поинтересовался он.

Никто не возражал. Бандюган сидел с раззявленным ртом, помятое лицо клиента лучилось искренней собачьей радостью.

Эту немую сцену и пронаблюдал Васильев, войдя в комнату.

- Возьми господина директора,- сказал ему Силыч, и - отвези, куда скажет. А мы тут приберемся.

На следующий день Силыч вручил Васильеву пять тысяч долларов. Десять процентов от десяти процентов от суммы, которую требовали похитители. Вероятно, они продешевили.

Вместе с деньгами Силыч отдал Валерию еще кое-что. Гербованное удостоверение сотрудника государственной федеральной службы охраны объектов стратегического значения. В удостоверение был вложен согнутый вчетверо потертый листок: разрешение на ношение оружия. Само оружие, ПМ, как две капли воды похожий на тот, «приобретенный» Васильевым на рынке, но, разумеется, с неспиленным номером, Силыч положил на стол.

- Свой выброси,- сказал он.- Мало ли что на нем висит.

Васильев внимательно изучил удостоверение. На обложке красовался золоченый российский орел и тисненные буквы: Главное управление ФСО. Подписал его какой-то генерал-полковник и выдано оно было на имя капитана Васина Валерия Андреевича. Но «Васин» на фотографии был точь-в-точь Васильев.

Валерий прочел вслух наименование «службы».

- Что, такая действительно существует? - поинтересовался он.

- Существует,- ответил Силыч.- Но попусту документом не козыряй. Это - на крайний случай.

- И за что же мне такая роскошь? - усмехнулся Васильев.

- Не тебе - нам. Всем,- Силыч тоже усмехнулся.- Подарок от благодарного клиента.

- Это от вчерашнего замдиректора, что ли?

- Какой ты проникательный. Нет, не от него. От него ты уже получил. Наличными. С деньгами, кстати, что будешь делать?

Васильев пожал плечами:

- В кубышку положу,- сказал он.

- Советую на эту тему поговорить с Петренко,- сказал Силыч.- Он тебе подскажет.

«А ведь верно,- подумал Васильев.- Чего им лежать, сумма-то немалая».

В Валериной «кубышке» и так скопилось уже больше двенадцати тысяч.

На вопрос о капиталовложении Петренко отреагировал бодро.

- Я,- сказал,- покупаю недвижимость. Могу помочь, у меня корешки в пяти агентствах.

Через пару недель Васильев стал обладателем однокомнатной квартиры на Ленинском проспекте. Переселяться туда Валерий пока не стал. Впрочем, и в ближайшее время не собирался.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В середине февраля у Васильева появился новый сосед. Вселился в пустующую комнату. Снял ее у хозяев. С виду новый сосед выглядел прилично. Средних лет, вежливый, по профессии врач. Хирург. Афоня тут же подкатился насчет казенного спиртику. Как подкатился, так и откатился. Но не обиделся. Зато с Васильевым сосед Аркадий бутылочку приговорил. За приятное знакомство. Действительно приятное. Собеседником Аркадий оказался славным, веселым, неистошимым на всякие забавные медицинские байки. И ненавязчивым. Выпили, познакомились и разошлись.

Наметанным глазом Васильев определил, что Аркадий отнюдь не рохля. Тело держит в тонусе, подтянут, движения точные и экономные. Не исключено, что балуется боевыми искусствами, хотя по рукам и не скажешь. Что ж, все-таки хирург, значит, должен руки беречь. И берег. Полы во время положенного квартирным распорядком дежурства мыл в резиновых перчатках.

Прожив с новым соседом месяц, Валерий ничего особо нового о нем не узнал. Зато мать Афони эксплуатировала его в полный рост, грузя рассказами о собственных болячках и испрашивая докторских рекомендаций. Аркадий относился к этим беседам на удивление терпеливо: выслушивал, разъяснял. К Валерию он относился с явной симпатией. Не то чтобы в друзья набивался, но давал понять, что они – люди одного круга, а таким и поговорить приятно, и помочь друг другу, если потребуется.

Февраль у Васильева выдался бойкий. Он поучаствовал аж в четырех акциях, не считая освобождения замгендиректора. Правда, все – небольшого масштаба. Один раз выпотрошили мастерскую по изготовлению бомб, второй: по заказу одних черных сцапали пару других с грузом «соломки». Перевозчиков слегка попинали, а груз выкинули в залив. Третий заказ оказался выездным: Валера с Монплезиром сопроводили в Москву женщину с ребенком. Без эксцессов. Четвертый вышел и вовсе забавным: ворвались во вполне приличную фирму, положили всех на пол, выждали минут десять, а затем по сигналу сорвались и уехали, разминувшись с фирмовской «крышей» ровно на полминуты. И еще на полминуты – с автобусом СОБРа.

Кроме этого, февраль ознаменовался тем, что Егорыч предложил Васильеву позаниматься с ним индивидуально. Валерий, естественно, согласился и теперь каждый день по утрам приезжал в зал, где его ждал сэнсэй. На институт Васильев забил, клей варить перестал, денег хватало. Но из лаборатории пока не увольнялся. Мало ли, пригодится...

Научные изыскания застопорились, зато бойцовское мастерство Валерия росло с невероятной быстротой. Причем не только рукопашное. Силыч пристроил их с Терминатором в какой-то частный загородный тир. А Гоша, в свою очередь, взялся наставлять Валерия в пользовании огнестрельным оружием. Снайпера он, конечно, из Васильева не сделал, зато быстро и без ошибок поражать вертячие мишени научил. Причем из разных видов оружия. Но рукопашка Васильеву все равно нравилась больше.

Наступил март.

Первого марта команде Силыча подкинули долгосрочный заказ. Караулить в конторе вновь организованной фирмы и отслеживать всех, кто ею интересуется. Хрен знает какая группировка решила проверить, кто шустрит на ее территории. Караулить посадили Васильева. Замаскировав его макушку черным париком с хвостиком, физиономию – бородой и гримом, а также дополнив линию носа могучим изгибом. Голос Васильева также изменился: вследствие

подложенных под губы пластинок приобрел некоторую шепелявость.

Реклама, которую дала фирма, сообщала, что АОЗТ «Феникс» поставляет и изготавливает элитную мебель по каталогам.

Клиентами, коих обнаружилось не так уж мало, занимались две девушки. Васильев же сидел и ждал.

Первые гости наведались на следующий день после выхода рекламной информации. Солидные золотоцепочные господа. Осведомились, каков оборот фирмы. Васильев ответил, как учили: предположительно от двадцати до пятидесяти тысяч долларов в год. «А не хочет ли господин коммерсант приобрести надежную и авторитетную охрану всего лишь за четыре процента этой суммы ежемесячно?»

«Коммерсант» пообещал обдумать и попытался взять у господ телефон. В телефоне ему было отказано, зато обещано заглянуть через пару дней, когда господин коммерсант окончательно определится.

Когда посетители вышли, Васильев дал знать дежурившим снаружи, что клиенты – их.

Шиза и Терминатор пристроились на хвост джипу посетителей и без труда отследили его маршрут до конечной точки. Адрес передали по цепочке. Заказчикам.

Следующие «продавцы защиты» выглядели не столь респектабельно. Трое наглых мелкостриженных субъектов, с ходу потребовавших двести баксов, «или все тут к ебням разнесем!»

- Не пугайте девушек,- вежливо попросил Васильев.- Я сейчас принесу деньги.

Он вышел, но вернулся не с деньгами, а в сопровождении Монплезира и Петренко, также слегка загримированных, что, впрочем, не сделало их лица более добродушными.

- Чтоб я вас больше не видел никогда! – четко произнес Монплезир, и три субъекта испарились.

Следующий день дежурил Юра, а потом снова Валерий. Их не тревожили. На четвертый день, в Юрино дежурство, пожаловали нацики. Тоже интересовались оборотом и намекали на возможность защиты. Поинтересовались национальностью учредителя. Юра предложил спросить у «хозяина», завтра. Поскольку дальше намеков дело не двинулось, заказчика не проинформировали.

На следующий день события развились в инцидент. Физиономия Васильева нацикам не понравилась. От его славянского облика не осталось и следа. Даже бледная голубизна глаз по настоянию Петренко была прикрыта темно-коричневыми линзами. После пятнадцатиминутного перелистывания каталогов и непрозрачных намеков на то, следует ли таким русским девушкам работать на такого нерусского типа, как хозяин «Феникса» (хозяин упорно делал вид, что не слышит), посетители перешли к более конкретным действиям, а именно – сгрудились у Васильевского стола и погнали гнилую телегу о семитско-чеченском заговоре. Васильев, слегка обескураженный «семитско-чеченским», поинтересовался, а что именно господа националисты желают? Господа националисты желали, чтобы семито-чечен убирался на историческую родину.

- Куда именно? – спросил Валерий.- В Тель-Авив или в Грозный?

- А куда хочешь! - ответили ему.

Васильев возразил, что он не хочет ни туда, ни туда, поскольку и там, и там стреляют.

В ответ на это нацики сказали, что намерены стрелять господина чечено-семита прямо тут, а один из них даже неделикатно взял Васильева за грудки... и больно получил по носу.

Пролитая чечено-семитом исконно русская кровь требовала мщения. И оно не замедлило бы, если бы не возникший на сцене Петренко с парой резиновых загогулин в руках. Ни сам Васильев, ни появившийся с секундным опозданием Монплезир уже не понадобились. Супротив хохла Петренки нацики оказались худосочны, были основательно помяты и выкинуты за дверь. Последнего, впрочем, успел сцапать Монплезир и, страшно вращая глазами, потребовал у бедолаги координаты старшего по званию. И получил их. Но для верности отобрал у борца с инородцами паспорт. Фамилия у борца оказалась самая что ни на есть «подозрительная» - Минкин.

- Жлоб ты, Петренко,- сказал Васильев.- Я, может, тоже поразмяться хотел!

- Где прошел хохол, там еврею делать нечего! - Петренко покровительственно похлопал Васильева по плечу.- Не бойсь, завтра они опять придут. Ущерб оплачивать. Вишь, стул поломали.

- Ты сам и поломал,- заметил Монплезир.

- Во! - сказал Петренко, усаживаясь на офисный стол.- Братва, слушай анекдот. Поймал африканский шах...

- Африканский шах? - удивился Васильев.

- Не мешай. Поймал африканский шах русского, француза, америкаху и немца. Посадил каждого в отдельную камеру, три на четыре, голые стены, ничего, кроме параши, выдал всем по паре стальных шаров пуда в два каждый и сказал:

«Кто меня больше всех этими шарами удивит, того отпущу. А остальных - съем». Ну, ночь проходит, утречком шах первым делом - в тюрюгу. Сначала - к немцу. Немец, бля, мускулистый, шары, как мячики, кидает, жонглирует. Дальше шах пошел, к французу. Тот тоже не прост: с шара на шар прыгает, акробатикой развлекает. Дальше - америкаха. Этот вообще от параши ручку отломал, из шаров машину сварганил. Ручку дергает, шары лязгают музыкально. Совсем понравилось шаху, но порядку ради заглянул и к русскому. И просидел у него час, а как вышел, сразу командует: «Этого отпустить, остальных - к повару». Ну, шестерки его - как, почему?

«А потому,- говорит шах.- Меня так сроду никто не удивлял. Он один шар сломал, а второй потерял».

Васильев захохотал, а Монплезир спросил ехидно:

- А хохол где был?

- А хохол у шаха поваром работал! - заржал Петренко.- Ты, Монплезир, сначала всухую потренируйся, а потом меня подкалывать будешь.

- А пошел ты...- попросту ответил Монплезир. Добродушно, впрочем.

На следующий день нацики приходили извиняться, мол, обознались. Юра их простил, и сломанный стул тоже простил. Отдал реквизированный паспорт и предложил офисную мебель со скидкой. Нацики обещали подумать. Следом за нациками, едва не столкнувшись в дверях, явились азеры. Но эти оказались просто покупателями. Последними, на следующий день, пришли сами заказчики. Представительные мужчины в длинных черных пальто. Золотые цепки элегантно закамouflированы шарфами, гайки на пальцах – не просто гайки, а с полнокаратными бриллиантами. Но, несмотря на лоск, рожи у них оставались бандитскими. За год-полтора джентльменом не станешь. Надо лет пять минимум.

Заказчики расплатились и сообщили, что вахта закончена.

Закончена так закончена. Васильев отзвонил Силычу и черным ходом покинул помещение. Монплеизир и Петренко сделали это чуть раньше. Чтоб лишний раз не светиться.

Никто из ребят не знал, что над командой уже сгущаются тучи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПЯТЫЙ УГОЛ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Валерий увидел ее в метро. Узнал не сразу, просто почувствовал: что-то знакомое. Она повзрослела. Больше не выглядела девчужкой старшего школьного возраста. Вытянулась, глядела важней и строже. Холеней. Приталенная дубленка с опушкой, белая шапочка, блестящие от помады губки, ресницы, мохнатые от туши. Куколка.

Васильев вышел за ней, на Лесной. Некоторое время шел следом, затем догнал.

- Привет!

Девушка шарахнулась от него, глянула не узнавая.

- Прошлым летом, – напомнил Валерий. – Ты подошла ко мне у Восстания. А на Литейном тебя украли, – он усмехнулся.

- А-а-а... – Она вспомнила. – Это были мои дружки.

- Я так и подумал. Тебя проводить?

- Как хочешь.

- Хочу.

Васильев пошел рядом.

- Как тебя зовут?

- Забыл?

- Забыл, – признался Васильев. – Прости.

- Меня зовут Таня. А тебя Валера, так?

- Так.

Мелкие снежинки красиво блестели на ее шапочке. Переливались в разноцветной рекламе. Кафе.

- Хочешь мороженого?

- С ума сошел! Такой холод!

- Тогда кофе с коньяком.

- Какой приткий! - Таня остановилась, поглядела на него снизу вверх.- Я эту программу уже проходила.

- Эту - нет,- строго сказал Валерий.- Эта - авторская.

Таня засмеялась.

- Ладно,- согласилась она.- Пусть будет кофе. С пирожным.

Гардеробщик в кафе оказался черным. Не «черным», а именно черным. Негром. Валере вспомнилась песня Вертинского, и это сразу настроило его на лирический лад.

Кафе пустовало. Еще одна пара и средних лет мужик. Пара ворковала, мужик деловито ел курицу.

Кафе оказалось не из дешевых, но теперь это Васильева не смущало.

- Что будете кушать? - осведомился подошедший официант.

- Пирожные,- ответил Валерий и подмигнул Тане.

- Пирожных, к сожалению, нет,- щекастая физиономия официанта попыталась выразить глубокую скорбь.

- А что есть?

- Очень рекомендую жаркое с грибами.

- Хочешь жаркое с грибами? - спросил Валерий.

- Я хочу десерт. С клубникой. Если клубника настоящая.

- Увы,- официант покачал головой.- Заморозка.

- Тогда банановый.

- А что будем пить? - теперь официант обращался исключительно к девушке.

- Сок.

Официант был разочарован.

- К десерту хорошо розовое «Бордо»,- заметил он.

- Кофе,- сказал Васильев.- С лимоном. И сто коньяку, вот этого,- он показал в меню.- Если паленый, унесешь обратно.

Официант ему не понравился.

- Я его не пробовал,- сухо ответил официант.- Пока никто не жаловался.

И отошел с достоинством.

- А ты изменился,- проговорила Таня.

- ?

- Тогда ты был добрый. Потому я к тебе и подошла. А ты что подумал?

- А сейчас я не добрый? - Ее вопрос Валерий проигнорировал.

- А сейчас ты - как все.

- Да,- согласился Васильев.- Сейчас тебя у меня не украдут. Как поживают твои друзья?

- Никак.

- Убили?

- Угу. Одного. Остальные где-то в Европе.

- Сочувствую,- равнодушно произнес Васильев.

- Да ладно! Полгода уж прошло. Да и не очень-то и дружили. Так, веселились вместе. Деньги тратили.

- Понятно.

- Ни хера тебе не понятно,- вдруг рассердилась девушка.- Все вы - придурки! Только у одних - карманы пустые, рожи злые и лапы потные, а у других - жизнь веселая и шея лосьоном пахнет!

- Ну-ну,- проговорил Васильев.- Какие страстные речи! Сама придумала?

- Нет,- Таня смешалась.- Про лосьон моя подружка сказала. Она в университете учится, между прочим!

- Ага,- кивнул Валерий.- А ты красивая.

- Что?

- Это я так, к слову.

- Ты не придурок,- не поднимая глаз, проговорила девушка.- Ты меня не слушай, на меня накатывает, прости пожалуйста.

- Пустяки,- улыбнулся Валерий.- Вот и твой десерт.

Щекастый официант принес заказанное. Бутылку коньяка откупорил при Васильеве, отмерил сто граммов, перелил в рюмку. И ждал, пока тот попробует.

Валерий попробовал.

- Нормально,- кивнул он.- Бутылку оставь, принеси еще одну рюмку и капучино даме.

- Я не просила,- напомнила Таня, когда официант отошел.

- Брось, это же коньяк, а не водка. И хороший, кстати.

- Я, чтоб ты знал, предпочитаю водку.

- И предпочитай на здоровье! - Валерий рассмеялся.- Только разве я посмею угостить даму водкой? Разве что дама созрела для жаркого с грибами. Как?

Таня прыснула.

- Разве я сказал что-то смешное? - удивился Васильев.

- Дамой меня называешь...

- Если тебе больше нравится, могу называть сударыней.

- Мне больше нравится «Таня».

- Танечка...

- Просто Таня.

- Договорились. Так что, Просто Таня, заказать тебе жаркое с грибами? Что смеешься?

- Ты смешной!

- Врешь! Я страшный! - Валерий закатил глаза и очень натурально заухал филином.- Пошли потанцуем?

- А здесь танцуют? - удивилась девушка.

- Музыка играет, место есть.

Когда они поднялись, к ним тут же устремился официант.

- С капучино подожди,- вальяжно бросил ему Валерий.- Минут через десять,- взял Таню под руку и повел на крохотный свободный пятачок слева от стойки.

Через пару минут, увлеченная их примером, поднялась воркующая пара.

- Что это у тебя, пистолет? - тихо спросила Таня.

Ее рука наткнулась на кобуру.

- Газовик,- беспечно соврал Валерий.- На всякий случай.

- А-а-а...- несколько разочарованно.- А я от оружия тащусь, чтоб ты знал!

Светлые, с янтарным отливом волосы. Маленькое ушко. Совсем невинное ушко.

Они вернулись за столик. Васильев сделал знак щекастому: неси кофе. Тот кивнул, но продолжал как ни в чем не бывало болтать с барменом.

- Этот бездельник портит мне настроение,- отметил Валерий.

- Ты ему не понравился,- пояснила Таня.

- погоди минутку.- Васильев встал и подошел к стойке.

- Прервись, хомячок.- Он хлопнул официанта по плечу.- И пошевели булками. Рюмку и капуччино, если у тебя склероз.

- Момент! - Официант странно зыркнул на Васильева и нырнул за тростниковый занавес.

- У него что, еще и понос? - спросил Валерий бармена.

Тот равнодушно пожал плечами.

Из-за тростникового занавеса появилась горилла. За гориллой маячил щекастый.

- Вот этот! - обвиняющий перст указал на Васильева.

Горилла оперлась лапами на стойку. Стойка жалобно захрустела.

- У нас проблемы?

Оказывается, горилла умеет говорить.

- Проблемы у меня,- холодно произнес Васильев. Горилла его не впечатлила. Монплезир выглядел пострашнее.- Чашка капуччино и чистая рюмка. Жду полчаса.

- Но вы...- попытался возмутиться щекастый, но горилла хлопнула лапой, и официант умолк.

Вопросительный взгляд гориллы устремился на бармена. Тот пожал плечами. В этот универсальный жест он умел вкладывать разные оттенки.

- Принеси,- рыкнула горилла, одарила Васильева звериной улыбкой и удалилась за занавес.

- Что-то случилось? - без особого, впрочем, беспокойства спросила Таня, когда Валерий вернулся за столик.

- Да. Сейчас тебе, наконец, принесут капуччино.

Точно. Буквально через мгновение возник щекастый и принес кофе и рюмку. Васильев демонстративно посмотрел сквозь нее на свет: чиста ли? Официант фыркнул.

- Свободен,- бросил ему Васильев.

Щекастый еще раз фыркнул и удалился.

- Такой смешной,- сказала Таня.

- Угу. Как собачья задница. Со «штанишками».

Девушка прыснула.

- Хочу шоколадку,- попросила она.

Валерий сгонял чекастого за шоколадкой. На сей раз тот был достаточно проворен.

Примерно через час коньяк кончился. Официант принес счет, не забыв приписать ручкой свои чаевые.

Васильев ткнул в них пальцем.

- Не заработал,- сухо сказал он.

Отвислые щечки официанта порозовели. Он вычеркнул «надбавку» и минуты две вычислял на калькуляторе новый результат, хотя тот был написан строчкой выше.

Таня развлекалась.

- Знаешь,- сообщила она,- я полгода работала официанткой в одном кафе.

Негр вышел из-за загородки и подал ей дубленку.

- Приходите еще,- вежливо пригласил он.

- Это вряд ли,- ответил Валерий и отдал ему не выплаченные чекастому чаевые. Негр вежливо поблагодарил.

- А почему ушла? - спросил Васильев.- Не понравилось? Проблемы с интимом?

- Да хозяин вообще голубой был! - громко (коньяк!) заявила девушка.- Зарплату платить перестал. Сказал: ты и так на чаевых имеешь. А какое его собачье дело?

- Успокойся,- произнес Валерий.- Уже проехали. Ты где живешь?

- Близко. Валера, ты сильный?

- Не жалуюсь.

- Донесешь меня на руках вон дотуда?

Васильев подхватил ее на руки. Несмотря на стройность, весила она прилично. Но много меньше Петренко, с коим на плечах Васильев вчера трижды обежал вокруг зала. Правда, Петренко не дрыгал ногами, не хохотал в ухо и не потерял по дороге шапку.

- Валерка, я тебя люблю! - заявила хмельная подружка и поцеловала его в ухо.

- Полегче, солнце мое,- Васильев поставил ее на ноги.- Как я понимаю, сейчас мы зайдем к тебе?

- Ага! - белозубая улыбка и попытка поцеловать его в губы, не удавшаяся из-за разницы в росте.

- Нельзя целоваться на морозе! - строго сказал Васильев.

- Ой! - прикрыла рот ладошкой.

- Купить чего-нибудь с собой? - спросил Валерий, кивнув на «24 часа».

- У меня все есть! - хихиканье.- Вот сюда, по дорожке.

«Дорожка», хилая тропка в снегу, петляла между деревьев вдоль железнодорожной насыпи. Невдалеке кавкали собаки и слонялись подозрительные силуэты. Освещения, естественно, не было.

- Не боишься тут одна ходить? - спросил Васильев.

- А у меня вон чего есть! - Рука в варежке нырнула в карман дубленки.

Валерий еле успел перехватить руку, и порция «перцовки» рассеялась в морозном воздухе.

- Молодец,- похвалил он и засунул баллончик обратно в карман девушки, профессионально отметив, что резкость у нее - на уровне. Несмотря на принятый коньяк.- Приходилось пользоваться?

- Ага!

- И как?

- Класс! - звонкий жизнерадостный смех.

Из темноты вынырнула призрачно-белая кудлатая псина, гавкнула. Таня попыталась ее погладить, но псина увернулась и ускакала по своим собачьим делам.

- А вот мой дом!

- Какой код?

- Никакого. Дерни посильней!

Маленький коридорчик.

- Уф! - Таня сорвала шапку и закинула ее на вешалку.- Жарища! Я сама! (Валерий попытался снять с нее дубленку.) Раздевайся!

Но не успел Васильев снять куртку, как девушка обняла его, пригнула и принялась целовать так жадно, словно они впервые встретились после долгой-долгой разлуки. Ее страстность заразила Валерия. Он стиснул ее, поднял, прижал к себе, ощутив все ее сразу: губы, грудь, живот, бедра; закрыв глаза, нырнул в ее тепло и запах...

- Танька! (Мать-перемать!) Это кто? (Мать-перемать, мать-перемать!) Это ты кто?

Валерий аккуратно поставил девушку на пол.

В дверях кухни маячил обрюзгший, не старый еще мужик с замыленными глазами.

Таня как ни в чем не бывало встряхнулась, глянула в зеркало, поправила волосы.

- Чего орешь? - весело спросила она.

- Танька!.. Эк!.. Дай четвертак!

- Что, водку мою нашел? - беззлобно спросила девушка.
- А... эх!.. Чё ее искать? За окном... Эх! Дай (мать-перемать) четверной (мать-перемать)!
- Дай ему двадцатку,- беззаботно проговорил девушка.- А то он не уймется.
- Я ему лучше в лоб дам,- пообещал Васильев, хмуро глядя на пьяного.- Тогда он точно уймется.
- Не смей! - Таня схватила Валерия за руку.- Это мой папа!
- Точно! - обрадовался мужик.- Дай четвертной, Танька! Отец я тебе или нет?!
- Ну ты даешь, папуля! - искренне удивилась девушка.- Отец или нет? Я-то откуда знаю.
- Все! - рывкнул Васильев, которого достал этот пьяный диалог.- Одевайся и поехали ко мне! У меня спокойней!
- Поехали,- неожиданно легко согласилась Таня и потянулась за шапкой.

Пьяный «папуля» молча отнаблюдал, как они одеваются, и вышел из ступора, только когда они уже спускались по лестнице.

- Танька! Токо вернись! Убью! Слышишь?
- Это он всерьез? - озаботился Васильев.
- Не-е! Он добрый! - В голосе девушки слышалась теплота.- Выпьет, покричит немного, и все. Пальцем меня никогда не тронул.- И после паузы, задумчиво.- Мать нас бросила, когда я еще девчонкой была. Он меня вырастил.

Васильев хмыкнул. На его взгляд, Таня девчонкой и осталась. Но мужика жалко.

- Он у меня коммунист! - почему-то с гордостью сообщила девушка.- На все митинги ходит.

И Васильев жалеть перестал. Все-таки не совсем заброшен папаша, есть у мужика развлечение.

Поймав тачку, Васильев уже через пятнадцать минут привез подружку на Рубинштейна. Водила гнал, как на пожар.

- Водки купи,- попросила Таня.- И пожрать чего-нибудь. А то я голодная.
- Надо было жаркое с грибами есть, когда предлагали,- напомнил Валера.- Не беспокойся. Есть у меня водка. И поесть тоже найдем. У меня, знаешь ли, соседи, а не вороватый папаша.
- Соседи тоже разные бывают,- мудро отметила девушка.
- Мои - хорошие.

В лифте воняло мочой.

«Поймаю - прибью», - подумал Васильев.

Мысль была столь же привычной, как скрип старого подъемника.

Пока они возились у вешалки, из своей комнаты на кухню прошествовал Аркадий с горой тарелок в руках.

- Здорово, Валер. Здравствуйте, милая девушка! - и подмигнул Васильеву.

- Что, гостей принимаешь? - Валерий кивнул на грязные тарелки.

- Принимал, уже ушли. Плова хотите?

Васильев хотел отказаться, но Татьяна тут же заявила:

- Хочу!

- Ладно, ладно! - засмеялся Аркадий, отметив недовольное выражение Валериной физиономии. - Я же плов предлагаю, а не свое общество. - Его глаза прошлись по Таниной фигурке. Оценивающе, но... как-то не так. Как бы не по-мужски, а... иначе. Валерий было насторожился, но потом вспомнил о профессии Аркадия и успокоился. Врач, он врач и есть. «Все лишнее - отрежем!»

- Я посуду вымою, и спать, - сообщил сосед. - Плов - на плите. Полказана. Берите, сколько хотите. Только не лопните. А то был случай: один узбек...

- Аркадий! - произнес Васильев.

- Понял. Ухожу.

- Прикольный у тебя сосед, - уже в комнате заметила Таня.

- Недавно вселился. Отличный парень. Хирург, кстати.

- А это у тебя что? - Взгляд девушки упал на макивару.

- Для тренировок.

- Ага. Ушу! - встала в карикатурную стойку.

Васильев поймал ее за руки, притянул к себе. Таня тут же принялась расстегивать ему рубашку.

- Плов, - шепотом напомнил Валерий.

- Точно! - Девушка чмокнула и слегка оттолкнула. - Давай неси. Я голодная, как тигра! Только на минутку в ванную сбегаю. Где она у тебя?

Плов оказался изумительный. Под ледяную водочку пошел самым наилучшим образом.

«Всосался в масть», - как сказал бы Монплефир.

- Сыта? - спросил Валерий, когда тарелки опустели.

- Потом еще поем... После. - Она бросила на Васильева кокетливый взгляд. - Нет, ты сиди. Сейчас я тебе стриптиз показывать буду! При свечах. Есть у тебя свечи?

- В серванте. Спички тоже там.

Наевшись, Валерий слегка отяжелел и теперь с некоторой ленью наблюдал, как эта, в сущности, чужая девушка бродит по его комнате, зажигает свечи, гасит лампу, включает магнитофон. Девушка ему нравилась. Нравились ее фигурка, пластика, личико. Он подумал, что, если смыть весь этот грим, под ним обнаружится девчоночья скуластая мордочка с пухлыми губками и наивными серыми глазищами.

Таня встряхнула волосами, улыбнулась широко и обольстительно, взялась за молнию юбки. Двигалась она плавно и действительно возбуждающе.

Юбка упала на ковер. Девушка поставила ногу на подлокотник Валериного кресла, провела ладошками по бедру. Валерий почувствовал легкий запах духов. Нога была хороша. А без толстых зимних колготок наверняка еще лучше.

Чуть улыбаясь, Валерий наблюдал, как колготки, подгоняемые ловкими пальчиками, сбегают от паха к ступням...

Музыка уносила Валерия. Туманила взгляд. Валерий встряхнул головой, отгоняя дремоту. Что за дьявольщина! Этак он и уснуть может. Это все плов. Разве можно столько есть...

Таня медленно раскачивалась под хриплый французский шансон. Пальчики с острыми ноготками ласкали острые грудки...

Васильев очнулся, когда за окном дико завывала чья-то сигнализация. Он встряхнул головой. Веки слипались. Глаза застилала пелена.

Татьяна, почти голая, в одних трусиках, клубочком свернулась на полу. Она спала.

- Нет...- прохрипел Васильев, уже понимая: происходит что-то ужасное. Он сделал попытку встать, но тело отказывалось повиноваться. Невероятным усилием он еще несколько секунд держался, но секунды прошли, и он провалился в тяжелый сон.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пробуждение было омерзительным. Голова трещала. На часах - девять тринадцать. Тани в комнате не было. Зато имелась записка, корявыми буквами:

«Никуда не ходи. Тебе позвонят».

И чуть пониже - приписка:

«Если хочешь еще увидеть свою девушку».

Васильев заскрипел зубами: ярость только усилила головную боль. Он полез в шкаф, достал две таблетки «алказельцера». Растворил в воде для цветов и выпил.

Пока пил, сообразил: «Плов!»

Вот так вот! Вспомнилось, как он гордо заявил: «Больше тебя у меня не украдут!» – И аж затрясся от ненависти.

Он вытащил пистолет, вышел в коридор, остановился у двери Аркадия.

Ну, сука!

От пинка дверь распахнулась настежь. С легкостью – она была открыта. В комнате никого не было. Никого и ничего. Ни одежды, ни книг, ни старинного письменного прибора. Ни клочка бумаги, ни пылинки на столе.

Валерий сунул пистолет за спину, под ремень. Есть вопросы? Нет вопросов. Да уж. Хороший парень Аркадий. Хирургически точная работа.

В дверях столкнулся с соседкой.

- Валерик, ты стучал?

- Я,- Васильев вежливо отодвинул ее в сторону, обошел.

- А Аркаша, что, съехал? – крикнула ему вслед соседка.

- Съехал,- буркнул Валерий.

И тут он вспомнил, что не один. Он же часть команды! Да Силыч с ребятами...

Валерий бросился к телефону.

Ну ладно, гады! Вы еще ответите!

Силыч не отвечал. Петренко – тоже. И Шиза. У Юры трубку взяла мама и сказала, что сын дома не ночевал.

Весело. Ну ладно, еще не вечер.

Васильев вернулся в комнату. Потом, надоумленный неизвестно кем, выщелкнул обойму ПМ. Все патроны были на месте. Только холостые. И запасная обойма в кармашке кобуры – тоже с фальшивой начинкой. Да, молодец хирург. Обо всем позаботился... Но кое-что забыл.

Васильев полез под торшерный столик, достал две полные обоймы. Одну – в карман, вторую – в рукоять. И пошел варить кофе.

Телефон затрендел примерно через час. Васильев торопиться к нему не стал, дождался, пока соседка возьмет трубку.

- Валерик!

Васильев подошел, нехотя уронил:

- Да...

- Очухался? – поинтересовался незнакомый голос.- Слушай сюда. Бери дурь или бабки и через час жди у своего подъезда. Один. И ваньку не валяй, иначе из лохматки твоей чучело набьем,

понял?

- Не понял! - нагло ответил Васильев.- Какая дурь? Какие бабки?

- Те, что ты и твои блядские кореша на хазе у Чалого взяли.

Валерий понятия не имел ни о каком Чалом.

- Ты корешей моих не трогай! - рявкнул Васильев.- А про дурь я ничего не знаю, понял?

- Так узнай,- ехидно предложил собеседник.- Или криздец и бабе твоей, и тебе тоже!

Васильев сдержался. Что толку орать по телефону? Время надо выиграть. А там подключатся друзья, и карусель завертится.

- Узнаю,- согласился Валерий.- Но два условия.

- Ни хера себе! - изумился голос.- Ты, бля, жмур ходячий, еще условия ставишь! А по...

- Стоп! - оборвал монолог Васильев.- Заткнись и слушай. Условия такие: мне нужно время, чтобы найти то, что ты хочешь. Я в команде не главный, и, куда все идет, мне не докладывают. Это первое. Второе. Если девушку кто-то обидит, если хоть чей-нибудь вонючий хрен... Ты меня понял? Найду всех и каждого яйца сожрать заставлю. Поштучно.

- Крутой! - фыркнул собеседник.- Ладно, ищи бабки или дурь. Не тронем твою девку. Сроку тебе - десять часов. И никаких выгибонов! Понял?

- Понял,- буркнул Васильев и бросил трубку.

Затем снова позвонил Силычу и Петренке. У Петренки мобильник был отключен, у Силыча - не отзывался. Васильев вернулся в комнату и оценил положение.

Итак, сейчас около двенадцати. В активе: десять часов времени, один пистолет, руки-ноги - и больше ничего. Ничьих адресов, кроме Юркиного, Валера не знает. И никаких контактов с властью предрержащими и государственными конторами у него тоже нет. Кое-кого знает в лицо - и только. Есть удостоверение сотрудника ФСО, но и только. Все связи замыкал на себя Силыч. Но ничего, кроме номера «Дельты», для контакта с Силычем у него не было. Вообще-то у Силыча были две «трубы», но номер второй Васильеву был не известен. Как, однако, все неудачно складывается...

Тут ему пришла в голову очень неприятная мысль: если Хирург подселился к нему месяц назад, то, выходит, их уже месяц как разрабатывают. И очень может быть, за этот месяц враги успели выйти и на остальных. Вот это уже совсем скверно.

У Васильева засосало под ложечкой. Неужели?.. Нет, невозможно. Его друзей так просто не возьмешь. Да и если бы наехали на кого-то из них, остальные бы уже об этом знали. И Васильева предупредили бы.

Надо что-то делать. Что-то предпринимать. Самому. Черт, за последние месяцы он отвык действовать самостоятельно. Все время рядом был кто-то, более знающий, более опытный. Васильев привык чувствовать себя младшим, не шестеркой, конечно, младшим братом в большой и сильной семье.

Голова перестала болеть - это хорошо. Хоть что-то хорошо.

Значит так: связи с остальными нет. Денег и наркотиков у него тоже нет. Своими силами ему Таньку не вытащить. Есть десять часов. Каков первый шаг? Найти кого-то из ребят...

Стоп! Его могли забрать так же, как и Таньку. Но оставили. Зачем?

Вывод напрашивался сам: чтобы он навел гадов на друзей. А теперь его пугнули в расчете, что он стремглав помчится за помощью, и...

Что ж, проверим.

Валерий быстренько накинул куртку и – за дверь.

Ну точно. Как только он вышел из подъезда, бледно-серая «вольво» с тонированными стеклами медленно тронулась с места и потащилась с черепашьей скоростью в параллель с Васильевым.

Хвост.

Причем наглый.

Валерий подавил искушение разрядить «макар» в темные стекла. Ладно, без глупостей.

Васильев вышел на Пять Углов, перепрыгнул через канаву и оказался на Загородном, где нынче вместо проезжей части – яма в два метра глубиной. Придется вам, ребята, спешиться.

Разглядывать, кто именно вылез из «вольвы», Валерий не стал. Ясно, что не фигуры, а фошки. Сейчас его задача – оторваться. Поворот во дворы, через дворы – снова на улицу, с улицы на канал. Проверился – вроде никого. Есть, конечно, вероятность, что «вольво» – для отвода глаз, а настоящий «хвост» незаметен и цепок. Но тут уж ничего не поделаешь.

Так, стоп. Надо еще кое-кого предупредить.

Быстрым шагом Васильев двинулся к Гороховой, там свернул, воткнул карточку в первый попавший автомат, набрал код Симферополя. Удача! Трубку взял батя. Зашел домой перекусить.

- Пап, давай опустим лирику, – быстро сказал Васильев. – Я тебе говорил, что занялся бизнесом, помнишь? Сейчас у нас проблемы. С бандюганами. Мне лично ничего не грозит, но давить на меня будут. И не исключено, что через вас. Можешь...

- Я тебя понял, – перебил его отец. – За нас не беспокойся. У моего начальства «крыша» крепкая. А меня ценят. Не бойся.

- Все же Ленку предупреди. Маме – не надо.

- Валера!

- Ладно, знаю, что у тебя голова на плечах, – извинился Валерий. – Спасибо, успокоил меня.

- Я рад. Что за бизнес у вас?

- Химикаты, – соврал Васильев. – По специальности. Ты не нервничай, я выкручусь, это временно. Всем привет. Берегите себя!

- Убережем, не беспокойся. Будь здоров, сынок!

Васильев повесил трубку, быстро огляделся. Вроде ничего подозрительного. Ладно. Один камень с души долой. Осталось еще штук сорок.

- Земеля, не дашь позвонить?

Секондовская куртень, помятая рожа, а руке - рупь.

- Звони.

Пока мужик скучно бубнил в телефон: «Васек, а Васек, ну хоть стольник до полочки, ну хоть сколько, ну Васек...» - Валерий исподтишка озирался. Ничего не обнаружил.

Мужик закончил бубнить, рожа еще более унылая, чем раньше.

- Спасибо.

- Тебе деньги на жизнь или на водку? - спросил Васильев.

- Какая водка? - грустно махнул рукой мужик.- Грызунам жрать нечего.

- Каким грызунам? - удивился Васильев.

- Да детям,- и пошел.

- Стой,- сказал Валерий.- Погоди.

Мужик остановился, взгляд такой же унылый. Поставь рядом молоко - скиснет.

- На,- Васильев протянул ему стошку. И не желая выслушивать благодарности, быстрым шагом двинулся к каналу.

По дороге думал. Допустим, у остальных тоже аналогичные проблемы. Допустим, Васильеву не удастся ни с кем связаться, и действовать придется самостоятельно. Что тогда? Боец он средненький. Расклада сил не знает. Враг анонимен. За исключением Хирурга, который вряд ли явится к нему с визитом. А если и явится, то отнюдь не пивка выпить. Есть ли у него какие-нибудь козыри в рукаве? Пистолет и удостоверение? Нет, это не козырь. Что еще? Думай, Валера, думай!

И Васильев думал. И додумался. Потому что ответ лежал на поверхности. Нет, не зря ему присвоили ученую степень кандидата химических наук.

Васильев тормознул тачку и поехал в институт. В лаборатории - хоть шаром покати. Но Васильев знал: в институте можно достать все что угодно. Если знать, где искать и если есть чем рассчитаться.

В прежние времена все измеряли на спирт. Теперь стало проще - перешли к товарно-денежным отношениям. Раздобыв, что требовалось, Васильев отправился этажом выше, на кафедру БАВ [3] . В режимные времена ему туда доступа не было, но нынче - вход свободный. Тамшний народ Васильева знал. И Васильев знал, кого можно озадачить заказом, чтобы при этом не трепался и вопросов лишних не задавал.

То, что попроще и побыстрее, Валерий сварил сам. Запаял в стекло, упаковал тщательно, рассовал по карманам. Зашел в аптеку, прикупил французских, безумно дорогих таблеток.

Одну съел. Для профилактики.

Закончил часам к четырем. Опять попытался дозвониться до Силыча и Петренко. Безрезультатно. И Юра тоже домой не возвращался.

Оставалось только одно место – зал.

Что ж, попробуем и это.

Васильев сел в метро и собрался ехать до Ладожской, но по дороге передумал. Если зал тоже засвечен, то его могут засесть на выходе из метро. Нет уж!

Валерий вышел на Александра Невского и пересел в маршрутку. Но и тут решил выйти заранее. Время есть, лучше перестраховаться.

На подходе к месту ему навстречу попался пацаненок:

- Дяденька, дай закурить!

- Молодой еще! – сердито бросил Валерий... и признал в оборвыше Гарика. Виду не подал.- Иди отсюда!

- Ну дяденька!..- оборвыш скулил и тащился следом. Но в промежутке между поскуливаниями, успел сказать:

- В зал не ходи. Иди к подстанции за автостоянкой. Аккуратно, за тобой – хвост. Один. Дяденька!!! Ну дай закурить!

- Пошел, я сказал! – Васильев свирепо оттолкнул парнишку, тот упал, вскочил, обматерил «дядю» умело и многообразно.

Значит, хвост. Очень интересно.

Васильев быстрым шагом пересек пустырь, обогнул помойку, по рукотворным, занесенным пыльным снегом холмам вышел к какому-то забору, нашел в нем дырку, пролез, прошел метров десять, чтобы осталась цепочка следов, затем по ним же вернулся и притаился. Минут через пять услышал «скрип-скрип» по лежалому снегу. Некто подошел к дырке. И остановился. Видно, прислушивался. Вряд ли так поступил бы случайный прохожий. Васильев замер, не шевелясь и не дыша.

«Скрип-скрип» – «хвост» глядел сквозь дыру... и видел цепочку следов.

Сердце Валерия стучало так оглушительно, что, казалось, «хвост» неминуемо его услышит.

Наконец в щель осторожно просунулась голова в мохнатой шапке...

С-с-са! Васильев коротким хлестким движением рубанул «хвоста» по кадыку. Тут же ухватил за отвороты куртки, втянул в дыру и добавил коленом в пах.

«Хвост» впал в болезненное оцепенение.

Валерий швырнул его ничком на снег, быстро и тщательно обыскал. Оружия не было. Были кошелек, ключи, права на имя Галкина Валерия Валериевича (надо же, тезка!) и мобильный телефон.

Васильев пинком перевернул тезку на спину, врезал ботинком по правому локтю – «хвост» взвыл. Ага, голос прорезался.

- На кого ты работаешь? – рявкнул Валерий.

- А-ш-ш... а-ш-ш...- просипел тезка.

Литой каблук васильевского башмака впечатался в сгиб левой руки лежащего. Тот ахнул.

- Ну, быстро! – Ребристая подошва, облепленная грязным снегом, повисла над переносицей «хвоста».

- Ф-ф-ф шапке...- с трудом выдавил из себя шпик.

Валерий шагнул в сторону, подцепил носком мохнатую шапку. Точно. В шапке оказался потайной карманчик, а в карманчике – запаянное в пластик удостоверение сотрудника частного сыскного агентства «Владигор». Васильев спрятал удостоверение в карман – пригодится.

Частный сотрудник валялся на снегу, беспомощный и томимый ужасом.

Валерий присел рядом на корточки. Активных действий противника он не опасался – тот был сломлен.

- Говори или пришибу! – рявкнул Васильев.

Сипя, хрипя и кашляя, тезка поведал, что был поставлен около института, дабы высмотреть Васильева, а высмотрев, сопроводить, а если окажется, что объект прибудет на Ладожскую, отзвонить по телефону. И продолжать сопровождать. Что тезка и сделал. Отзвонил и сопровождал.

Доложив, шпик ужаса в глазах не утратил. Не верил, что Васильев просто так его отпустит.

Валерий его порадовал. Изыскал поблизости кусок проволоки. Одним куском скрутил тезке запястья, другим – щиколотки, поставил «хвоста» на ноги, прислонил к забору, нахлобучил на голову шапку, чтоб уши не отмерзли.

- Выберешься сам,- сказал Васильев.- Короткими перебежками.

«Стреноженному» понадобится минимум час, чтобы преодолеть пятьсот метров пересеченной местности. Тем не менее, когда Валерий его покинул, тезка выглядел счастливым.

За автостоянкой Валерия ждали Олег и Гарик. Только двое. Васильев расстроился. Он-то рассчитывал увидеть хотя бы кого-то из взрослых. С кем можно посоветоваться... и кто возьмет на себя ответственность за дальнейшее.

- Нас малышня тормознула,- не дожидаясь вопросов, сказал Олег.- В садике рыл двадцать стережет. Академика прихватили и увезли, мелких не тронули, только потрясли немного.

- А Егорыч?

- Насчет него не знаю,- озабоченно проговорил Олежек.- Блоха, лохматый такой, с киношной банданой, знаешь, говорит: пришел раньше этих. Зал был открыт, но сэнсэя не было. И, кроме малышни, никто не пришел, только Паша. Ему и рыпнуться не дали.

- Рыпнешься тут,- проворчал Гарик.- Под такой кучей стволов!
- Я Силычу звонил. И Петренке,- сказал Валерий.- Не отзываются.
- Вот срань какая! - пробормотал Гарик.- Быть не может, чтоб всех свинтили. Жопой чую: затихарились.
- Ты лучше не жопой, а головой думай,- сердито буркнул Олег.- Если по-умному, так всех сразу и надо брать. Так что могли и всех. Валера?
- Да?
- А как ты соскочил?
- Я... Я еще не соскочил.

Поколебавшись, Васильев рассказал свою историю. Пацаны выслушали с серьезными лицами, покивали сочувственно.

- Зарыться тебе надо,- сказал Олег.- Поглубже. Может, и не достанут.

3

БАВ - биологически активные вещества.

Васильев мотнул головой.

- Пойдешь на контакт? - спросил Олег.
- Не ходи,- посоветовал Гарик.- Так и так подружке твоей кранты.
- Я пойду,- сухо произнес Васильев. Где-то внутри вдруг вспыхнула холодная ярость.- Выхода все равно нет. И уже не о подружке моей речь. Если с нашими что-то случилось, надо их выручать.
- Надеешься, что кто-то уцелел? - с сомнением спросил Олег.
- Не знаю. Но если даже их всех положили - я этого не спущу! - У Валерия даже челюсти заломило от ненависти. Силыч, Юрка, Петренко, Монплеизир... Да все они... Нет, не может быть...

«Кто-то остался,- подумал он.- Иначе, почему я жив?»

- Да что мы сможем сделать...- пробормотал Гарик.- Если даже Силыч...
- Что сможем, то и сделаем! - отрезал Васильев.- Только не мы, а я, понятно?
- Сдурел? - Олежек покрутил пальцем у виска и засмеялся.- Ты глянь на него, Гарик? Он уже нас в детишки определил. Сейчас домой к мамочке отошлет!

Васильев поглядел на пацанов. Да, он был не прав. Они не детишки. Они - такие же члены

команды. Может быть, последние, оставшиеся в живых.

- Ладно, проехали,- буркнул он.- Извините. В любом случае, мне надо идти на контакт с теми, кто украл Таню. Деться некуда.

- Как это? - не понял Гарик.

- А так это! - отрезал Олег.- Мозги-то подключи. Как мы иначе на этих козлов выйдем?

- А те, которые в зале?

- Те - левые! - уверенно заявил Олег.- Серьезные люди светиться не станут. Хоть место и тихое.

- Так сделаем его громким,- сказал Васильев и достал телефон. Пара минут потребовалась, чтобы узнать телефон РУОП. И еще пара - чтобы настропалить дежурного. Дескать, большая криминальная разборка готовится.

- А теперь пойдем, полюбуемся,- предложил он.

- А не засекут? - осторожно спросил Олег.- Не эти, так менты. А ты - при пушке.

- Ничего,- усмехнулся Васильев.- Мы издали.

Полюбовались. РУОПовцы прибыли на удивление оперативно. И получаса не прошло. Не меньше роты. Вооруженные до зубов парни страхолюдного вида, в шлемах, масках, могучих брониках. Оцепили, положили, разоружили, кого-то слегка попинали, погрузили и уехали. Осталось много-много утоптанного снега, кое-какой мусор, вроде выпавших из карманов зажигалок,- и больше никого. Гарика, как самого молодого, послали на разведку. Вернувшись, он доложил: никого. Все двери нараспашку, инвентарь попорчен.

В кармане Васильева зачирикала «труба». Валерий ее выключил.

- Пошли отсюда,- сказал он.

В общем, Васильев выяснил, что хотел. Те, кто взял их за горло, представляли не Государство, а самих себя. Скорее всего.

- Куда теперь? - спросил Олежек.

- Я - домой,- ответил Васильев.- Эти будут туда звонить.

- Стоит ли? Хата твоя насквозь засвечена...

- Ничего, рискну.

На проспекте Васильев поймал машину и поехал домой. По дороге подбросил мальчишек. Договорились так: Олежек позвонит ровно в двадцать два пятнадцать. Спросит Афоню, но трубку возьмет Валерий. О встрече будут договариваться с поправкой плюс одиннадцать часов. Это на случай, если телефон прослушивается.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Рискнул. В квартире Валерия уже ждали. Аркадий с товарищами. Товарищей было двое: с уважением отнеслись к Васильеву, ничего не скажешь.

Встретили его, как только открыл дверь. Видимо, кто-то с улицы наблюдал за подъездом и дал знать.

- Один? - сказал Аркадий.- Вот и умница. Будешь прыгать не по делу, коленки прострелим. Доходчиво объясняю?

За спиной «хирурга» маячили двое с пистолетами. На стволах - глушители. В первый раз Валерий пожалел, что в квартире широкий коридор.

- Ладно,- буркнул.- Где тут прыгать?

Он снял куртку, повесил на крючок и демонстративно поднял руки. Один из мордovorотов передал пистолет «хирургу», вытащил у Васильева из кобуры ПСМ, обыскал быстренько, нашел отнятый у «хвоста» мобильник, забрал.

- Руки за спину! - На запястьях защелкнулись наручники.- Вперед!

Проходя, Валерий глянул на соседскую дверь. Из-под нее пробивался свет.

- Живы, живы,- успокоил поймавший этот взгляд Аркадий.- И девушка твоя жива. Пока.

Привели Васильева в собственную комнату.

- Присаживайтесь, Валерий Васильевич,- пригласил «хирург».

- Витальевич,- буркнул Васильев, плюхнувшись на стул.

Мордovorоты-опекуны обосновались за спиной. Психологическое давление, так сказать. Не учли только, что видны в оконных стеклах.

- Как ваши мальчики? - осведомился Валерий с ухмылкой.

- Какие мальчики?

- Которых замели у нашего зала.

- У вашего зала? - «Хирург» был озадачен.

- Или это были чужие мальчики? - Васильев усмехнулся.

- Приглядывайте за ним,- распорядился Аркадий и вышел в коридор. Валерий разговора не услышал. Поскольку один из приглядывающих врубил телевизор, потыкал по сенсорам, нашел музыку поактивней, одарил Васильева нехорошей улыбочкой.

Вернулся Аркадий.

- Уходим,- коротко бросил он.

Валерия подняли со стула, перестегнули наручники, вывели в коридор, заботливо набросили курточку.

Присматривали за ним поверхностно. Явно держали за лоха. Впрочем, признал Валерий, он и вел себя как лох. Но это – в прошлом. Сейчас его «проводятым» предстояло пережить большое разочарование. Воспользовавшись их невнимательностью, Васильев ухитрился достать из внутреннего кармана куртки одну из ампул, содрал мягкую упаковку. Мордovorоты ничего не заметили.

У подъезда маячила давешняя «вольва» с тонированными стеклами. Васильева засунули на заднее сиденье, между двумя мордovorотами. «Хирург» сел около водителя.

- Поехали!

- Погоди! – произнес Васильев.- Я готов...

Вопросительного взгляда Аркадия он не увидел, потому что закрыл глаза. Хруст сломанной шейки ампулы поглотил мягкий рокот мотора. Содержимое вылилось на пол и мгновенно улетучилось.

Валерий мысленно отсчитал до тридцати. На счете двадцать ощутил, как сидящий справа опекун тяжело навалился на него.

Мерно ворковал двигатель. Васильев слушал ровное дыхание захвативших его бандитов. Сам он не дышал. Препарат лучше всего всасывался именно легкими. Через кожу – тоже, но от этого должна была предохранить патентованная таблетка. Ее действия хватало часов на шесть.

Не открывая глаз, Васильев потянулся к дверце, приоткрыл ее. Препарат через полторы-две минуты полностью разлагался под действием содержащегося в воздухе кислорода. Но немного проветрить не помешает.

Ровно через две минуты Васильев снова начал дышать, осторожно, прислушиваясь к своим ощущениям. Вроде, никаких симптомов. Его «спутники» были погружены в здоровый, совершенно безвредный сон. Васильев помнил, куда один из мордovorотов сунул ключи от наручников. Через полминуты Валерий был свободен.

Теперь следовало позаботиться о спутниках.

Васильев поразмыслил немного и решил, что с ними надлежит поступить так, чтобы их работодатели слегка помандражировали. Нечто непонятное и страшное.

Валерий обыскал громил. У одного не было ничего, кроме некоторой суммы денег, сигарет с зажигалкой и пистолета с глушаком. У второго, естественно, тоже обнаружили и бумажник, и пистолет. Но кроме этого, ряд совершенно специфических предметов. Длинный и очень узкий, сточенный почти в спицу, бритвенно острый нож, небольшой паяльник, маленькие хромированные клещи.

Если у Васильева и были намерения оставить парней в живых, то при виде этого арсенала они растаяли. Иголоподобный нож показался Валерию именно тем оружием, которое требовалось.

Подняв тяжелую лапу правого громилы, Васильев примерился и точным движением вогнал нож бандиту под мышку. Тот дернулся, ахнул негромко и затих. Нож был достаточно длинным, чтобы достать до сердца. Васильев извлек смертоносное орудие и повторил операцию со вторым громилкой. Оставались водитель и Аркадий. Вот их убивать не стоило. Васильев аккуратно протер ручку ножа и вложил его в руку спящего водителя. Затем натянул перчатки

и повернул ключ зажигания. Двигатель умолк. Часа через три водитель проснется и обнаружит себя в обществе пары трупов. Вряд ли он побежит в милицию. Так что живой он будет полезнее мертвого.

Аркадий тоже будет полезнее живым. Мертвые молчат.

Пара оплеух перевела «хирурга» из состояния «спокойного сна» в состояние сонного и почти бессознательного полубодствования.

Васильев выволок его из машины (Аркадий еле перебирал ногами) и под предназначенный прохожим матерок «нажрался, бля, как свинья...», затащил больного в подъезд. Замок на двери в подвал был сломан. Выворочены петли. Традиционно. По понедельникам жэковский слесарь, ругаясь, чинил замок, а через пару дней примороженные бомжи сворачивали его к едрене-фене. До следующего понедельника.

Васильев стащил «хирурга» в подвал, отволок подальше, пристегнул наручниками к трубе. Обыскал. Ни оружия, ни документов. Зато имелся бумажник с приличной суммой и сотовый телефон. Все это в новом положении «хирургу» ни к чему. Предоставленный самому себе Аркадий тут же уснул. Васильев вывинтил лампочку, и секция погрузилась во тьму. Обшаривать подвал в поисках бомжей Васильев не стал. Время приближалось к десяти, и ему следовало быть у телефона.

Телефон зазвонил ровно в десять. Мужской голос попросил Аркадия.

- Его нет,- лаконично ответил Васильев.
- А ты кто? - поинтересовался голос.
- Не Аркадий,- так же лаконично ответил Валерий.
- А где он? - несколько растерянно поинтересовался собеседник.

Разговор становился забавным.

- Пьяный, спит,- сказал Васильев.
- А остальные?
- Тоже.
- А кто не спит?
- Я.
- А ты кто?

Кажется, круг замкнулся.

- А ты кто? - задал встречный вопрос Васильев.
- Ты, мать твою, не борзей! - расвирепел голос.- Отвечай, когда спрашивают!
- А ты не хами,- холодно произнес Васильев.- Валерием меня зовут. А тебя?

- Валерием? - Собеседник опешил.- То есть ты, как это... Валерий?!

- Не ори,- строго произнес Васильев.- Есть что сказать - говори. Нет - до свиданья. Мне некогда.

С полминуты на том конце провода переваривали информацию. Переварили.

- А где Аркадий?

- В ...! - отрезал Васильев.- И ты там будешь, если не поумнеешь.

- Да ты, бля...- привычно зарядил голос, но осекся. Его обладатель сообразил, что разговор клеится не совсем обычно. И уступил место более продвинутому товарищу.

- Валерик,- сказал товарищ.- О чем мы с тобой терли, не забыл?

- У меня память хорошая. Но хочу тебя огорчить: того, что ты хочешь, у меня нет. Не нашел.

- Один не нашел - вместе найдем! - жизнерадостно заявил собеседник.- Главное, что желание было. У тебя есть желание, Валерик?

- Есть,- ответил Васильев.- Чтоб ты, браток, девушку отпустил и из моей жизни исчез, как ежик в тумане.

Собеседник хохотнул.

- Не сомневайся. Как только наше к нам вернется, так и у тебя все будет.

«Свинец в башке и теплая печь в крематории», - мысленно продолжил Валерий обещание.

- Короче, Валерик, мы видим, что ты - пацан серьезный,- сообщила трубка.

«Еще не видите,- подумал Васильев.- Но увидите, когда ваш „пацан“ жмуриков привезет».

- Короче, слушай сюда. Спускайся вниз и жди. Пацаны к тебе подъедут и ко мне привезут. Перетрем по-хорошему.

- Имя у тебя есть? - спросил Васильев.

- Погоняло мое узнаешь, когда свидимся. Давай!

- Нет, не давай! - перебил Васильев.- Место меня устраивает, а время - нет. Подгонишь машину завтра, к часу дня.

- Ты, Валерик, недопонял...

- Нет, это ты недопонял. И страшать меня не надо. Девочку мне, конечно, жаль, но она не единственная девочка в Питере. Усек?

- Хрен с тобой,- подумав, изрек собеседник.- Завтра в час. И не вздумай сорваться. Найдем и...

Васильев взглянул на часы - двадцать два пятнадцать - и положил трубку. Телефон тут же зазвонил.

- Афоню!

- Я.

- Афонь, ты когда должок отдашь? - Валерий узнал голос Олежка.- Ты давай не тяни, слышь...

- Завтра отдам,- буркнул Васильев.- Попозже, а то у меня работа. Завтра в полночь, понял? К подъезду моему, запоминай адрес...

Теперь оставались пустяки. Определиться с ночлегом: оставаться в квартире слишком рискованно. И побеседовать с «хирургом».

Свою комнату Валерий обследовал самым тщательным образом. Ничего подозрительного не обнаружил. То есть он почти не сомневался, что где-то упрятан «жучок», но без специальных навыков и специальных приборов его не отыскать. Зато можно найти подброшенный компромат, вроде оружия или пакетика с кокаином. Обследование отняло часа два. Пора было уходить. Проходя мимо соседской двери, Валерий прислушался... И успокоился, услышав бубнеж Афони.

«Вольва» с подтухшей начинкой по-прежнему стояла у подъезда. Это хорошо.

Валерий подошел к телефону-автомату.

- Ты с ума сошел, Валера! - недовольно проворчала Лариса.- Я уже спать легла. Чуть Гошку не разбудил! А если бы...

- Я к тебе приеду,- прервал Васильев ее недовольный монолог.

- Ты ненормальный,- голос слегка потеплел.- Давай послезавтра. У меня красный флаг.

- Не важно. Лариса, мне нужна твоя помощь.

- Что случилось? Ты во что-то вляпался?

- Скорее меня вляпали. Тебе лучше не знать. Мне нужно выспаться. Больше ничего. Могу я приехать?

- Приезжай,- сухо сказала Лариса.- Дверь я запираю не буду. Еда будет на столе. Постелю тебе на диване. Постарайся нас не будить, нам рано вставать. Будешь уходить - дверь захлопнешь. Пока.

Васильев положил трубку. Раньше он никогда ни о чем Ларису не просил. И сейчас был приятно удивлен. Подумал: вот из кого могла бы получиться прекрасная жена.

Странные мысли для человека в его положении.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Хирург» спал. В том же положении, в каком Валерий его оставил,- в углу низкой подвальной комнаты, с повисшей на цепочке правой рукой.

Васильев наклонился, похлопал его по физиономии. Ответом было мычание.

В таких случаях Петренко рекомендовал взять человека за нижнюю губу и повернуть ее на триста шестьдесят градусов. Брезгливый Юра советовал просто врезать как следует по голени. Валерий избрал второй способ.

Сработало. Аркадий открыл глаза, глянул мутно, не узнавая, потянулся к ушибленной ноге, обнаружил, что правая рука прикована, и потерял ушиб левой. Побочным действием препарата было снижение болевого порога и подавление воли. Первое – совсем некстати.

- Слышишь меня? – спросил Васильев, присаживаясь на корточки.

- Ну.

- Как тебя зовут?

- Вадим... Аркадий!

По его лицу Валерий видел: пленник изо всех сил старается собраться с мыслями, но те расползаются, как тараканы.

Васильев выложил на бетонный пол узкий нож и клещи, позаимствованные у покойника-мордоворота.

- Видишь это?

- Где... взял?

- Трофеи.

- Где... мои...

- В аду, я полагаю,- произнес Васильев.- Будем говорить правду или хотим к ним присоединиться?

Пленник молчал.

Васильев взял его свободную руку, вялую, как дохлая рыба, нажал на точку у большого пальца.

Пленник взвыл, дернулся, но Валерий держал крепко.

- Я, конечно, не доктор,- сказал он.- И лечить не умею. Но где у человека в анатомии разные неприятные места, знаю очень хорошо,- и надавил сильнее.

«Хирург» затрепыхался, попытался даже отбиваться ногами. Но не кричал, терпел. Значит, какой-то контроль еще оставался. Сам бы Васильев в аналогичной ситуации, хоть и не неженка, а уже заорал бы. Потому что знал, каково это, когда давят в нужном месте и под нужным углом. Егорыч, учитель, в первую очередь упиривший на практику и собственный опыт учеников, демонстрировал эффективность болевых приемов и точечной техники на самом обучаемом. В общем, Аркадий оказался более терпеливым, чем Васильев. Скрипел зубами, но молчал. Хотя, возможно, ему «помогал» препарат. Крепился Аркадий, но мало ему не показалось. Взмок, и зрачки характерно расширились.

Наконец Валерий сжалился. Вернее, решил, что пациент дошел до нужной кондиции.

Отпустив руку «хирурга», Васильев взял нож, поиграл им перед носом пленника.

- Повторяю вопрос,- процедил он.- Как тебя зовут?
- Вадим,- буркнул фальшивый «Аркадий».
- Ты действительно хирург?
- Фельдшер. Хирург - погоняло.
- Так, умница. А кто твой хозяин?

Пациент молчал.

- Зря,- произнес Васильев.- Все равно ведь расколешься. И лучше сейчас, пока у тебя все органы на месте.

И сделал быстрый выпад ножом. Пленник отдернулся, ударился затылком о стену, но нож уже оставил отметину. Небольшой порез над бровью. Небольшой, но кровоточащий.

Фельдшер Вадим, он же Хирург, сделал правильные выводы.

- Кострома.
- Что - Кострома?
- Что спросил. Родик Кострома.
- Как выглядит?

Пленник выдал подробное описание. Описание вполне соответствовало лысому заказчику, которому Петренко оцарапал череп. Чертовски жаль, что у Петренки такой хороший глаз. Промахнись он на сантиметр...

У Костромы не было выхода. Пропавшие наркотики повесили на него, откупиться было нечем, так что выбор у него был один. Или отыскать тех, кто по его заказу убил Чуму, или сдохнуть. Кострома, естественно, выбрал первое и рыл, не жалея никаких средств. Да, очень жаль, что Петренко не промахнулся на пару сантиметров. Хотя не факт, что на команду Силыча бы все равно не вышли. Такие суммы просто так не списывают, а найти можно кого угодно и где угодно. Были бы деньги и время. Так что лично он, Хирург, ни в чем не виноват. Ничего личного, как говорится. Это же все понимают, что из-за таких бабок полгорода вырезать можно. А дурь эту все равно никому не толкнуть. Засекут - на лангеты порежут. Так что лучше бы Валерию...

Тут Васильев прервал словесный поток, врезав бывшему фельдшеру по морде, и велел отвечать на конкретный вопрос.

Кто именно выдал лысому Костроме Силыча и остальных?

Этого Хирург не знал. То есть слышал кое-что. Все же в группировке он - не последний человек. Слышал, будто их сдал кто-то из прикормленных ментов. Причем сдал именно Силыча. А уж установив командира, остальную команду выследили с небывалой простотой. Товарищи Васильева совсем не конспирировались. Силыч надеялся на цепочку посредников и маскировку во время операций. Но не учел, что кое-кто из высокопоставленных блюстителей правопорядка пожелает повысить свой материальный уровень. Кто-то из тех, кому Силыч доверял. Хирург не знал, как именно разрабатывали других. Лично его подсадили к Васильеву.

Задача та же: выяснить местонахождение наркотиков. Свежеиспеченный пахан Кострома остро желал вернуть товар. Или полученные за товар деньги. Или хотя бы перевести стрелки. О том, что именно он «заказал» прежнего пахана, в банде не знали. Выяснить по-тихому не получилось. Зато обнаружилось, что у Силыча серьезное прикрытие наверху, где-то в самих Органах. Даже возникло предположение, что и дурь тоже ушла туда, наверх. Но прояснить не успели. Приперли сроки, и Кострома решил пойти нахрапом. Захватить всю команду и выбить информацию. Что из этого вышло, Хирург знал только отчасти. Слышал о троих...

Монплефир никого не боялся. Никого и никогда. Боялся только боли и беспомощности. С болью он кое-как управлялся, а беспомощности не допускал. А любил Монплефир покушать, потрахаться и подраться. Любил чувствовать себя крутым. Поддержку любил чувствовать...

Когда за ним пришли, он был один. Не то чтобы совсем один. С ним были платная эскортная девка и пистолет. Но пистолет остался под подушкой. Проколотся Монплефир, думал, опекун за девкой приехал. Даже в глазок не глянул... И с ходу получил очередь по ногам и рукояткой по башке.

Ноги ему забинтовали кое-как, девку шлепнули из Монплефирова ствола, самого бросили в ванной под присмотром одного стрелка и принялись шмонать квартиру. Нашли кое-чего. Ржавье, гринь... Но не то, что искали. Через полчаса решили взяться за хозяина, но опоздали...

Монплефир понял, чем все пахнет. Пахло отвратительно: болью, смертью, страхом. Монплефир валялся на кафельном полу и делал вид, что в полном отрубе. Но башка у него была крепкая, такую рукояткой пистолетной не прошарашить. Ног он не чувствовал. Только жуткую боль. Колени раздробили, суки. Лежал Монплефир и думал. Не надумал ничего. Зато углядел под ванной прилипшее к полу ржавое лезвие от безопасной бритвы. И думать перестал, только выжидал, пока сторож отвернется. Дождался. Чиркнул быстренько вдоль по веныкам, сунул руку под ванну. Кровь текла медленно, но текла. Монплефир ей помогал, сжимал-разжимал кулак, пока силы оставались. Думал: «Успею или нет?»

Успел. Когда бандиты, ухватив за простреленные ноги, поволокли его из ванной, он уже ничего не чувствовал, хотя умер только через полчаса: живуч был необычайно. Умер, не приходя в сознание, чем убийц своих крайне огорчил. Кабы знал об этом – порадовался бы.

Силыча взяли прямо в офисе. Взял человек, которому он полностью доверял, поскольку тот был другом со школьных времен, и дружба эта не потерялась, тем более что оба пошли по военной линии. Почти по военной.

- Тебе заплатили? - брезгливо спросил Силыч.

- Нет,- спокойно ответил старый друг.- Это государственные интересы.

- Брось,- поморщился Силыч.- Ты теперь даже не Контора, Николыч. При чем тут государство?

Старый друг на вопрос не ответил.

- Они уже знают обо мне,- сказал он.- Но еще не знают, кто я. И кто за мной. А ты знаешь. Если ты заговоришь, это будет катастрофой.

- Я не заговорю,- сказал Силыч.

- Не заговоришь,- согласился старый друг.- Мне очень жаль, Витя.

И выстрелил однокашнику в голову.

Затем спокойно встал, обтер пистолет, вложил его в руку убитого и вышел на улицу, где ждал служебный автомобиль.

А спустя несколько минут в офис ворвались шестеро боевиков. И обнаружили теплый труп и растерянную, перепуганную секретаршу.

Офис перетряхнули снизу доверху, но, несмотря на искреннюю помощь секретарши, ровным счетом ничего не обнаружили.

Терминатор всегда чувал опасность. Спинам мозгом чувал, простреленной ляжкой. «Хвост» отловил практически сразу, поскольку проверялся везде и всегда. Вколотили в учебке. Засек и решил сразу оторваться - дал по газам. Тачка у него была крепкая, почти новая пятая «бээмвуха», отлаженная, как швейцарские часы. Хотя для гонок по скользким и бугроватым питерским дорогам больше подходил повисший на хвосте внедорожник. Водил Гоша прилично, но не классно. Уступал и Петренке, и Монплезиру, и не только им. Однако, убедившись, что преследователи настроены серьезно, решил в ралли не играть. А играть в те игры, где у него больше козырей. А козыри у Паши имелись весомые: два пистолета с запасом маслинок и ребристый зеленый цитрус - граната. Ну и навыки их использования, что самое главное.

Центр Петербурга изобилует полуразрушенными домами. Именно такими, где Терминатор чувствовал себя как рыба в воде. Поскольку именно такие образуются после бомбежек и артобстрелов, и именно из таких потом приходится выковыривать ошметки подразделений противника. Или не давать выковырять себя самого. Не останавливаясь, Гоша вскрыл тайничок в дверце, распахнул по карманам оружие. Всё. Теперь можно поиграть в веселую охоту.

Терминатор рванул по Московскому, мимо Техноложки, счастливо избежав пробок, перелетел через Фонтанку, завернул налево, затем направо (джип висел на нем как прилипший), вырубил газ, ударил по тормозам и выпрыгнул чуть раньше, чем машина остановилась. Короткий бросок через пролом в заборе, еще один бросок - в выбитое окно первого этажа. Позади раздался скрежещущий удар и звон разбитого стекла. Джип впилился в багажник «БМВ».

«Ну, суки, ответите!» - подумал Гоша, извлекая девятимиллиметровый «Хеклер и Кох» модели P7 и нажатием на вмонтированный в рукоятку рычаг взвода ударник.

По полуразрушенной лестнице он взбежал на второй этаж и выглянул из окна. Противник не показывался. Ничего, подождем.

Позицию свою Терминатор счел удачной. Окно было наполовину загорожено массивным старым буфетом, в перекрытии зияла дыра, позволяющая вести наблюдение за нижним уровнем. А при необходимости и спрыгнуть, хотя три с половиной метра, конечно, многовато. Внизу ведь не зеленый лужок, а строительно-бытовой мусор. Еще одно удобство заключалось в том, что из дверного проема просматривалась лестница.

Охотники проявили себя солидно. Не бросились наобум, а обошли дом с противоположной стороны. И двигались аккуратно. Но не беззвучно. Полы не те. Гоша пожалел, что рядом нет напарника. И противник об этом знает. Без прикрытия перемещаться будет чертовски сложно.

Шаги раздавались сразу на трех уровнях. На первом этаже, на втором и на третьем. Это означало, что врагов больше, чем пятеро. Если у них хватило мозгов не переть на рожон,

значит, хватит соображения, чтобы не шастать в одиночку. Больше, чем пятеро, но сколько? Терминатор был о себе высокого мнения. И не безосновательно. Но если охотятся за ним не приклатненные отморозки, а ребята обстрелянные, больше, чем с тремя-четырьмя, ему не совладать. Был бы напарник – другое дело. А в одиночку – кисло.

Первые двое показались на лестничной клетке. Двигались грамотно, сектора не перекрывая. Гоша поудобнее упер локоть и плавно надавил на спуск. Выстрел рванул барабанные перепонки. Один из врагов кувыркнулся с лестницы с простреленным черепом. Второй шлепнулся на живот и начал палить в белый свет. Гошу он не засек. Стрелять в залегшего трудно, но Терминатор был отличным стрелком. Бац! – девятимиллиметровая пуля угодила точно в лоб врага.

Минус два.

Группа внизу повела себя глупо. Кинулась на звук и оказалась прямо под Терминатором. Гоша выдернул чеку и легонечко подбросил гранату в дырку перекрытия. Взрыв. Пыль, сыплющаяся штукатурка, дикий вопль снизу. Гоша выглянул в окно и увидел еще четверых, ковыляющих к дому через кучи кирпичей и черных деревянных обломков. Подарок судьбы. На этот раз Гоша не старался попасть в голову. Слишком далеко. Если они в брониках, значит, им повезло. Меньше чем за пять секунд Терминатор разрядил весь оставшийся магазин, одиннадцать патронов. Враги метались, как крысы, пытались укрыться, но им не хватило сноровки. Терминатор положил всех. По крайней мере ни один больше не дергался.

Теперь следовало поменять позицию. Оставалась еще группа наверху. Это как минимум.

Вопивший на первом этаже умолк. Можно надеяться, навсегда.

Гоша подполз к дыре в перекрытии, заглянул... Трое. Все – в последней кондиции. Граната в закрытом помещении работает, как огромная мясорубка.

Гоша поменял обойму, встал, очень осторожно подошел к тому, которого подстрелил вторым. Неприятное зрелище, но Терминатору – привычное. Пистолет убитого он не тронул. Не стоит пользоваться незнакомым оружием, когда есть свое. Вот гранату бы он взял охотно, но гранат у покойника не оказалось.

Шорох наверху Терминатор услышал чуть раньше выстрела. Поэтому выстрел грохнул впустую – пуля чиркнула по бетону и зарылась в штукатурку. Гоша присел, держа пистолет наготове. Его прикрывал лестничный пролет. Как и противника. Оба выжидали. Но если противник мог выждать долго, поскольку был не один, то Терминатор позволить себе этого не мог. Привстав, он очень медленно переместился на ступеньку ниже. Потом еще на одну и...

Пуля попала ему в голень. Гоша покатился вниз по лестнице, но пистолет не упустил и даже ухитрился засечь стрелка. Плюхнувшись на кучу мусора, он утонул в облаке пыли, мела и извести и застыл, не шевелясь. Боли не было, но ноги Гоша не чувствовал. Очень хотелось посмотреть, цела ли кость, но нельзя. Гоша знал: стрелявший сейчас ждет. Он знает, что попал. Возможно даже знает куда. Но не знает, в каком состоянии раненый. Значит, побережется.

Пыльное облако осело. Гоша лежал неподвижно. Он слышал, как тот, что оставался наверху, медленно спускается вниз. Правую руку с пистолетом Гоша держал на виду. И не шевельнулся, когда подстреливший его вышел из-за угла и, держа оружие наготове, двинулся к Терминатору.

- Серый, как? - крикнул тот, что сверху.

- Я его достал,- напряженно ответил Серый, не сводя глаз с припорошенного пылью лица Гоши.

Тот, что сверху, бойко посыпал вниз.

- Ну ты молоток! - обрадованно гаркнул он.

Из-под прикрытых век Гоша видел силуэт нижнего. Второго он не видел, но точно знал, где он. Правая рука Терминатора - на отлете. Но левой он стрелял не хуже. А в левой у него был ПМ.

Выстрел навскидку - и ближайший враг отлетел назад. Поворот, выстрел во второго... и - промах. Пыль, осевшая на ресницах, припорошила глаза. Враг на лестнице второго шанса ему не дал. Пули пробили грудь и живот Терминатора, опрокинули его на бок. Последнее, что увидел Гоша: окровавленная штанина и нога, согнутая под невыносимым углом.

«Все равно криздец»,- подумал Гоша-Терминатор.

И эта мысль была последней.

Вот и все, что мог сообщить Хирург о судьбе Валериных товарищей. Васильев не знал, радоваться или горевать. Видно, и то и другое. Друзья, только-только обретенные,- и потерянные... Такая беда! Но хуже, если б живыми их взяли. А так... «Путь воина - путь к смерти»,- говаривал Монплеизир. Перед девочками бахвалился. Теперь уже не скажет.

Троих нет. Пашку прихватили в зале. Но уже другая шайка. Кто остается? Петренко, Шица, Юра. Трое. И сэнсэй. Никогда еще Васильев не осознавал так остро, какая маленькая у них команда. Была.

А стала еще меньше. Господи! Пусть хоть кто-нибудь уцелеет!

Дикое чувство обиды. Так хорошо все было, так здорово...

Можно триста раз повторить слова Петренки о том, что человек с пистолетом должен быть готов не только убивать, но и быть убитым... Да что толку. Легче от этого не станет.

Хирург глядел на Валерия снизу вверх, с опаской. Естественно. Должок на бывшем фельдшере изрядный. А жить хочется. Причем с полным комплектом органов.

Васильев испытал мимолетное удовлетворение: вот так, дорогой. Больше ты пальцев гнуть не будешь. Хотя надо отдать соседушке должное - он не сломался. Только пошел на некоторые уступки. Ничего, коготок увяз - всей птичке каюк. А пока пусть поет...

И взялся выпытывать у «военнопленного» о второй банде. Той, которая наехала на зал.

Увы, Хирург знал о «конкурентах» еще меньше Валерия.

Итак, что в активе?

В активе безусловно выигранный первый ход и частично перехваченная инициатива. Это раз. В активе - готовый на сотрудничество «язык». Это два. Еще - набор «прикладной химии». Это три. И наконец пацаны. Олежек с Гариком. Ясное дело, подставлять их вместо себя Валерий не станет. Больше того, теперь он автоматически становился старшим, а следовательно, был

просто обязан позаботиться о них. Как раньше заботились о нем. Но в деле эти мальчишки - волчата покруче Валерия, только что размером поменьше.

Такой вот расклад. Втроем против двух (если не больше) мощных банд. Причем, если кое-какую информацию о первой банде он из Хирурга вытряс и еще вытрясет, если понадобится, то о второй известно только то, что «быков» в ней хватает, и действует она без ведома лысого Костромы.

«Думай, Валера, думай!» Любая ошибка - и конец. Не проколишь, как... Силыч. А Силыч, будь земля ему пухом, прокололся на том, что, не доверяя бандитам, доверял своим. Свои же его и предали. Силовики херовы! Офицерня продажная!

Валерий наотмашь хлестнул Хирурга по лицу:

- Где ваша база, сука? Сколько у вас людей? Где держите пленников? Говори!

Вадим облизнул разбитую губу.

- Слушай,- сказал он неожиданно спокойным голосом.- Если я тебе расскажу все, ты меня все равно не отпустишь, верно?

- Жить будешь,- буркнул Васильев. Ярость уже его схлынула.- Посидишь здесь, пока я не разберусь с вашей тусовкой. Пожрать и попить я тебе принесу, не сдохнешь.

- Ты что, совсем дурак? У нас одних бригад не меньше десятка, а в каждой - по пятнадцать—двадцать бойцов! А ты, бля, один! Один!!!

- Не ори,- приказал Васильев.- Что ты за меня распереживался. Ты мне не мамаша.

- Тебя коцнут, а я тут с голоду сдохну!

- Верно мыслишь,- согласился Васильев.- Никто тут тебя не найдет. Кроме крыс. Бомжики сюда, бывает, забредают, но я завтра железную дверь закажу, и больше забредать не будут. Ни бомжи, ни сантехники. Стояков здесь нет, сам видишь. Но меня, как ты выразился, не коцнут. Кишка тонка!

Сказал - и сам поверил. Даже на душе полегчало.

- Слышь, Хирург, а такой чернявый, с приплюснутым носом, которого мы на даче, это кто у вас был?

- Ты чё, прикалываешь? - Хирург даже удивился.- Это ж Чалый. Заместо которого теперь Кострома шишкует!

- А знаешь, друг мой, что нам твоего Чалого заказали?

- Догадываюсь,- пробормотал пленник.

- А знаешь, кто его нам заказал?

- Кто?

- Кореш твой Кострома.

- Он мне не кореш,- буркнул Хирург. Подумал немного и добавил: - На него похоже... Послушай, брат, отдал бы ты товар. Деньги - хрен с ними, а за товар Кострома головой отвечает. И отбашляться не сможет - это ж охрененные бабки! Он с тебя не слезет. Отдашь - и разойдемся. Я сам за тебя слово скажу, я у Костромы в авторитете. Опять же, сам говоришь, Кострома вам Чалого заказал. Если братва узнает, Родикку самому яйца открутят. В его же интересах с тобой не конфликтовать.

- Резонно,- согласился Васильев.- В его интересах меня прикончить. Может, ты и прав. Может, и договорились бы мы с твоим Костромой, но есть маленькая проблема. Наркотиков у меня нет.

- Чё, в натуре?

- А зачем мне тебе врать? - усмехнулся Васильев.

- Скверно,- Хирург помрачнел.- Нет, не договоритесь. Без товара не договоритесь. У него у самого штаны на жопе горят. Его Муса уже за яйца держит. Выходит, выбирать мне все равно не из чего.

- Это точно,- подтвердил Васильев.- Я тебя даже пугать вот этим,- он кивнул на клещи,- не стану. И убивать не буду. Через неделю без воды сам помрешь. Так что думай, фельдшер, пока есть чем. А чтоб тебе веселее было, вопрос тебе задам. С чего это ты решил, что я - один?

- Ну как же...- пробормотал Хирург.- Мы же вроде вас всех вычислили...

- Жаль тебя разочаровывать,- сказал Васильев,- но вычислили вы далеко не всех. И это лично для тебя хороший шанс, поскольку, даже если мне не повезет, из подвала тебя вытащат. А вот целиком или по частям - от тебя зависит. Думай, Гиппократ.

Пленник потер лоб.

- Что за дрянью ты нас траванул? - спросил он.- Башка - как бадья с дерьмом.

- Не скажу,- усмехнулся Васильев.- Военная тайна. Будешь говорить, или я пошел?

- Буду,- буркнул пленник.- Куда я денусь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Лариса в точности выполнила все, что обещала. Дверь в квартиру не заперта, на столе - успевшие остыть котлеты с картошкой, в большой комнате, на диване, горкой, подушка, одеяло и белье.

Васильев наскоро перекусил: спать оставалось часов пять, подумал: не забыл ли чего насчет пленника? Вроде нет. Шесть бутылок «Спрайта» и примерно на сто рублей съедобной мелочи вроде чипсов, шоколадок и печенья. И толстая пачка газет: для постели и отправления естественных надобностей. Ничего, не сдохнет. И свет ему Васильев тоже оставил, предварительно обыскав, чтоб не завалилась в карманах какая-нибудь годная в отмычки шпилька или булавка. Жить будет, одним словом, но скромно и без удобств.

В сон провалился, едва коснулся головой подушки. Снились ребята: все - и те, что мертвы, и те, что, возможно, живы. Снился Егорыч. Учил: управляй дыханием, управляй телом, береги силы. Когда врагов много, а ты - один, схватка длится долго. Вымотаешься - проиграешь. В

долгом поединке техничный проигрывает выносливому.

Проснувшись (часовой таймер разбудил), Валерий помнил все. Слово в слово. И поразился, насколько эти слова уместны.

Первым делом он пошел в ванную, вымылся и побрился найденной в шкафчике электробритвой. Затем выполнил короткий утренний комплекс: дыхание, суставы, связки, настройка на грядущий день. Все, как учил сэнсэй. Все, как обычно, кроме пробежки. Размявшись, плотно позавтракал. Подумал: не оставить ли Ларисе деньги, решил – не надо. Обидится.

Позвонил в институт, выяснил, что часть его заказов уже готова, но возникли проблемы с упаковкой антидота. Васильев сказал: заправить в разовые шприцы, по два кубика в каждый.

Выложив на кухонный стол оружие: свой ПМ и трофейный ствол с глушилкой без опознавательных знаков (остальные трофеи Васильев спрятал в подвале), – разобрал оба, проверил, снова собрал. Глушитель навинчивать не стал: носить неудобно.

В институте Васильев забрал заказ: две дюжины запаянных ампул с маркировкой и обойму тоже отмаркированных шприцов. Расплатился стодолларовой бумажкой. Приятель был счастлив: два месячных оклада за сутки работы, – и вопросов не задавал. Существо не от мира сего. Настоящий ученый. Именно такие когда-то зарин с заманом придумали.

Второй приятель еще не закончил. Брикетты требовали тридцатичасовой сушки при строго определенной температуре. Нарушение технологического режима было чревато взлетом на воздух. Собственно, Васильев сварганить взрывчатку мог бы и сам. Да и варил уже по заказу Силыча. Тогда-то и засек его приятель-аспирант, но, ясное дело, стучать в ментуру не побегал. А предложил содействие. Сказал, что кому другому не стал бы, а Васильеву – охотно. Потому что не станет Васильев, по его мнению, бомбы по школам и метро раскладывать и невинных прохожих калечить. Тут приятель был прав. Силыч очень тщательно следил, чтобы этих самых прохожих ненароком не задело. Тем более, не так уж это и трудно – не задеть. Другое дело, что никто из киллеров-профи обычно этим не заморачивается.

С величайшими предосторожностями Васильев, в перчатках и под тягой, заправил содержимым одной из ампул модернизированный институтским механиком перцовый баллончик, тщательнейшим образом накрутил головку, укрепил манжету, протер содовым раствором, затем через обычный зажигалочный клапан заправил баллончик сжиженным газом и встряхнул. По инструкции это ОВ полагалось растворять в чем-нибудь густокапельном кожно-нарывного действия. Но в жидком пропане «репеллент» тоже прекрасно растворялся.

Когда Валерий вышел из института, до назначенного времени оставалось полтора часа. Васильев решил пройтись пешком. Денек выдался славный, солнечный. Весной еще не пахло, но слабый морозец после настоящих холодов тоже был приятен. Миновал Обуховский мост, свернул направо, на набережную, мимо БДТ, мимо Семеновского моста. Не спешил. Расслабился. Как-будто ничего и не случилось. Близость Восьмого марта слегка оживляла лица встречных женщин, настраивала на лирический лад: «Завтра будет женский праздник. С кем ты будешь спать, проказник?»

Для Васильева нынче вопрос «с кем» был не актуален. Актуален был вопрос: где? Не исключена вероятность, что метроном ниже поверхности земли. С температурой, равной температуре окружающего грунта. Если, конечно, господин Кострома не выкинет его труп в Неву.

Какие, однако, дурацкие мысли! Как говаривал Кремень: «Признай себя побежденным – и ты уже побежден». Голова опять заработала в прежнем направлении. Следовало продумать и просчитать каждую мелочь. Каждый шаг. Плюс варианты. Что ж, может, проведенные в институте (ах, теперь уже в университете) годы и не научили Валерия делать деньги, но собственными мозгами он пользоваться умел.

Васильев и сам не заметил, как свернул и добрался до Апрашки. Ноги сами вели домой.

Апрашка же навела на полезную мысль. Васильев зашел в один из комков, приобрел длинный серый плащ и черную кепочку. Плащ надел поверх куртки, а кепочку, соответственно, на голову. Посмотрел на отражение в витринном стекле: на взгляд, вроде, прибавилось росту, а уж ширины точно прибавилось.

Не успел он выйти к Пяти Углам, как, еще издали, заметил Гарика. Паренек отирался на виду. Васильев прошагал мимо, бросив негромко:

- Двигай за мной.

У Валериного подъезда машин не было. Ни «вольвы», ни какой-либо другой.

Васильев свернул в проходной двор, ведущий к метро, остановился в стенной нише. Через минуту к нему присоединились Олежек и Гавриил. Васильев быстренько изложил все, что сделал и что узнал. Нерадостные новости. Он оглядел свою маленькую команду. Гарик заметно скис, но это ничего. Он долго переживать в принципе не может. А вот Олег... Но Олежек тоже держался молодцом: хоть и мрачный, даже сумел выдать похвалу:

- Добре сработал, Валера.- Сказанное резануло слух интонацией Петренки.- Как поступим? Будем ждать, когда еще кто из наших проявится? Или – сами?

Главенство Васильева было признано автоматически и безоговорочно. Стараниями Силыча дисциплина в команде была военная.

- Ждать не будем,- сказал Валерий.- Будем драться. И блефовать. Внаглую. Как будто у нас в резерве рота брюсов виллисов.

- А не просекут? – усомнился Гарик.

- Надеюсь.

Сэнсэй как-то сказал: если выдаешь за действительное нечто очень желаемое, глядишь, оно и станет действительным.

- А теперь слушайте...- Неторопливо и четко Васильев изложил свой план. И что требуется от ребят. Затем потребовал повторить. Ответ его удовлетворил.

- Значит, запомнили,- кивнул он.- Три адреса: Благодатная, Коммуны и Всеволожский. Раз, два, три. Если мне удастся выяснить, куда повезут, дам знать. Раз мотну головой – Благодатная. Два и три – соответственно. Нет сигнала – значит, не выяснил.

- Не проблема,- успокоил Олежек.- Поймаем тачку, сядем на хвост.

- А что водиле скажете?

- Сообразим, не первый раз замужем,- солидно сказал Гарик.

Валерий рассмеялся.

- Ладно. Только поаккуратней, парни. Нас всего трое.

- Вот именно,- кивнул Олег.- Валера, ты хорошо подумал? Может, не поедешь? Тем более, ты их уже вычислил.

- А кто тогда поверит, что за нами - сила? Мы должны заставить их бояться. Если кто-то из наших уцелел и у них, пусть помнят, гады: обидят - ответят. И девушку мою надо выручать.

- Да хрен с ней, с этой бабой! - воскликнул Гарик.- Она тебе что, сестра? Сам же сказал: на улице снял. Хочешь, я тебе дюжину приведу? У меня дружбан сутенером трудится.

- Сутенером? - Васильев не сумел скрыть брезгливости.

- Ты не кривись. Четырнадцать лет пацану, подготовки никакой, а по стошке за сутки делает!

- Гарик, хорош киздеть! - оборвал Олежек.- Валера, время.

- Погоди. С вас еще - железная дверь на подвал. Контора рядом, на Загородном. Один ключ - в ЖЭК, не забудьте. Соврете там что-нибудь. К Хирургу не ходите, а вот «арсенал» из захоронки заберите и перепрячьте. Деньги есть?

- Есть,- кивнул Олежек.

- Тогда вперед. Сорок минут до «стрелки».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На этот раз входя Валерий приготовился к проблемам, но в квартире было тихо. Никаких незваных гостей. На кухне обыденно шебуршала соседка, Васильев специально заглянул, поздоровался. Соседка ответила, старательно пряча глаза. Застращали ее Хирург сотоварищи.

Кепочка и плащ - в шкаф. Удостоверение, пистолеты - свой и трофейный - в тайник за батареей.

Васильев уселся в кресло, еще раз тщательно продумал варианты.

Зазвонил телефон.

«Валерик, подойди!» - крикнула соседка.

- Ну что, фраерок, готов к полетам? - осведомились в трубке.

- Кострому позови.

- Ну ты...- вызверился собеседник.

- Мне, земля, надоело с шестерками толковать,- сказал Васильев.- Хочу с кем-нибудь авторитетным побеседовать.

- Кто ж тебе, падла, стукнул?..

- Не смейся меня! - перебил Васильев.- Кострома - личность известная. Опять-таки старый знакомый.
- Не понял? - озадачился собеседник.
- А на хрен тебе понимать? Ты что - Лобачевский?
- Кто?
- Ладно, после. Машина меня ждет?
- Едет,- наглости в голосе собеседника поубавилось.
- Вот и хорошо. Кострому предупреди: говорить буду только с ним, а бойцам напомни: мне грубить не надо. А то будет, как вчера. Понят намек?
- Ты, падла, ответишь! - Голос аж зашелся от злости.
- Я-то при чем? - «искренне» удивился Васильев.- Разве я начал? Не переживай. Не надо обижать серьезных людей. Три жмурика - это семечки.
- Почему - три? - механически спросил собеседник.
- Потому что один живой. Арифметику знаешь? Четыре минус один? - Васильев развлекался.- Предъявы, братан, не мне делать надо, понял?
- Не тебе? - удивился собеседник.- Не понял! А кому?
- Слушай, земля,- сказал Васильев,- надоело мне с тобой в телефон доверия играть. Попозже поговорим. С Костромой.

И положил трубку. Кураж - главное в любом блефе.

Могучая японская машина с густо тонированными стеклами. Стальной швеллер перед радиатором - лучшее приспособление для игры в автомобильные пятнашки. Реальная тачка для реальных людей.

Васильев небрежно постучал пальцем в черное стекло. Дверь распахнулась.

- Залазь!
- Куда едем?
- Увидишь!

Черноволосый бугай с пулевидной головенкой.

- За город?
- Залазь, сказано! - В качестве дополнительного аргумента выступил короткоствольный револьвер.

Васильев засмеялся, небрежно отодвинул ствол.

- Мне велено узнать, куда едем. Примерно.

Бугай растерялся. Стрелять его не уполномочивали.

Выругавшись, он спрятал револьвер и полез из машины.

- Счас я те растолкую промеж глаз! - посулил он.

Васильев дождался, пока одна нога бугая коснулась асфальта, затем толкнул его в грудь. Плавно, но с импульсом, как учили. Бугай плюхнулся обратно.

- Давай не будем цирк устраивать,- миролюбиво произнес Васильев.- Мне велели, я спросил. Какие проблемы?

- На Ржевку поедем,- вмешался водитель. Такой же бугай, но белесый. Финн? - Есть возражения?

- Вроде нет,- Васильев дважды энергично мотнул головой.

- Тогда садись.

Валерий опустил на переднее сиденье, машинально поискал ремень...

- Не смей,- сказал белесый и широко развернулся, выскочив на тротуар. Какая-то бабенка порскнула из-под колес, заругалась. Белесый ухмыльнулся.

На заднем сиденье сердито сопел пулеголовый. Васильев будто «слышал», как в куцах мозгах шевелится мыслишка: а не треснуть ли наглого фраера по макушке?

Джип, игнорируя правила, выскочил на Невский, попер через «желтый» светофор на восьмидесяти к Восстания, мимо вокзала, завернул на Суворовский, абсолютно не обращая внимания на прочие автомашины. Широкие протекторы подминали жеваный подмороженный асфальт, на поворотах Васильева вжимало в дверь или бросало на водителя с такой силой, что приходилось хвататься за скобу. Подвеска у внедорожника оказалась сущее говно. На развязке у Лавры джип, наконец, привлек внимание гаишника, или, как нынче модно стало говорить «гиббона». Водила резко ударил по тормозам и тут же подал назад, едва не сшиб инспектора, вывернул в каком-то сантиметре. Толстый важный «гиббон» даже не попытался увернуться, так и застыл с открытым ртом. Затененное стекло опустилось, из окошка высунулась лапа с зеленой бумажкой. Инспектор мгновенно ожил, хапнул баксы и той же вальжной походочкой двинул к перекрестку, а джип прыгнул вперед, беззастенчиво подрезав сразу две машины и едва не зацепив третью. Васильев представил, какой мат несется им вслед.

Пулеголовый наконец принял решение: не бить.

- Касик, а чё музыки нет? - осведомился он.

Водитель врубил «Русский шансон».

Доехали с ветерком. Васильев радовался, что удалось сообщить ребятишкам адрес. Угнаться за джипом мог бы разве что Петренко.

Дом на улице Коммуны, двухэтажный особнячок-новострой напротив пустыря, без архитектурных излишеств, если не считать видеокамер над входом и раздвижных прозрачных дверей. Последние наверняка из усиленного стекла. Под домом имелся гараж, но джип

припарковался попросту, на стоянке. Валерий заметил, что один их стояночных охранников тут же достал телефон. Доложил, вероятно, что привезли нехорошего человека.

- Вылазь,- скомандовал пулеголовый.

На собственной территории он почувствовал себя значительно увереннее.

Когда Васильев выбрался из машины, пулеголовый тут же выскочил следом и быстренько Валерия обшмонал, обнаружил «перцовый» баллончик, очень развеселился. Сообщил Васильеву, что такую херню он перед обедом для аппетита нюхает, вознамерился продемонстрировать (Васильев даже дышать перестал), но белесый водила сказал:

- Кончай херню пороть. Отдай ему вонючку и пошли.

- Ты только смотри не нажми случаем,- предупредил пулеголовый, возвращая Васильеву баллончик.- Не то мы, бля, все от смеха обоссимся.

- Случаем не нажму,- пообещал Валерий и, конвоируемый верзилами, прошел сквозь стеклянные, угодливо раздвинувшиеся двери.

Кабинет выглядел бы значительно лучше, если бы не кафельный пол и привинченное к полу деревянное, крайне неудобное кресло, словно позаимствованное из подвалов испанской инквизиции. А может, и не «словно», а и вправду, поскольку было оно сантиметров на десять ниже, чем нужно человеку среднего роста. В подлокотники были вделаны стальные наручники, но Васильева от пристегивания избавили. Скорее всего - временно. Усадив «гостя», белесый и пулеголовый разместились за его спиной. Пулеголовый громко сопел и шмыгал носом, видно, насморком мучился.

Ждать пришлось недолго. Буквально через пару минут появился плотного телосложения субъект с шеей неохватного объема. Из борцов, должно быть.

- Ну,- с ходу осведомился субъект,- где товар?

- Где Кострома? - задал встречный вопрос Васильев.

Пулеголовый за спиной перестал сопеть, напрягся. Это было неприятно.

- Я Кострома,- буркнул субъект.

Васильев собрался с духом и выдавил холодную улыбку:

- Не надо меня парить,- произнес он.- Я Кострому знаю.

Сработало. Вместо того, чтобы схлопотать по затылку, Васильев получил вполне удовлетворительный ответ.

- Подождешь.

- Подожду,- согласился Валерий.

Как будто его несогласие могло что-то изменить.

Следующие четверть часа прошли в тишине, если не считать пошмыгивания пулеголового. «Борец» сверлил Валерия мрачным взглядом, Васильев изображал полную беззаботность и

уверенность человека, за спиной у которого не пара недоброжелательно настроенных громил, а персональный взвод командос.

На этот раз пришел действительно Кострома. Васильев узнал его сразу, хотя со времени их последней встречи бандюган сильно сдал. От вельможной маски не осталось и следа: осунувшаяся морда кабана, у которого на ляжках уже висят гончие псы.

Ненависть, которую испытывал Валерий к ублюдку, убившему его товарищей, неожиданно схлынула. Васильев скорее почувствовал, чем осознал: перед ним субъект, которому абсолютно безразлично все, кроме собственного преуспевания. Он убивает не потому, что кровожаден, а потому, что жаждет силы и власти. Если бы власть можно было получить добрыми деяниями, Кострома немедленно стал бы добряком. Такого человека бессмысленно ненавидеть. Такого человека следовало просто убить. Пристрелить и бросить в прорубь, на корм пятнистым невским рыбам.

«И я это сделаю», - поклялся Валерий.

Довольно самонадеянно, если учесть его настоящее положение.

- Здорово, Кострома, - дружелюбно произнес Васильев. Теперь, когда он мысленно уже вынес мерзавцу приговор, дружелюбие в голосе далось без труда. - Как жизнь, как бизнес?

Главарь уставился на Валерия, пытаясь вспомнить, где он мог его видеть. Разумеется, не вспомнил. Трудно что-либо разглядеть, когда лежишь сопаткой в сугроб.

Но в интуиции бандиту не откажешь. Едва Васильев открыл рот, чтобы внести ясность, Кострома скомандовал:

- Вышли все!

Пулеголовый и белесый тут же затопали к двери, «борец» задержался...

- Я сказал: все! - рывкнул Кострома, вытащил автоматический пистолет, лягнул затвором.

Это была не угроза «борцу», а предупреждение Васильеву.

Когда они остались одни, Кострома устало сказал:

- Нашего товара у тебя нет.

- Нет, - ответил Валерий. - Отдай мне девушку и разойдемся.

Он покривил душой. Даже если бы Кострома сказал: «Да», Васильев все равно постарался бы его прикончить.

Кострома вздохнул, потер ладонью голову. Как многие мужчины с дефектами шевелюры, Кострома стригся очень коротко. Щетина на затылке не длиннее, чем на физиономии. Натуральный кабан. Не боров, а именно кабан. Лесной.

- Не кизди, - сказал главарь. - А слушай меня. Тебе так и так абзац. Даже если меня шлепнут, долг все равно останется. Зачем моих бойцов побил? Все равно ведь ко мне приехал.

- А почему ты думаешь, что побил я? - невинно осведомился Васильев.

- Не валяй дурочку! Если б за тобой кто стоял, ты бы тут не сидел. Забили бы стрелу, как положено.
- А может, я для этого и приехал?
- Не болтай,- Кострома поморщился.- Ты приехал, потому что дурак. Наглый, но без понятия.
- Фраер? - с усмешкой подсказал Васильев.
- Труп,- уточнил без улыбки Кострома.- Я все знаю. Вернее, почти все. Три часа назад в этом кресле сидел твой дружок. И пел, как соловей.
- Дружок? - деланно равнодушным голосом произнес Васильев.- Это который?
- Краснов.
- Не знаю такого.
- Ну так я вас познакомлю,- мирно произнес Кострома и постучал рукоятью по столу.

Появился «борец».

- Теплою сюда быстренько!

Через минуту белесый и пулеголовый приволокли человека.

- Говоришь, не знаешь? - прищурился Кострома.

Человек мешком висел на руках бандитов. На лице его запеклась кровь, но увечий не наблюдалось. Человек слепо глядел в пространство. Явно не видел ни Васильева, ни остальных.

- Так-таки не знаешь?
- Знаю,- мрачно процедил Васильев.

Это был Шиза.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Петренко, развалившись в кресле, листал бюллетень. Рядышком, дыша ликерной конфеткой, пристроилась агентская тетечка. Сдобная тетечка. Как раз в Петренковом вкусе: берешь в руки - маешь вещь. У Петренки таких пышек-плюшек накопилось шесть. Время от времени он пожучивал то одну, то другую: делу время, а потехе, как говорится... Эту мятную плюшку звали Нина Андреевна. Для Петренко - Нинок.

- Вот, Шурик, именно то, что ты хотел,- ворковала ему в ухо Нинок.- Третий этаж, балкон, прекрасный вид на тихий двор, а главное - центр, пять минут до Восстания. А какие потолки! Хоть второй этаж строй! Шурик! Ты только увидишь, сразу влюбишься, Шурик! А какой холл! Это же просто концерт-холл, а не холл! Поехали, Шурик! Всего-то тысяч сорок семь—сорок восемь, как максимум. А если евроремонт сделать...
- Очень хочется, да? - усмехнулся Петренко.

Четыре процента от суммы причиталось агенту. Но Петренко знал: вариант действительно хороший. И перспективный.

- Очень хочется? Ну как откажешь такой женщине? - Он похлопал по мягкому боку.- Звони, Нинок, договаривайся.

Петренко встал, хрустнул суставами, потягиваясь. Пухленькая Нинок устремилась к телефону. Петренко вышел в коридор. Розовощекий менеджер, уменьшенная копия нового русского, подобострастно поздоровался. Петренко с важностью кивнул, подошел к столику охраны.

Охранял нынче риелторов Петренков земляк, Семен Семеныч Дрыга. Дедушка-отставник лет шестидесяти. Когда-то Дрыга был настоящим волкодавом, но возраст есть возраст. Да и бурная жизнь, оставившая на носу и щеках Семен Семеныча жилковатые следы... Но внушительная орденская колодка, золотые выслуженные часы, а главное - табличка о том, что агентство опекает ТОО «Товарищество», работали ничуть не хуже накачанных мускулов. Впрочем, из замшевой подмышечной кобуры отставника тоже не игрушечный пугач торчал, а украшенная колечком рукоятка «токарева».

- Семеныч, как, курьера за пивом сгонять? - предложил Петренко.

- Погоди, Сашко,- озабоченно произнес отставник.- Глянь, знакомы тебе эти личности?

Петренко посмотрел на монитор. Нет, «личности» были ему не знакомы. Но, определенно, пасли вход в агентство. И кроме входа, что особенно неприятно,- Петренков «лексус», припаркованный на противоположной стороне Староневского.

- По твою душу,- уверенно сказал отставник.- Кого обидел, Сашко?

- Ой, многих, Семеныч! - Петренко ухмыльнулся.- Пальцев точно не хватит.

- Давай-ка я хлопцев кликну,- Семен Семеныч потянулся к телефону.- Нехай помацают им гузку!

- Не надо,- Петренко положил ладонь на трубку.- Скажи лучше, есть у вас тихий выход?

- Есть, как не быть,- отставник поднялся.- Пошли провожу.

В коридор выпорхнула-выкатилась радостно-возбужденная Нина Андреевна.

- Договорилась! - воскликнула она.- Едем!

- Погоди, Нина,- досадливо бросил Семен Семеныч.- Сядь покуда, посиди, пока меня нет.

- А что случилось? - Оживление сменилось испугом.

- Проблемки, Нинок,- Петренко похлопал даму по спинке.- Придется отложить. Но поддержи пока. Другим не продавай.

- Не беспокойся, Шурик. Я могу помочь?

- Можешь,- кивнул Петренко.- Посторожи за Семеныча. Я тебе потом позвоню.

Вместе с охранником Петренко поднялся на второй этаж, прошагал по длинному коридору, закончившемуся дверью с электронным замком. Семен Семеныч отпер, и они вышли на

лестничную площадку.

- Спасибо,- поблагодарил Петренко.- Ну, бывай!

- Постой! - поймал его за рукав отставник.- Ты ж просил тихий ход!

Он достал связку ключей и отпер дверь квартиры напротив.

Еще один коридор и еще один черный выход.

- Вот,- удовлетворенно произнес Семен Семеныч.- Наш-то запасной могут и держать, а про этот только мы да директора знаем. У них тут вроде комнаты отдыха,- Семен Семеныч хихикнул, но тут же посерьезнел.- Управишься один, если что? А то, может...

- А я не один,- перебил Петренко, многозначительно похлопав по кобуре.- Век не забуду, Семеныч! Выручил! С меня причитается!

- Непременно,- усмехнулся отставник.- Ты мой должник. Так что поберегись, а то кто ж мне долг вернет, а?

Подъезд выходил не на проспект, а в переулок. Засады не было. Идти на риск и попробовать в одиночку разобраться с неизвестной командой Петренко не стал. Звякнул по мобильнику Сильчу. Тот не отозвался. Петренко набрал номер офиса. Там отозвалась секретарша, привычным: «Слушаю, Омега». Но голос ему не понравился. Неровный какой-то голос. Петренко молча отключил трубку. Помахал рукой такси.

- На Науки.

Там у Петренки имелась однокомнатная квартирка, которую он не сдавал: запасной аэродром.

Минут через сорок (задержали пробки) Петренко расплатился, отпер подъезд, сел в грузовой (первым пришел) лифт и поднялся на одиннадцатый этаж.

Двери еще только начали разъезжаться, а Петренко уже понял: его ждут. Он тут же утопил кнопку четвертого этажа, но дверцы все равно разъехались. Петренко отпрыгнул в сторону, выхватывая пистолет... и на пол лифта упала граната. На долю секунды Петренко замер, потом пинком выбил гранату на площадку, понимая, впрочем, что хлипкие стены лифта не защитят от осколков...

Хлопок. Дьявол! Конечно, газовая, они же не самоубийцы. Петренко задержал дыхание, закрыл глаза, услышал, как сдвинулись двери лифта и механизм покатило его вниз.

Лифт встал. Не открывая глаз, Петренко выскочил на площадку, рванул к черной лестнице, распахнув дверь, ощутил лицом порыв холодного воздуха и открыл глаза. Нормально. Ничего не немеет и не щиплет. Пригнувшись, чтобы не засекли снизу, Петренко миновал балкон. Прислушался. Снизу бежали наверх, сверху бежали вниз. Оба лифта гудели... и вдруг остановились. Петренко опять пересек балкон. Индикаторы лифтов потухли. Обесточили. Разумно. Дела, выходит, совсем хреновые. Кто же, к такой вот матери, его подставил?

Петренко посмотрел на мобильник, подумал немного и отключил. Еще затренькает в неподходящий момент. Тем более, говорят, по включенной «трубе» и без звонков отследить можно.

Петренко снова выбрался на балкон. Присел на корточки в углу.

Охотники не очень-то торопились. Очевидно, обшаривали площадки. Нижние, естественно, появятся раньше.

Петренко ждал.

И дождался.

Частый стук каблуков. Двое выскочили на балкон. Один тут же ринулся на площадку, второй застыл спиной к присевшему в углу, наполовину прикрытому дверью Петренко. Тот чувствовал запах стоящего. Вспотел, бедняга. Еще один, а может, и не один, притаился на лестнице.

- Чисто! - гаркнул тот, что на жилой площадке, и караульщик устремился на лестницу. Вся компания затопотала вверх, Петренко в три бесшумных прыжка пересек балкон... и с ходу ударил головой в живот противника. На том был бронезилет, поэтому удар вышел неопасным. Но все равно внес охотника обратно на площадку. Петренко, распрямляясь, вlepил могучий апперкот, и противник, описав небольшую дугу, впал в безмятежное состояние, так и не успев сообщить приятелям о своей ошибке.

Петренко поднял трофейный пистолет, проверил, сунул за пояс. Оно, конечно, из знакомого оружия стрелять надежней, но зато трофейное - не жалко.

А если оно еще и зарегистрировано на конкретного нехорошего дядю, то пусть потом дядя и оправдывается, если из ствола жмурика организуют. Настроение улучшилось. Врагов, конечно, много, но каждый в отдельности не очень крут. Не профи, а «любители». Настоящий профи всегда проверит, чтоб за спиной было чисто.

Петренко обшарил лежащего в отрубе. Так, наручники, ножик удобный. Приберем, не помешает.

Стараясь двигаться бесшумно, Петренко начал спускаться вниз.

- Федор! - заорали сверху.- Ты где застрял, еш твою мать!

Федор, естественно, не ответил. Ничего. Еще минуты две охотники потолкуются, может, даже подождут верхнюю команду, а за это время...

Петренко не попер к двери дуроломом. И не зря.

У почтовых ящиков тусовался бритый головастик. В одной руке - телефон, в другой - пистолет. Топтался головастик совершенно безмозгло: вместо того, чтобы занять удобную позицию, вертелся на месте, да при этом еще и болтал по телефону.

Петренко барсом прыгнул вперед. Головастик развернулся, вскинул пистолет и нажал на спуск. Но спуск не нажался. Поскольку с противоположной стороны его подпирал палец Петренко, а палец у Петренко был толстый.

- Энэй був парубок моторый,- проворковал Петренко, демонстрируя знакомство с украинской классикой, и аккуратным движением надрезал головастику горло. Грязновато, но что поделаешь. Ножом броник третьей категории не пробить. Петренко опустил болезного на бетон, осмотрел себя: вроде кровью не обрызгался. Головастик хрипел и булькал на полу. Рядом хрипела и булькала «труба». Собеседник головастика желал продолжать беседу. Перед

тем как выбросить пистолет, Петренко аккуратно протер его платком.

«Путь свободен»,- подумал он.

Роковая ошибка...

- Что ты с ним сделал? - спросил Васильев, глядя в бессмысленные глаза Шицы.

- Мой доктор опробовал на нем одну американскую штучку,- ответил Кострома.- Говорили, развязывает язык получше скополамина. И не соврали. Болтал твой приятель - не остановить было. На всю жизнь наболтался.

Васильев мрачно посмотрел на бандита.

Тот пожал плечами:

- По-твоему, паяльник в жопе - лучше?

- Ладно,- Васильев постарался взять себя в руки.- Раз ты и так все знаешь, я тебе зачем? - тут Валерий даже ухитрился выдавить усмешку.

- На «стрелку» с нами поедешь. Расскажешь, как нас на даче постреляли, как товар забрали. Про другие дела расскажешь, честно и с подробностями. Но лишнего не болтай, иначе пожалеешь.

- Да ладно тебе меня стращать! - махнул рукой Валерий.- Ну убьешь ты меня. Дальше что?

- Убью,- не стал спорить Кострома.- Там тебя и шлепнем.

- Спасибо за откровенность,- Васильев засмеялся. Страху не было ни на грош.- А теперь объясни, какой смысл мне для тебя стараться?

- Смысл простой. Сделаешь все как надо,- отпущу твою девку. И...- Кострома выдержал паузу и произнес веско.- Родичей твоих крымских не трону. Вот такой смысл.

- Убедил,- Васильев бросил быстрый взгляд на Шицу и тут же отвел глаза. Никакой надежды на то, что верный кореш прикидывается, не осталось. Такое не сыграешь.- Убедил. Поехали.

- Придется подождать,- Кострома заметно расслабился.- Может, выпить хочешь или там палку кинуть? Ты скажи, не стесняйся. Последнее желание, так сказать. Есть у тебя последнее желание, парень?

- Есть,- подтвердил Васильев.- В другое кресло пересесть. Поудобнее.

- Касик, принеси ему кресло,- крикнул Кострома.- Если чего захочешь, ребятам скажи.

И вышел.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Джип, неуклюже подпрыгивая, перекатился через железнодорожные пути. Васильеву было вдвойне неудобно: его правая рука была пристегнута наручниками к поручню.

Вел джип белесый Касик. Рядом с ним сидел Кострома. А рядом с Васильевым – пулеголовый. Сторожил.

Сразу после переезда за джипом пристроился обшарпанный фургон с надписью «Мебель». Пассажиры джипа фургон не смущал.

Ехали около часа, затем свернули с шоссе на припорошенную снегом грунтовку. Японский внедорожник беспощадно мотало на русских мерзлых колдобинах. Справа и слева тянулись пустынные поля. На обочинах сиротливо топорщились черные кустики.

- Значит, ты понял,- Кострома повернулся к Васильеву.- Выкладываешь все, что вы успели наворотить. С адресами и подробностями. Все, что помнишь. Кроме заказчиков, ясное дело. Заказчиков ты знать не можешь, этим ваш старший занимался. Понял?

- Понял,- буркнул Васильев. Намек был прозрачен.

Джип свернул в сторону и запрыгал по пашне. Следом за ним свернул фургон. Прямо посреди поля стоял голубой, гладкий как пуля, микроавтобус.

Джип подрулил поближе. Кострома выбрался наружу. Рядом тормознул фургон. Из его кабины вылез «борец». Затопал следом за главарем.

Из микроавтобуса вышли вдвое, встали по обе стороны дверей. Телохранители. Вторая пара уже принадлежала к классу хозяев. Оба высокие, черные, горбоносые, в одинаковых длинных незастегнутых пальто. Перекинулись парой слов с Костромой, направились к фургону.

«Борец» открыл его. Приехавшие на микроавтобусе заглянули внутрь: сначала телохранитель, потом хозяева,- покивали и вернулись к микроавтобусу. Кострома махнул рукой. Пулеголовый вылез из джипа, распахнул дверь, к которой был прикован Васильев. Валерий буквально выпал наружу, с трудом удержав равновесие.

- Расстегнись,- пулеголовый бросил ему ключ он наручников, а сам предусмотрительно отодвинулся на пару шагов, держа Васильева на прицеле.

- Вперед!

- Свидетель,- Кострома показал на Васильева.- Послушаем?

- Конечно, слушаем,- сказал тот, что постарше, смуглый, с седой шевелюрой. По-русски он говорил без акцента, хотя вряд ли этот язык был ему родным.- Скажи ему, кто я.

- Муса Бакинский,- послушно сообщил Кострома. Держался он с показной уверенностью, но Васильев нутром чуял: нервничает Кострома. И трусит.

- Вот,- кивнул седой.- Ты знаешь, кто я. Туфту гнать не будешь, да?

- Да,- согласился Васильев и посмотрел на небо. Небо было серое, невыразительное. Другого он, может быть, уже не увидит. Хотя, кто знает...

- Да,- сказал Валерий.- Я расскажу все. Все, что помню.

- Его увезли,- сказал Гарик. Нервничая, он щелкал флажком предохранителя: вверх-вниз.

- Кончай! - сердито произнес Олег.- Думать мешаешь.

Оба стояли, укрывшись за киоском. С этого места превосходно просматривались стоянка перед зданием и стеклянный вход.

- Уехали на джипе,- сообщил Гарик.- Он и еще трое. Куда, не знаю.

- Ясно, что не знаешь,- недовольно проговорил Олег.

Он жалел, что отошел позвонить насчет стальных дверей для Васильевского подъезда.

- Дай сюда,- он отобрал у Гарика пистолет.

- Я лучше стреляю,- обиженно сказал тот.

- Зато я стреляю быстрее,- возразил Олег.- Пошли.

- Куда?

- Туда,- Олег махнул в сторону стеклянных дверей.- Дадим мужикам просрать!

На физиономии Гарика отразилось некоторое сомнение, но он молча последовал за своим товарищем: Олег в их паре был неизменным лидером.

- Это все,- сказал Валерий и умолк.

С минуту его слушатели молчали, переваривали услышанное.

- Да...- первым нарушил молчание Муса Бакинский.- Всех обидели, никого не забыли. А мы-то голову ломали, на ФСБ грешили...

- Это ж беспредел! - выкрикнул второй.- За такое шкуру живьем содрать мало!

- Я дал ему слово, что он умрет быстро! - возразил Кострома.- А остальные - там,- он мотнул головой в сторону горящего фургона.- Вы видели.

Васильев посмотрел на гигантский костер. Если бы он знал, кто внутри... Черт, что бы от этого изменилось?

- Выходит, ты нам ничего не должен, Кострома,- задумчиво произнес Муса.- Как думаешь, Бек?

- Этого мне дай,- потребовал тот, показав на Васильева.- Я его...

- Нет,- покачал головой старший.- Товара у него нет. Жизнь дороже, верно?

Васильев кивнул, невольно сглотнув слюну. Перед ним был страшный человек. Кострома рядом с ним был просто добрячок.

- Сам его кончишь? - Муса посмотрел на Кострому.- Или как?

- Можно мне...- вдруг пересохшими губами произнес Васильев.

Все посмотрели на него.

- Можно мне... кольнуться?

Худое лицо Мусы Бакинського выразило брезгливость.

- Последнее желание...- Васильев постарался, чтобы его голос звучал жалобно. В общем-то особых усилий для этого не требовалось. Умирать совсем не хотелось. Особенно так. - У меня и баян с собой...

Он полез в карман. Рванувшиеся вперед мордороты Мусы тут же схватили и вывернули его руки.

- Отпустите,- буркнул Кострома,- он пустой. Мои проверили.

Бакинский тоже кивнул, и Валерия отпустили.

- Давай, шмыгайся,- проворчал Кострома.- До утра тебя ждать?

Васильев закатал рукав, достал шприц, неумело попытался сделать укол в вену.

- Э-э-э... Кто так делает? - Один из крутивших ему руки поцокал языком.- Совсем испугался, да?

- Помоги ему, Ахмед,- морщась, процедил Муса.

Ахмед отобрал у Васильева шприц.

- Кулак сожми, понял? Во-о! - Опять поцокал языком.- Почему вены чистые?

- Я в ногу колюсь,- соврал Валерий.- Чтоб не видно.

- Хитрый! - похвалил Ахмед, ловко вогнал иглу в вену. Желтоватый раствор антидота взмучился кровью. Поршень пошел вниз...

- А теперь слушай меня, Кострома,- медленно, отдельно произнес Муса.- Я дал твоему Чалому товара на шесть лимонов. Так?

- Так,- кивнул Кострома. Васильев видел, что затылок и шея и бандита - в капельках пота.

- Це-це-це! Есть приход, да? - Ахмед выдернул иглу. Кровь заструилась по предплечью Валерия.

- Я отдал товар, а денег не получил. Так?

- Так,- еще раз кивнул Кострома.

- Вместо Чалого теперь ты. Так?

- Я,- загривок Костромы порозовел.

Ветер переменялся. Теперь вонючий дым от горящего фургона относил к ним.

- Потому я говорю тебе...- Муса вдруг оскалился по-звериному и прошипел: - Отдай мои деньги!

- У меня их нет, Муса! Ты же знаешь! Вот этот же тебе все рассказал! - нервно выкрикнул Кострома.

Сердце Васильева уже начало набирать обороты, в лицо прихлынула кровь. Теперь у него оставалась ровно минута, чтобы применить ОВ. Если он опоздает, компенсатор убьет его так же верно, как пуля в затылок.

- Ты не понял, Кострома.- Губы Мусы Бакинського растянулись еще шире.- Мне не нужен твой дохлый русак. Отдай мои деньги.

Васильев попятился.

Атмосфера на стрелке накалилась до предела. Еще чуть-чуть...

Васильев этого не замечал. В глазах у него темнело, пульс прыгнул за двести.

Он продолжал пятиться. На него не обращали внимания. Его уже вычеркнули из списков.

Бандиты что-то кричали: он не слышал. Трясущейся рукой он вытянул баллончик из кармана и нажал на поршень. Шипение выходящего газа, туманное облачко, мгновенно растворившееся в воздухе.

Васильев вдохнул, и ему сразу полегчало. Два яда скомпенсировали друг друга.

«Бык» Костромы, который стоял ближе всех к Валерию, не сводил глаз с телохранителей Мусы. Кобура его была расстегнута. Но когда невидимое облачко окутало его, пистолет ему не понадобился. «Бык» побледнел, потянулся левой рукой к вороту куртки, взгляд его утратил сосредоточенность, стал каким-то жалобным, могучая грудная клетка судорожно расширилась, глаза помутнели, и «бык», как подкошенный, рухнул на мерзлую пашню. А незримая смерть, влекомая ветерком, уже накрыла остальных.

Васильев никогда раньше не видел, как действует нервно-паралитическое ОВ. Как быстро оно действует. Страшно представить, что может произойти, если такое облако опустится на город. И не хочется представлять.

Но этих Васильеву не жаль. Совсем не жаль.

Из микроавтобуса выскочил водитель, что-то отчаянно крича по-своему, бросился к Мусе, нелепо раскинувшему по земле длинные руки и ноги. Бросился, подхватил за плечи, попытался поднять, уронил, глянул яростно на Васильева, пребывавшего в каком-то странном оцепенении, снова наклонился к хозяину, закричал, затряс его, как куклу, - седая узкая голова Мусы марионеточно дергалась. Облачко уплыло к лесу, но какая-то незначительная концентрация еще оставалась на месте смерти, потому что водитель Мусы вдруг затрясся, схватился сначала за горло, потом за грудь, где сердце, и повалился поперек тела хозяина.

Васильев вынул из кобуры «быка» пистолет, поглядел на джип, в котором его привезли. Белесый Касик вылез из машины, но к трупам не поспешил. Не выказывал, впрочем, и агрессии. Происшедшее ввело его в шок. Похоже, он даже не увязывал смерть своих и чужих вожakov с Васильевым, поскольку то задирает голову, высматривая что-то в небе, то, прикрываясь ладонью от солнца, пристально вглядывается в темную лесополосу на краю поля.

Васильев мог без труда пристрелить и его, но не то чтобы пожалел... Подумал:

«А кто тогда отвезет меня в город?»

Подойдя к трупам, Валерий обыскал их, забрал бумажники Мусы и Ахмеда. Прихватил

обнаружившуюся в кармане последнего гранату. Стрелковое оружие не тронул: хватит и ТТ «борца». Когда Васильев начал обшаривать карманы Костромы, белесый вдруг встрепенулся:

- Ты что делаешь, козел! - заорал он.

Васильев коротко глянул на него, и бандит заткнулся. Бумажник Костромы Васильев тоже забрал. Борца и телохранителей Мусы обыскивать не стал.

Прошло минут десять. Отравляющий газ, надо полагать, уже полностью рассеялся.

- Иди сюда! - крикнул Васильев Касику, а когда тот подошел: - Бери его за ноги!

Вместе они перетаскивали Мусу Бакинського в микроавтобус. Затем ту же операцию проделали и с остальными.

Касик безропотно повинился. Может, безоговорочно признал главенство Васильева, но, скорее всего, просто был испуган. Никак не мог понять, почему пахан с корешами отправились в мир иной.

Когда трупы были загружены в микроавтобус, Валерий щедро полил их бензином из запасной канистры, затем поджег комок бумаги и метнул внутрь. Пламя вмиг разлилось по салону, весело затрещало обивкой и занавесками. Васильев отбежал метров на десять, упал на землю. Через секунду грохнул взрыв.

- В машину,- скомандовал он Касику.- А теперь в город.

- В город, куда? - тупо спросил белесый.

- К вам,- ответил Васильев.

Касик развернул джип, выехал на дорогу.

Васильев оглянулся. Два черных столба поднимались в бледное небо. Валерий многое отдал бы, чтобы знать, чьи тела сгорают сейчас в одном из костров.

В бумажниках Мусы и Ахмеда обнаружили внушительные денежные суммы и несколько кредитных карточек. В портмоне Костромы был тот же набор плюс паспорт со свежепроставленной германской визой. Паспорт Васильев выкинул в придорожную канаву.

На ржевском переезде белесый Касик вышел из ступора:

- Ты хоть понял, кого вы убили? - проворчал он.- Это ж Муса Бакинский! Вор в законе. За него...

- Заткнись,- отрезал Васильев.- Крути баранку и держи пасть на запоре. Иначе отправишься вслед за ними, понял?

Касик понял. Больше рта не открывал, пока джип не оказался на стоянке, с которой отбыл три часа назад.

Сторожа на стоянке не было.

Стеклянные раздвижные двери гостеприимно распахнулись. Первое, что увидел Васильев,- лежащий на спине труп охранника. Во лбу покойника горела кровавая точка. Кровь еще не

запеклась.

Силыч уже не раз говорил им с Монплезиром, что работа у них не совсем подходящая, но Юра совету не внял. Он полагал, что институт – место совершенно спокойное и безопасное. Опять-таки люди интеллигентные, с такими и поговорить приятно, а еще приятнее почувствовать собственную значительность.

Прав был Силыч. Охранник – слишком заметная фигура. И слишком уязвимая. А, может быть, Юре просто не повезло. Единственного из всей команды, его не пытались взять живым. Полоснули из машины прямо через окно автоматной очередью – вот и все игры. Три пули из семи поразили цель. Одна досталась совершенно постороннему человеку, но две попали, куда и предназначались. Обе раны были смертельными. Впрочем, довольно было бы и одной.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

- Ну-ка, валите на хер отсюда! – сердито рявкнул охранник. – Тут вам не богадельня!

- Гляди какие ты слова знаешь! – сказал пацан постарше и чуток повыше ростом.

- Он, наверно, даже читать умеет, – ехидно ухмыльнулся тот, что поменьше, белобрысый лопоухий паршивец, раскручивающий на шнурке меховую шапку.

- Да брось! – деланно удивился его приятель. И охраннику: – Правда, умеешь?

- Счас врежу по уху, сразу весь юмор из башки вылетит! – посулил охранник, шагнув вперед.

Меньший проворно отскочил, а вот старший не шевельнулся. Глядел исподлобья снизу вверх. Под глазом у него наблюдалась легкая желтизна – след давнего фингала.

Охранник, болтавшийся на стоянке, от скуки решил включиться в игру. Тихонько подобрался сзади, растопырил руки...

- Ага! – И попытался ухватить младшего.

Его ждало разочарование. Мальчишка молниеносно крутанулся на месте, шапка больно стегнула шутника по глазам, но еще большее стало, когда пацаненок вlepил ему ботинком в пах.

Первый охранник, выматерившись, схватился за дубинку... и увидел в руке старшего мальчишки пистолет с глушителем. Это было последнее, что он увидел.

- Что встал? – рявкнул Васильев. – Трупов не видел?

Белобрысый Касик поглядел на Валерия с суеверным ужасом. Надо полагать, решил, что Васильев и к этой смерти причастен.

- Тюрьма где у вас?

- Внизу.

- Пошел, быстро! – Васильев пихнул белобрысого в поясницу... И тут совсем рядом громогласно

рвкнул автомат. Вой прошивших воздух пуль возник так близко, что Васильев невольно пригнулся, а опытный Касик и вовсе присел на корточки. Тем не менее стреляли не в них, стреляли в коридоре, уводящем в правое крыло здания. Не задумывая, Валерий треснул своего пленника по затылку. Тот повалился на пол. Одной обузой меньше.

Васильев пробежал через пустой холл, осторожно заглянул в коридор.

- Гранатой, гранатой его надо! - заорали впереди.

- Нету гранаты! Прыщ, давай вперед, я прикрою!

- Хрен тебе! Сам давай!

- Ах ты козел!

- За козла...

Васильев аккуратно прицелился и последовательно застрелил обоих диспутантов. Затем преодолел прямой отрезок коридора, сунув ТТ за пояс, подхватил их автоматы. Автоматы, десантные АК с подобранными прикладами, были горячими от стрельбы. Но в магазинах еще кое-что осталось.

Васильев закинул автоматы за спину, приподнял одного из подстреленных (еще живого, но без сознания), осторожно «выдвинул» за угол.

- Пок! - приглушенный хлопок и шлеп угодившей в цель пули. Подстреленный дернулся в руках Васильева, вывернулся и рухнул на пол.

- Есть! - звонкий азартный возглас.

- Парни, не стреляйте! - крикнул Васильев.- Это я, Валерий!

Охранник отлетел назад с дыркой в башке. Олежек махнул рукой: вперед.

Он и Гарик со всех ног бросились к ближайшей двери. Олег распахнул ее пинком - и тут же нажал на спуск. Бегущий навстречу боец взмахнул руками, сделал по инерции еще пару шагов и рухнул ничком. За его спиной обнаружился еще один. И тоже получил пулю в грудь, но принял ее на броник. Пониженный пороховой заряд патрона, предназначенного для пистолета с глушителем, сыграл свою печальную роль. Боец дернулся, вскрикнул: попадание есть попадание, налетел на Олега, попытался схватить, но пацан увернулся, проскочил мимо, боец наткнулся на Гарика, получил в пах, прикрытый, впрочем, клапаном бронежилета, отшвырнул к стене тридцатикилограммового пацана... и свалился. На этот раз Олег выстрелил в голову.

Подскочив к Гарику, рывком поставил на ноги.

- Цел?

Гарик встряхнул головой.

- Вроде бы...

- Тогда бегом! Тут их до хренища!

В подтверждение его слов из-за поворота выгнутого кишкой коридора донесся многоногий

топот.

Подтолкнув друга, Олег бросился назад, в холл. Мальчишки промчались по залу, ежесекундно ожидая выстрела в спину, и оказались в еще одном коридоре. Пустом. Олег захлопнул дверь.

- Стой! - скомандовал он.

Они прислушались. Преследователи выскочили в холл и остановились - посоветоваться. Гарик присел, глянул в замочную скважину, но ничего не углядел.

Зато услышал шаги. По коридору кто-то шел. Причем не торопился. Мальчики переглянулись, поняли друг друга без слов и очень тихо двинулись навстречу идущему. Олег держал пистолет наготове. У изгиба коридора оба остановились...

Не бандит. Уборщик или еще какая обслуга. Пацан чуток постарше Олега, но куда трусоватей. Увидев пистолет, взвизгнул, уронил коробку, которую нес.

- Тиш-ше! - прошипел Олег, но - поздно.

Те, в холле, услышали и ломанулись на звук.

Олег отпихнул визгуна и вместе с Гариком припустил по коридору. Оп-па!

Прямо на них выскочил здоровенный, голый до пояса детина. Бац! Детина повалился на пол, задергался, как перевернутый на спину жук, пачкая кровью ковер. Мальчики перепрыгнули через него, промчались еще с дюжину метров... и уперлись в железную запертую дверь. Не сговариваясь, они развернулись и помчались назад. Топот преследователей эхом катился навстречу. Вот первый выскочил из-за поворота.

Бац! Пуля визгнула мимо, выщербила стену. Преследователь проворно отпрянул. Через секунду высунул из-за стены автомат, разразившийся длинной слепой очередью. Мальчики попадали на пол.

Опорожнив рожок, противник сунулся еще раз. Олежек выстрелил и опять промазал.

- Дай мне! - сердито потребовал Гарик.

Олег с мрачным видом передал ему оружие. Но враги больше не высывались. Выжидали.

Олег наскоро исследовал коридорный аппендикс. Пара железных запертых дверей и еще одна, обычная, из которой выскочил полуголый.

Сауна. Парная, душ, бассейн, тренажеры, бар, холодильник. Второго выхода нет, зато обнаружилась одежда полуголого. И боевой пистолет в кобуре. С запасной обоймой.

Вернувшись, Олег показал добычу другу. Тот одобритительно кивнул.

За поворотом препирались бандиты. Решали, кому лезть на рожон. Так и не решились. Выпустили вслепую еще одну очередь.

Тем не менее ребята понимали, что положение у них неважное. Деться-то некуда.

Появление Васильева было большой удачей.

- Надо шевелиться,- сказал Олежек.- А то как нагрянет шобла!

По холлу без толку слонялись две перепуганные девки. Увидев обвешанного автоматами Васильева, истерически завизжали.

- Ну-ка тихо! - рявкнул Валерий.

Одна умолкла, вторая продолжала вопить. Васильев шлепнул ее по щеке, и вопль оборвался. Выпуклые, густо накрашенные глаза с ужасом взирали на Валерия.

- Как попасть в подвал? - спросил Васильев у второй. Та махнула в сторону левого коридора.

- Там лестница...

- Спасибо,- поблагодарил вежливый Васильев.- А теперь бери подружку и уматывайте. От греха.

Девушка быстро-быстро закивала, подхватила хлопающую глазами подругу и поволокла на улицу. Одежда на них - явно не по погоде, но простуда все же лучше случайной пули в животе.

Левый коридор. Первый подстреленный Олегом бандит целеустремленно полз по ковру. Преодолевал уже метров десять. Ему не стали мешать. Второй лежал неподвижно. Как и положено труп. Двери справа, двери слева. За одной - какая-то возня. Васильев пнул ногой - заперто. Внутри притихли. Ну и ладно.

Коридор заканчивался лестницей. Вниз и вверх.

- Карауль! - скомандовал Васильев Гарику.

Вдвоем с Олежеком они спустились вниз. Железная дверь, к счастью,- нараспашку.

Домашний зиндан на полдюжины камер. Никакой охраны. Надо полагать, с охраной Васильев уже разобрался наверху. Шизы здесь не было. В одной из камер - побитый мужик в лохмотьях некогда приличного костюма. Во второй...

Васильев врезал ногой по замку. Безуспешно.

- На! - Олежек протянул ему ключи.

Таня, голая, синяя от холода, свернулась клубочком на соломенной циновке. Руки связаны за спиной.

- П-привет...

- Привет! - Васильев попытался развязать веревку. Олежек подсунул ему нож.

- Найди ей какую-нибудь одежду,- попросил Валерий, накидывая на девушку свою куртку.- И обувь.

В зиндане обнаружился забрызганный кровью халат и военный тулуп невероятных размеров. Из обуви - только мужские резиновые тапки.

- Ходить можешь?

- Угу.

- Шизу будем искать? - спросил Гарик.

- Некогда уже. Вот если бы вы раньше меня не вломились...

Гарик и Олег покаянно молчали.

- Ладно, проехали. Достанем и Шизу. Потом. А сейчас вперед, пока вся кодла не сбежалась.

- Эй! А я? А меня?! - заорал побитый мужик в соседней камере, увидев, что они уходят.

- Выпусти его,- скомандовал Васильев, двинулся к лестнице, но вдруг остановился.

- Машину водишь? - спросил он побитого.

- Вожу.

- Хорошо. Идешь с нами.

В холле было пусто, если не считать оглушенного Васильевым белобрысого и пары трупов. Поддерживая завернутую в тяжелый тулуп девушку, Валерий направился к джипу. Его команда - следом.

- Садись вперед, поведешь,- скомандовал Васильев побитому.

Тот уселся за руль, рядом плюхнулся Олег. Остальные - на заднем сиденье. Таня - с ногами, закутавшись в тулуп.

- За угол и ждать,- распорядился Валерий.

- А чего ждать? - нервно спросил побитый.

- Не твое дело.

Ждали ровно семь минут. На восьмой мимо них с ревом пролетела иномарка, тормознула у входа. Оттуда вывалились трое стриженных и влетели в здание.

- Стоять! - рывкнул Васильев, увидев, что побитый бизнесмен намеревается тронуться.

Ждали еще пятнадцать минут. За это время к бандитскому «офису» прибыло больше десятка машин, доставивших дюжины три бритоголовых активистов.

Милиция так и не появилась.

- Вот теперь поехали,- скомандовал Валерий.

- Куда? - нервно осведомился водитель.

- Ко мне,- ответил Васильев.- Олег, объясни, как ехать.

Когда джип подрулил к васильевскому подъезду, уже начало темнеть.

- Мы выходим здесь,- сказал Валерий побитому.- Приедешь к себе, машину брось. Только протри все, чтоб отпечатков не осталось. О нас забудь.

- Сделаю, не сомневайтесь,- ответил побитый.- Спасибо!

- Пожалуйста. Больше не попадайся.

В подвале уже стояла железная дверь с «цербером».

- Олежек,- сказал Васильев.- Сходи разберись с деньгами и ключами. Нет, погоди. Сначала ко мне поднимемся, арсенал оставим.

- А проверить? - спросил Олег.

- Обойдемся. Им сейчас не до засад.

После удачного освобождения Тани Васильев чувствовал просто абсолютную уверенность в себе.

Засады в квартире не было. Соседи тихо сидели у себя, смотрели телик.

- Таня, вон твоя одежда.- Васильев повернулся к Олегу.- На,- сунул тулуп и тапочки.- Выкинь по дороге.

Таня оделась, с остервенением расчесывала волосы.

- Помыться мне можно?

- Потом. Как ты себя чувствуешь? Тебя не... били?

- Нет,- сердито ответила девушка.- Козлы! Лучше бы оттрахали, честное слово!

- А что такое?

- Издевались, как над собакой. Попробуй-ка сам из миски есть, когда у тебя руки за спиной связаны! Веселились, сволочи!

Васильев поймал взгляд Гарика, с трудом сдерживающего смех, показал ему кулак.

- На, глотни,- он протянул ей стопку и кусок хлеба, зажевать.- Олег вернется, пойдем поедим по-человечески.

Гарик не удержался, хихикнул и ловко увернулся от подзатыльника.

- Да ладно! - Таня вдруг улыбнулась.- Ты прав, могло быть и хуже. А ты и впрямь крутой! - Она улыбнулась уже персонально Васильеву.- Чего ты с этими козлами не поделил?

- Ты водку-то выпей! - ушел от ответа Валерий.- Простудишься еще.

- Я? Да ни в жисть! - И залихватски опрокинула стопочку. И принялась подкрашиваться, благо ее косметичка оказалась тут же на столе.

Васильев, чтобы не терять времени, взялся чистить оружие.

Таня закончила макияж, подмигнула Гарику.

- Ну как, ничего?

- Нормально,- одобрил пацан.- Губы можно побольше сделать.

Таня глянула в зеркальце, кивнула:

- Рубишь.

И подмалевала пошире.

- Ясно, рублю,- солидно кивнул Гарик.- У меня дружбан путанок пасет у Исаакия. Я, бывает, ему помогаю.

- Сколько лет дружбану? - поинтересовалась девушка.

- Да как и мне.

- И не обижают?

- Кто, девки?

- Клиенты.

Гарик засмеялся.

- А крыша на что? Да какие проблемы, подруга? На спуск нажать - много росту не надо. Или не видела, когда мы тебя из клетки выводили?

- Видела-видела! - Таня засмеялась.- Опять же статья сутенерская по малолеткам не стреляет, так?

- Точно! - Гарик поглядел на девушку с уважением.

- Сами-то девушками пользуетесь? - поинтересовалась Таня.

- Это намек? - ухмыльнулся Гарик.

Васильев фыркнул.

- Любопытство,- ответила Таня.

- Вообще-то не положено,- солидно произнес Гарик.- Но, если в свободное, так сказать, время... В общем, если предлагают, мы не отказываемся. Что мы, гомосеки, что ли?

- Ох и крут же ты будешь лет через десять! - полушутливо-полувсерьез сказала Татьяна.

- Он и сейчас крут,- заметил Васильев.

Гарик тут же надулся от гордости, но Валерий его немедленно приопустил:

- Крут-то, крут, да характер неважный. С таким характером долго не живут.

- А сам? - возмутился мальчишка.

Занимательную беседу прервал звонок в дверь.

Васильев поискал глазами: чем бы накрыть разобранные автоматы, потом сообразил: если уж

незванные гости пришли, так вряд ли имеет смысл прятать оружие. Скорее, наоборот.

Сунув за ремень ПМ, Валерий пошел открывать.

Незванные гости откладывались. Вернулся Олег. Вручил ключ от двери в подвал.

- Сходишь проведать?

- Перебьется. Не раздевайся. Сейчас ужинать пойдем.

В кафе аппетит у всех четверых обнаружился волчий. Впервые за день Валерий позволил себе расслабиться, отпустить пружину внутри. Ел, пил, любовался Таней, мгновенно нашедшей с ребятами общий язык. В общем и не удивительно, что нашла. Сама - вчерашняя школьница.

- Слышите, пацаны, а вас родители как, не заругают? - спросила Татьяна.- Времени сколько!

Гарик с Олежком переглянулись и захихикали.

«А ведь верно,- подумал Валерий.- Мальчишки же в школе должны учиться. И родители, верно, должны у них быть, как у всяких мальчишек...»

- Ты, Танюха, чё, жизни не знаешь? - писклявым тенорком поинтересовался Гарик.- Я капусту в дом ношу - значит, мне и мазу держать. Машина стиральная, холодильник, телик, хавчик из супермаркета - это чё, думаешь, на маманины шесть сотен? Не, у меня дома все построены: мамка, бабка, сеструха.

- А отец? - спросил Валерий.

- Да он сидит,- усмехнулся Гарик.- А выйдет - тоже построю, чего думаешь? Вона Олежкин папик нажрался на Новый год и мамке по морде дал. И че ты думаешь?

Валера пожал плечами. У него в семье подобного и быть не могло.

- Да я его так отмудохал, что его три дня за пивом без очереди пропускали! - сказал Олежек.

- А не круто? - спросил Валерий.- Отец все-таки...

- Нормально! Он у меня каждый день на пузырь имеет? Имеет. От мусоров я ему отмазку, справку из дурки купил? Купил. Ну? Хули ж ему еще надо?

Таня покивала с пониманием. Васильев вспомнил ее папашку и решил, что с Олежкиным они бы вполне спелись.

- А в школу вы, как я понимаю, не ходите?

Мальчишки удивленно воззрились на Валерия.

- Как это не ходим? - изумился Олежек.- Да Кремень из зала на счет раз выпрет, если у тебя в табеле два очка нарисуетя!

- А у меня ваще ни одной тройки! - гордо заявил Гарик.

- Да сиди уж! - Олежек шлепнул его по затылку.- Этот отличник, блин, всех преподав на подсос подставил! - сообщил он Валерию.- Четверка за четверть - пятьдесят баксов. Пятерка -

стоха.

- Вовсе не всех! - возмутился Гарик.

- Ага! Кроме физрука!

- И что же? - в свою очередь удивился Васильев.- Никто из учителей тебя не послал?

- Меня-я? - Гарик скорчил рожу.- Да они за сто баксов!.. Ты хоть знаешь, сколько они по жизни имеют? А Силыч ваще меня похвалил, понял? Сказал, чтоб я табель всегда с собой таскал в ученическом билете! Чтоб любой мент сразу въехал, что я не гопник, а, реально, правильный пацан. Ну, в смысле, к уголовке - ни с какого бока не подхожу! Силыч, он фишку рубит! - Тут Гарик вспомнил, что Силыча уже нет, скис и умолк.

Очень кстати, к их столику подошел какой-то парень, осведомился, можно ли пригласить даму потанцевать.

- Можно,- доброжелательно ответил Валерий.- Но только мне.

Пацаны захихикали. Парень тоже улыбнулся. Не обиделся.

- Хочешь потанцевать?

- С ума сошел! Я уже ног не чувствую!

Васильев понял намек.

- Как, бойцы, наелись?

- Да вроде бы,- ответили бойцы.

- Тогда по коням. Вернее, по домам.

Договорились, что завтра в одиннадцать Олег позвонит Васильеву домой. Валерий словил тачку, отправил пацанов. Сам же, не мудрствуя, поехал домой к Тане. Не забыв прихватить с собой оружие и ядовитую «варенку».

Папуля отсутствовал. В Таниной комнате, половину которой занимала широченная тахта, Васильев не нашел ничего, пригодного под тайник, поэтому попросту запихнул сумку под кровать.

Таня наконец дорвалась до ванной и провела там почти час. Вернулась чистенькая, розово-нежная. Доверчивый большеглазый детеныш с пушистой желтой головкой.

Васильев, предвкушая приятнейшую ночь, тоже отправился принять душ, а когда вернулся, обнаружил, что подруга спит, свернувшись калачиком. Маленький зверек под огромным одеялом. Будить ее было бы форменным свинством, поэтому Валерий смирил желания, устроился рядом и мгновенно уснул.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ранним утром Валерия разбудил Танин папаша, шумно перемещавшийся по кухне. Натянув

брюки, Васильев отправился в туалет и, конечно, столкнулся с родителем в коридоре. С голым торсом Васильев выглядел внушительней, чем в одежде. Почти год свирепых тренировок придал его мышцам грозную рельефность. Причем, не показной объем, как у качка на анаболиках, а настоящую железную твердость. И это чувствовалось. Может, поэтому папаша не стал разбираться, кто он и откуда взялся в квартире, а просто посторонился. Хотя, возможно, что посетитель коммунистических митингов уже успел привыкнуть к друзьям дочери. Последнее, впрочем, Васильева не смутило. Валерия никогда не смущали прошлые любовники его женщин. Если женщина сейчас с ним, а не с теми, значит, он, Васильев, - лучше.

Папаша собрался и ушел. Вероятно, на работу. Валерий отправился на кухню, надыбал кусок хлеба, яйцо и ломтик копченого сыра. Вместе с чашкой сладкого кофе все это вполне сошло за завтрак.

Перекусив, Валерий сделал попытку дозвониться до тех друзей, чьи судьбы еще оставались неопределенными: Юры и Петренко. Безуспешную попытку.

Петренко совершил непростительную ошибку. Разумней было вообще не показываться из подъезда, а махнуть с балкона второго этажа, благо, выходит на другую сторону. Но легкость, с которой он разобрался с основной группой, обманула Петренко. Он был уверен, что если на него и набросятся на улице, то результат будет аналогичный. Но никто не бросился на Петренко. Никто не выстрелил. Это успокоило. И вместо того, чтобы аккуратно красться вдоль стены, под прикрытием хоть и голых, но дробящих силуэт тополей, Петренко попер, как новобранец, прямо на обочину, да еще и остановился, рукой замахал, ловя тачку.

Стреляли из дома. Из окна второго этажа. Профессионал стрелял. Мастер. Попал точно куда целил. А целил он в голову.

Валерий не стал дожидаться, пока проснется Таня. Оставил ей записку, чтоб из квартиры не выходила, ждала его звонка, а сам отправился домой.

И на сей раз на Рубинштейна обошлось без сюрпризов. Но около десяти проклюнулась междугородка. Звонил отец.

- Плохие новости,- сказал он.- Напали на Ленку.

Лена Васильева пила пепси-колу из бумажного стаканчика и благосклонно слушала приятеля Женю. Женя же разливался соловьем, поскольку благосклонность Васильевой в университете ценилась весьма высоко. Очень красивой считалась Лена Васильева.

И не только считалась, но и действительно являлась таковой. Натуральная блондинка с голубыми глазами, аккуратными носиком и выпуклыми губками. Вдобавок стройна и длиннонога. И неглупа, что, впрочем, мало кто из студенческой молодежи относил к достоинствам. Но ведь и Женя - далеко не дурак и тоже не урод, строен, мускулист и голубоглаз, кстати. Правда, ростом немного не вышел, но не настолько, чтобы смотреть на Васильеву снизу вверх.

Дело происходило в солнечный полдень в открытом кафе на берегу вертлявой речушки, затененной деревьями, можно сказать, в самом центре города Симферополя. Воздух дурманяще пах весной, и щеки молодых людей уже тронул первый загар.

Женя и Лена были единственными посетителями. Остальные столики: и под отдельными

цветными зонтами на набережной, и в крохотных беседках, нависающих над водой, – пустовали. Молодой бармен с удовольствием разглядывал Ленины ножки и, очень возможно, прикидывал, как отшить от девушки ее приятеля. Ничто не предвещало грозы. Даже то, что Лене и Жене в это время положено было не греться на солнышке, а сидеть на лекции.

- Прошу прощения!

У столика остановился мужчина. Второй держался чуть поодаль.

- Вы – Лена Васильева?

Правильный ответ: «Нет». Именно так следует отвечать незнакомцам на улице. Но Лена этого правила не знала, а предупреждения отца вылетели у нее из головы.

- Да, это я, – девушка кокетливо улыбнулась.

- Еле вас нашел, – мужчина улыбнулся в ответ. – Хорошо, ваши подруги в институте подсказали, а так и уехал бы, не передав подарок.

- Какой подарок?

- Из Питера. От вашего брата.

- Ой, вы из Питера? – обрадовалась Лена.

- Точно! И буду там уже послезавтра. Если хотите что-нибудь передать...

- Витя, время, – сказал второй мужчина.

- Простите, Лена! – первый еще раз улыбнулся. – У меня поезд через тридцать минут.

- Тогда надо бежать! – встревожилась Лена.

Незнакомец ей нравился. И это совсем не нравилось ее спутнику Жене.

- Ничего, я на машине, – мужчина показал наверх, где у обочины стоял серый «скорпио». – В ней и пакет. Пойдемте, я вам его отдам. Можно, молодой человек? – обратился он к Жене. – Через десять минут я верну вам вашу девушку.

- Мы пойдем вместе, – мрачно произнес Женя.

Не то чтобы он опасался за Лену, скорее – за себя.

- Да ради Бога! – засмеялся мужчина.

Лена поднялась. Женя подняться не успел. Второй резко ударил его ребром ладони в основание шеи, и Женя повалился на асфальт.

- Идиот! – прошипел первый, схватил Лену за руку: – Быстро пошла!

Лена не привыкла к такому обращению. И совершенно не испугалась. Ее сумка, раскрытая, стояла на высоком табурете прямо у локтя. А в сумке лежал газовый баллончик, который она немедленно пустила в ход. Мужчина тут же отпустил ее руку, захрипел, закашлялся. У Лены тоже защипало глаза, но она решительно направила баллончик на второго... а тот коротким

взмахом одной руки вышиб ее оружие, а второй как клещами сжал запястье девушки.

- Лучше не трепыхайся! - угрожающе произнес он, отшвырнув ногой разделяющий их табурет.- Или...

Договорить ему не удалось. Как только табурет опрокинулся, Лена пронзительно закричала:

- Помогите!

И изо всех сил вцепилась мужчине в пах.

Молодцеватый бармен пулей выскочил из своего киоска с деревянной дубинкой в руке. Был бы он столь отважен, если бы оба противника не оказались частично выведены из строя? Неизвестно. Да и не важно.

Дубинка с треском опустилась на затылок одного, а потом со сходным звуком отоварила по лбу второго. Клещи на онемевшем запястье Лены разжались.

- Ты в порядке? - спросил спаситель.

- Угу,- она уставилась вниз, на второго нападавшего, скорчившегося у ее ног.

Бармен тоже опустил глаза.

Под задравшейся полкой куртки обнаружилась коричневая кобура, из которой торчала рукоятка пистолета. Судя по ее размерам, пистолет вряд ли был газовым.

Лена облизнула пересохшие губы.

- Мне надо позвонить,- сказала она.

- Вот такая история,- завершил отец.- Такая говняная история.

- Ну не такая уж говняная,- заметил Валерий.- Молодец, Ленка! Может, мне приехать к вам?

- Если это поможет тебе,- ответил отец.- Нас охранять не надо, а Лену я вообще спрятал у...

- Молчи! - перебил его Валерий.

Отец понял, хмыкнул.

- В общем, больше не повторится,- сказал он.

- Если так, то я останусь в Питере,- решил Валерий.- Закончу свои дела, и все устаканится.

- Давай,- без энтузиазма согласился отец.- Смотри, на пулю не нарвись! Эти, что на Лену напали, серьезные экземпляры, как мне сказали.

- Где они, у ментов?

- Были. Потом их выпустили под подписку. За бабки, ясное дело. Но в Симферополе их нет, это точно.

- Не эти, так другие,- мрачно произнес Васильев.- Ты, пап, за меня не беспокойся. Об меня они

зубы обломают, но сами давайте поосторожней. Если деньги нужны, я переведу. Сколько надо. Прислать?

- Не надо. Ты звони, понял? Сам звони. Регулярно.

- Постараюсь. Пока.

Васильев повесил трубку. Чувство у него после разговора осталось нехорошее.

Зато Олег позвонил вовремя.

- Что нового? - спросил он.

- Пока живы! - Васильев засмеялся.- Встречаемся через два часа. Там, где вчера. Годится?

- Без проблем.

Валерий экипировался в полный рост. Собственный пистолет - в подмышечную кобуру, автомат и пистолет с глушителем - в небольшую наплечную сумку. Автомат, правда, влез только с отстегнутым магазином. Во внутренний карман - удостоверение «капитана Васина». Во внешний - смертоносный баллончик вкупе с заряженным шприцем. Не хватало только ножа, но насчет него Валерий решил: обойдемся.

Как выяснилось, ножами запаслись мальчишки.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ КАК УЧИЛИ...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- Задача у нас простая,- сказал Васильев.- Задача у нас простая, задача у нас такая: вытащить Шизу и попутно навести шухер.

Он по наивности действительно полагал, что эта акция вполне им по силам. Банда обезглавлена, деморализована, и, если рассуждать логически, ее бойцы должны не о мести думать, а по норам забиться и сидеть тихо-тихо. Конечно, Васильев не забывал, что в игре участвуют и другие фигуры. Но оценить их «тяжесть» Валерий не мог. А группировку почившего Мусы он, опять-таки по отсутствию опыта, вообще не принял во внимание. Больше беспокоился о тех, кто схватил Пашу-Академика. Интуиция подсказывала Васильеву: они - какая-то третья сторона. Очень мало беспокоился он и об официальных властях. Если пострадавшая сторона вовремя не подчистила свою территорию, это ее проблемы. Вчерашних трупов хватит на месячную норму не слишком криминального района. Но вряд ли кто-то свяжет эти трупы с неким Васильевым, кандидатом химических наук без криминального прошлого. Тут он тоже ошибался. Но ему повезло. В банде Костромы командой Силыча занималось изрядное количество народа. И пожелай они - Васильев мигом оказался бы за решеткой. Но всем им было сейчас не до того. Все были уверены, что Муса завалил Кострому и остальных, потому что на месте «стрелки» ни трупов, ни горелых машин не оказалось. Драться с «черными» группировка не могла: силенки не те. Да и формально «черные» правы: денег-то Кострома не вернул. Касику, который пытался растолковать ошалелым бригадирам, что на «стрелке» неким волшебным образом завалили всех, а во всем виноват некто слева, никто не поверил. Касик - бычара. Придурок. Поэтому в «офисе» Васильева никто не ждал. Ждали

«черных». С новой предъявой: «Где наши деньги?» Именно поэтому возник тот редкий момент, когда на место лидера криминальной структуры никто не претендует. В группировке царило безвластие, граничащее со «спасайся, кто может!» Не разбегались только потому, что хорошо знали Мусу. Этот будет ловить и резать поодиночке до тех пор, пока не получит свои деньги или товар. Или пока не перережет всех.

До Ладожской добрались на метро. Это быстрее, учитывая дорожные пробки.

- Может, к нам заглянем? - предложил Гарик, имея в виду зал.

Олежек покрутил пальцем у виска.

Гарик обиделся.

- Я же по-тихому,- буркнул он.- Вдруг там Егорыч?

- Размечтался! - хмыкнул Олег.

Валера поймал тачку, сказал, куда ехать. Сейчас он очень жалел, что не умеет водить машину. А учиться уже некогда, поскольку по-быстрому можно научиться только на педали нажимать. Для серьезного вождения нужна практика.

Большая стоянка перед бандитским особнячком машинами не изобиловала. Пара джипов, с полдюжины иномарок попроще и сильно битая «девятка». «Шестисотых» «мерсов» не наблюдалось. В стеклянной будочке нахохлился охранник. Начать следовало с него.

Васильев велел пацанам ждать, передал им сумку, предварительно вытащив и сунув под ремень пистолет с глушителем, а сам деловито направился к будочке и постучал в стекло гербовым удостоверением. Напружинившийся было охранник слегка расслабился, увидев родную русскую физиономию, и вылез на холодок.

- Чего надо? - проворчал он.

«Значит, зачистили территорию,- решил Васильев.- Иначе вопрос был бы поставлен иначе».

- Разрешение есть? - строго спросил он, показав на прислоненный к стенке будочки помповик.

- А как же! - Охранник полез в карман.- Вот.

- Почему просрочено?

- Как просрочено? - Охранник уставился на свой охотничий билет, и тут Валерий резко, от бедра, врезал ему в челюсть. Глазки охранника закатились, он обмяк и повалился вперед, на Васильева. Валерий подхватил его, водворил обратно в будочку, опустил на стульчик и захлопнул дверь. Теперь охранник выглядел точь-в-точь, как пару минут назад. Издали, конечно. Тем же решительным шагом Васильев направился к стеклянным дверям. К его удивлению, они сразу же раздвинулись. Валерий махнул удостоверением перед мордой подскочившего вахтера.

- Живенько отведи меня к Костроме! - скомандовал он.

- Хозяин в отъезде!

Почтения к представителю власти на физиономии вахтера не отразилось.

Васильев оглядел холл. Ни малейших следов вчерашнего побоища.

- А кто есть?

- А кто нужен?

Беседа зашла в тупик. Но у Васильева уже был опыт выхода из подобных тупиков. Хороший выход, но болезненный для оппонента.

- Ах! - сказал вахтер и сложился пополам. Валерий для верности добавил ему по затылку рукояткой пистолета. А стволом сделал многозначительный знак вахтерову приятелю, прислушивавшемуся к разговору издали. Приятель поднял руки.

- К стене! - скомандовал Васильев.- Ноги расставить, руки на затылок.

Он шагнул вперед, чтобы избавить приятеля от ненужных вещей, но не успел.

Раздался оглушительный звон, и великолепная стеклянная дверь покрылась мелкой сеткой трещин. Гром, треск, грохот - и одна створка развалилась. Взрывная волна ударила по ушам, Васильева отбросило за квадратную колонну. Он оказался на полу, под прикрытием деревянного барьера. Тот, кого он собирался обыскать, тоже распластался на полу, а в раскученную дверь ввалилось человек двадцать в полной экипировке: камуфляж, каски, броники, черные маски, автоматы с подствольниками. Полная экипировка российских командос. Однако вряд ли это был ОМОН или СОБР. Потому что ни ОМОН, ни СОБР обычно не добивают тех, кто уже не способен сопротивляться, тогда как один из нападавших мимоходом прострелил затылок сваленного Васильевым вахтера. Нападавшие разделились. Две группы устремились по коридорам, третья осталась в холле. Четверо заняли оборону, двое разбежались в стороны, причем один - в направлении спрятавшегося за колонной Васильева. Валерию вовсе не улыбалось вступать в огневой контакт с превосходящим и численно, и в огневой мощи противником. Он уже примерился рискнуть и дернуть в один из коридоров: авось не подстрелят. Но тут очухался абориген, которого Васильев так и не успел обыскать. Очухался и с детской простотой принялся палить из положения лежа по набегающей мишени. Первая пуля угодила «мишени» в бедро, вырвав клоч кровавого мяса. Еще две, прежде чем раненый упал, ударили его в грудь и, вероятно, пробили броник, потому что подстреленный опрокинулся назад, дернулся разок-другой и затих. Зато очень оживились его друзья. Кинжальный огонь пяти автоматов сошелся на стрелке и превратил его в фарш: зрелище, окончательно отвратившее Васильева от мысли вступить в огневой контакт.

Зато нападавшие вспомнили об осторожности. Теперь дверь стерег один, а холл обследовали две пары. И не бегом, а аккуратно.

Васильев сглотнул слюну, чтобы вернуть себе способность нормально слышать. Удалось только отчасти.

У Валерия оставалось только одно достаточно мощное оружие, но он понятия не имел, что из этого выйдет. Впрочем, выбирать было не из чего. Васильев быстро закатал рукав, вынул шприц. Некоторый опыт внутривенных инъекций у него имелся: несколько раз приходилось колоть отца, когда на того накатывал приступ. Но себе уколов он не делал никогда. Новичкам везет. Вышло с первой попытки. И почти сразу заколотилось сердце.

Васильев поспешно достал баллончик и, выпростав руку из-за колонны, послал струю в направлении приближавшейся пары. Длинную струю, поскольку понятия не имел, как будет

распространяться ОВ в закрытом помещении. Оказалось, газ распространяется прекрасно. Оба охотника повернулись на шипение баллончика. Один даже успел нажать на спуск, и стайка пуль прошла воздух рядом с колонной. Но уже через мгновение у обоих проявился первый симптом: потеря зрения и утрата ориентации в пространстве. Но мучились ребята совсем недолго. Секунды полторы.

Их приятели, увидев, что соратники без видимых причин повалились на пол, очень обеспокоились.

И принялись поливать очередями все вокруг, превращая в щепки мебель и уродуя обшитые панелями стены. Палили, пока не опорожнили рожки. Тогда двое устремились к упавшим, а третий извлек телефон и принялся орать в трубку. Орал, что характерно, не по-русски. На полпути к цели любопытствующая пара встретила с невидимым облачком. И обладатель телефона остался в одиночестве. Если не считать тех, кто обшаривал здание.

Васильев не без труда (глушитель зацепился за ремень) вытащил второй пистолет, выглянул с противоположной стороны колонны. Его противник уже не разговаривал, а пытался одновременно «держать» и холл, и подход к зданию. Выбрав момент, Васильев метнулся вперед и влево и укрылся за чудом уцелевшей кадкой с мохнатым папоротником. До противника шагов двадцать. Можно было подождать, пока до него доберется газ. Но не стоило. Вот-вот может появиться подкрепление. Васильев оперся на край кадки, пристроил длинный ствол между стеблей, очень тщательно прицелился и плавно надавил на спуск. В голову он не попал, попал в шею. Враг упал. Из-за деревянной стойки Васильев больше не мог его видеть, зато очень хорошо слышал тошнотворный булькающий звук.

«А теперь быстро сваливай!» – велел Валерию внутренний голос. И Васильев послушался, понимая, что всякому везению рано или поздно приходит конец. В его же случае это будет не просто конец, а Конец. С большой буквы.

Подстреленный в шею затих. Пробегая мимо, Васильев увидел, что тот плавает в луже крови, – пуля разорвала артерию. Валерий порадовался. Добивать раненого не хотелось.

Стрелой он вылетел из дверей на открытое пространство... и напоролся на автоматную очередь. Вернее, почти напоролся. Пули взвизгнули совсем рядом и со звоном и визгом рикошетировали от уцелевшей дверной створки. Инстинкт бросил Васильева на асфальт. Еще одна очередь провыла над головой. Третья хлестнула по поребрику, высекла каменные брызги. Никогда еще Валерий не ползал так быстро. Вероятно, он установил бы мировой рекорд по скоростному ползанию на открытой местности. К счастью, открытая местность кончилась, и Васильев нырнул под грязное днище джипа.

Выбравшись с другой стороны, он почувствовал себя уверенней и даже рискнул выглянуть из-за колеса.

Грохот очереди и пренеприятнейший вибрирующий вой прошедших совсем рядом пуль убедил Валерия, что высовывался он зря.

Очередь угодила в стоящую за джипом иномарку, и из нее на асфальт потекла какая-то жидкость. Васильев не стал уточнять, какая именно. На четвереньках он припустил наутек и остановился только у стеклянной будочки сторожа.

Преследователей оказалось двое. Они двигались параллельно, переговариваясь гортанными голосами. Подняться и посмотреть на них Васильев не решался. Зато он заглянул в будочку и обнаружил там брошенный сторожем помповик. И немедленно им завладел. Скорчившись в

будочке так, чтобы нижняя, непрозрачная часть цоколя заслоняла его, Васильев выставил ружье и ждал. Дверцу он оставил приоткрытой: снаружи через щель ничего не разглядеть, а ему хоть какой-то обзор.

Ждал он не больше полуминуты.

Преследователь остановился у будочки. Васильев не видел его, но отчетливо слышал сопение. И даже обонял запах пота и чеснока, распространяемый противником. Стоя у будочки, тот оглядывал стоянку. Васильев точно знал местоположение врага, но стрелять через стекло не рисковал. Наконец преследователь шагнул вперед, и Васильев увидел его.

Должно быть, враг почуял этот взгляд, потому что стремительно развернулся, вскидывая автомат, но Васильев успел раньше: пинком распахнул дверь и всадил в противника заряд картечи. Автомат вылетел из рук преследователя, а сам он, отброшенный ударом, врезался в ближайшую автомашину и безжизненным кулем сполз на асфальт.

Васильев услышал короткий вскрик, увидел оскаленное заросшее черной щетиной лицо второго, наводящего автомат, поспешно передернул цевье помповика, уже понимая, что все равно не успеет выстрелить и выскочить из будочки тоже не успеет...

Злобно взлаял автомат. Звук отразился от соседних домов, вернулся эхом. Васильев услышал это эхо, потому что стреляли не в него. Врага швырнуло вбок, он пронзительно закричал...

Васильев, пригнувшись, метнулся к шеренге коммерческих ларьков. У крайнего стоял Олежек и призывно махал рукой. На плече у него висел автомат.

- Давай быстро! - Он схватил Васильева за руку и потащил к припаркованной у тротуара «шестерке». За рулем сидел потеющий от страха молодой парень, а на заднем сиденье - Гарик. В руке он держал нож, плотно прижатый к сонной артерии водителя. Настолько плотно, что по шее парня сползала под ворот красная полоска.

Васильев запрыгнул на переднее сиденье, ткнул в бок водителя стволом помповика.

- Вперед, быстро!

Водитель тут же рванул с места.

Гарик отнял нож от его шеи, обтер о сиденье и спрятал.

В салоне кисло пахло сгоревшим порохом. Водителю этот запах был явно не по душе.

- Я вас не видел, мужики! - быстро проговорил он. - Не видел, не знаю, Богом клянусь! Не убивайте, а? Хотите, машину заберите, а?

- Успокойся,- устало произнес Васильев. Стресс схлынул, оставив после себя дрожь, боль и ватную слабость.- Веди себя хорошо и будешь жив. И машину тебе тоже оставим.

- Я - все, что скажете. Вы только скажите. А я сам - никому! Чтоб мне...

- Заткнись! - бросил с заднего сиденья Олег.

- Поворачивай к Ладожской,- распорядился Васильев.- И не гони, понял?

Водитель послушно сбросил до пятидесяти и через пятнадцать минут высадил их на углу у «Самоцветов».

- Права отдайте, а?

Олег бросил права ему на колени.

- Гляди,- предупредил он.- Мы тебя знаем, найдем на раз!

Машина уехала.

- Тебе не кажется, что эту дуру надо куда-то спрятать? - спросил Олег.

Васильев глянул на помповик, который держал в руке. Парень прав. Вообще, ружье надо было выкинуть по дороге.

- На! - Гарик стянул с себя щегольский белый шарф.- Замотай.

Помповик спрятали на пустыре. Засунули в какую-то нору, припорошили землей и снегом. Единственный оставшийся патрон Васильев выкинул в замерзшую лужу, продолбив кирпичом лед.

- Сколько положил? - поинтересовался Гарик.

- Семерых.

- Итого, с Олеговым, будет восемь. Нормальная цифра. Если по стольку каждый день, к лету всех перекоцаем.

- Дурак,- констатировал Олег, переглянувшись с Васильевым.- Что будем делать, командир?

- Домой поедем. Надо мне с нашим заложником проконсультироваться. И еще подумать: как Шизу вытащить?

- Уже никак,- сказал Олег.- Если его эти, черные, не тронули, то наверняка менты забрали.

- Какие менты?

- Да те, что нам навстречу проехали. Автобус и еще четыре «козла». Не видел, что ли?

Васильев покачал головой.

- Думаешь, туда?

- А куда ж еще? - удивился Олег.- Таковую пальбу подняли! Это еще поздно приехали. Мы уж боялись: если тебя те не замочат, так эти прихватят. Я Гарику сразу сказал, как пальба началась: стопим тачку и держим. Как менты подскочат, сразу сваливаем. Со стволами светиться, сам понимаешь. Так что ты молоток! Вовремя выскочил.

- Спасибо,- сказал Васильев.- За того черного. Он бы меня наверняка срезал.

- Херня! - махнул рукой Олег.- Вчера ты нас, сегодня мы. Обычное дело!

Но видно было: ему приятно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Васильев пил светлое пиво в кафе между Средним и Малым проспектами Васильевского острова и размышлял о смысле жизни. Своей жизни. Своей единственной жизни.

Кострома мертв. Хирург сидит в подвале. Большая часть тех, кто гнал Васильева и убивал его друзей, – мертвы. Значит ли это, что он – отомстил? Значит ли это, что он сделал все, что мог, и теперь имеет право спрыгнуть с подножки поезда смертников? Снова стать таким, каким он был в то июньское утро, когда крепкая рука умыкнула девушку Таню в салон дорогой иномарки. Голым человеком на голой земле. Точнее, на голом асфальте. Не важно, что сейчас эта же девушка Таня ждет его, чтобы накормить ужином. Несколько дней назад Валерий был частью целого. Каждый его шаг был выверен умными и знающими, каждое действие одобрено и поддержано. Еще несколько дней назад у него были друзья, каждый из которых был сильнее, чем он сам. Еще несколько дней назад рядом были те, кто знал свое место в мире и, главное, знал, какое место в нем должен занять он, Валерий Васильев. Теперь их нет. И никто больше не скажет, что делать. И Валерий так же беспомощен, как изуродованный наркотиками Шиза. И его глаза так же слепы и бессмысленны, когда приходится смотреть в будущее.

Он не герой. Герой не травит своих врагов ОВ. Герой убивает их иначе. Лицом к лицу. В честной борьбе. Как Гоша-Терминатор или Петренко. Опережая и ошеломляя. Отвага и натиск. Опыт и мастерство. То, чему он так и не доучился.

Силыч как-то сказал: за три года можно выучить профессионала. Но для того, чтобы стать мастером, требуется не меньше семи. А чаще значительно больше. А кого можно выучить за неполный год?

Васильев допил свое пиво, со стуком опустил стакан на скатерть, чем привлек внимание официантки:

- Что-нибудь еще?

Девушка улыбалась ему чуть-чуть заискивающе, Васильев не сразу сообразил: она его боится. Невольно он посмотрел на свои руки: не в крови ли? Глупо. Конечно, руки чистые. Даже порошком не пахнут, отмыты со всей тщательностью.

- Да, то же самое, пожалуйста.

Васильев еще раз посмотрел на свои руки и вдруг совершенно ясно осознал: выбора у него нет. Если он захочет выйти из игры, его убьют. И скорее всего не только его, но и всех его близких. Всех, кто ему дорог. Потому что долг слишком велик. Значительно дороже дюжины жизней. И ему нельзя сойти с поезда смертников, потому что тогда этот поезд рано или поздно раздавит и его самого, и его родных, и всех, кто с ним рядом: Олежка, Гарика, Таньку... Поезд никогда не остановится, и, пока им правят те, кто хочет взыскать долг, и он, Валерий Васильев, главный должник, и все, кто рядом с ним, – все равно что мертвы.

Валерий взял в руки тяжелую кружку, сдул пену, пригубил... Ни хрена! Он не умрет! И родные его тоже! Пусть лучше сдохнут те, кто тянет к ним паршивые лапы! Ни хрена! Это они умрут! Он будет убивать их подло, из-за угла. Душить, травить, рвать! Это он их убьет! И если понадобится – всех! Если понадобится, он выкинет с поезда всех и сам сядет в кресло машиниста.

Васильев поднял глаза и тяжелым взглядом обвел кафешку. Народу было довольно много, но

два ближайших к Васильеву столика почему-то пустовали.

Валерий быстро допил пиво, бросил на стол полтинник и вышел на улицу.

«И еще я должен найти и прикончить ту суку, которая нас сдала!» – подумал он.

Таня открыла дверь так быстро, словно стояла рядом.

- Почему не спрашиваешь, кто? – укорил ее Валерий.

- А я знала, что это ты! – Девушка привстала на носки, чтобы его поцеловать.- Пиво! – уверенно сказала она.- Причем светлое.

- В самую точку.

- Здорово,- в коридоре объявился папаша, прошаркал на кухню.

- Он тебя побаивается,- сказала Таня.- Ты его не обижай, ладно?

- Постараюсь.

- Пошли ужинать.

Пока они ели, папаша дважды возникал в дверях, шевелил пористым носом и молча исчезал.

- Он что, жрать хочет? – спросил Валерий.

- Выпить.

- Понятно. А ты?

- А мы – потом. Ты наелся?

- Угу.

- Тогда пошли! – Девушка ухватила его за руку и потянула за собой.

Дверь комнаты захлопнулась за ними, щелкнул язычок замка.

- Оп-па! – Таня прыгнула на кровать.- Выключи свет!

Музыкальный центр втянул в себя компакт. Из колонок полилась незнакомая Васильеву музыка. Вязкая, тягучая, с вибрирующим ритмом. Хриплый голос неопознаваемого пола затянул:

- I need... I need... I... I...

Два фонаря на колонках тоже запульсировали. По стенам и потолку заметались цветные мечи.

- Нравится? – Таня стянула через голову свитер.- Ну иди же ко мне, что ты стоишь?

Валерий не сдвинулся с места. Он медленно расстегнул пуговицы, так же медленно снял рубашку, футболку...

Таня, уже совсем голая, сидела на кровати, поджав ноги, и смотрела на него с изумлением, постепенно переходящим в некое мистическое чувство. Цветные полосы, как змеи, переплетались вокруг торса Валерия. Лицо его напоминало радужную живую маску, глаза то вспыхивали, то гасли. Обнаженный, он не выглядел раздетым. Свет не освещал, а укрывал его. Щекочущий пульс бас-гитары, мерное уханье барабана, широкие плети красного огня, мускулы, словно отлитые из раскаленного металла.

Он протянул руку, и девушка послушно потянулась навстречу, повелась, как притянутая магнитом железная игрушка, припала к неожиданно прохладной груди, ощутила щекой мягкие волоски и твердые, как дерево, напряженные мышцы. Мужские руки сомкнулись у нее на спине, с легкостью оторвали от опоры, подняли – Таня выпрямила ноги и встала на ковер.

– Ты хочешь потанцевать? – спросила она.

Он не ответил. Зачем? И спрашивать было незачем. Таня закрыла глаза, обняла его крепко-крепко, потянулась вверх, встала на его ступни. Теперь все его движения принадлежали ей. Красный свет мерцал между сомкнутыми веками, хриплый чужеземный шепот метался между стенами. Таня чувствовала макушкой и ухом дыхание мужчины. Она чувствовала его лицом, ртом, грудями, бедрами. Она чувствовала животом его живот и его напряженную плоть, крепко сжатую приникшими телами. Таня чувствовала влагу у себя внутри и желание, пульсирующее в паху, во рту, в груди. Одна его ладонь лежала у нее на ягодицах, вторая – на спине, немного ниже лопаток. Его руки прижимали Таню так крепко, что она не могла пошевелиться. Только скользить ладошками по перекатам мышц на широкой спине и тереться ногами о его ноги.

– Ах!

Он неожиданно прыгнул-упал на кровать, не разжимая объятий, швырнул ее на спину, подмял под себя, но не сделал ей больно. Она не ударилась, потому что все еще находилась в прочном коконе его рук.

– А-а-х!

Ее ноги обвилились вокруг его торса, когда он вошел внутрь. Обвилились и тут же выпрямились, запрокидываясь назад, за голову, выше, чтобы ощутить его глубоко-глубоко внутри. Валерий упруго оттолкнулся от постели, перехватил ее под колени, прижал так, что она почти не могла пошевелиться, только царапать ногтями его бедра. Валерий двигался в такт пульсирующему, рваному ритму музыки. В такт и не в такт. Он был неровен и непредсказуем. Так, как ей хотелось. Он чувствовал ее желание, как свое, он держал ее, балансировал ее страстью, как будто держал воздушный шар на острие меча. Не давая ему ни лопнуть, ни упасть. Он измучил ее настолько, что она кричала и плакала, она задыхалась, она до крови изодрала его бедра и до крови искусала собственные губы. Он держал ее и себя и делил с ней все ощущения, поэтому он тоже хрипел и рычал, но держался, держался, постоянно меняя ритм, постоянно меняя движение и направление, крохотными шажками, как японский мастер-фехтовальщик, пока не наступит тот единственный миг единственного слепящего выхлеста стали.

Их голоса смешались, смешались их влага и дыхание, кровь и наслаждение, пот и безумие полета.

Когда колени и локти их распрямились, а мышцы опали, они плавали в поту на мокрой постели и были так счастливы, что говорить совсем не хотелось.

- Ты меня любишь? - спросила она.

Он улыбнулся. Таня не видела его лица, но знала: он улыбнулся.

- Если ты встанешь, я поменяю постель.

- А зачем? Разве ты устала?

Таня прислушалась к себе и вдруг поняла: вовсе она не устала. Только что Тане казалось, что она пуста, как опрокинутый стакан. А сейчас в ней столько сил, что хочется прыгать и хохотать.

Валерий приподнялся на локте, посмотрел на нее, сидящую на краю постели, с влажными прядями, прилипшими к узкой согнутой спине. Она повернулась, попыталась, разглядеть выражение его лица.

«Я ужасно выгляжу», - в ужасе подумала она и попыталась поправить взлохмаченные волосы.

- Ты красивая, - сказал Валерий.

- Врешь! - Она стремительно повернулась и прыгнула на него.

- Ты мучил меня! - крикнула она. - Ты изнасиловал бедную девушку! - Она забарабанила кулачками по его деревянному животу.

- Ага, - согласился Валерий, не пытаясь сопротивляться. - Жестоко и коварно. Хочешь мне отомстить?

- Страшно!

Таня вытерла его краем влажного одеяла, наклонилась.

- Если это месть, - сказал Валерий, - то я - невинная овечка.

- Это не месть, - Таня, оторвавшись, поглядела на него. - Это реанимация. Месть будет позже.

- Пациент скорее жив, чем мертв, - заметил Валерий.

- Уже вижу!

Таня уселась на него верхом.

- А теперь начинается месть.

Валерий с удовольствием наблюдал и осязал ее усилия. И наслаждался ими и собственным контролем. Только теперь он был отдельно, только собой. Через несколько минут, когда подруга, вскрикнув, упала ему на грудь, он обнял ее, ласково погладил по голове:

- А наоборот было лучше, правда? - осведомился он не без ехидства.

- Ну ты гад! - сказала Таня и укусила его за ухо.

- Ага, - подтвердил он. - Ползучий. Хочешь еще?

- Хочу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Около десяти часов утра следующего дня Валерий Васильев вышел из подъезда чужого, вернее, почти чужого дома. Он не оглядывался по сторонам, поскольку душа его парила вдали от низменных проблем. Он шагнул с крыльца легко и беззаботно, как в добрые старые времена. Он радостно улыбнулся солнцу...

И тут вокруг его левого запястья будто сомкнулось стальное кольцо.

Валерий рванулся в сторону, привычно выворачивая руку из захвата. Правая его рука нырнула под куртку, к кобуре... и была остановлена такой же железной хваткой. Да и левую освободить не удалось. Нападавший умелым движением развернул Валерия к себе...

- О-о! - только и выдохнул Васильев.

Перед ним стоял Кремень и укоризненно покачивал головой. Не одобрял Валериной беспечности. Васильев покраснел, как школьник, пойманный с порнографическим журналом.

- Егорыч! А я думал...- пробормотал он.

- Ты не рад? - строго спросил сэнсэй.

- Рад, но...

- Но?

- Без всяких но, Егорыч! - Васильев расцвел глуповатой улыбкой.- Как ты меня нашел?

- Нашел вот,- усмехнулся сэнсэй.- Не бойся, только я. Другие - нет,- он выпустил ученика и сунул руки в карманы.- Ладно, поехали.

- Куда?

- Ко мне.

- Это и есть твоя квартира? - Валерий с удивлением разглядывал сначала крохотный коридорчик, потом маленькую комнату, кухню с застеленным клеенкой столом, холодильник, выглядевший ровесником Васильева.

Голые стены, голый пол. Никакого намека на то, что здесь живет мастер боевых искусств. Ни телевизора, ни радио, ни даже часов. Ни одной книги. И еще: в комнате было холодно. Между открытой форточкой и стеной раскинута затейливая паучья сеть. В уголке сидел и ее хозяин: пыльного цвета паучище. Да, не удивительно, что в квартире такой колотун.

- Можно, я не буду раздеваться? - спросил Васильев.

- Нельзя.

На кухне хозяин поставил чайник, достал буханку черного хлеба, кусок перченого сала. Нарезал и то, и другое. И ломти хлеба, и пластинки сала выходили из-под ножа идеально ровными, абсолютно одинаковой толщины, хоть микрометром проверяй. На сало сверху Егорыч набросал зелени.

Чай тоже оказался зеленым.

- Ешь.

- Я не голоден.

Васильев съел на завтрак целую сковороду яичницы с ветчиной и полдюжины тостов с сыром под горячий сладкий кофе. Снедь Кремня на вызывала у него аппетита.

- Ешь!

Валерий взял бутерброд, откусил... и к собственному удивлению умял и этот бутерброд, и еще два. И жиденький чаек тоже выпил.

- Егорыч, ты в курсе, что произошло?

- Да.

- Их убили.

- Да.

- А у Шизы крыша съехала.

- Он же Шиза.

- Я не шучу, Егорыч.

- И я.

Васильев сжал кулаки, посмотрел в невозмутимые глаза сэнсэя: щелочки в темных глазницах.

- И что теперь делать?

- А что ты делаешь?

- Я мщу! - ожесточенно сказал Валерий.

- Вот и продолжай.

- Ты мне поможешь?

- Нет.

Валерий почувствовал себя так, словно из-под него вышибли стул. А на шее у него петля... Он надеялся...

Кремень молча смотрел на него. Как будто ждал чего-то.

«Спокойно», - приказал себе Валерий. Он уравнивал дыхание, попытался упорядочить мысли. Как учили... Как учил сэнсэй.

«А чего я так дергаюсь? - подумал Валерий. - Вчера я рассчитывал только на себя. И сегодня я в том же положении. Кремень наших дел никогда не касался. Почему он должен за них отвечать? Ну, жив он. Я радоваться должен, что он жив, а не проблемы на него

перекладывать».

- Я понял,- сказал Валерий.- Ты не должен мне помогать. Все правильно.

- Да,- кивнул сэнсэй.- Я не буду тебе помогать. Но учить - буду. Если хочешь.

- Хочу! - Валерий улыбнулся, но выражение лица сэнсэя не изменилось. Ни один мускул не дрогнул. Кремень, он и есть Кремень.

Кремень выложил на кухонный стол три предмета: один - шестиконечная звездочка с отверстием посередине, второй - металлическая палочка размером с карандаш, только потоньше и заостренная с обоих концов, третий - недлинный обоюдоострый нож симметричной формы без упоров на рукояти.

- Возьми посмотри,- предложил сэнсэй Валерию.

Васильев поднял звездочку. Ничего особенного. Кусочек тонкой стали. Края лучей отточены до бритвенной остроты. Ясно, что не устройство для ковыряния в носу. Тут Валерий, с некоторым опозданием, вспомнил, что это.

- Оружие ниндзя?

- Почему только ниндзя? - удивился сэнсэй.- Это - метательное оружие. Оно уступает огнестрельному в мощи, и пользоваться им труднее, но есть у него и преимущества. Главное же: овладение им - этап внутреннего развития. Хотя и практическая польза тоже немалая. Если ты научишься бросать эти три штуки и при этом постигнешь саму суть броска, любой предмет: вилка, осколок стекла, заточенный карандаш - превратится в средство поражения.

Сэнсэй взял металлическую палочку, расположил ее острием к запястью между указательным, средним и безымянными пальцами, прижал сверху большим, показал Васильеву и, вдруг развернувшись, с силой метнул ее во входную дверь. Сталь с гудением воткнулась в дерево. Затем то же было сделано со звездочкой-сюрикеном и с ножом. Три вонзившихся в дверь предмета образовали равносторонний треугольник.

- Принеси,- приказал сэнсэй.

Выковырять из дерева оружие оказалось непросто. Особенно сюрикен.

- Главное,- сказал сэнсэй,- это понять, что ты не швыряешь предмет, а выпускаешь его. И не рукой, а всем телом. И не рывком, а плавно и обязательно на выдохе. Плавно, но быстро. Ногами, бедрами, всем телом. Как удар. Но только очень длинный удар, намного длиннее твоей руки. Попробуй.- Он протянул Валерию палочку.

Валерий попробовал. К его удовольствию, палочка воткнулась в дверь. Правда, хвост ее задрался вверх.

- Слишком сильно,- заметил сэнсэй.- И траектория движения руки должна быть более высокой, вот такой. Попробуй еще раз.

Минут через двадцать Кремень решил, что ученик понял, что требуется.

- Ладно,- сказал он.- Будешь тренироваться, будет толк. Давай займемся ножом.

Когда Васильев вышел из дома Кремня, было около четырех часов дня. В кармане он уносил

нож, стальную стрелку и завернутый в газету сюржикен. А в памяти уносил слова сэнсэя. Слова, не имевшие отношения к технике метания.

«У твоих врагов всегда есть враги,- говорил Кремень.- Подумай об этом».

«Ты имеешь в виду милицию?» - спросил Валерий.

«Я имею в виду то, что сказал».

«Ты предлагаешь мне отыскать конкурентов моих врагов и договориться с ними? Не думаю, что они станут со мной разговаривать. За мной нет силы, кроме моей собственной».

«Ее хватило, чтобы ты выжил, когда другие мертвы».

«Мне просто повезло! - возразил Валерий.- Силыч, Монплезир, Терминатор - они были намного сильнее меня. И опытнее».

«Нет, раз выжил ты, а не они».

«Я же говорю: мне повезло!»

«Удача - тоже часть силы. У тебя нет опыта, но есть мозги. Работай ими. И помни: сильнее тот, кто жив. И не согнулся. Теперь отправляйся».

«Можно мне прийти еще?»

«Нужно».

«А когда?»

«Когда захочешь».

«А если тебя не будет?»

«Значит, придешь в другой раз».

«А я тебя, случайно, не подставляю?» - обеспокоился Валерий.

«Случайно - нет. Я - в стороне».

«Попробуй докажи им!» - возразил Васильев.

«Не беспокойся за меня. Думай. И действуй. Все. Марш отсюда. Тебя ждут».

«Ждут? Кто меня ждет?» - уже на улице думал Валерий. Вроде он ни с кем не договаривался. Разве что с Таней, но и с ней - только, что позвонит вечером. Может, опять засада в квартире? Нет, не стал бы Кремень гнать его в западню.

«Кто же меня ждет?» - размышлял Валерий.

И вдруг сообразил - кто.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- Ну от тебя и шмонит,- поморщился Васильев, размыкая наручник.

Пленник пробурчал что-то невнятное, попытался встать на ноги, оступился, выматерился, снова сел на стопку газет, принялся растирать руку.

- Хочу тебя обрадовать,- сказал Валерий.- Ты теперь без хозяина.

Пленник одарил его мрачным взглядом.

- Шлепнул я Кострому,- сообщил Васильев.- И в связи с этим у меня к тебе вопрос: кто сядет на его место?

- Лом! - не раздумывая, ответил тот.

- Такой здоровенный, уши сплюснуты, шея - как две мои, этот?

- Точное описание.

- Исключено. Они с Костромой в аду на одной сковородке жарятся. Другой кандидат есть?

- Любой из бригадиров. Хоть Груша, хоть Иван, даже я мог бы...- Хирург нахмурился.- Резня будет,- сказал он.

- Уже,- порадовал его Васильев.- Я, браток, вместе с твоими подельниками еще кое-кого к чертикам отправил. Мусу Бакинського, к примеру. Слышал о таком?

- Бля! - изрек пленник.

- Значит, слышал,- удовлетворенно кивнул Валерий.

- Еще бы! Это ж мирового значения авторитет. Вор из воров!

- Был,- напомнил Васильев.

- Ну ты крут! - признал Хирург.- А мы думали: всех ваших мандой накрыли!

- Век живи - век учись! - назидательно произнес Валерий.

- А что было-то?

- «Стрелка» была. На «стрелке» присутствовали Муса с дружками - с одной стороны. И твой паханок Кострома сотоварищи - с другой. И так вышло, что все они взяли, да и померли. Скоропостижно.

По роже Хирурга было заметно, что в словах Васильева он несколько сомневается. Но рта открыть «соседушка» не рискнул.

- Короче, как не стало на свете наркоторговца Мусы,- продолжал Васильев,- так земляки его шибко опечалились. И подумали они, что прикончили Мусу твою, Вадик, кореша. И обиделись, причем обиду в тайне держать не стали.

- Наехали?

- Как танк. Экипировочка у них, я скажу,- любой спецназ позавидует! И что характерно, лица,

так сказать, нерусского происхождения.

- Ты что, там был?

- Пришлось. Даже пришлось немного обидеть господ кавказцев, или кто они там. Но честно скажу тебе, Вадик, был я там недолго. С «черными» я еще готов диалог вести. На популярном языке (он похлопал себя по кобуре), а вот с ОМОНОм диспутировать как-то не захотелось. Правда, и твоим корешам мы немного пособили. Сократили поголовье темпераментных любителей баранины на десяток стволов.

- Да ну? - Пленник выдавил кривую улыбочку.- Не киздишь?

- Можешь проверить. Спроси у своих дружков. Если их, конечно, звери Мусы поголовно не перемочили.

- Это каким образом? По трубе?

- Зачем по трубе? Сейчас мы с тобой поднимемся наверх, помоешься - и свободен!

- Ты серьезно?

- Абсолютно!

- И какие условия?

- А ты умный парнишка! - Васильев засмеялся.- Условия простые: работать будешь на меня!

Некоторое время они мерялись взглядами. Хирург первым отвел глаза.

- А тебе-то какой интерес? - спросил он.

- Простой,- ответил Валерий.

- А если я скажу, что это ты коцнул Мусу?

- Кому? «Черным»? - Васильев засмеялся.- Ты, криминальная медицина, не понял главного,- усмехнулся Васильев.- Мы... То есть для тебя конкретно я, лично для тебя на-амного страшнее и покойника Мусы, и его земляков. И не потому что Муса - труп, а я сейчас стою перед тобой и могу тебе уши от головы отделить...- При этих словах пленник несколько побледнел и постарался отодвинуться от Васильева подальше: уж очень неприятным стало у Валерия выражение лица.- А потому, Вадик, что пропавшая дурь - это теперь не мои, а ваши проблемы. И я даже руки о тебя пачкать не буду. Намек понятен?

- Да ясно уж,- буркнул Хирург.

- Молодец. А теперь слушай. У вас там сейчас анархия. А нам это ни к чему. Поэтому я тебя отпускаю, а ты оперативно берешь всех под себя.

- А «черные»?

- А с «черными», Вадик, мы непременно разберемся. Вернее, не мы, а ты. С некоторой нашей помощью.

- А потом что?

- А потом, когда все рассосется, кое-кто унаследует движимое и недвижимое имущество вашего криминального предприятия. Угадай - кто?

- Ты?

- Нет, ты. Нам ваши бандитские дела без интереса, понял? У нас своя работа.

- Это какая?

- Это тебе знать ни к чему. Ты все понял?

- Угу. Я согласен.

- Конечно, ты согласен,- ласково проговорил Васильев.- Жить-то ты хочешь, да? А дела твои таковы, что ты или будешь жить, как я скажу, или - никак. Может, ты мне не веришь? - Васильев наклонился поближе, заглянул прямо в бесцветные глазки бандита.- Может, тебе нужны еще какиенибудь убедительные аргументы?

- Да понял я все,- нервно ответил Хирург.- Любопытно только, как ты с «черными» разберешься? Они же отморозки, бля! Сначала палят, потом думают.

- А вот это мы с тобой обсудим, когда ты говно с себя смоешь, не против?

- Ну еще бы!

Хирург засмеялся. Но уже не так, как смеялся пару дней назад славный парень Аркадий, предлагая Валерию приправленный клофеллинчиком плов. Не жизнерадостный смех это был, а этакое мелкое хихиканье с оттенком подбострастия. Притрухал бригадир. Внедрилось ему в подсознание, что Васильев - сила. Какая именно, бывший сосед не знал. И от этого стремался еще больше. Что и требовалось. Бывший фельдшер - не дурак, с ходу врубается, за что дают конфетку, а за что - по ушам. А блеф Васильева он не скоро раскусит, поскольку главное доказательство - трупики нехороших парней - объективная реальность, которую можно пощупать и даже понюхать при желании.

Появление в квартире Валерия рука об руку с «Аркадием» весьма удивило Афоню: так и застыл с открытым ртом. Разумеется, его никто вводить в курс дела не стал. Хирург отправился мыться, благо полотенце его все еще висело в ванной, а Валерий сел в любимое кресло, налил себе коньячку и принялся размышлять, как половчее построить беседу с новоявленным союзником. Так, чтобы союзничек не утратил лояльности.

- Черт! Я уже забыл, какая на вкус настоящая еда! - Хирург отправил в рот остаток гамбургера.

- Не смей меня,- сказал Валерий.- Это не настоящая еда, а американская.

Они расположились на втором уровне ближайшей к дому заморской забегаловки.

- Во всяком случае не шоколад с печеньем,- энергично работая челюстями, проговорил Хирург.- Нет, я против тебя ничего не имею. Ты еще по-человечески со мной обошелся.

- С другими - хуже,- согласился Васильев.- Давай теперь о деле. На сегодняшний день город жестко поделен между группировками, так?

- Не только город.- Голос звучал невнятно, Хирург пережевывал бутерброд.- Все поделено.
- Но многие охотно расширили бы свою территорию?
- Ясное дело!
- А кто может прибрать территорию Мусы?
- Муса - это не территория, это поставки. Путепровод. За просто так с ними связываться не станет никто. Это ж «черные». С ними не договоришься. Только вырезать под корень.
- «Черные» «черным» рознь.
- Один хер! - отмахнулся Хирург.
- Ты рукой не маши,- строго сказал Васильев.- Ты мозгами шевели. Под твоей задницей стул дымится, не под моей.

Хирург зыркнул на Валерия: хотел, должно быть, возразить... Но не рискнул. И задумался. А задумавшись, выродил мысль:

- Знаешь,- пробормотал он,- есть один шишкарь. Раньше он под Чумой ходил, а как Чуму грохнули, под Абрека стал, под тобольцев, значит. Но дела крутит серьезные, причем не ширево на местный рынок толкает, а прогоняет товар за бугор. Без проблем, с тех пор как Абрек под себя кусок порта подмял и таможню на процент поставил. С Мусой у них были трения, но до крови не дошло. С Абреком никто связываться не хочет. Тоже отморозок. Но хитрый, змей!
- Понятно,- кивнул Васильев.- Сможешь меня вывести на этого шишкаря? Как его, кстати, зовут?
- Не помню. Но вывести попробую. Мы с тобольцами контактим, меня знают немного... Но станут ли с тобой толковать?.. Не поручусь.
- Ты меня выведи,- сказал Валерий.- А там разберемся. Вот, кстати, твой аппарат,- он положил на стол бумажник, сотовый телефон и клочок бумаги: - Запиши номерочек... Умница!
- А тебя где искать? - спросил Хирург.
- Можешь домой звонить, но, сам понимаешь, без гарантии. И имей в виду: я тебя, если что, точно найду! И считай, что тебе повезло, если это буду я, а не мои друзья. У них на вашу братию такой зуб, что тебя от очка до макушки насквозь продырявит. Медленно.
- Ладно, не пугай, уже напугал! - проворчал Хирург, допивая помоечный кэрлсовский кофе.- Смотри, сам не проколись. Если что, я тебя знать не знаю.
- Да уж конечно! - Валерий поднялся, хлопнул его по плечу.- Будь здоров, казак! Держись меня - атаманом будешь!

«Казак» промолчал.

В подвале нашлась широкая доска метра два длиной. Валерий поставил ее стоймя и часа полтора упражнялся в метании. Он помнил все указания Егорыча. Оставалось только наработать практику. Глазомер у Васильева был хороший, а зависимость между дистанцией

броска и положением ножа в ладони он уловил сразу. Так что к концу первого часа он уже без проблем втыкал нож в доску с пяти, десяти и пятнадцати шагов. То же и со стальной палочкой. Метание располагалось где-то между рукопашным боем и стрельбой, поэтому наработанное ранее очень помогало. Разве что целиться приходилось ногтем большого пальца. А вот со звездочкой пришлось потруднее.

Валерий закончил тренировку около девяти вечера. К себе подниматься не стал. Позвонил из автомата Тани, что едет, прикупил кое-каких продуктов, словил тачку и прибыл без эксцессов.

У Тани обнаружился пьяный папаша с двумя собутыльниками. Васильев подействовал на компанию гипнотически: собутыльники сразу же засобирались.

Ночь прошла приятно и разнообразно. А вот о последовавшем за ночью дне такого не скажешь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В институт Васильев ехал на метро. В метро ему очень не нравилось. Обилие людей, плотно упакованных в железные вагоны, тесно прижатых друг к другу и к Васильеву, разумеется, тоже, наводило на нехорошие мысли. Например, о заточке, протыкающей печень. Или о ловких пальчиках, извлекающих из кармана бумажник. А в бумажнике была очень приличная сумма: Валерий намеревался рассчитаться с пиротехником. Одно приятно: из-за тесноты по вагонам не шастали «поможите-люди-добр!» Выбравшись на поверхность, Васильев испытал немалое облегчение. И совершенно напрасно. Едва Валерий перешел улицу, слева возник коренастый молодой человек.

- Прошу прощения, вы не Валерий Васильев?

«Так,- подумал Валерий.- Приплыли. Тем же концом по тому же месту...»

- Тюлькин я, Георгий! - Васильев стряхнул с локтя руку и вознамерился двигаться дальше, но молодого человека не так просто было смутить.

- А есть ли у вас какой-нибудь документ? - осведомился он, заступая дорогу.

Валерий вынужден был остановиться. И обратил внимание, что поток пешеходов больше не соприкасается с ним, а как бы огибает. Такое возможно было в одном случае: если за спиной Васильева расположился кто-то, изображающий запруду.

- Так есть у вас что-нибудь, удостоверяющее личность? - настаивал молодой человек.

- А у тебя? - грубо спросил Валерий.

Молодой человек выхватил из кармана красные корочки, махнул у Васильева перед носом:

- Придется проследовать для выяснения! - официальным голосом произнес он.

Тот (или те), кто разместился за спиной, приблизились. Валерий ощущал затылком чужое дыхание.

- А жареную морковку тебе в жопу не засунуть? - осведомился Васильев, сожалея, что оставил оружие у Тани.

- Что?

- Хрен в иллюминаторе! - Валерий резко присел, одновременно выбросив назад ногу. Как он и предполагал, каблук угодил akurat по чьей-то голени, а вот посвист дубинки над головой был сюрпризом. Но сюрпризом приятным, поскольку Валерий успел перехватить руку бывшего и, крикнув от натуги (тот еще боров!), швырнул противника через себя. В обладателя красных корочек.

На этом победы Валерия закончились. Приятель побежденных врезал ему ногой под колено и, одновременно, кулаком по почкам. Эту боль Васильев еще мог перетерпеть, но, увы, потерял равновесие, не успел перехватить ногу противника, и тяжелый ботинок впилился ему в селезенку. На этом активное участие Валерия в схватке закончилось. Его еще разок, просто на всякий случай, треснули по шее, вывернули руки и куда-то поволокли. Куда, Валерий уже не интересовался, поскольку плавал в омуте боли.

Вынырнуть из него хотя бы отчасти Васильев смог только через несколько минут. К этому времени он уже трясся на заднем сиденье машины, стиснутый с двух сторон недоброжелательно настроенными парнями. Еще двое сидели впереди.

- Мать вашу! - недовольно ворчал водитель.- Он же мне сейчас салон облюет! Не могли, что ли, поаккуратней?

- Значит, не могли! - буркнул сердито его сосед, растирая левой рукой правое плечо.

Надо полагать, это его кувыркнул Васильев. Валерий покосился на сопровождающих. Того, с корочками, среди них не было.

- Чё башкой крутишь? В грызло дать? - проворчал сосед слева.

- Да нет, спасибо,- прохрипел Валерий.

- Тогда не шебуршись.

Валерий поглядел на свои руки и обнаружил, что его большие пальцы скованы миниатюрными, как детская игрушка, наручниками. Однако, несмотря на свои размеры, они оказались ничуть не менее эффективны, чем обычные.

Ехали около получаса. Сопровождающие Васильева злобно материли пробки, однако не забыли завязать ему глаза. Некоторое время, мужественно преодолевая боль в животе, Валерий пытался считать остановки и повороты, но дело оказалось бессмысленным. Опять-таки из-за многочисленных пробок.

Еще через полчаса приехали. Остановились, вероятно, в внутреннем дворе, поскольку уличный шум отсутствовал. Васильева выволокли из машины, затем потащили вверх по лестнице. Здоровые бугаи! Даже не запыхались.

Лязгнула за спиной стальная дверь, загудел замок. Васильева втолкнули внутрь.

- Вот он, красавец! - доложил один из сопровождающих.

С Валерия стянули повязку, и он увидел упитанного «быка» с черным ежиком, вторым подбородком и мясистым носом. На груди «быка» покоилась золотая цепка килограмма на

полтора.

- Молодцом! - похвалил толстяк.- Грустный будет доволен. Киньте его к дружбану. Пускай пообщаются.

«Дружбаном» оказался Паша.

Видок у него был еще тот. Вместо лица - кусок распухшего мяса. Глаза-щелки, нос сломан, передние зубы выбиты. Правая рука - в гипсе по плечо, пальцы левой изуродованы.

- Пашок! - позвал Васильев.- Пашок, ты меня видишь?

Одна щелочка чуть приоткрылась.

- Валера...

- Я. Как ты, братишка?

- Херово,- говорил он очень тихо, невнятно, Васильеву приходилось нагибаться к его разбитым губам, чтобы хоть что-то разобрать.- Весь ливер отбили, руку вот, жгли...

- Лучше б ты все рассказал!

- Я рассказал... Не поверили... Суки...

- Понятно,- Валерий вздохнул, оглядел чуланчик, в который его кинули. Голые стены. Светильник - и тот в нише за сеткой.- Чем тебе помочь?

- Воды дай...

Вода была. Пластиковая колба из-под пепси. И бумажный стаканчик.

Валерий напоил Академика, сам попил.

- Больше не трогают,- прошептал Академик.- Врач был... Может, не убьют...

Васильев промолчал.

- Теперь за тебя возьмутся...

- Вероятно.

Ум Васильева лихорадочно прокручивал варианты. Ему совсем не хотелось оказаться в мясорубке. Живот до сих пор болел, а уж с переломанными костями и отбитыми внутренностями не повоюешь. Да и жить инвалидом как-то не хочется. Паше не поверили. Скорее всего, ему тоже не поверят. Значит, надо выдать что-то такое, чтобы поверили. Что?

Двери открылись. Пришли уже знакомые бугаи и жирный.

- Ну чё, побазарили? Ты, бля, такой же будешь, понял?

Валерия схватили под руки, протащили по коридору и затолкали в комнату с кафельным полом, где уже расположились еще двое: один - почти точная копия жирного, только не с черным, а с русым ежиком, второй - похудее, с короткой бородой, отпущенной, надо полагать,

чтобы прикрыть шрам на подбородке. Но разорванную когда-то и неровно сросшуюся губу борода спрятать не могла.

Васильева опустили на привинченный к полу табурет, направили ему в лицо рефлектор.

- Ну, что скажешь, умник? - судя по некоторой шепелявости, спрашивал бородатый.

- Все,- немедленно ответил Васильев.- Но у меня есть одно маленькое условие...

Удар в ухо снес его с табуретки. Васильев увидел занесенную для удара ногу...

- погоди! - остановил палача бородатый.

Валерия усадили обратно. Ухо горело, большие пальцы рук кровоточили: хитрые наручники ссадили кожу.

- Да ты, бля, счас у меня!..- начал жирный.

- погоди, Робик,- вмешался бородатый.- Вижу, он мужик неглупый, туфту по тазику гонять не будет. Что за условие?

- Вы ведь про дурь хотите узнать, так? - спросил Васильев.

- Угадал, умник.

- Дурь мы отдали Мусе.

- Какому, бля, Мусе? - рявкнул жирный Робик.

- Мусе Бакинскому. Такой уговор был. Это от него заказ на Чалого пошел.

- Бля! Вот...

- Усохни, Робик,- деловито перебил бородатый.- Чем докажешь? Подельник твой совсем другое пел.

- Да он дебил! - пренебрежительно бросил Васильев.- Ни хрена он не знает. Кто ему скажет? Товар мы таскали вдвоем со старшим, Силычем. И они тоже были вдвоем: Муса и еще один черный, Ахмед. Здоровый такой, языком все время цокает. Остальным сказали - в Неву высыпали. Но это точно что туфта. Сами прикиньте, кто такие бабки выкинет?

- В натуре, Грустый! - вмешался Робик.- Я, бля, сразу тебе толковал: гонит белобрысый! И Ахмеда я знаю! Точно, он языком цокает, как лошадь!

- Помолчи! - Бородатый подумал немного и спросил: - А деньги? Казна ваша, где?

- А деньги мы делили,- сказал Васильев.- На всех. Я на свои квартиру купил. На Ленинском проспекте. Насчет остальных - не знаю.

- Что еще можешь сказать?

- Почти ничего. Наши все куда-то пропали...

- Куда они пропали, знаем мы! - многозначительно произнес бородатый.- А с тобой мы еще

поговорим. Когда все проверим. И если ты скиздел – смотри!

- Да все я сказал! – воскликнул Валерий.- Если еще что хотите знать – спрашивайте. Все скажу, я ж себе не враг!

- Вот-вот. Дайте ему пожрать за хорошую службу – и под замок. От того отдельно. А ты, умник, сиди и думай. Может, еще что вспомнишь интересное.

Хитрые мини-наручники заменили обычными. К немалому облегчению Васильева. И заперли его уже не в чуланчик, а в бывшую душевую. Детальное обследование помещения ничего не дало. Ничего, что могло бы служить оружием.

Время тянулось долго и муторно. Впереди маячила перспектива пыточной мясорубки. Васильев не сомневался, что даже лучший вариант будущего, уготованный ему Грустным с приятелями, предполагает пулю в затылок. Сразу же, как только его сочтут бесполезным. Значит, следует придумать нечто, позволяющее отсрочить нехороший конец.

Васильев сел на кафельную ступеньку под размонтированным душем и стал думать.

- Ну,- сказал Грустный.- Что еще надумал, умник?

Васильев опять сидел на табурете под прицелом слепящего рефлектора.

- Надумал,- ответил Валерий.- Возьмите меня к себе.

Вокруг заржали.

- Ну-ка ша! – рявкнул Грустный.- Чего это ты вдруг?

- Моей команды больше нет,- сказал Васильев.- А жить-то надо. Вы не думайте, я много чего умею! Хотите, могу даже вступительный взнос внести.

- Это какой же?

- Я же говорил: у меня квартира есть на Ленинском проспекте. Возьмете – отдам в общак!

- Мысль интересная,- произнес Грустный.- Федот, выруби этот прожектор. Значит, квартиру отдашь?

- Да,- подтвердил Васильев.- Хорошая квартира. Семнадцать штук вложил.

- И не жалко?

- А чего жалеть? Бабки приходят и уходят, а жизнь одна.

- Соображаешь. Давай, запиши адресок.

С Васильева содрали повязку.

- Значит, так,- сказал «бык»-сопровождающий.- Войдешь, подпишешь, что дадут. Понял? Зря не болтай.

- А если спросят?

- Никто тебя не спросит! - вмешался жирный Робик.- Все проплачено. Хочешь к нам, делай, что говорят. Иначе - бац! - и на вечный отдых! - Он махнул перед носом Валерия пистолетом.

Васильев вылез из машины третьим. После «быков». Последним, спрятав пистолет в карман пальто, выбрался Робик. Он же запер машину, черную «Волгу», на центральный замок. Остальные ждали.

«Улица Римского-Корсакова дома 15—21» было написано на указателе. А чуть пониже - «Нотариальная контора».

Жирный Робик решительно толкнул дверь, проследовал мимо очереди прямо к нотариусу. Замыкающий «бык» дышал Васильеву в затылок.

Нотариус, молодой парень с бегающими глазками, сразу выставил наружу посетителя и выволок из ящика папочку.

- Только вот здесь расписаться,- сказал он.—

В журнале я уже все зарегистрировал.

- Давай, расписывайся! - велел Робик. Он подошел вплотную к Валерии, присматривая.

Васильев взял ручку и вывел: «Хрен вам!» - с сочным восклицательным знаком и сунул бумагу жирному.

- Ах ты пидор! - заорал тот.

И заткнулся, получив по зубам рукояткой собственного пистолета, который Валерий мгновением раньше извлек из плащевого кармана Робика.

- Руки поднять! - скомандовал Васильев.- Кто рыпнется - пуля в брюхо! Кто-то плохо понял?!

- Ты это... Пожалеешь! - нерешительно пробормотал один из «быков».

- Ты мне жуб выбил! - закричал Робик.- Да ты попал, понял! Конкретно! Понял?

- Понял, не беспокойся! - заверил Васильев.- Заткнись, жирняй. А ты, жалостливый, вынь пушку, аккуратно, двумя пальчиками и брось на пол!

- Хер тебе за щеку!

- Считаю до полтора. Раз...

«Бык» - нервишки-то свои, не казенные - поспешно бросил на пол оружие.

- Теперь ты!.. Молодец! А теперь все легли на пол, ноги пошире, руки на затылок. А тебе, крыса, особое приглашение? - Васильев навел пистолет на остолбеневшего нотариуса. Тот поспешно плюхнулся на пол.

Васильев подобрал пистолеты, распахнул по карманам, третий засунул за пояс, раскрыл окно.

Один из «быков» дернулся, порываясь встать.

- Лежать! - рявкнул Васильев.- Кто шевельнется - стреляю без предупреждения!

Он запер дверь на замок, уселся на подоконник.

Бандиты лежали тихо. Нотариус мелко дрожал. То ли от холода, то ли от страха.

Васильев посмотрел вниз: внутренний двор, второй этаж, пустяки – и прыгнул на газон.

Через десять минут он был на Сенной. Пистолеты по дороге выбросил в мусорный контейнер.

- Припозднился,- заметил Егорыч, когда Валерий переступил порог.- Проходи на кухню.

Он налил Васильеву чаю, пододвинул тарелку с сухариками.

- Я видел Академика,- сказал Валерий.

- И как он?

- Неважно.

Васильев быстренько изложил дневные события.

- Да,- согласился Кремень.- Неважные дела у Паши. А ты – молодец. Потренироваться успел?

У Васильева возникло ощущение: ни Пашины увечья, ни собственные подвиги Валерия сэнсэя не волнуют.

- Вчера потренировался.

- И как?

- С ножом, вроде, получается, а со звездочкой не очень.

- Работать надо,- заметил сэнсэй.- У меня для тебя сюрприз. Пошли в комнату.

В комнате, еле уместаясь на узком диванчике, уткнувшись лицом в подушку, спал какой-то верзила. Голова у верзилы была совершенно седая, а плечи – пошире диванчика.

- Это кто? – шепотом спросил Васильев.

Кремень наклонился, похлопал верзилу по спине:

- Подъем,- сказал он.- Гости пришли.

Верзила тут же сел, провел ладонями по лицу, уставился на Васильева... и ухмыльнулся.

Петренко.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Нельзя сказать, что вид у Петренко был цветущий. Особенно после того, как он ухватил себя за седую шевелюру и стащил ее, как индеец стаскивает скаल्प врага. С такой же омерзительной гримасой.

Под париком обнаружился бугристый, неаккуратно выбритый череп с уродливой нашлепкой

пластыря.

Еще через миг ребра Валерия хрустнули в горилльих объятиях.

- Поговорите,- флегматично изрек Кремень и удалился.

- Ну, выкладывай! - потребовал Петренко, усаживая Васильева рядом с собой.

Васильев выложил. Вернее, изложил. Последовательно и четко, как доклад на научном семинаре. Уложился в пятнадцать минут, но ничего важного не упустил.

К его удивлению, Петренко не очень-то и расстроился.

- Так я и думал,- отреагировал он.- Даже хуже. А выходит, Академик и Шиза - живые. А тебя я и вовсе не надеялся увидеть, ты ж у нас был навроде салабона.

- Мне просто повезло,- в очередной раз повторил Васильев.

- Э нет, хлопче! Поверь старому козаку: на одной прухе в рай не въедешь. Головушка у тебя шурупит получше моей. Зато моя покрепче,- он хохотнул.

- Ты-то как? - спросил Валерий.- И кто тебе башку рассадил?

- Пулька! - Жизнерадостный хохол еще раз хохотнул.- Мы, братишка, черепушкой пульки, как мячики отбиваем.

- Сашок, давай серьезно! - поморщился Васильев. Обычное балагурство Петренко сейчас казалось неуместным.

- А если серьезно: у крестников моих отменный стрелок оказался. Стреножил меня в лучшем стиле. Я о таком только слышал.

- То есть?

- Пустил пулю по касательной. Вскользь. Так, чтобы по башке чиркнуло, но мозги не вышибло. Это, брат, почище дубинки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Петренко очнулся на больничной койке. Не совсем обычной больничной койке, поскольку обычные не оборудованы браслетиками для фиксации конечностей.

Слева от койки располагалась капельница.

- Как мы себя чувствуем? - ласково осведомился бородатый дядечка в белом халате.- Головка не беспокоит?

«Беспокоит...» Какое милое добродушное слово! Под черепом Петренко две дюжины чертей играли в футбол Петренковыми мозгами. Иной раз после хорошего удара казалось, что мозги вот-вот выскочат из глазниц.

- Я ввел вам анальгин,- проворковал дядечка.- Так что скоро болеть будет поменьше. Не то

чтобы совсем перестанет, но – поменьше. Не тошнит?

Едва он это сказал, как желудок Петренко свернуло в трубочку. Доктор нажал на что-то, и верхняя часть койки встала дыбом, приведя Петренко в сидячее положение. В башке рванул фугас. Едкий вкус желчи обжег рот. Кроме желчи, в желудке ничего не было. Дядечка великодушно предложил Петренко стакан с минералкой.

- Где я? – прохрипел Петренко, напившись.

- В клинике, – ответил ласковый дядечка. И уточнил: – В частной психиатрической клинике.

- А какого хрена я тут делаю?

- Лечитесь, – доброжелательно пояснил дядечка. – Травма головы, знаете ли, с этим шутить не стоит.

- А откуда у меня травма головы? – болезненно морщась, спросил Петренко.

- Вы что же, ничего не помните?

- Ничего.

- Что ж, амнезия – обычное явление при таких травмах, – покивал головой дядечка. – Полагаю, со временем память восстановится. Если что – вызывайте. Кнопка у вашей правой руки.

- А нельзя ли снять это? – Петренко пошевелил кистью, пристегнутой к штанге койки.

- К сожалению, нет, – демонстрируя искреннее огорчение, произнес дядечка. – Отдыхайте.

Боль приотпустила. Футбол в черепе сменился водным поло. Петренко покопался в памяти. Последнее воспоминание: звонок риелтора Нины Андреевны. Дальше – провал. Петренко не стал себя мучить: уравнил дыхание, расслабился и через минуту уже спал.

Проспал он до вечера. Когда открыл глаза, в комнате царил полумрак. Петренко нашарил кнопку.

Через минуту в палату вошел уже знакомый ласковый дядечка.

- Отлить, – сказал Петренко.

- Сейчас, – дядечка подsunул под него «утку». – Все, можно.

Странно. Обычно такими вещами доктора не занимаются. Впрочем, мочевого пузыря без разницы.

- Как самочувствие? – спросил доктор. – Память не восстановилась?

- Нет.

- А как насчет покушать?

- Не хочу.

- А надо бы.

- Надо - поем,- равнодушно ответил Петренко.

На следующее утро к Петренко явились гости.

Проснувшись, Петренко почувствовал себя значительно лучше. И значительно более неудобно. Тот, кто когда-либо вынужден был лежать на спине более суток, понял бы его. А тут еще невозможность самостоятельно почесать себе нос. Но даже это - не самое худшее. Головная боль значительно уменьшилась, и к Петренко вернулась способность нормально мыслить. Он по-прежнему ничего не помнил, но нетрудно же сообразить: травму головы не лечат, приковывая пациента к кровати. Не говоря уже о том, что его до сих пор не навещил никто из друзей. Если предполагать, что с ним произошел несчастный случай. Очень сомнительно, что Силыч не разыскал бы его в больнице. Психиатрической или любой другой. Даже тюремной. Если, конечно, те, кто уложил Петренко на койку, не позаботились о сохранении тайны. Значит, позаботились. Значит, у них были причины позаботиться. Значит, следует ждать неприятностей.

Неприятности явились в облике двух рослых мужчин, чьи строгие костюмы мало гармонировали с тяжелыми золотыми гайками на пальцах.

С мужчинами явился и ласковый доктор, державшийся подобострастно.

Мужчины разместились слева и справа от кровати. Поскольку Петренко не мог видеть их одновременно, то предпочел вообще не крутить головой, а созерцать потолок.

- Здорово, каратист,- сказал один из мужчин.- Как самочувствие?

- Бывает хуже.

- Лепила сказал: ты ни хрена не помнишь? Я лично думаю: ты киздишь!

- А мне по хрену, что ты думаешь.

- Ты, бля, за базаром-то следи,- почти добродушно произнес второй.- Мы, бля, не снайпера. У нас маслины по бошкам не чиркают, понял! Бац - и мозги на подоконнике! - говоривший ткнул пальцем в висок Петренко.

- Давай,- равнодушно отозвался тот.- Только стреляй, а не языком телебомкай.

- Не-ет, кореш, стрелять нам тебя - без надобности,- вмешался первый.- Ты нам живой нужен. Но не обязательно - целый.

- Точно! - подхватил второй.- Можно и без носа!

- Или без яйца! Тебе какое дороже: левое или правое?

- А тебе? - спросил Петренко.

Терпения у собеседника оказалось немного: он тут же схватил Петренко за горло:

- Ты, бля, меня не раздражай, козел! Я тебя выгну и высушу, понял!

Петренко молчал. Трудно говорить, когда тебя держат за горло.

Пальцы разжались, Петренко натужно закашлялся. Специально, чтобы показать физическую

слабость.

- Поаккуратней, Мирон! - забеспокоился первый.

- Хули тут аккуратней! Времени нет! - заявил второй.- Давай, доктор, шмыгни его своей химией, чтоб язык развязался! Поглядим, на скоко ему мозги отшибло! Ну, что встал? Давай!

Ласковый доктор зазвякал стеклом, вылил что-то в капельницу Петренко.

- Только, если он умрет, я не виноват,- быстро произнес он.

Мирон стремительным ударом опрокинул капельницу. Игла выскочила из вены Петренко, а содержимое капельницы разлилось по полу.

- Ты что, мудака? Убить его хочешь?

- Но вы же приказали! - Голос ласкового доктора дрожал.

- Я что, врач? - взъярился Мирон.- Тебе за что бабки платят?

- Ладно, проехали,- буркнул первый.- Когда он в норму придет?

- Точно сказать трудно,- пробормотал доктор.- Может, через пару дней, может, уже завтра...

- Завтра! - жестко произнес первый.- Делай что хочешь, а чтоб завтра он был в норме! Понятно?

- Постараюсь...

- Не «постараюсь», а чтоб сделал. Теперь ты! - Он уставился на Петренко.- Слушай меня! Или ты все вспоминаешь сам, или мы тебе поможем. Соображаешь, о чем я?

Респектабельные костюмы удалились, остался только ласковый дядечка-доктор. Этот времени терять не стал: засуетился, налепил на Петренко разные датчики, приник к умным приборам. Результаты ему явно понравились.

- Молодцом,- похвалил он Петренко.- Отлично функционирующий организм.

Приладив новую капельницу, дядечка вернул на место иглу, уселся рядом.

- Что все-таки со мной произошло? - добродушным басом поинтересовался Петренко. По его тону никак нельзя было сказать, что визит респектабельных костюмов его обеспокоил.

Доктор в задумчивости поглядел на него. Видно было, что раздумывает: говорить, не говорить.

- Если я буду знать, что случилось, может, и память восстановится.

- Что ж,- согласился доктор.- Весьма вероятно. Но мне известно немного. Например то, что у вас огнестрельное ранение головы.

- Что еще?

- Это единственное серьезное ранение. Причем пуля прошла по касательной, что обошлось вам всего лишь в кусочек скальпа. Насколько я понял с чужих слов, именно к этому и стремился

тот, кто в вас стрелял. Незаурядный выстрел!

- Да уж,- согласился Петренко.

- Знаете, что бы я вам порекомендовал,- дружески проговорил дядечка.- Попробуйте последовательно восстановить последний день, который вы помните. В мельчайших подробностях. Это может помочь. Вы только поймите, насколько для вас это важно. Уверю вас, что применение специальных препаратов приводит к очень серьезным осложнениям.

- Я понимаю,- жалостливо вздохнул Петренко.

В течение следующего часа он и его надсмотрщик вели доверительную беседу и расстались, уверенные, что теперь между ними - прочный дружеский контакт. Доктор был доволен. Петренко - тоже. Но по другим причинам. Он очень надеялся, что неприятностей, которые принесет с собой завтрашний день, как-нибудь удастся избежать. А единственный шанс на это - помощь извне, от дяденьки-доктора. Поскольку именно у него хранятся ключики от браслетов. Хотя симпатичный дяденька вряд ли отдаст их добровольно, потому что к себе самому он наверняка относится с куда большей симпатией, чем к пациенту.

Ночью Петренко мирно спал. Поскольку доктор ввел ему снотворное. Проснулся Петренко сам, ранним утром: настенные часы показывали половину седьмого. Проснувшись же, почувствовал себя гораздо лучше. Физически. И значительно хуже - эмоционально. Поскольку вспомнил все.

Доктор явился в половине восьмого. Предыдущий час Петренко истратил на то, чтобы хоть как-то размять мускулы. Непростая задача в его положении.

- Ну, как мы себя чувствуем? - бодренько осведомился дядечка, подсовывая Петренко «утку».- Сейчас поглядим, как наше самочувствие.

Самочувствие доктору понравилось настолько, что он даже избавил Петренко от капельницы.

- Сейчас покушаем! - сообщил дядечка, приводя верхнюю часть кровати в вертикальное положение.

И покормил Петренко сладкой детской кашкой с компотиком.

- Я тут посоветовался,- сообщил он,- со специалистом в области послешоковой амнезии. И он порекомендовал записать последовательность сохраненных событий. Именно записать, да. Говорит: наблюдались очень неплохие результаты. Особенно у больных, плохо поддающихся гипнозу, а вы, дорогой, относитесь именно к этой категории, смею вас уверить.

- Интересно, как я буду записывать? - Петренко выразительно пошевелил пальцами прикованных рук.

- Я думаю, большой беды не будет, если мы вас частично освободим,- решил доктор.- Только прошу вас не забывать, что снаружи находится охранник, нисколько не уступающий вам в комплекции, мой дорогой. Так что ведите себя прилично.

Он достал из кармана ключик и разомкнул правый браслет.

- Вот вам планшеточка, а вот, пожалуйста, ручка. Действуйте.

Петренко подвигал рукой, вроде терпимо. Взял ручку...

- Не пишет,- сказал он.

- Как не пишет? - удивился дядечка.- Только что писала!

Он подошел к койке, наклонился, чиркнул по бумаге:

- Вот, нормально пи... ах-х-х!

Пальцы Петренко сомкнулись на горле ласкового дядечки и сдавили так, что у бедняги глаза полезли из орбит. Дядечка попытался отодрать живые клещи от собственного горлышка, но потерпел неудачу.

Петренко слегка ослабил хватку.

- Не шуми и не трепыхайся,- спокойно сказал он.- Иначе удавлю. Понял?

Доктор мигнул.

- А теперь быстренько освободи мне вторую руку.

Дядечка выполнил команду столь поспешно, что едва не потерял ключ.

- Молодец, теперь ноги. А теперь примкни свою руку и дай ключики мне.

Петренко соскользнул с кровати, потянулся, разминая затекшее от неподвижности тело.

- Неужели вы думаете, что вам удастся бежать? - почему-то шепотом спросил дядечка.- Здесь везде охрана. Скоро сюда придут, и, уверяю вас, они будут очень недовольны, увидев, что вы освободились.

- Вот это точно, док! - отозвался Петренко, извлекая из коробочки скальпель и пробуя его остроту.- Но лично у тебя есть два варианта: лечь на мое место и лежать тихо-тихо... или умереть. Какой предпочитаешь?

Доктор без лишних слов устроился на кровати.

- Где моя одежда? - спросил Петренко.

- В левом шкафу.

Одежда и обувь действительно оказались в шкафу. Петренко переоделся, только куртку надевать не стал, просто убедился, что документы, бумажник и даже разрешение на оружие - на месте. Жаль, что само оружие отсутствовало, но так далеко беспечность захвативших Петренко бандитов не распространилась. Зато остался сотовый телефон. Правда, не функционирующий: батареи сели. Поверх свитера Петренко не без труда натянул обнаружившийся в шкафу белый халат.

Выглянув в окно, Петренко увидел грязный хозяйственный двор, склады, гаражи, одноэтажное здание с корявой надписью от руки «морг». Значит, действительно больница. Вопрос в том, насколько ее контролируют захватившие Петренко ребята.

- Как называются эти хоромы?

- Больница шестидесятилетия Октября.
- А вот это? - Петренко похлопал по столу, но доктор догадался, что имеется в виду не мебель.
- Оздоровительно-восстановительный комплекс. Мы его арендуем.
- Мы - это кто?
- Медицинский центр «Одиссей».
- Учредители?
- Перед вами один из них.
- А те крепкие ребята - ваши сотрудники? - Петренко усмехнулся.
- Наша «крыша». Вы сами понимаете, когда они просят оказать помощь, мы не можем отказать,- тон у доброго дядечки стал извиняющимся.
- Бачилы очи, шо купували,- пробормотал Петренко.
- Простите, что?
- Это я себе. Вход к вам отдельный?
- Да. Но он охраняется. А это крыло охраняется особо.
- Кроме меня «пациенты» есть?

Чем черт не шутит, вдруг кто-то из ребят тут же «оздоровляется».

- Двое. Один - с огнестрельным ранением голени и один - с переломом челюсти и сотрясением. Его, кстати, привезли вместе с вами. Но они не из ваших. Обычные бандиты.

«Польстил»,- подумал Петренко.

- Когда явятся эти гаврики?
- Понятия не имею.
- Звонить будут?
- Не знаю. Если вас заинтересует: они приезжают на большом черном «мерседесе». Его можно увидеть из окна.
- Спасибо, док,- поблагодарил Петренко.- Я этого не забуду. У вас нет насморка?
- Нет, а что?

Петренко свернул комком хлопчатобумажную салфетку и запихнул доктору в рот.

- Для вашей же пользы,- пояснил он.- А то еще спросят: почему вы не кричали?

Петренко похлопал доктора по щеке.

Возможно, выгодней было попробовать прорваться через охрану прямо сейчас, но уж очень хотелось потолковать с Мироном и его приятелем.

Петренко уселся на подоконник и стал ждать появления черного «мерседеса».

Вместо «мерседеса» приехала «БМВ-пятерка». Новая и тоже черная. Из нее выбрались четверо и направились к входу. Четверо – это многовато. Петренко мимолетно пожалел, что не попробовал выбраться раньше.

Он соскочил с подоконника, набрызгал на салфетку эфира, прижал к лицу доктора:

- Только не трепыхайся,- проговорил он.- Для твоей же пользы.

Доктор не трепыхался.

Петренко накрыл его простыней с головой. Взяв новую салфетку, он обмотал металлическую ручку скальпеля. Оторвал от настольной лампы электрический провод, закрепил петлей на левом запястье. Затем встал спиной к дверям, лицом к шкафу со стеклянной дверцей. Приоткрыл ее так, чтобы комната отражалась к стеклу, как в зеркале.

Дверь распахнулась. Четверо бандитов по-хозяйски ввалились в палату.

- Ну как он, доктор? – с порога спросил первый.

Вошедший последним захлопнул двери.

- Помер,- не оборачиваясь, буркнул Петренко.

- Не понял? – гаркнул Мирон.

- Криздец...- пробормотал старший.- Горшок нам бошки оторвет...

Мирон ничего не сказал: быстро шагнул вперед, сорвал простыню... и обнаружил лежащего на кровати спящего врача.

Когда он с отвисшей от удивления челюстью повернулся к Петренко, тот уже был между двумя «быками». Эти не успели удивиться, поскольку соображали медленно, как и положено крупным жвачным животным. Медленнее, чем двигался скальпель в руке. А скальпель нарисовал в воздухе стремительную восьмерку, и оба бандита захлебнулись кровью из рассеченных трахей. Петренко прыгнул вперед и со страшной силой вогнал скальпель в затылочную ямку главаря. Мирон, опомнившись, выхватил пистолет, но Петренко вышиб оружие ударом ноги, накинул провод на мускулистую шею, перехватил, затянул. Бандит захрипел, попытался поддеть пальцами провод, но не тут-то было. Петренко привычно ударил его лбом в затылок... и чуть не потерял сознание от боли. К счастью, его противник оказался на это «чуть» послабее – обмяк и повис на петле. Петренко разжал руку, замер, переживая боль. Через некоторое время она не то чтобы прошла совсем, но поутихла.

Мирон завозился на полу, Петренко пнул его по макушке и бандит отключился. Теперь предстояло разобраться с трофеями.

Оружия – три ствола. «Ижик», «стечкин» с полной обоймой и модернизированный «макар», точно такой, какой был у Петренко. Номер, разумеется, другой, но вряд ли случайный мент, увидев важные корки, станет сверять номер. А от неслучайного никакие корки не отмажут. В

общем, Петренко стянул с прежнего хозяина кобуру с запасной обоймой, тщательно оттер от крови и нацепил на себя. Затем протер все поверхности, где мог наследить. «Стечкина» Петренко положил в карман. Именно им он собирался пользоваться, если припрет. Конфисковал также брелочек с ключами от машины и бумажник с правами. Деньги тоже забрал. Шоб врагу не достались. Пора взбадривать уцелевшее бандитское тельце. Присев на корточки, Петренко аккуратно взял Мирона за губу и повернул на триста шестьдесят градусов. Хозяин губы недовольно замычал, попытался отпихнуть Петренкову руку, разлепил глаза, увидел ухмыляющуюся физиономию здоровяка-хохла, а между зубами ощутил холодный вкус металла. Скосил глаза...

- В зубах у тебя хрен,- доброжелательно сообщил Петренко.- Только железный. Ты особо ротиком не играй, а то кончит он, сам знаешь как!

Маленькие глазки Мирона лучились лютой, бессильной ненавистью.

Ствол «стечкина» начал подниматься вверх, вынуждая бандита оторваться от пола и встать на ноги. Как только это произошло, Петренко немедленно врезал подопечному коленом в пах. Тот, взмекнув, попытался свернуться, но мушка пистолета раскровенила ему небо.

Придерживая клиента за волосы, Петренко подвел его к трупку главаря, из затылка которого торчала окровавленная рукоять скальпеля.

- Подержись за нее, котик,- ласково произнес здоровяк-хохол. А поскольку подопечный выполнить пожелание не спешил, добавил еще ласковее: - А то еще разок по башке дам и помогу.

Скрипя зубами по металлу, Мирон взялся за скальпель. Хорошо взялся, даже сделал рефлекторную попытку вытащить. Но скальпель сидел крепко.

- Молоток! - похвалил Петренко. Подвинул себя и своего подопечного в двери, так, чтобы оказаться сбоку, вытащил у него изо рта пистолетный ствол.- А теперь, хлопче, кликни своего молодца. Того, что снаружи.

- Шкряба! - хрипло гаркнул бандит.- Подь сюда!

Дверь распахнулась, ничего не подозревающий Шкряба ввалился внутрь, отвесил челюсть от открывшегося пейзажа, схлопотал рукояткой по затылку и присоединился к натюрморту.

- Пойдем,- Петренко подтолкнул Мирона к выходу.- Проветримся.

Пол в коридоре покрывал хороший толстый ковер удобного багрового цвета. Коридор вел прямо к лифту.

Придерживая пленника за чубчик и, одновременно, подпирая стволом пистолета бритый затылок, Петренко доставил его к лифту.

- Нажимай!

Лифт подошел практически сразу, гостеприимно раздвинул створки. Внутри оказался пожилой дядя в белом халате.

- Нам вниз,- вежливо сообщил Петренко.

Теперь он придерживал клиента более деликатно – за болевые точки у локтевого сустава, а пистолетом ласково щекотал поясницу.

- А мне – на третий,- старичок в белом халате был ко всему привычный: помятый вид Мирона его не смутил.

На третьем попутчик вышел, а лифт пополз дальше.

- Какая охрана внизу? – спросил Петренко.

- Один вахтер.

- Оружие?

- Обычное. Ствол, дубинка.

Петренко следовало бы насторожиться: уж больно покладисто отвечает клиент. Но везение расслабляет. Да и контузии редко способствуют сообразительности.

Двери лифта разъехались... и пленник изо всех сил рванулся вперед.

- Мочи его! – истошно заорал он и плюхнулся на живот.

Чтобы устоять на ногах, Петренко вынужден был выпустить локоть Мирона. Зато успел выстрелить в охранника раньше, чем тот – в него.

Беда заключалась в том, что охранник был не один. Их оказалось целых трое. И еще один как раз в этот момент входил внутрь.

Между ним и Петренко – больше десяти метров. Пуля пролетает это расстояние очень быстро. И боковым зрением Петренко засек еще двоих. При прямом броске они запросто успеют всадить в спину бегущему пару-тройку пуль.

Пережат через многострадальную голову, «бочка» – пережат по полу вправо, под ноги одного из стрелков, мелькание пола-потолка, выстрел в бандита в дверях – мимо. Выстрел снизу, буквально из-под ног – в правого – есть! – уход кувырком через плечо – густо летящие пули, уродующие стену, выбитые ими куски штукатурки. Петренко ушел из сектора обстрела того, кто в дверях. Левый стрелок, бездарно расстрелявший боезапас (в тир надо ходить, братишка, в тир ходить, а не сосок дрючить!), теперь судорожно запикивал новую обойму. Петренко выстрелил с колена – промахнулся! Что за дьявольщина? Петренко выстрелил еще раз – и снова не попал. Хорошо, что тяжелый «стечкин» упакован двадцатью патронами. С третьего раза Петренко все-таки попал: противника отшвырнуло к стене. Тем временем предоставленный самому себе Мирон успел совершить бросок. Но не на противника, а в лифт. Створки сдвинулись – лифт ушел вверх.

«Хрен с ним!» – подумал Петренко и перещелкнул флажок «стечкина» на автоматическую стрельбу. Голова кружилась, каждый удар сердца отзывался болью внутри черепной коробки. Где-то за дверью болтался недобитый стрелок. И еще неизвестно сколько стрелков – во дворе.

Плюнув на осторожность, Петренко рванулся нахрапом, выскочил наружу. Стрелок, точно, подждал сбоку, но бабахнул с опозданием. Насрать на него – все равно стрелять не умеет! Петренко подскочил к «БМВ» (вслед ему раздался еще один выстрел), выпустил, не глядя назад, слепую очередь – только чтоб стрелок залег и не борзел,- распахнул дверцу, упал на

сиденье, воткнул ключи. Двигатель басисто заурчал. Стрелок вскочил на ноги, бросился наперерез, целя в лобовое стекло, но вида несущегося «БМВ» не выдержал, пульнул наспех и шарахнулся в сторону. Петренко бросил машину влево, прочь с дороги, зато под укрытие серого куба морга, обогнул его, мотаясь на ухабах, снова выскочил на асфальт, едва не столкнулся с «фордом» – «скорой помощью», вылетел на семидесяти через ворота, развернулся, не снижая, так резко, что «БМВ» занесло, протащило юзом – заднее колесо ударилось о высокий поребрик, но хорошо сработанная машина не перевернулась и в следующее мгновение уже мчалась по скверной дороге прочь от гостеприимства облаченных в белые халаты «одиссеев» и их опекунов со «стечкиными» под мышкой.

- Такая вот смешная история,- заключил Петренко.- Можно сказать, мне тоже повезло. Как я рад, братишка, что ты живой!

- А уж как я рад! – отозвался Валерий.- И очень надеюсь, что таковыми мы и останемся. Что будем делать?

- А что ты предлагаешь? У меня, знаешь ли, в башке еще не все устаканилось, так что мозгами придется раскидывать тебе,- Петренко потер бритую голову.- Тем более что у тебя это и получается лучше. Пока я в койке валялся, ты такую тут веселуху устроил...- Петренко одобрительно похлопал Валерия по плечу.- Так что продолжай в том же духе. Только и меня в список не забудь внести.

- Не беспокойся, не забуду. А вот Егорыча, как я понимаю, в дела не вписываем?

- Правильно понимаешь.

- А сам ты как, может, пересидишь пару-тройку дней?

- А они у нас есть? – вопросом на вопрос отреагировал Петренко.- А у Пашки они есть?

- Нет,- признал Валерий.- Поэтому начнем не с твоих бандюков, а с моих. Только не сегодня. Выложился досуха. Надо взять тайм-аут.

- Вижу,- кивнул Петренко.- Значит, завтра.

- Тогда я поехал,- сказал Васильев, поднимаясь.

- Место надежное?

- Вроде. Подружка моя. А ты – тут?

- Егорыч пока не гонит.

- Тогда отдыхай. Утром созвонимся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В двенадцать часов пятнадцать минут, завершив всю необходимую подготовку, Васильев вышел из метро и направился к переходу. Пока ждал зеленого, аккуратно огляделся по сторонам. Знакомая черная «Волга» припарковалась в «кармане» неподалеку. Голые кустики, хоть и не спрятали самой машины, но помешали Валерию разглядеть номер. Однако он не сомневался: «Волга» – та самая.

Зеленый свет. Валерий пересек улицу и двинулся к институту.

На полпути его встретил жирный Робик.

- Здорово, придурок! - приветствовал он Васильева. Разбитая губа и отсутствие переднего зуба не делали ухмылку Робика привлекательней. Но он был счастлив. Умник проявил крайнюю тупость: опять наступил на те же грабли.

- Стоять! - В поясницу Валерия уперся ствол. Сманеврировать и уйти было невозможно, поскольку с двух сторон его крепко взяли за рукава. Значит, минимум, четверо.

Васильева обыскали, но ничего не нашли. К разочарованию Робика.

- Пушки где?

- В ...! - нахально ответил Васильев.

На мясистой роже Робика отразилось острое желание сделать из Васильева отбивную. Но бандюган сдержался. Вернее, предпочел отложить на минутку-другую. Все-таки вокруг народ. И кое-кто явно заинтересовался происходящим.

- Туда его! - скомандовал он, махнув в сторону подворотни.

- Может, лучше - в машину, Робик? - пробасили у Валерия за спиной.

- Сначала я его маненько поучу! - хищно осклабился жирный.- Тише будет!

В подворотне, изогнутой аппендиксом и выходящей в тупичок, превращенный в мусорную свалку, присутствовали две кошки и мужик, застегивающий ширинку.

- Пошел отсюда! - гаркнул на него Робик.

- Ты чё, братан, на понтах? - пьяно возмутился мужик, заросшая щетиной опухшая рожа, свисающая на глаза грязная челка.- А за щеку не хошь?

Поскольку мужик был здоровенный, Робик кулаки в ход пускать не стал. Вынул пистолет, сунул мужику под нос длинное рыло глушителя.

- Что ты сказал, козел?

- Козел?! - заорал мужик.- Это кто козел? Это ты козел! - Мужик с треском раздернул куртку.- Давай, бля, шмальни! Шмальни! Ну шмальни, пидор гнойный!

Робик заколебался. Кураж пьяного его явно смутил.

Давление на поясницу Васильева ослабло. Да и за руки его уже держали не так крепко. «Быкам» было интересно: как бригадир выпутается из ситуации?

- Давай! - заорал пьяный, и Васильев резко вертанулся влево, вырвав рукав у правого и уйдя с линии огня. За его спиной негромко хлопнул выстрел, лязгнув затвор. Пуля пробила ни в чем не повинный мусорный бак. Васильев, воспользовавшись инерцией поворота, крутанул того, кто еще держал его за руку, тот выпустил Валерия и едва не сбил с ног стрелявшего. Васильев отпрыгнул к стене. Боковым зрением он засек, как от могучего удара в челюсть планирует над

землей жирный Робик.

- Ровно стоять, суки! Покрошу к эбеновой матери! - рявкнул Петренко, фиксируя стволом автомата сбившихся в кучу «быков». - Разошлись вдоль стеночки, сопатками к кирпичам! Валера, собери у них железки! Гражданочка, выбросила мусор и проходи живей, не мешай задержанию!

«Гражданочка» порскнула, как мышь от кошки.

- Погоди, Сашок,- вполголоса произнес Валерий.- У меня есть идея получше.

Он натянул кожаные перчатки, подобрал пистолеты Робика и стрелявшего «быка».

- Приведи его в чувство! - Он кивнул на жирного.

Петренко пнул Робика по голени. Подействовало.

Васильев сунул один из пистолетов за пояс, прихватил Робика за ухо:

- Погляди туда! - Он развернул его голову в сторону выстроившихся вдоль стены «быков». Даже по их широким спинам читалось: ничего хорошего они не ждут. И правильно.

Васильев поднял пистолет и спокойно всадил по пуле в каждую спину. Затем еще по одной пуле - в затылок. После последнего выстрела затвор остановился в заднем положении.

- Возьми его! - Валерий сунул пистолет жирному. Тот не артачился, поскольку срез глушителя второго пистолета прижимался к его виску.- Молодец! - Васильев отобрал у него пистолет и сунул в подобранный на земле полиэтиленовый мешок.- У кого ключи от машины?

Робик показал дрожащей рукой. Васильев достал из кармана покойного брелок.

- Пошли,- сказал он перетрусившему Родику.- Прокатимся.

Поддерживаемый мощной ручищей Петренко Робик доплелся по машины и был помещен на заднее сиденье. Петренко, расположившийся на водительском месте, стащил парик и нацепил черную шерстяную шапочку. Затем он содрал со щек пленку с имитацией щетины.

- Куда едем?

- Пока никуда. Мне действительно надо на кафедру зайти: забрать кое-что. А вы тут пока побеседуйте.

- Это с удовольствием! - Петренко вышел из машины, перебрался на заднее сиденье.

- Шо ж ты, урод, правила не учил? - добродушно спросил он Робика, сжимая двумя пальцами его мясистый нос.- Разве ж не говорила тебе мамаша: достал пушку - стреляй. Говорила или нет?

Жирный Робик невразумительно мычал. На этой жизнерадостной ноте Васильев покинул «Волгу» и отправился в институт.

Вернулся он через полчаса с увесистым пакетом.

- Пообщались? - спросил он.

- А то ж! - ухмыльнулся Петренко.

К разбитой губе и распухшей челюсти жирного прибавились стремительно заплывающий глаз и кровоточащее ухо.

- Мы тут в кубик Робики играли,- сообщил Петренко.- Почти все стороны уже собрали, немного осталось, но тоже соберем? Да, кабанчик? - Он похлопал Робику по щеке, тот в ужасе зажмурился.- Мы, хохлы, знаем, как кабанчика пользоваться! - самодовольно произнес Петренко.- Спрашивай его - он все ответит. Так, моя радость? - От ласковой оплеухи голова Робики мотнулась, как у тряпочной куклы.

- Да,- пробулькал он.- Да, да...

- Садись за руль, Сашок,- сказал Валерий.- Куда должны были меня отвезти, жирный?

- К нам...- просипел Родик.- Ай! - Васильев хлестнул его по надорванному уху.

- Ответ должен быть развернутым,- назидательно произнес Валерий.- Адрес, система охраны, количество стволов, понятно излагаю?

Петренко засмеялся.

- Железнодорожный проезд, от Лиговки налево, я покажу...

- Поехали,- скомандовал Васильев.- А то нашими жмуриками уже публика интересуется.

В подворотне-аппендиксе кучковался народ. Ни милиции, ни «скорой помощи» пока не наблюдалось.

«Волга» тронулась, но едва вывернула на Московский, как ее тормознул гаишник.

Васильев упер в бок Родика глушитель пистолета, но тот и не думал рыпаться: притих и съежился наподобие выдранного из раковины моллюска.

- Показать удостоверение? - спросил Васильев.

- Не надо. У меня универсальное.- Петренко приспустил стеклышко высунул руку с зажатой в пальцах зеленой бумажкой.

Всосалось. Ублаготворенный гаишник важно махнул палкой: проезжайте.

- Ты продолжай,- сказал Васильев Робику.- Мы тебя внимательно слушаем.

- Дом наполовину наш. Два подъезда. Двери стальные, с видеокамерами. При каждой - двое. И двое пацанов - на втором этаже. Двое, это если никого не прессуют, и Грустный уехавши. Грустный без охраны ни шагу. Он обычно на третьем этаже сидит. Он и, там, разные.

- Разные - это кто?

- Бухгалтерия. Секретарь. Юрисконсульт. Сегодня еще лепила придет, ну, доктор.

- Гляди, какие он слова умные знает! - удивился Петренко.- Слушай, я не пойму: ты у хозяина в санатории отдыхал или в другой академии учился?

- В другой,- буркнул Робик.- Я Лесотехническую академию кончил. С красным дипломом.

Петренко заржал:

- Видал, Валера? Красный дипломированный хряк!

- Вы меня не убьете? - настороженно спросил отличник Лесотехнической академии.

- Мы тебя зарежем,- пообещал Петренко.- Но...- Он выдержал многозначительную паузу.- Мы тебя не больно зарежем! - И снова заржал.

- Посмотрим на твоё поведение,- обнадежил Робика Васильев.- Продолжай.

- Еще снаружи, бывает, пацаны тусуются. И в кафе напротив. Это наше кафе. Но туда больше к вечеру съезжаются. Что еще рассказать?

- Валера, дай ему в пятак,- сказал Петренко.

Васильев дал, хотя и не очень понимал: зачем?

Зато понимал Робик.

- В кафе всегда команда сидит. Шесть человек в полном прикиде. Если где что не так - они подваливают и разбираются. Это не наши, а какие-то чужие. Их только Грустный знает, а косят они под ОМОН.

- Значит, если из вашей хаты дадут сигнал, эти шестеро через минуту будут внутри? - спросил Петренко.

- Быстрее. Там бежать-то метров тридцать.

- Еще сюрпризы есть?

- Нет. Кого нам бояться? Мы ж на своей земле.

- И верно,- согласился Васильев.- На. А будете - под. И ты, лесовод, первый, если что не так выйдет. Отложилось у тебя в памяти?

- Отложилось.

- Приехали,- сообщил Петренко.

Перед ними была тихая, почти без машин, улочка.

- Вон тот дом,- сообщил Робик.- Два ближних подъезда.

Упомянутое кафе тоже просматривалось. Подальше. У входа сгрудилось несколько иномарок. Перед домом машин не было совсем. Зато отчетливо виделись склоненные головки видеокамер.

Петренко вынул телефон, набрал номер:

- Абоненту двести тридцать шестому. «Перезвони мне»,- сказал он.- Без подписи.

Сложил трубку и сунул в карман.

- Ждем десять минут,- сказал он.

- В доме - четыре этажа,- заметил Васильев.- Кто на четвертом?

- Никого. Там вроде гостиницы. Ай! За что?

Васильев врезал ему по здоровому уху.

- Да нет там никого, честное слово! - обиженно закричал Робик.

Тренькнул телефон.

- Да, я,- ответил Петренко.- Слушай адрес... Наши - два левых подъезда. Затихаритесь поблизости и ждите. Ориентируйтесь на черную «Волгу» у дома. Мы вас подхватим.

Он спрятал телефон.

- Ждем полчаса,- сказал он.

- Скажи-ка мне, жирняй,- произнес Васильев,- как вы, ублюдки, на нас вышли?

- А у нас свой человечек при Костроме был,- охотно поделился Робик.- Кострома как главным заделался, сразу стал солдат вербовать. Ну а у Грустного как раз кореш по зоне откинулся, мы его и заправили. А он к самому Костроме притерся и про вашу тему услышал. Про зал ваш тоже. А тебя один пацан признал: видел, как ты в одну лавку клей приносил, а лавка эта - под нами. Вот мы тебя и поймали,- закончил Робик не без самодовольства.

- Ловят триппер,- сказал Петренко.- Анекдот про Чебурашку слышал? Зовет Чебурашка Гену: «Гена, Гена! Я сапоги нашел!» - «Так тащи сюда!» - «А в них мусор!» - «Так выкинь его на хрен!» - «Не могу! Он меня за уши держит!» - Петренко захохотал.

Валерий тоже рассмеялся. Робик остался мрачен. Должно быть, соль анекдота до него не дошла. Или, наоборот, дошла слишком хорошо.

- Пора,- сказал Петренко, тронул машину и припарковался на углу, вне зоны левой камеры.- Валера, ты там уже был, так что командуй!

- Добро.- Васильев подумал секунду-другую.- Ты, жирняй, пойдешь первым. Харю свою покажешь и обзовешься, если спросят. Я - за тобой. Ты, Сашок, третьим, вроде как меня удержишь, только не светись.

- Не учи батьку горилку пить!

- Больше не буду. Начали!

Двери «Волги» распахнулись. Вытолкнутый наружу и слегка подпихиваемый сзади Робик шустро засеменял к крылечку со старинными полукруглыми ступеньками. Задрал голову к камере. Васильев тоже лица не прятал, а вот Петренко, который демонстративно держал Валерия за ворот, личико обратил долу.

Никаких вопросов не последовало. Клацнул замок, и дверь отворилась. Валерий энергичным толчком вогнал Робика в образовавшуюся щель. Толстяк врезался в охранника и отпихнул его к стене.

- Робик! Бля! Ты что, очумел? - возмутился охранник.

Робик не ответил, поскольку Васильев врезал ему основанием ладони по затылку. А когда толстяк завалился, от бедра выстрелил во второго охранника. Пуля попала тому в глаз и застряла в черепе. Можно сказать, парень умер легко. Намного легче, чем те, кто оказывался в поле интересов банды Грустного.

Второго свалил Петренко. Васильев услышал, как хрупнула под ударом сломанная переносица, а затем - неприятный булькающий хрип: Петренко ножом работал ничуть не хуже, чем кулаками.

- Подъем! - Васильев пинком стимулировал поднятие Робика с четырех опорных точек на две, а Петренко тем временем обшарил охранников, их стол, обнаружил пару гранат и, удовлетворенно хмыкнув, принялся мастерить дверную ловушку.

- Где монитор? - спросил Валерий, указывая на камеры, контролирующие холл.

- Наверху, у Грустного в кабинете,- Робик сплюнул сгусток крови.- Только его нет.

- Почему так решил?

- Так тихо же...

- Соображаешь, когда хочешь. Сашок, ты закончил?

- Угу.

- Веди, ко второму ходу, жирняй!

Поднявшись по короткой лесенке, они свернули направо и двинулись по выстланному ковром коридору мимо запертых дверей, украшенных воронеными табличками: «Банкетный зал», «Спортивный комплекс», «Комната отдыха персонала». Надо полагать, таблички остались от прежних хозяев.

Двери из коридора на вторую лестницу тоже оказались открытыми.

- Стоять! - Васильев придержал Робика.

Аккуратно выглянул - и тут же нырнул обратно. Валерий увидел охранника, отпирающего наружную дверь. Второй охранник сидел на стуле с беспечным видом. Но его беспечность не успокаивала, поскольку возвращение какой-нибудь здешней бригады вряд ли встревожило бы сторожей.

По реакции напарника Петренко понял: внизу что-то происходит,- и прижался к стене, предварительно приплюснув к ней Робика. Васильев тоже затаился. Углядеть их из холла нельзя. Выдать мог только Робик. Если бы вдруг набрался храбрости. Поэтому Петренко, вынув свободной рукой нож, слегка пощекотал ему гузку.

Они услышали, как охранник запирает дверь. Затем он сказал что-то и заржал. Второй тоже гыгыкнул. Следующий звук - торопливое цоканье каблучков. Значит, впустили не бригаду стрелков, а одну-единственную женщину, которая быстрым шагом поднималась по лестнице. Через несколько секунд она поравняется с дверью в коридор. Петренко вопросительно поглядел на Валерия: тот отрицательно качнул головой.

Женщина явно бывала здесь раньше, но выглядела скромно и несколько чужеродно. Оказавшись на площадке, она окинула всех троих быстрым испуганным взглядом, пробормотала: «Добрый день», и ускорила шаг.

- Кто? - шепотом спросил Петренко у Робика.

- Доктор.

Нападения изнутри охранники ждали меньше всего. Поэтому Васильев с Петренко управились с ними бесшумно и быстро.

- Ты говорил: есть еще двое,- повернулся к Робику Васильев.- Где?

- Наверху.

На площадке второго этажа когда-то были две двери. Теперь осталась только одна: проем второй наглухо запечатан стальным листом.

Камеры не было - только глазок.

Петренко расположился сбоку. Васильев нажал на кнопку звонка. Спустя минуту внутри послышались шаги. Затем стихли. Валерий придвинул Робика поближе к глазку. Жирный бандюган вел себя идеально. Предельно покладисто.

Охранник без лишних вопросов отпер дверь... и захрипел: железные пальцы Петренко сдавили ему горло. Взметнулась и упала рука с ножом. Хрупающий звук - охранник содрогнулся и обмяк. Клинок вошел вертикально, повыше края бронежилета, в ямку над левой ключицей.

Петренко аккуратно опустил убитого на пол.

- Второй? - шепотом спросил он.

Робик махнул на приоткрытую дверь.

Петренко бесшумно преодолел десяток метров.

В комнате напротив включенного телевизора восседал еще один бандюган. Восседал совершенно беспечно, спиной к двери, взгромоздив ноги на стол и попивая пиво.

Петренко сделал еще пару шагов, опустил ладонь на физиономию неосторожного любителя пива, рывком задрал его голову вверх и круговым движением перерезал горло.

Повернувшись, хохол подмигнул Робику. Того бросило в дрожь.

Васильев вернул перепуганному «бригадиру» дар речи легким тычком.

- Где наш друг?

Робик махнул рукой вдоль коридора.

Васильев заметил на столе те самые «игрушечные» наручники с крохотным ключиком и сунул их в карман. Пригодится.

Дверь в чуланчик оказалась не запертой. Ключ торчал в дверях.

Паша лежал на полу. Рядом с ним, на коленях, наклонившись, – докторша. Мужской анализатор в сознании Васильева мимоходом отметил, что фигурка у докторши весьма неплоха, а обтянутый черной юбкой задик довольно аппетитен.

Докторша слышала шаги за спиной.

- Его надо срочно госпитализировать, – проговорила она, не оборачиваясь. – Без стационарного лечения я не ручаюсь за его жизнь.

В голосе ее проскальзывали профессионально-твердые нотки, но присутствовала и неуверенность.

«Она боится, – подумал Васильев. – Боится бандитов».

- Раз надо, значит, госпитализируем! – пробасил Петренко.

Женщина оглянулась, увидела двух незнакомых мужчин с оружием, побитую физиономию Робика...

Вскочив на ноги, она прижалась к стене.

Васильев будто читал ее мысли. А мысли были простые. Лучше упасть с Литейного моста в Неву, чем оказаться между двумя бандами во время разборки.

- Это наш друг, – успокаивающим тоном проговорил Валерий. – Мы пришли за ним и не причиним вам вреда.

В этот момент пикинул телефон в кармане Петренко.

Послушав, тот буркнул:

- Понял! – Озабоченно посмотрел на Васильева. – Олежек говорит, приехал джип с четырьмя «быками». Стоят у левого подъезда.

Валерий раздумывал не больше секунды:

- Вытяни руки! – рявкнул он на Робика и защелкнул на нем мини-наручники. – Сашок, бери Пашу и вниз. Вы... – Он посмотрел на докторшу. – Тоже с нами.

- Я не могу!

- Можете! Делайте, что я говорю, и все будет в порядке!

Мгновение она колебалась, затем кивнула:

- Хорошо, я вам верю, – сгребла свои вещи в сумочку, встала.

Петренко подхватил Пашу.

Первым шел Робик. За ним – Васильев. За Васильевым – Петренко. Докторша замыкала группу, но Валерий почему-то не сомневался: она не потеряется. Вообще, он оценил, что женщина держится молодцом. Только один раз негромко ахнула: когда увидела «работу» Петренко.

Внизу команда остановилась у запертой двери.

- Твоя граната точно сработает? - спросил Васильев.

- Обижаешь, гражданин начальник!

- В одну машину мы не влезем,- озабоченно проговорил Васильев.- Может, мальчишек оставить?

- Не получится,- покачал головой Петренко.- Я сказал им, чтоб бежали к машине, как только мы выйдем. Там еще джип, но ты ж водить не умеешь...

- Я умею,- неожиданно проговорила докторша.

Мужчины поглядели на нее с удивлением.

- Я могу,- повторила она.

- Умница! - Петренко расцвел улыбкой.

- А если джип заперт?

- Ты что? Чтоб перед своей хатой братки машину запирали? - изумился Петренко.- Брось! Да они наверняка и ключей не вынимают! Они ж крутые, блин! Короче...

Рядом грохнуло. Отплеск взрывной волны всколыхнул воздух. Снаружи кто-то завопил.

- Пошел! - закричал Васильев, рывком распахивая двери.

Петренко стелющимися прыжками понесся вперед, прижимая к груди Пашу, как огромного младенца. С другой стороны к «Волге» мчались мальчишки.

- К джипу! - заорал Васильев, хватая левой рукой руку докторши и пинком направляя Робика в нужном направлении.

Взрыв уложил наповал двоих бандитов. Третий корчился на земле, прижимая руки к животу. Четвертый не пострадал, потому что остался в машине, не задетой осколками.

- Робик! - завопил он, увидев бригадира.

Потом увидел Васильева с пистолетом в руке, замолк и полез за пазуху. Васильев выстрелил на бегу в открытую дверцу джипа и, как ни странно, попал. Бандит вывалился наружу, Васильев выпихнул его на землю, затолкал Робика назад.

- За руль! - крикнул он докторше.

Волга уже рванула с места. А из кафе вывалила целая толпа в камуфле.

- Прямо и налево! - закричал Васильев, увидев, что «Волга» свернула направо.- Давай, милая, давай быстрее!

Взревел двигатель. Парни в пятнистых комбинезонах уже были рядом, но только один бежал к джипу. Остальные - к покоренному взрывом подъезду.

- Глуши мотор, сука! Замочу! - страшным голосом заорал Робик.

Где он успел раздобыть пистолет, разбираться было некогда. Поскольку пистолет смотрел в переносицу Васильева. Это был серьезный просчет. Валерий, надев на «бригадира» наручники, перестал за ним присматривать. А ведь наручники – не смирительная рубашка.

Парень в камуфле подбежал к джипу, распахнул дверцу... и врезал автоматом по затылку Робика. Как позднее объяснил Петренко, парень действовал совершенно правильно. Если не можешь разобраться: кто есть кто, – выводи из игры тех, у кого оружие.

- Вперед!!! – тигром взревел Васильев.

Джип прыгнул с места, дверца захлопнулась, боец в камуфле остался позади, а Робик, в бесчувственном состоянии, – на полу между сиденьями.

Вслед джипу прогрохотала очередь, но стрелок опоздал: внедорожник уже оторвался на значительное расстояние. Еще через пару секунд джип круто свернул и оказался вообще в недосягаемости.

Васильев подобрал пистолет и спрятал в карман. Пригодится.

- Молодец! – похвалил он докторшу.

- Стараюсь.

Джип мчался по Витебскому проспекту. Погони, похоже, не было.

- Теперь можно помедленнее, – произнес Валерий. – Не надо привлекать внимание.

- Мне кажется, внимание привлечет, если такая машина будет ехать медленно, – заметила докторша.

Она довольно ловко маневрировала в потоке на скорости около девяноста.

- Как вас зовут? – спросил Валерий.

- Алевтина Олеговна.

- Я Валерий. У вас редкое имя.

- Можете звать меня Тиной, Валерий, и обойтись без комплиментов. Куда мы едем?

- По-моему, это вы за рулем, Тина, – усмехнулся Валерий. – Притормозите у первого карточного телефона.

- Может быть, этот подойдет? – Женщина протянула через плечо сотовик. – Только не долго. Это мой собственный.

- Я компенсирую, – пообещал Валерий. – По тройному тарифу.

Он набрал номер:

- Хирург? Это твой хозяин говорит. Узнаешь? Молодец! Как дела? Не определился? Ну ничего.

А как наши черножопые друзья? Пока не беспокоят? А у меня для тебя подарок. Кое-кто подсунил вам стукача. А со мной в машине кое-кто, про этого стукача знающий. Не хочешь

познакомиться? Тогда подъезжай через часок на угол улицы Кузнецовской и Витебского проспекта. Успеешь за часок? Раньше успеешь? Можно и раньше. Только прихвати с собой кого-нибудь коренастого. А то мой подарок иногда ведет себя беспокойно.

«Подарок» между тем начал подавать признаки жизни: завозился, застонал, обхватив руками многотрадальную головушку.

- Значит, до Кузнецовской? - спросила Тина.

- Именно. Спасибо за телефон. И вообще за все. Я перед вами в долгу.

Женщина резко свернула налево, затормозила у обочины, повернулась:

- Вы передо мной в очень большом долгу, Валерий,- произнесла она.- Потому что из-за вас я оказалась в очень скверной истории. Вы понимаете?

Васильев вздохнул.

- А вы красивая женщина, Тина,- проговорил он.

- Не думаю, что это сейчас важно. Вы не ответили на мой вопрос!

- Это всегда важно,- возразил Васильев.- Отвечаю: я сделаю все, чтобы вас защитить. Но стопроцентной гарантии, что у меня получится...

- Получится! - перебила его Тина, глядя на него зеленоватыми, чуть прищуренными, оценивающими глазами.- Вы выглядите достаточно сильным и решительным мужчиной, чтобы другие мужчины с вами считались.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Джип, на котором приехал Хирург, был точной копией доставшегося Васильеву в качестве трофея.

Пока ждали, Васильев снял с Робики приглянувшиеся мини-наручники, заменив их брючным ремнем толстяка. Сами же брюки Васильев слегка надрезал, поэтому вытолкнутому из машины Робику пришлось связанными руками поддерживать штаны, дабы не потерять их по дороге. Хирург гостеприимно распахнул дверцу. Валерий втокнул толстяка в машину, сел сам. «Бык», сидевший за рулем, с интересом разглядывал их в зеркало.

- Знаешь его? - спросил Васильев.

Хирург покачал головой.

- Его зовут Робик. Из команды Грустного.

- Грустного знаю.

- Но он вас знает лучше. Поскольку внедрил к вам своего информатора. И эта свинья информатора знает.

«Свинья» злобно поглядела на Васильева.

- Присмотри за ним,- сказал Валерий шоферу,- а мы пока выйдем, потолкуем.

Когда они оказались на свежем воздухе, Васильев сказал:

- Не буду тебя учить, Вадик, как разговаривать с коллегами,- тут он усмехнулся.- Но босса своего он увидеть не должен.

- Не увидит,- пообещал Хирург.- Я отвечаю!

- Как твой авторитет?

- Выше крыши. Я «черным» стрелу хочу забить. Поддержку кинешь?

- Не торопись,- придержал его Васильев.- Я ж тебе сказал: это ваши бандитские дела. Я за тебя с «черными» тереть не буду, а сам ты - не потянешь. Я тебе твою задачу определил: найди того, кто может с ними схлестнуться. И будем решать. Понял?

- Понял,- Хирург слегка скис.

- Тогда бывай. Увидимся.

Васильев вернулся в свою машину, захлопнул дверцу, поглядел, как рванул с места, вопреки всем правилам, совершил полный разворот и умчался в сторону центра джип Хирурга. Повернулся к своей водительнице, поймал некую искру в серо-зеленых глазах... притянул ее к себе и поцеловал в сухие мягкие губы.

- Это обязательно? - спросила Тина.

- Нет,- Валерий подарил ей свою самую обаятельную из своих улыбок.- Ты такая красивая, что невозможно было удержаться.

- Не ври.

Валерий стер с губ ее помаду.

- От меня скверно пахнет.

- Кровью и потом,- уточнила женщина.- Ничего, я привыкла. Профессия такая.

- Понятно. У меня тоже. Я - химик.

Тина рассмеялась. Неожиданно звонко.

- Правда? Химик? А я думала - бандит.

- Бандит - это не профессия. Это...

- ...призвание,- закончила женщина.

- Ну почему именно бандит? - немного обиделся Васильев.- Почему, к примеру, не сотрудник госслужбы?

- Интуиция.

- А между тем это, действительно, правда! - тоном ведущего блеф-клуба изрек Васильев и

продемонстрировал красные корочки.

Тина с интересом изучила удостоверение:

- И почему нынче такая ксива?

Все-таки умеют умные бабы задеть мужика за живое!

- А почему нынче сотрудничество с братками? - поинтересовался Васильев.

- Двести долларов за визит, - нисколько не смутившись, ответила докторша. - А знаешь, сколько зарабатывает у нас опытный хирург?

- Сколько?

- Две тысячи четыреста рублей.

Валерий пожал плечами.

- В моей лаборатории кандидаты наук получают меньше.

- Вот-вот. То-то ты вместо того, чтобы кандидатскую строчить, из автомата палишь!

- Кандидатскую я уже настроил, - сердито возразил Васильев.

- Но не защитил?

- Это почему же?

Тина засмеялась, поправила волосы:

- Бедняжка! Поехали ко мне, я тебя с дочерью познакомлю.

- С дочерью? - удивился Валерий. - Почему с дочерью?

- Чтобы ты, господин химик, понял, почему я дырки браткам штопаю. Пристегнись!

- Что?

- Ах да! Я забыла, что машина в угоне. Слушай, может, бросить ее?

- Не беспокойся, я при деньгах. Отмажемся.

- Тогда отлично! - Тина вдавила педаль, разгоняя машину, посигналила идущему впереди «форд»: дорогу! - Хоть разок на крутой тачке погоняю! - заявила она.

- А у тебя какая? - поинтересовался Васильев.

- «Москвич». От папы остался. Только ондохлый.

- В смысле?

- В смысле - сдох. От старости.

Джип, не сбавляя скорости, проскочил под желтый свет и черной ракетой летел вдоль проспекта Космонавтов. Тина, закусив нижнюю губку, азартно вертела баранку.

- Далеко еще? - спросил Валерий.

- Если милиция не остановит, минут двадцать.

Сглазила. На перекрестке стоял «гиббон» и помахивал палочкой.

- Тормозить?

- Тормози,- вздохнул Васильев.

Тина ударила по тормозам.

- Куртку сними,- сказала она.- И на заднее сиденье брось.

- Зачем?

- На куртке кровь. И на сиденье - тоже.

Гаишник неторопливо приближался. Он не спешил, да и затруднительно было бы бегать при его комплекции.

Васильев раздумывал: показывать удостоверение или нет? Решил: не стоит. Навороченный внедорожник мало соответствовал сотруднику государственной службы.

Опережая гаишника, Валерий выбрался из машины.

- Старший лейтенант Барабанов! Вы - водитель? Попрошу документы!

А ведь видел, поганец, из какой двери выбирался Васильев!

- Слышь, командир,- Валерий доверительно наклонился к упитанной физиономии.- Давай договоримся по-хорошему. Жена тачку вела, но какой с бабы спрос? Ты прикинь, командир, женщина за рулем - это ж стихийное бедствие.

- Нарушать не положено! - старший лейтенант брезгливо отодвинулся.

- Ну ты вникни, командир: что ж я бабу подставлять буду? Ты ж мужик, командир, должен понимать! - И вложил в лапу гаишника двадцать баксов. Собственно, он мог дать и сотню, но слишком много - настораживает. Кроме того, хитрый «гиббон» мог передать по маршруту следования о не в меру щедром братишке, и тогда их тормозили бы на каждом углу.- Нормально, командир? Не в обиде?

- Проезжайте,- буркнул старший лейтенант и заковылял к своей будке.

- Познакомься, мама. Это Валерий. Валерий - это моя мама Вера Вячеславовна.

- Здравствуйте, Вера Вячеславовна.

- Здравствуйте, Валерий.

Ухоженная старушка, глаза в паутинке морщин. Проницательные глаза. Неприязненные.

Узенькие губки поджаты. Не понравился ей Валерий.

- Алевтина, мойте руки. Обед готов.

- Пошли,- скомандовала Тина.- У нас в коридоре заблудиться можно.

Это точно. Вход в ванную по странной прихоти архитектора располагался не рядом с туалетом, а в крохотном аппендиксе, напоминающем встроенный шкаф. Ванная, когда-то отделанная с большим тщанием, ныне слегка обветшала. Но не настолько, чтобы отваливался кафель. Мужского присутствия, всяких там бритв и соответствующих лосьонов не наблюдалось.

- Дай-ка я тебя осмотрю,- потребовала Тина.

- Да я в порядке,- возразил Васильев.

- При чем тут ты? На куртке у тебя кровь. И на руках. Что у тебя с ухом?

- Пустяки, заживет.

- Повернись. Ладно, нормально. Куртку я потом отмою. И рубашку надо поменять.

- Грязная?

- Кровь на манжетах. Закатай пока рукава. Все, мой руки и пошли.

Васильев вынужден был признать, что готовит Вера Вячеславовна вполне прилично. Другое дело, что после дневных игрищ Валерий был способен умять втрое больше.

- А кто вы по специальности, Валерий? - осведомилась старушка.

- Химик.

- А кем работаете?

- Старший научный сотрудник.

- Без степени?

- Кандидат наук.

- Мама у нас тоже - кандидат технических наук,- вмешалась Тина.- Уже три года на пенсии. Их лабораторию закрыли.

- Алевтина!

- Мама!

- Я, Валерий, сорок шесть лет отдала науке!

Васильев взглянул на Тину, потом на ее мать:

- Вы прекрасно выглядите,- сказал он.

- Это комплимент или ирония?

- Факт,- ответил Валерий.
- Мама, прекрати!
- Алевтина - поздний ребенок. Отец ее избаловал.
- Мама!
- Вы прекрасно готовите, Вера Вячеславовна.
- Когда есть из чего. В последнее время Аля хорошо зарабатывает, а вы, Валерий?
- Научная работа сейчас не оплачивается...
- Это мне известно!
- ...но у меня свое дело. Так что не бедствую.
- Но вы не из этих? - Старушка забавно растопырила сухонькие пальчики.
- Не из этих,- согласился Валерий.
- Но я никогда бы не подумала, что вы - ученый. Вы воевали?
- Да.

Нельзя сказать, что Валерий соврал. Каким еще словом назвать то, чем он занимается?

- Тогда понятно. Але всегда не везет с мужчинами...
- Мама!
- ...Она была слишком привязана к своему отцу, а отец ее был человеком замечательным. Алевтина, Леночку я заберу сама. Ты вечером куда-нибудь уходишь?
- Нет.
- Хорошо.

Старушка поднялась и с достоинством удалилась.

- Моя мама - это нечто! - сказала Тина.- Не бери в голову.
- А мне она понравилась,- искренне ответил Валерий.- Есть в ней железный стержень.
- Вот это точно. Ты посиди на кухне, я приберусь у себя в комнате, а то там полный срач.
- Да мне плевать.
- А мне - нет!

Предоставленный самому себе, Васильев подошел к телефону и набрал телефон Петренко.

- Как дела, Сашок?

- Паша в ВМА. У меня там кореш имеется, с флотских времен. Передал с рук на руки, а дальше он сам все оформит.

- Крутой кореш?

- Подполковник медицинской службы. Нашего брата перелатал - на троих хватит.

- Как Пашка?

- Пока не ясно. Командир сказал: будем посмотреть. А у тебя, раз звонишь, все удачно?

- Вполне. Подарил Робика Хирургу.

- Зря. Я бы с ним потолковал.

- С ним потолкуют. У его главаря сразу прибавится проблем. А Хирург мне нужен.

- Что «хвосты»?

- Тачку мы скинули, отработавшее железо - тоже.

- Как докторша?

- Я звоню от нее.

- Молодец! Ты давай, завяжись с ней покрепче. Баба крутая и в нашем деле - просто незаменимая. Прушник ты, Валерик!

- Завидуешь?

- А то ж! Короче, Валерик, выдери ее на совесть. Свой доктор нам нужен, как воздух.

- Иди ты в жопу! - искренне ответил Васильев и положил трубку.

Поскольку его не просили оставаться на кухне, Валерий прошел в открытую дверь комнаты. Да, здесь чувствовался стиль. Старая добротная мебель. Еще более старый кабинетный рояль, бюро, шкаф с зеркалом, книжный шкаф в полстены шириной. В книжном шкафу, на одной из полок, за стеклом - фотография. Мужчина лет пятидесяти, с аккуратной бородкой, держит под уздцы черного коня. Мужчина белозубо улыбается, конь - тоже. За фотографией, нетрадиционно, обложками наружу, - книги. Все - по медицине, и на всех красовалось одно и то же имя: Арсений Сигизмундович Голотосербский. С вариациями: иногда просто Арсений Голотосербский, иногда проф. А. С. Голотосербский. Надо полагать, проф с лошадьё - и есть Тинин отец. По крайней мере внешнее сходство прослеживается.

Когда Тина появилась в комнате, Васильев с большим интересом разглядывал коллекцию из нескольких десятков нэцкэ [4] .

- Мама пошла за дочкой, - сообщила Тина. - Потом они пойдут гулять. Это часа на два.

- Понимать как намек? - улыбнулся Васильев.

- Ага, - Тина продемонстрировала белые крепкие зубы. - Ничего, что я так сразу?

- Да нет,- Валерий пожал плечами.- Я привык.

Женщина встряхнула волосами, засмеялась.

- Раздень меня!

- Прямо здесь?

- Тебя что-то смущает?

- В самую точку. Твой папаша, если не ошибаюсь? - кивнул на фотографию.

- В самую точку. Но он тебя не осудит. Если папиных любовниц собрать вместе, в этой комнате было бы не протолкнуться.

- А как же мама?

- По-моему, она до сих пор уверена, что все они - коллеги и пациентки.

- Может, музыку?

- Музыка будет. Что еще тебе мешает? Хочешь, чтобы я обещала выйти за тебя замуж?

- А если я скажу «да»?

Валерий подошел к ней, расстегнул первую пуговицу.

- То я тебя обману.

- Правда? - Он не спеша разъединял крючки.

- Откуда я знаю? Мы, разведенные женщины, такие ветреные. И развратные.

- По крайней мере ты носишь бюстгальтер,- отметил Валерий, вешая указанный предмет на спинку стула.

- У меня слишком большая грудь.

- Неужели ты стесняешься?

- С ума сошел? Просто неудобно! Поцелуй меня сюда!

- Может, сначала я сниму колготки?

- А ты одновременно! Вот видишь? Дай мне свою руку! О-о! Погоди, я возьму плед.

- Зачем? Ковер мягкий.

- Я не хочу на ковре, я хочу - на рояле!

- Ты уверена?

- Мы, врачи,- такие циничные. Хочу на рояле, понял?

- Как скажешь. А он не сломается?

- А хрен его знает. Подсади меня! Ну давай!
- Без прелюдий?
- А на хрена нам прелюдии? Я уже вся теку. О-о!

Музыка, действительно, была. Несчастный рояль стонал и плакал под ними всем своим беккеровским нутром. Плед так и елозил по полировке. Если бы не стена и не ловкость Валерия, ох и сверзились бы они со спины черного зверя, все в поту и кайфе. В общем, рояль в качестве сексодрома Васильева разочаровал.

Зато Тина была в восторге.

Припав к щеке Валерия, все еще дрожа от пережитого оргазма, она шептала ему в ухо:

- всю жизнь, всю жизнь мечтала! Сопливкой еще, когда барабанила на нем под мамочкиным неусыпным глазом. Вот, думала, вырасту, и буду на тебе трахаться, козел трехногий!
- А как же муж? - поинтересовался Валерий.
- А он музыкант, педик долбанный! «Это же святыня!» - явно передразнивая интонацию.
- Так педик или музыкант?
- И то, и другое. Я его выгнала на хер, понятно? Ну я теперь понимаю, почему они в кино всегда после драки трахаются.
- Кто. Педики?
- Да нет, герои! Это просто улет!
- Хм...
- Тебе не понравилось?
- Скажем, для меня здесь тесновато.
- Ах, бедняжка!

Тина вывернулась из-под него, да с такой энергией, что чуть не свалилась на пол: Валерий еле успел ее придержать.

- Сейчас, мой сладкий, я сделаю тебе минетик. Я очень хорошо делаю минетик...
- Стоп! - Валерий остановил ее порыв, соскочил с рояля и почувствовал немалое облегчение. Рояль - тоже.
- Нет, стой! - Васильев пресек ее попытку встать на колени, отошел на пару шагов: - Посмотри на меня! Что ты видишь?
- Что?..- Тина оглядела его скорее с профессиональным, чем с женским интересом.- Ты жутко мускулистый! Но что касается главного, то...
- Тина! Посмотри на меня!

- Я на тебя и смотрю! - В ее голосе звучало непонимание.
 - Тина! - Валерий шагнул вперед, осторожно взял в ладони ее голову, обратил лицом к себе.- Я живой, Тина! Я - человек. Я - не анатомическое пособие, не мастурбатор с ручками, ножками...
 - Но я совсем не...
 - погоди! Человека надо любить. Человека надо чувствовать...
 - Но я чувствую! - запротестовала женщина.
 - Ты, Тина, не обижайся, но чувствуешь ты не то. Хрен маткой ты чувствуешь, понятно? Не меня!
 - Ну извини. Мне показалось, тебе хорошо. Ты же кончил.
 - Кончить можно и в кулак,- раздосадованно проговорил Васильев.- В манекен, в ослиную жопу! Не прикидывайся дурочкой!
 - Но я, правда, не понимаю! - Она высвободилась и отодвинулась от него. Похоже, обиделась.
- Валерий же пребывал в растерянности. Как объяснить то, что объяснять бесполезно? Да и что он, собственно, к ней привязался? Что на него нашло?
- Ладно,- сказал он примирительно.- Ты женщина. Тебе лучше знать.
 - Вот именно! - Тина мгновенно перестала обижаться.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В общем, наказ Петренко был выполнен в точности. Впрочем, к приходу бабушки с внучкой, очаровательной черноглазой девчушкой пяти лет, мама и ее гость чинно восседали в гостиной и пили кофе с печеньем. Лицо Алевтины Арсеньевны Голотосербской лучилось довольством, даже щеки как-то округлились. Гость выглядел задумчивым. Потому что тщетно пытался понять, что такое есть у молоденькой девчонки Тани и у взбалмошной актрисы Алины, но отсутствует у красивой, аристократичной и отнюдь не фригидной Тины Голотосербской.

4

Небольшая японская статуэтка из дерева или камня.

Старшие женщины удалились на кухню. Готовить ужин, а заодно обменяться мнениями насчет Валерия, а младшая, черноглазка, взобралась на колени чужого дяди, изучила его и заявила, что он - красивый.

- Ты - тоже,- сообщил ей Валерий.
- Как мама?

Васильев наклонился к ее ушку:

- Лучше.

И заработал поцелуй в щеку.

- А зато мама у нас - как Иисус Христос! - сообщила Леночка.

- Почему?

- А она в Рождество родилась!

- Седьмого января?

- Да нет! - Леночка досадливо махнула ручкой.- В правильное Рождество, двадцать четвертого декабря!

«Так,- подумал Васильев.- Мы еще и католики».

Впрочем, к католикам он относился ничуть не хуже, чем к православным. Вернее, не относился.

Зазвонил телефон.

Леночка соскочила с колен, взяла трубку:

- Мама! Это тебя какой-то дядя!

- Да,- Тина взяла трубку, улыбнулась Васильеву...

В следующий миг улыбка стекла с ее лица:

- А при чем здесь я? Меня заставили! А что я могла? - полусердито-полуиспуганно спросила она.

Ей, вероятно, объяснили, поскольку щеки Тины побледнели, а глаза расширились.

- Да,- проговорила она.- Да, поняла.

И повесила трубку.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, кто звонил.

- Ну-ка, принцесса, выйди,- скомандовал он Леночке, обнимая ее маму за плечи.- Это они?

- Да. Говорят, видели, что я уехала с вами. Говорят: чтобы я немедленно приехала к ним. Иначе всех убьют. Меня, маму, Леночку...

- Спокойно! Не плакать! - строго сказал Васильев.- Конечно, видели. Там же видеокамеры. Но всегда можно сказать, что тебя взяли в заложницы, верно?

- А им наплевать! Они могут убить просто так! Ты не знаешь, что это за люди!

- Я как раз знаю,- усмехнулся Васильев.- Перестань кричать. Как ты с ними связалась?

- Их человек в нашей больнице лежал. С огнестрельным ранением плеча. Я его оперировала.

- Под пистолетами?

- Почему под пистолетами? - Тина удивилась, даже голос дрожать перестал.- Обычно. Операция нетрудная. А потом мне заплатили. Тысячу баксов. Я такие деньги за полгода не заработаю. И предложили помогать им. Частным образом. Я согласилась. А потом... Потом я попробовала отказаться, но...

- Тебе пригрозили.

- Именно. И я знаю: они не просто грозят. Я же видела!

- Что ты видела?

- Я... Мне нельзя говорить!

Валерий обнял ее еще крепче.

- Успокойся, малыш,- произнес он ласково.- Я сам съезжу к ним и разберусь.

- Но тебя точно убьют!

Ее вера в то, что Валерий - «достаточно сильный и решительный мужчина», чтобы «разобраться», куда-то испарилась.

- Не беспокойся,- холодно произнес Валерий.- Я сам с ними и поговорю! А сейчас дай мне телефончик и займись ужином. Не люблю разборок на пустой желудок. Так и гастрит можно схлопотать.

Есть только один способ остановить обнаглевшего громилу - выбить ему пару зубов. В качестве предупреждения.

- Сашок,- сказал Валерий, набрав знакомый номер.- У нас трудности...

Выслушав его, Петренко нисколько не удивился.

- Джип вы бросили? - спросил он.

- Ну конечно.

- Тогда так. Бери свою подружку и сходите, гляньте, на месте ли он.

- Ты думаешь...

- Я не думаю, а говорю, что делать. Если его уже нет, разбудьте машину. Любую машину и подъезжайте, ну, скажем, к Московским воротам.

- Как мы тебя найдем?

- Ты что, «лексус» мой не узнаешь?

- Слушай, Саша, если ты на колесах, то зачем нам вторая машина?

- Затем, что я не хочу светить свою! - рявкнул Петренко.

- Понял.

Больше он вопросов задавать не стал. Поговорить можно и на месте.

- Тина! - позвал он женщину.- Собирайся. Поехали.

- Куда?

- Туда! - раздраженно ответил Валерий.

- К ним? - испуганно спросила Тина.

- Почти.

- А ужин?

- Послушай,- проникновенно произнес Васильев, беря ее двумя пальцами за подбородок.- Ты жить хочешь?

- Д-да...

- Тогда собирайся.

Джип стоял на месте. Никто на него не позарился. Видимо, не рискнул, хотя машина была не заперта. Впрочем, может, потому и не рискнул.

- Надо заправиться,- озабоченно проговорила Тина.

- Надо - значит, заправимся.

Заправились. Приехали к Воротам. «Лексус» Васильев углядел сразу. Когда они подъехали, Петренко даже из машины выходить не стал.

- Давайте за мной,- скомандовал он и покатил по Лиговке. Примерно через сотню метров свернул во двор и остановился.

- Смена коней,- сказал здоровяк-хохол.- Прошу в мою машину, мадам. Нет, за руль не обязательно. Вам придется подождать. А мы с Валерой маленько прокатимся.

- Как скажете,- кивнула Тина.

Перспектива ждать в одиночестве все же получше визита к пацанам Грустного.

- Автомат? - спросила она, не обнаружив рычага переключения скоростей.

- Не совсем, видишь эти кнопочки на руле?

- Ничего себе!

- А то ж!

- А как...

- Никак. Ты, моя хорошая, задраишь люки и просто и тихо посидишь в машине, музыку послушаешь, понятно?

- Да.
- А если кто нехороший захочет к девушке пристать... Видишь кнопочку? Нажмешь - из-под моей японочки брызнет такой приятный газ, шо сразу всю общительность как рукой снимет. Только сначала все стеклышки подними. Вопросы есть, моя хорошая? Ну вот и добре! - Он вытащил из «лексуса» длинный, завернутый в полиэтилен цилиндр и пристроил на полу в джипе.
- Это что за хреновина? - поинтересовался Васильев.
- Это, брат, не хреновина, а гранатомет одноразового применения с нежным именем «Аглень», он же - «РПГ 26», предназначенный для поражения бронированных объектов противника и его живой силы, находящейся в укрытиях, а также в сооружениях городского типа. То есть исключительно полезный в нашей работе, при том, что легкий, как перышко, и простой в пользовании, как зонтик.
- Дорогой? - с уважением поинтересовался Васильев.
- Да уж не дешевый. А главное: не каждому доступный.
- Я восхищен,- сказал Валерий.- А теперь дай мне трубочку.
- Хирург? - спросил он, набрав номер.- Как настроение?
- Херовое. Но тебе - мое спасибо. Стукачка мы уже пристукнули, ха-ха! Тебе твой Робик-Бобик еще нужен? А то тут пацаны задумали повеселиться...
- Пусть пока погрустят. Вот что, Вадим... Я собираюсь еще разок проведать Робикова папу. И немножко его обидеть. Но при этом мне не хочется оставаться инкогнито, а представляться не хочется? Понимаешь, о чем речь?
- Какие проблемы, мастер! Обзовись моим! Он, сучара, будет к нам наседок подсаживать, а мы, в натуре, терпеть должны? Давай, вставь ему по самые яйца! Хошь, я еще пацанов подошлю? Правда, у меня только шестеро реально биться могут. Но если надо, могу подписать...
- Не надо! - перебил Валерий.- Сами управимся. А ты, чувствую, в настроении?
- Ну! Первый номер! - Голос Хирурга аж завибрировал от самодовольства.
- Это хорошо,- одобрил Васильев.- Совет мой не забыл?
- Забудешь тут! - самодовольство тут же испарилось.- Час назад Али мне сам предьяву сделал.
- Али - это кто?
- Под Мусой ходил. Он теперь у них шишку держит. Говорит: или сам отвечай, или отдай того, кто Мусу убил. Но я тебя не продал.
- Вот это правильно! - одобрил Васильев.- Ладно, бывай. Я тебе позвоню.
- Неглупо,- оценил Петренко.- А зачем нам представляться?
- Затем, что я хочу отмазать Тину.

- Ясный пень! Так какие проблемы? - Петренко выдвинул могучую челюсть.- Перемочить всех - вот и будет железная отмазка!
- Идея хорошая,- согласился Валерий.- Но хлопотная. Ладно, поехали.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Взорванную Васильевым дверь уже успели поменять. Оживления в доме не наблюдалось. Горела всего пара окон на втором этаже.

Зато в кабаке напротив веселье кипело.

Петренко, натянув тонкие кожаные перчатки (вторые, точно такие же, лежали в кармане Валерия), развернул гранатомет, приготовил к бою.

- Погоди,- остановил его Васильев.- Дверь они сами откроют. Я тебе обещаю. Давай к кабаку.

Мимо веселого заведения проехали не спеша. Половину улицы заправили иномарки. Из запахнутого ресторанныго зева выплескивалась музыка. Перед входом тусовались двое заметно окосевших пацанов и абсолютно трезвый швейцар в черном смокинге.

- Ага,- изрек Петренко.- Тема прояснилась. Видишь вторую дверь? Отсюда группа поддержки и вывалила. Зуб даю: они за этим окошком сидят.

- А чем оно лучше других? - спросил Васильев.

- А тем, братишка, что на нем решетки нет, а жалюзи имеются. Значит, те, кто там сидит, воров не боятся, но и сами светиться не хотят.

Петренко наморщил лоб и потер бритый затылок. Эти действия у него обычно сопутствовали мыслительному процессу.

- Сделаем так,- заявил он.- Ты, Валерик, возьмешь эту малютку,- он протянул Васильеву гранатомет,- выйдешь, отступишь к тем деревцам и шмальнешь в окошко. Сделаешь?

- Запросто. Если ты покажешь, как с этой штукой обращаться.

- Покажу. А хочешь, сам прочитай, там инструкция сбоку.

- Лучше покажи. Ладно, я стреляю, а ты что будешь делать?

- А я возьму вот это,- Петренко кивнул на автомат,- и покрошу тех, кто первым сунется наружу. А потом подхватчу тебя и мы слиняем. Годится?

- Не совсем. Хотя идея хорошая.

- А что не в тему?

- То, что надо не просто шухер навести, а объяснить мальчикам популярно, что такое хорошо и что такое плохо. Поэтому мы с тобой слиняем, но ненадолго. Сделаем кружок - и вернемся.

- А дальше?

- А дальше - по обстоятельствам. Но двери они точно откроют, за это ручаюсь. А когда они их откроют, мы с тобой, как и собирались, войдем внутрь. И еще немного порезвимся, годится?

- А почему нет?

Петренко высадил Валерия метрах в сорока от цели, на противоположной стороне улицы.

Моросил дождик. Голые ветки не защищали от капель. Мокли волосы, мокло лицо, тонкие кожаные перчатки тоже стали влажными. Валерий проследил, как джип развернулся, прокатился мимо открытого входа. Тусовавшиеся у дверей помахали ему: дескать, подъезжай.

Петренко доехал до угла, снова развернулся и подъехал. В этот момент Васильев нажал на спуск.

Действительно оказалось ничуть не сложнее винтовки. Прицелился, надавил пальцем, заряд воспламенился, и птичка улетела. Только калибр у «птички» - 72,5 мм, а в клювике - нехилый такой сюрпризик.

Взорвалась ли граната, соприкоснувшись со стеклом или уже внутри, Васильев не разглядел. Ухнуло, грянуло, загорелось. Кто-то завопил, кто-то бабахнул с испугу. Из заветной двери не выскочил никто. Зато из главного входа ломанулась целая толпа. Автомат Петренко полоснул наперекрест двумя длинными очередями, срезав швейцара, двух поддатых пацанов и еще человека три-четыре из наиболее прятких, вмиг охладив у бойцового народа желание оказаться на улице. Не говоря уже о том, что подстреленные загромождали проход.

Джип рванул с места, тормознул около Васильева - тот впрыгнул внутрь - и с ревом умчался. Ровно через десять минут он очень тихо подъехал, или, точнее, подкрался, с другой стороны улицы.

А на улице жизнь была ключом. Носились, размахивая оружием, пьяные «быки», визжали девки, матерились бойцы чином постарше и чуток поумнее, пытались направить энергию в полезное русло. Постепенно им это удалось. Огнетушителями сбили пламя, стали выволакивать и грузить трупы. Мимо пристроившегося в тени джипа с рыком проносились машины. Разумеется, свежепоставленная дверь тоже открылась. Трезвая и потому более толковая охрана включилась в работу.

Когда, примерно через четверть часа после разрыва гранаты, мимо джипа продребезжал омовский автобус, - чистка уже была закончена.

- И что они так суетятся, - пробормотал Петренко. - Это ж мы их покрошили, а не они - нас.

- Думаешь, эти ребята станут разбираться? - усмехнулся Васильев.

ОМОН уже выстроил всех бойцов и методично шмонал. Кому-то уже дали по чавке, кого-то сунули в «уазик».

- Процесс пошел, - констатировал Петренко. - Ну что, рискнем слабым здоровьем?

- А ОМОН?

- А что ОМОН, ОМОНу дел и без нас хватит. Их зона работы отмечена.

Тут он был прав. Мужественные фигуры в пятнистых комбинезонах держали под контролем

ресторанчик и метров пятьдесят прилегающего к нему пространства. Небрежно оставленная открытой дверь располагалась вне этой зоны.

- Джип бросаем? - спросил Валерий.

- Угадал.

- Тогда надо все протереть, мы же наследили...

- Вот этим и протрем,- Петренко извлек из полиэтиленового мешка, в котором хранился гранатомет, небольшую зеленую коробочку.

- Мина?

- Фугасик. А это,- он продемонстрировал приборчик размером с зажигалку,- радиозапал. Сейчас мы его взведем - и готово. А теперь - вперед!

Автомат Петренко бросил в машине, так что для не очень наблюдательного глаза друзья выглядели обычными зеваками, в которых, несмотря на поздний час и относительную малолюдность улицы, недостатка не было. Уже человек тридцать скопилось на границе омовского оцепления, наслаждаясь бесплатным представлением. Публика, особенно пожилая, действия милиции громко одобряла. Надо полагать, разухабистые пацаны папы Грустного своим весельем основательно достали население. Впрочем, можно было не сомневаться: даже тех, кого нынче сунули в автозак, отпустят восвояси не позднее завтрашнего дня.

Петренко и Васильев проникли в здание без всяких помех, не замеченные ни бандитами, ни ментами. ОМОН, как известно, выполняет, и неплохо, хватательные функции. А выслеживателей-сыскарей на месте происшествия не оказалось. Подумаешь, постреляли немножко и складское помещение подожгли! Трупов-то нет, а оружие все сплошь залицензированное, а какое еще не залицензировано, так будет. Только чуток дороже, поскольку - задним числом. Или вообще окажется ничье.

В подъезде было пусто и тихо. Значительно тише, чем на улице.

Стараясь не нарушать этой тишины, друзья поднялись по лестнице. Двери на второй этаж оказались заперты. На третий - аналогично.

- Попробуем с другой стороны,- оптимистично предложил Петренко.

Они прошли по коридору первого этажа и оказались на второй лестнице.

Однако и здесь все оказалось запечатано. И, что обидно, ни одного аборигена, которого можно было бы использовать в качестве отмычки.

- Ладно,- сказал Васильев.- Попробуем блефануть. На втором мы уже побывали, так что давай начнем с третьего! - И решительно забарабанил в дверь.

Через несколько мгновений дверной глазок посветлел - и тут же потемнел, когда с той стороны к нему приник интересующийся глаз.

- Откройте, милиция! - рявкнул Васильев, демонстрируя в развернутом виде удостоверение ФСО.

Он не сомневался: как бы охранник ни был силен в грамоте, прочитать через глазок мелкие буквы ему не под силу.

- Момент,- сказали с той стороны дверей.

Охранник, вероятно, отправился доложить начальству.

Впрочем, ждать пришлось недолго. Через минуту дверь открылась.

- Поживей нельзя? - желчно осведомился Петренко, махнув перед носом охранника «корками».- Грустный здесь?

- Чего?

- Того! - Кулак Петренко с сухим стуком соприкоснулся с виском бандюгана, и тот отчалил в страну снов.

- Вон свет горит,- сказал Петренко.- Давай туда. А я прошвырнусь по коридору.

Валерий заткнул пистолет сзади за пояс и решительно толкнул дверь.

Этого человека он уже видел. Присутствовавший на допросе жирный «двойник» Робика.

- В чем дело, начальник? - развязно спросил бандюган.- Какие трудности?

- У меня лично - никаких,- проговорил Валерий, оглянув стол.- А вот у тебя, придурок, трудности очень-очень большие!

Глаза бандюгана округлились: узнал. И даже сделал попытку приподняться, но немного опоздал. Васильев нажал на рыхлое плечо, одновременно поднося к ноздре оппонента пахнувший порохом ствол.

- Что тебе нужно? - буркнул толстяк.

Васильев взял его за золотую цепку, намотал на пальцы, слегка натянул:

- Грустный тут?

- Нету его,- прохрипел бандюган.

- А где он? - осведомился Валерий, чуток потуже натягивая цепочку... оп! Порвалась! Хреновая работа.- Так где он?

Из коридора донеслись вопль, хруст ломаемого дерева, еще один вопль...

- Ты не отвлекайся,- сказал толстяку Васильев.- Ты помнишь, о чем я спросил? Где Грустный?

- Дома...

- Ишь ты! - удивился Валерий.- У него и дом есть. А дом у него, случайно, не в «Крестах»?

Если у толстяка и было чувство юмора, то нынче оно отдыхало.

- Нет, на Крестовском.

- Надо же! А телефон у него есть?
- Есть.
- Очень хорошо. А теперь возьми трубочку и набери этот самый телефончик.

В комнату ввалился Петренко.

- Чисто,- сообщил он.- Теперь чисто. Двоих я упаковал, а третьего пришлось на погост определить: буйный оказался. Как успехи?

- Да вот кореш наш папе своему звонит.
- Гарный хлопец! - ободрил Петренко.- А уши отрезать - вообще загляденье будет!

Лоб толстяка увлажнился.

- Ты давай звони,- сказал ему Валерий.- А то мой друг, он в душе - парикмахер. Отстригает все выступающие части,- Васильев нажал стволом на кончик толстякова носа.- Ну давай, нажимай кнопки, пока пальчики шевелятся!

- Э-э-э... Грустный, ты, что ли? Это Крупа. У нас тут... ну, с тобой побазарить хотят... Да я...

Васильев отобрал у толстяка трубку.

- Грустный? Здравствуй, дорогой! Это ничего, что я на «ты»?
- Ты кто такой? - процедила трубка.
- Это не важно,- весело отозвался Валерий.- Я тебе привет хочу передать. От Хирурга.
- Ах сука! Ах овца! Да я ее натрое порву, ты понял, козел? Ты этой сучке...
- Ай-ай-ай! - перебил его Васильев.- Ты за базаром-то следи, Грустный! Хирург - человек серьезный. Вдруг обидится, что ты его овцой назвал?
- Кого - его? - изумилась трубка.
- Хирурга,- терпеливо произнес Васильев.- Надо бы знать. Он нынче в авторитете.
- Не слышал! - буркнула трубка.
- Теперь услышал,- доброжелательно проговорил Валерий.- Он теперь - вместо Костромы. Или о Костроме ты тоже не слышал?
- Слышал. Что ему надо?
- Привет просил передать. Сказал: стукачка твоего они уже оприходовали. А за тобой - должок.
- Пусть пену не гонит! Их шоблу азеры с говном смешали! Они теперь - тьфу!

- Это ты так думаешь,- засмеялся Васильев.- Но ошибаешься. Ты не торопись, поговори с умными людьми, с ребятами своими посоветуйся. Подумай, может, есть в городе кто-то поавторитетней азеров? И стоит ли тебе с ним ссориться?

Трубка молчала. Переваривала.

- Думай, Грустный, думай,- посоветовал Валерий.- И еще к тебе - личная просьба. У тебя тут одна женщина работала, друга моего лечила, которому ты по небрежности здоровье попортил. Жаловалась она: грозишь ей. Ты больше так не делай, ладно? А то я грозить не буду. Понимаешь намек?

- Срал я на твои намеки!

- А вот это напрасно. Это потому, что ты меня не знаешь. А Хирурга знаешь, но думаешь: Чалого нет, Костромы нет - и Хирурга скоро не будет. А думаешь ты так, Грустный, потому что знаешь мало. А самое главное: ты не знаешь меня...

- Ну так обзовись! - рявкнула трубка.

- ...но мы с тобой еще познакомимся,- игнорируя реплику, продолжал Васильев.- Если ты окажешься непонятливым - точно познакомимся. Так что ты не торопись. Думай. Ребят своих хорони, помещение ремонтируй...

- Какое помещение? - озадаченно спросила трубка.

- Как? Тебе еще не доложили? Ну, Грустный, я удивлен. Какая у тебя братва, выходит, нерасторопная. Пожар у тебя случился. Пацаны со спичками баловались. Так что занятие у тебя на ближайшее время есть. А если разные мысли возникнут... воинственные,- ты их гони! Потому что ты попал, Грустный! Ты уже попал! Ну, будь здоров! - Не дожидаясь ответа, Валерий прервал связь.

- Ну как? - спросил он Петренко.

- Нормально. Он все понял. Как ты считаешь, кабанчик, понял твой хозяин тему? - Петренко ущипнул Крупу за жирную щеку.

- Понял,- пробулькал толстяк.

- Тогда - спокойной ночи! - Рукоятка пистолета опустилась Крупе на макушку, и бандюган обмяк.

- Мы закончили? - спросил Петренко.- Или еще почудим?

- Пока с него хватит,- ответил Васильев.- Двинулись. Тина там наверняка уже заждалась.

- Ничего. Ты ее утетишь! - Петренко захохотал.

- Мог бы и позвонить,- надув губки, проговорила Таня.- Второй час ночи!

Она приникла к груди Валерия и тут же отстранилась.

- С кем это ты ласкался? - недовольно спросила она.

- А какая тебе разница, малыш? - Васильев смягчил резкость ответа улыбкой.

Надо же: вычленил из запаха пороха, крови и пота аромат Тининых духов. А забавно: Таня и Тина.

- Да никакой! - Девушка фыркнула.- Жрать хочешь?

- Еще как! Вымыться, поесть - и спать! Что еще нужно для счастья?

- А я? - спросила Таня, забирая у него куртку.

- Ты и есть счастье! - утешил ее Валерий, стаскивая кобуру с «макаром».- Эй, поаккуратней! - Он выгреб из карманов куртки остальной арсенал: заимствованную из стола Крупы «беретту», глушак к ней, еще один «макар», обычный, не модернизированный, зато с разрешением, выданным на имя Клещука Павла Павловича, сотрудника безопасности ЗАО «Система». Павел Павлович оказался слишком доверчивым и законопослушным и открыл дверь, которую ему по долгу службы лучше было не открывать. Еще в «арсенале» присутствовали «лимонка», кубик взрывчатки с огрызком шнура и тщательнейшим образом запакованная ампула с безобидным эфиром, в котором было растворено одно из самых сильных нервно-паралитических веществ, созданных гуманной советской наукой. Несмотря на неказистый вид, в сравнении, скажем, с той же гранатой, ОВ, попав в вентиляционную систему дома в кратчайшие сроки уничтожило бы всех его жителей, а граната, даже при самом эффективном использовании, отняла бы не более дюжины жизней. На фоне этих смертоносных игрушек мини-наручники выглядели почти неуместно. Как брелок для ключей.

Валерий сложил перечисленные предметы в коробку из-под туфель и унес в Танину комнату.

- Ничего не трогать! - скомандовал он и отправился в ванную.

Когда он вернулся, то обнаружил, что на «беретту» навинчен глушитель, а клещуковский ПМ разобран на составные части.

Васильев впал в ступор: какое счастье, что девочке не пришло в голову понюхать содержимое ампулы! Или извлечь чеку из «лимонки».

- С легким паром! - весело прощebetала Таня.- Я хотела их почистить, а они чистые!

Васильев щелчком вернул на место свою отвалившуюся челюсть.

- Люблю оружие! - призналась Таня.- Подари мне вот эту! - Она показала на «беретту». Я ни в кого не буду стрелять, обещаю. Подаришь?

- Обойдешься! - сердито буркнул Валерий. Быстро собрал ПМ, проверил, нет ли патрона в стволе, затем вставил обойму.- Это тебе что, игрушка?

- Да ну тебя! - Таня надула губки.- Можно подумать, я стрелять не умею!

- А что, нет?

- Да! Другие - не то что ты! Всегда пострелять мне давали, понял? Я, если хочешь знать, классно стреляю, понял!

Однако! Валерий уже успел забыть о прежних друзьях наивной школьницы.

- И где они сейчас, эти другие? - ехидно осведомился он.

Но подумал: вообще-то в словах подружки есть здоровое зерно. Если вдруг, не дай Бог, кто-нибудь из охотящихся за Васильевым выследит этот дом, совсем не худо, если у Тани окажется под рукой что-нибудь посерьезнее кухонного ножа. Если, конечно, она не врет насчет умения

стрелять.

- Ну-ка пойдем,- сказал он, взяв со стола «беретту».

На кухне он подошел к висящей на стене разделочной доске, намалевал на ней горелой спичкой черную точку, взял Таню за руку и отвел в противоположный по диагонали угол.

- Попадешь в отметку - она твоя,- сказал он, вручив пистолет девушке.

- Что, здесь стрелять, в доме? Мы же всех перебудим!

- Никого мы не перебудим, он же с глушителем. Стреляй!

Таня взяла пистолет двумя руками, прищурилась...

Хлопок, лязг затвора, хрустящий удар. Пуля прошила доску и застряла в стене. Черная точка - в двух пальцах от дырки.

Таня заметно огорчилась, протянула ему пистолет, но Валерий покачал головой.

- Нормально,- сказал он.

И впрямь совсем неплохой выстрел. Тем более - из незнакомого оружия.

- Он - твой. Только не забудь разрядить, когда будешь чистить. И всегда проверяй, нет ли патрона в стволе, поняла?

- Ага. Садись есть. Борщ будешь?

- Буду.

- А отбивные? Ты свинину любишь?

- Я ее ем,- усмехнулся Васильев.- Я все ем, кроме гвоздей.

- Почему, кроме гвоздей? - удивилась девушка.

- Потому что колючие, глупышка. Давай свой борщ!

«Не забыть пулю из стены выковырять»,- подумал Валерий.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Валера лежал голый, на спине, а Таня, тоже голая, закрутившая волосы в лохматый кукиш, делала ему массаж по тайской системе. Это значит, без помощи рук. Возможно, ее квалификация уступала настоящим тайкам, зато старания было не занимать. Особенно той ее части, где курчавилась темная шерстка.

Васильев ничего не имел против тайского массажа, но в данный момент он разговаривал с Петренко по сотовому телефону, Петренкой же подаренному (На! А то шо я, как институтка, вечно твоего звонка жду!), а когда по лицу, то и дело попадая то в рот, то в глаза, елозят острые сосочки, говорить вообще неудобно, а уж по телефону - тем более. Разговор был серьезный.

Вчера Васильев созвонился с Хирургом, и тот заявил, что наконец-таки готов связать «благодетеля» с авторитетным человеком. Настолько авторитетным, что не побоится ущучить земляков покойника Мусы Бакинского. Но авторитет этот выставил два условия. Первое: Хирург со всей своей кодлой идет под него. Второе: кореш, который действительно замочил Мусу, должен быть ему, авторитету, предъявлен. Иначе пусть Хирург сам хоронит своих мертвецов, а мертвецов будет много, поскольку азеры землю грызут и еще не урыли обидчиков только потому, что никак решить не могут, кому такая честь достанется. Но вот-вот решат. Поэтому он, Хирург, охотно под упомянутого авторитета пойдет. И своему «благодетелю» то же настоятельно рекомендует.

- Это мы решим,- ответил Васильев.- Я тебе перезвоню.

Теперь, надежности ради, следовало посоветоваться с Петренко. Разумеется, ни под какого авторитета они не пойдут, но натравить его на азеров - идея перспективная. И еще не худо бы прищемить носик Грустному. Тот, правда, пока не выживается, выжидает, как и посоветовал ему Васильев. Но вряд ли его терпения хватит надолго, если Валерий не предъявит ему серьезного, пусть даже липового покровителя. Такого, что может, как принято в криминальном мире, забить «стрелу» и разобраться по понятиям, кто кому чего должен. Причем так, чтобы должен оказался не Васильев. А ведь кроме Грустного остается еще кодлан, прихвативший Петренко. И тварь, которая сдала их всех бандюкам. В общем, Валерий отдавал себе отчет в том, что до сих пор жив исключительно из-за благосклонности фортуны. И еще потому, что медведю довольно трудно изловить комара. Из-за разницы в размерах, как пел в свое время Макаревич. Еще Васильев всерьез опасался, что в игру может, помимо группировок, включиться и государственная машина, приспособленная именно для вылавливания комаров. А это очень и очень возможно, поскольку мафия есть взаимовыгодный союз Закона и Беззакония. Пусть даже у следствия не будет никаких улик. Если Валерия найдут и задержат - ему крышка. Значит, следовало действовать быстро, решительно и радикально. То есть примерно так же, как они действовали до сих пор. Или еще жестче.

- Ты что там, трахаешься? - сердито спросил Петренко.- Я о деле говорю!

- Меня,- ответил Валерий.

- Что - тебя?

- Меня трахают. Танька, кыш, я сказал! Сашок, я с тобой полностью согласен. Ни под каких авторитетов мы с тобой не пойдём. Но сотрудничать будем. Силыч, как ты помнишь, тоже сотрудничал.

- Ну и что вышло?

- А то, что я на сто процентов уверен: заложили нас не бандюки, а славные наши правоохранительные органы. Вернее, не органы, конечно, а их отдельные представители.

- А на хрена им нас сдавать, таких полезных и хороших?

- Мани, друг мой, что же еще?

- А мани - чьи, не бандюков, скажешь?

- Нет, Сашок! Деньги - народные. А у бандюков они - временно и должны возвращаться к народу. То есть к нам.

Тане наскучили восточные методы, и она перешла к более традиционным, тем, что в газетных рекламках называются просто «эротическим» массажем, или, более прямолинейно, интимными услугами.

- Не гони херню! - рыкнул Петренко.- Хочешь законтачить с этим крутышом, я тебя прикрою. Только не надо мне лапшу вешать, понял?

- Извини, Сашок,- покаянно проговорил Васильев.- Больше не буду. Ты сегодня к Егорычу идешь?

- Иду.

- Вот и славно. Там и поговорим. Бывай.

Васильев сложил телефон, сел и толчком опрокинул Таню навзничь.

- Ах ты кошатина! - сказал он ласково.- Ты что же это со мной делаешь?

- Я? Ничего.- И с готовностью закрыла глаза, когда руки мужчины коснулись ее бедер.

- Танька, чего тебе от жизни хочется? - спросил Валерий примерно через полчаса.

- Тебя,- не раздумывая, ответила подруга.

- Как, опять? - удивился Валерий.

- Нет. Я - вообще.

- Понятно. А еще?

- Денег побольше, квартиру купить большую, на Гавайи ездить, машину тебе купить, такую спортивную, красную, чтоб ты меня возил и все кипятком писали! Еще - на дельтаплане летать научиться... Ну... Папашку от пьянства вылечить. Только он уже лечился - и без толку.

- А хочешь, чтобы у нас в городе порядок был? - спросил Васильев.

- В смысле?

- Чтобы бандитов, хулиганья не было, нищих на улицах...

- А зачем? - удивилась Таня.- Нищие меня не напрягают. Шпана теперь вообще меня не колышет. Ты ж мне пистолет подарил, забыл, что ли? А братва... Что мне братва? Ты же у меня - крутой! Валерка, у тебя, кстати, кликуха есть? Так ты мне скажи, чтоб я знала. Мало ли...

- Кликуха? - Валерий задумался.

А ведь малышка права. Настоящую силу дает все-таки не ствол, а престиж. Авторитет. А авторитет, естественно, накручивается вокруг имени. Значит...

- Васек,- сказал он.

Откуда взялось? А хрен знает. Может, от фамилии. Может - из глубин подсознания всплыло. Но понравилось.

- Васек,- повторил Валерий, словно пробуя на зуб.

Ничего. Нормально. Резко.

- Да-а-а? - Вот подружка явно была разочарована.- Какая-то она у тебя... гнилая немножко. Моего вот старого дружка «Дуб» звали.

- Это которого замочили? - усмехнулся Валерий.- Дуб, малыш, это что? Дерево! А дерево... Я сейчас тебе покажу...- Он сбегал на кухню и принес простреленную доску.- Наглядно? Как гласит народная мудрость: не имя красит человека, а человек - имя.

- Да мне все равно,- отмахнулась девушка.- Васек, значит, Васек. Слушай, а он у тебя опять шевелится. Ты просто маньяк какой-то! - Она захихикала.

- Это ты - маньячка! - возразил Васильев.- Не трогай - не будет шевелиться!

- А я хочу!

- Затрахаеть меня - я ослабею, и мне хана! - предупредил Валерий.

- Ой! - Таня тут же оставила его в покое.- Извини, пожалуйста!

Насчет слабости Васильев преувеличивал. Несмотря на необычайную для него активность, он, наоборот, чувствовал себя бодрым и энергичным.

«Вот что бывает,- подумал он,- когда постоянно рискуешь получить дырку в башке».

И пошел выковыривать пулю из стены на кухне.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Представленный Хирургом авторитет оказался высоким, спортивного сложения блондином примерно Валериного возраста. Одет по-деловому, в официальном, а не блатном смысле этого слова: черный костюм-тройка, галстук с бриллиантовой заколкой. Имелись, впрочем, и цепь, и перстень-гайка, но эти атрибуты не выпирали. Руки авторитета были чистыми, без наколок. И оружия, вроде, тоже на нем не наблюдалось. Впрочем, в оружии особой необходимости не было: по углам по-европейски обставленного кабинета высились два бодигарда в черных бронеках поверх белых рубашек. С кобурами открытого типа, позволяющими с необходимой быстротой извлечь и нажать.

- Значит, это ты? - с некоторым сомнением протянул авторитет.

- Нет, моя фотография,- насмешливо произнес Васильев.

Боковым зрением он увидел, как забеспокоился Хирург, но не смутился. С самого начала следовало себя поставить.

- Ну, ну. И как же тебе удалось завалить таких тяжеловесов? - поинтересовался авторитет.- Неужто - в одиночку?

- Удалось,- отрезал Васильев.- А как - не важно.

Он вовсе не собирался снабжать криминального лидера боевыми отравляющими веществами.

- Крутой! - Авторитет усмехнулся.- Я не понял, ты просить пришел или как?

- Нам нужна поддержка,- сказал Валерий.- Но не благотворительность.

- Вот это точно,- согласился авторитет.- А кому это «нам»?

- Мне.

- А ты - кто?

- Можешь звать меня Васек.

- Не понял? - Насмешливый тон пропал, голос блондина стал холодным и жестким.

Бодигарды по углам слегка оживились.

- Меня зовут Васек,- повторил Валерий, удивленный странной реакцией на столь простое слово.- Что тебя не устраивает?

Блондин буквально высверлил его глазами... и вдруг расхохотался и хлопнул Васильева по плечу, чем его еще более обескуражил.

- Васек! В натуре, Васек! Ну ты, братан, дал, конкретно! Не въезжаешь, да? Хирург, проясни ему тему.

Хирург тоже улыбался, но как-то неуверенно.

- У вас кликухи одинаковые,- проговорил он.- Ты - Васек, и он - Васек.

- Во! - захохотал блондин.- Приколись, братан!

Васильев тоже улыбнулся. Верно, забавно. Особенно если учесть, что свое прозвище он придумал сегодня утром.

- Короче, садись,- Васек махнул в сторону кресла.- Раз мы с тобой тезки, значит, будем работать вместе. А ты, Хирург, пока выйди. Понадобисься - позову.

- Он предлагает поучаствовать в «стрелке»,- сказал Васильев.

Они с Петренкой и Олежком сидели в маленьком кафе на Каменноостровском проспекте неподалеку от его пересечения с улицей Халтурина.

- Зачем? - Петренко с хрустом разгрыз куриную кость и с явным удовольствием принялся ее жевать.

- Замазать нас хочет,- предположил Олежек.- Или подставить. Пацаны говорили: еще тот жук. Раньше с Чумой корешился, а потом Чуму грохнули, и теперь Васек вроде бы - сам по себе, а «тобольцам» в казну отстегивает. «Крыш» никому не делает, банков не держит, бизнесом почти не занимается: так, пара отстойничков да ночной клуб. Но это, как я мыслю, для себя. Пацаны, что на рынках дурь толкают, базарили: пока Чума шишкарил, они у него товар брали. Чуму шлепнули - как отрезало. Вопрос: откуда у него бабки? А бабки у него есть, это точно.

- Замазать нас трудно, Олежек,- проговорил жующий Петренко, глотнул пива и продолжил более внятно.- Мы уже так замазаны, что скипидаром не отмоешь. А подставить... Валера, на сколько, тебе Хирург говорил, в той сумочке было? Из-за которой весь этот кипеж поднялся?

- На шесть лимонов,- ответил Васильев.- Примерно.

Олежек свистнул.

Волосатый бармен за стойкой недовольно поглядел на свистуна, но замечание сделать не рискнул.

- Ах какая казна! - вздохнул Олежек.- За такую казну всю жизнь...

- За что я Силыча крепко уважал,- перебил Петренко,- так за это. Выпустить ливер за шесть лимонов бакинских - это каждый второй запросто. А вот взять и выкинуть их в Неву - вот это, братишка, по-настоящему круто!

- А ты знаешь, Сашок, а я все-таки склонен согласиться с Олегом,- сказал Васильев.- Хирург при всей его оборотистости - мелкая сошка. А я вообще непонятно кто. Может, засланный. Может, и вовсе сотрудник РУОПа. У меня же на лбу не написано: «Убил сто мелких и десять крупных бандитов».

- А хоть бы и написано,- проворчал Петренко.- Место, как я понимаю, тихое, укромное. Просто идеальное место, чтобы нас, беспокойных, из списка вычеркнуть.

Не то чтобы он отказывался. Просто представлял решать Васильеву.

- Рискнем,- сказал Валерий, и выбор был сделан.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Петренко вывернул руль вправо, и «лексус» соскочил на проселок. С одной стороны тянулись хилые березки-осинки, с другой - невозделанное поле, пестрящее зелеными пучками свежей травы. За полем - холм с железной вышкой на макушке. Однако слишком далеко для хорошего выстрела.

- Машину жалко,- вздохнул Петренко.

- Джип подошел бы лучше,- согласился Васильев.- Покупал бы джип,- он усмехнулся,- ...как все.

- В городе она: то что надо! - вступился за свою «азиатку» хозяин.- Куда едем?

- Песчаный карьер,- ответил Валерий.- Старый. Ландшафт Марса. Если не считать лужи с водой в центре.

- Ты что, уже там был?

- Нет. Зачем светиться. Олежка с Гариком подослал.

- А почему мне не сказал?

- А зачем? Ладно, не огорчайся. Тебе понравится.

Место оказалось действительно идеальным для «стрелки». Подъездная дорога поверху витком огибала карьер. Местность просматривалась идеально, километра на три. Грязь, песок да редкие голые деревца. Единственное возвышение - уже упомянутый холм. Снайпера спрятать можно и в редколесье, да что в нем толку, если сам карьер - в ложбине.

Машину немилосердно мотало на ухабах. Широкие колеи тяжелых грузовиков оказались не в пору элегантной легковушке.

- Никого,- сказал Петренко, глянув влево.

«Лексус» ковылял над самым краем отвала.

- Как никого? А три десятка ниндзя в песке? Разве не видишь?

Петренко хохотнул.

- Слушай, а почему этот песок - белый, а не желтый?

- Желтизна - от глины,- объяснил химик Васильев.- Песок, он даже черным бывает.

- Лучше красный,- заметил практичный Петренко.- Зачищать проще.

Пока трепались, «лексус» завершил виток и выехал на карьерное дно. Лужа в центре по случаю весны разлилась в настоящее озеро.

Остановились, вышли из машины.

- Фокусы готовить будем? - спросил Петренко.

- Не стоит. Это не наш бенефис.

- Как скажешь.

Он вытащил из тайника в днище автомат и помповик. Проверил и положил на заднее сиденье, после чего снова влез в машину и задремал.

Валерий от нечего делать побродил вокруг воды, пошвырял камни ради практики.

Минут через десять до него донесся шум подъезжающей машины.

В карьер съехал солидный «мерс»-внедорожник. Петренко перестал дремать и высунул в окошко ствол помповухи.

Из джипа выпрыгнул высокий, атлетического сложения блондин. Васек. Он демонстративно помахал руками: дескать, вот я, пустой!

Да, у этого в руках - ничего. Зато у второго на плече болтался автомат. Причем автомат этот казался игрушечным, настолько крупногабаритен был его хозяин.

- Свои, Сашок,- успокоил Васильев Петренко.- Пошли знакомиться.

- Вот, Харлей, мой тезка,- сказал Васек.- А это, Васек, мой лучший кореш, Харлей. Прошу

любить и жаловать.

Кабаньи глазки лучшего кореша всверлились в Васильева. Харлей протянул татуированную в цвете клешню:

- Здорово, братан! А этот - кто?

- Никто,- ослабился Петренко.- Я так, постоять вышел.

И похлопал по прикладу помповухи.

- Ага,- Харлей сунул ему «краба».- Понял, братан. Нет вопросов.

Они с Петренко были примерно одного роста, Харлей даже малость повыше, а тяжелее килограммов на двадцать, исключительно за счет нависающего над ремнем брюха. Васек рядом с ним выглядел щеголем: серое пальто, белый шарф, аккуратная стрижка.

Валерий заметил в джипе шевеление. Естественно, Васек прихватил с собой пару-тройку «быков».

- Какова наша задача? - спросил Васильев.

- Пасть не открывать,- сказал Харлей.- Но клювом не щелкать! Га-га-га!

- Да,- подтвердил блондин.- От вас - никаких базаров.

- А если по делу? - спросил Петренко.

- Если по делу, Никто, ты делай, как я! - заявил Харлей.

И демонстративно перещелкнул «калаш» на автоматический огонь.

- Ты как, Никто, шмальнуть из своей дуры сумеешь? - Здоровяк обнял Петренко левой рукой, стиснул как бы в шутку, но силы не экономя.

- Да уж с пятидесяти шагов из пристрелянного ствола промаха в тушку не дам! - Ухмыльнувшись, Петренко правой рукой обхватил объемистую талию Харлея, сдвинул и даже слегка приподнял, оторвал от земли Васькова кореша.

- Ну! - восхитился тот.- Вот это по-нашему!

Он отпустил Петренко, достал сигареты:

- Закуривай, братва!

Васильев и Петренко дружно покачали головами.

- Вот это правильно,- одобрил Харлей, щелкнув зажигалкой.- Курить - здоровью вредить. А водку пьете?

- Лучше - попозже,- внес предложение Васильев.

- Ну, братан, ты прямо философ.

В кармане Васька затрендел телефон. Послушав, он сказал:

- Нормально,- и, сложив трубку, добавил: - Едут.

- Понятно,- сказал Валерий и пошел к «лексусу» за автоматом.

Минут через десять наверху раздался рык двигателя. Обогнув карьер, по дороге съехал синий микроавтобус, точная копия не так давно сожженного Васильевым, и остановился шагах в двадцати от джипа.

Из автобуса вывалила ватага черноусых сынов то ли гор, то ли степей (Валерий не очень в этом разбирался) и плотной кучкой двинулась к Ваську с Харлеем. Вооружены «черные» были основательно: у всех, кроме одного, автоматы. Карманы курток топорщились, надо полагать, не от пакетов с чипсами.

- Ты, Васок, смерти ищешь! - с ходу закричал тот, что без автомата.- Зачем в чужой мэст лезешь? Зачем гнылой базар тянешь? Ты для нас - тьфу! - Усатый демонстративно сплюнул в песок, его соплеменники одобрительно загалдели.

Васильев пересчитал: восемь человек. Семеро против восьми, если считать, что в джипе остались трое, а в автобусе - никого.

- Борзеешь, Али,- холодно процедил Васек.- Ты не Муса, не забывай. А я не сам себе королюю, а под Абреком хожу. На Абрека тоже плюнешь, Али?

- Я на всэх плюю, когда о кров речь! - запальчиво закричал Али.- Кто Мусу убил, уже как мертвый, понял? Ты убил?

«Черные» вмиг взяли оружие на изготовку, но Васек даже бровью не повел, а автомат Харлея по-прежнему смотрел стволом в землю.

- Не я,- ответил Васек.- Я, Али, не стрелять, а говорить приехал. Не хочешь говорить, давай разойдемся. И поглядим, у кого стрелков больше: у тебя или у Абрека.

- Мы Абрека нэ трогаэм,- сбавил тон Али.- Мы с тобой гаварым. Хочиш гаварыть, гавары, так, да?

Соплеменники одобрительно загоготали, но стволы автоматов опустились.

- Вот, это лучше,- одобрил Васек.- А я вам что-то привез, Али.

- Что? - заинтересовался Али.

- Тебе понравится. Сейчас покажу.

Васильев поймал взгляд Харлея. Тот очень выразительно скосил глаза вниз: рука его лежала на цевье автомата. Одно движение - и можно стрелять. Валерий подтолкнул Петренко. Тот понял без слов.

- Вот смотри, Али,- сказал Васек, взявшись за ручку.- Это все тебе!

Он резко распахнул дверцу, взгляды черных устремились в нутро машины...

Харлей одним движением перехватил автомат и с ходу нажал на спуск. Васильев чуть замешкался, но это не имело значения, поскольку из джипа на озадаченного Али уставился пулеметный хобот. И не просто уставился, а резанул поперек свинцовым серпом, вспоровшим

бронежилет, как банку из-под пива.

Смертельные струи с трех сторон ударили по соплеменникам и превратили их в кучу рваного мяса раньше, чем кто-либо из них успел нажать на спуск или выдернуть чеку. Исключение составил только один, оставшийся в автобусе. Этот успел, выскочив, выплюнуть короткую очередь. В следующий миг заряд картечи, выпущенный Петренко, превратил лицо стрелка в кровавую кашу.

- Все целы? - спросил Васек.

- Вроде бы,- в ушах Васильева еще стоял звон выстрелов.

Харлей подошел в побитым и короткими очередями разбил пару голов. У остальных смерть была слишком очевидна для контрольного выстрела.

- Ну ты круто заворачиваешь, земляк,- произнес Петренко.

Не понятно, то ли осуждающе, то ли одобрительно.

- Меня Абрек научил,- отозвался блондин.- Есть убедительные аргументы, а есть самые убедительные! - Он кивнул на третьего парня, того, что стрелял из пулемета.

Достав из кармана телефон, он набрал номер:

- Чех, это я. Мы закончили. Можно мочить.

Третий парень швырнул пулемет на песок, полез в багажник.

- А вы молодцы,- одобрительно сказал Васек.- Вижу теперь: не врал Хирург, когда крутизну вашу расписывал.

Третий «бык» вытащил из джипа кувалду и в три удара смял казенник пулемета.

Харлей швырнул ему автомат, повернулся к Васильеву:

- Давай свой дурятник! - и Петренко: - Ты свою пушку оставишь?

- По картечи ствол не опознаешь, а я к ней привык.

- Это верно,- согласился здоровяк.- Пошли, братан, рыбок покормим.

Вдвоем они сволокли трупы к заполненной водой яме. Харлей приволок девять чугунных чушек. Принайтовал к каждому трупу.

- Взялись?

- Погоди,- остановил Петренко.- Дай свой тесак. Броники помоги расстегнуть.

И сноровисто надрезал убитым животы.

- Для надежности,- пояснил он, обтирая лезвие.- Как учили. А теперь взялись. Раз, два, три!..

И первый покойник, пролетев метра четыре, плюхнулся в воду.

Третий бык облил бензином раскуроченное оружие, свое и соплеменников Али, все, кроме гранат, сложенных кучкой отдельно, и поджег.

- Иди под меня, тезка,- предложил Васек.- Не пожалеешь.

Валерий усмехнулся.

- Мы - сами по себе. Да и не мне это решать...- Васильев повел взглядом вверх: мол, есть за ним кое-кто и покруче.- Но если с этими,- кивок в сторону микроавтобуса,- будут заморочки, я всегда готов.

- С этими - не будет,- Васек усмехнулся.- Этих мы сегодня под корень вырежем. Всех.

- А если земляки приедут?

- А на здоровье. Конечно, приедут. И товар привезут. А кто их тут встречать будет, устраивать, документы покупать? Я буду. Хотят на меня Мусу повесить? Полный вперед. Только что они с дурью будут делать, если я всех здешних толкачей засвечу? А на Запад мимо нас с Абреком дороги нет. Вот так, Васек. Пусть едут. А я им еще счет выставлю. За Кострому, к примеру.

- Ты крут,- усмехнулся Васильев.

- А то!

«Бык» забросал песком костер, надел рукавицы и поволок обгоревшее железо к воде. Петренко и Харлей, вооружившись лопатками, ликвидировали оставшиеся следы побоища.

- Васек, медицинский центр «Одиссей» не под тобой трудится?

- Думаешь, я помню? А что?

- Если он не ваш, то за ними должок.

- Хорошо, узнаю. Большой должок, тезка?

- Думаю, на лимончик бакинских потянет. Хотя вряд ли они сразу платить станут. Сначала придется кое-кому ушки подрезать.

- Я узнаю. А то давай в долю войду. В пополаме, идет?

- Мысль интересная.

- Вот-вот. Короче, я эту тему с Абреком перетру. Если не наши пацаны, мы их реально помацаем.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ЧИСТИЛЬЩИК

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Скромная дверь с бумажной табличкой, скромный кабинетик. Стол, пара стульев, на выгоревших обоях - темный квадрат. Когда-то тут висел портрет Ильича. Временный хозяин кабинета поглядел на пятно, подумал: надо бы попросить заклеить чем-нибудь. Нехорошо.

Избиратель-то в основном пенсионер. А пенсионеры частенько придерживаются большевистской ориентации. Могут подумать: депутат портрет снял. И обидятся.

- Я свяжусь с райотделом милиции, пускай разбираются,- солидно обещал депутат пожилой женщине.- Можете на меня рассчитывать.

Женщина вяло поблагодарила. Не очень-то она рассчитывала. И была права. Ни с кем депутат связываться не станет. А и связался бы, что толку?

- Позовите, пожалуйста, следующего.

«Как у врача в поликлинике,- подумал депутат.- Точь-в-точь!»

Отчасти он был прав, сходство имелось. Как и участковый врач, он оказывал, в основном, фиктивную помощь. Но между депутатом и врачом наблюдалась и существенная разница. В уровне доходов.

Следующий посетитель разительно отличался от предыдущего. И от большинства жаждущих встречи с депутатом. Высокий мужчина лет под тридцать, худощавый, широкоплечий. Решительное лицо, волевой подбородок. Нет, этот не из тех, кто просит.

- Гукин Сергей Семенович?

- Да. Разве на двери не написано?

- Написано,- кивнул посетитель.- Но иной раз на клетке с надписью «слон» обитает совсем другое животное. Вам ли этого не знать, Сергей Семенович!

- Я вас не понимаю,- проговорил депутат, чувствуя, как ладони становятся влажными. От посетителя явственно пахло опасностью, а Сергей Семенович особой смелостью никогда не отличался.

- Неужели? - Молодой человек развернул стул, уселся верхом, положив руки на спинку.

- Однажды,- произнес он,- в вашей жизни имел место случай, когда на месте жертвенного агнца оказался волк. Вернее, два волка. Я был одним из этих волков, Сергей Семенович. И вы передо мной в долгу.

- Я? Хм... Да, верно.

Депутат не мог отвести взгляда от немигающих глаз незнакомца. Сергей Семенович больше не боялся, наоборот, испытывал странное спокойствие. Что-то сродни поросенку, угодившему в лапы льва: сопротивляться бессмысленно, потому беспокоится уже не о чем.

- Мне говорили: вас всех убили...- пробормотал Гукин.

- Не всех,- ровным голосом произнес посетитель.- Нам нужна ваша помощь, Сергей Семенович.

- Да, разумеется,- пробормотал Гукин еще растерянее.- Если смогу...

- Сможете, Сергей Семенович. Мне нужно связаться с теми, кто помог вам выйти на нас.

- Это возможно,- депутат сразу приободрился, откашлялся.- Как мне вас найти?

- Я сам вас найду,- незнакомец поднялся.- И с посредниками я тоже свяжусь сам.
Вынужденная осторожность, Сергей Семенович. Еще не все наши враги получили по заслугам.

«Наши?» - подумал Сергей Семенович и снова ощутил холодок страха. Похоже, сегодня ему без снотворного не уснуть.

- До свиданья... Простите, не знаю, как вас звать?

- Это не важно,- незнакомец улыбнулся. Улыбка у него была приятная.- До свиданья.

- Твою мать! - выругался Петренко.- Ты только посмотри! - Не без труда поддев пальцем, он вытащил из горлышка бутылки кусок тряпки.- Вот пидоры! Нет, ты посмотри!

- Хочешь, чтобы я сблевал? - спросил Васильев, глянув на слизистый комочек.- Можешь вернуть продавцу. Тебе он деньги отдаст.

- Да срал я на деньги! - пробурчал Петренко.- Куда мы катимся, ты подумай? Куда катится Россия? «Балтика-четверка»! Когда-то ведь было классное пиво, ты помнишь?

- Помню,- кивнул Васильев.- Только давай не будем прогнозировать будущее страны на примере пивзавода «Балтика». Возьми лучше «Разина».

- А вот это ты зря! - возразил Петренко.- Как раз такое пиво...

- Он приехал,- перебил Валерий, и Петренко тут же оборвал патетическую речь.

Господин Гукин вышел из машины и направился в подъезд. Его сопровождал телохранитель, который тащился на шаг позади и что-то бубнил. Вместо того чтобы отслеживать вероятного противника.

- Недоумок,- сказал Петренко.- Кого он нанял?

- Это не наши проблемы,- заметил Васильев, спрыгнув с подоконника.- Ладно, я пошел.

Выйдя из подъезда, Валерий демонстративно поднял руки.

- Добрый вечер, Сергей Семенович!

Бестолковый телохранитель ринулся вперед, почти налетел на Валерия... И вдруг отшатнулся. Васильев знал, что произошло. Из полумрака подъезда выдвинулся Петренко: огромная зловещая фигура, руки в карманах, физически ощутимый запах угрозы.

- Добрый вечер...- осторожно произнес Гукин.- Простите, не помню, как вас величать?

- Не знаете,- поправил Валерий.

Бодигард, увидев, что они знакомы, шумно, с облегчением выдохнул. И расслабился. Вот уж точно недоумок!

- Не знаете и, надеюсь, не узнаете. Это бесполезно для здоровья и долголетия. У вас есть для меня новости?

- Да, да...- Гукин нахмурился, вспоминая.- Сейчас...- И, поднапрягшись, выдал телефон.

- Просили не записывать,- виновато проговорил он.
- Я запомнил,- кивнул Васильев.- Большое вам спасибо.
- Пустяки. Если нужно, обращайтесь,- господин Гукин скромно потупился.
- Непременно. Всего хорошего.

Обошлись без рукопожатий.

Петренко вышел из подъезда, словно невзначай, легонько задел бодигарда плечом. Того отнесло метра на три.

- Это кто? - вполголоса спросил бодигард, когда Петренко с Васильевым уже точно не могли его слышать.
- Лучше тебе не знать,- строго произнес Гукин.
- Понял!

Заметно было, что хозяин прилично вырос в его глазах.

- Подъезд проверять? - почтительно осведомился он.
- Сегодня не обязательно,- важно ответил Гукин.- Они наверняка проверили.

В общем, он не ошибся.

- На,- Петренко протянул Валерию трубку.- Звони.
- Сашок! - укоризненно протянул Васильев.
- Да перестань! Наверняка у них мой номер засвечен!
- Если бы только у них, я бы не возражал!
- Ах вот оно... Да, брат, вижу, что в институте кое-чему учат!
- Вот именно, Сашок. Вон автомат, тормозни.

Трубку подняли быстро, но между последним гудком и ответом прошло не менее пяти секунд.

- Я вас слушаю.

Васильев сразу узнал голос, который услышал впервые, когда они с Петренко сдавали ОМОНу ссученных ментов. Эпизод запомнился накрепко. Может, потому что самый первый. В общем-то, Васильев и ожидал услышать этого человека, поскольку именно он «принимал» у них работу в квартире Гукина.

- Я от Сергея Семеновича,- сказал Валерий.
- Васин?

То, что собеседник назвал фамилию, запечатленную на липовом удостоверении, говорило

сразу о трех вещах:

- 1) Васильев просчитан;
- 2) собеседник в курсе самых интимных подробностей деятельности команды Силыча;
- 3) собеседник учитывает возможность прослушивания линии и не хочет подставлять Васильева.

- Нет,- возразил Валерий.- Не Васин - Васек.

- Понятно. Что вы хотите?

- Надо встретиться.

- Когда, где?

- Через тридцать пять минут будьте у станции метро «Достоевская». У выхода снаружи.

По номеру телефона нетрудно определить примерное местонахождение аппарата.

- Где будете вы? - спросил собеседник.

- Я вас узнаю.

- Хорошо,- последовал лаконичный ответ, и трубку повесили.

Никаких дополнительных условий и претензий. Но это еще не значит, что Валерию не устроят капканчик. За тридцать пять минут можно успеть многое. Однако другого пути нет.

- Поехали,- сказал Валерий, садясь в «лексус».- Рискнем слабым здоровьем.

Место он тоже выбрал не случайно. Вокруг своего дома он знал каждую кошачью дырку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Телефонный собеседник появился тик-в-тик. С точностью до минуты.

- Ба! - воскликнул Петренко.- Знакомые всё лица!

- Знаешь его?

- Лепший кореш Силыча!

- Это и я знаю. Кто он такой?

- Вот чего не скажу, того не скажу,- Петренко развел руками.

Васильев огляделся, обнаружил двух мальчишек с повадками мойщиков машин, поманил пальцем, вручил червонец:

- Видите мужика в сером плаще и меховой кепочке? Подойдите к нему и скажите, чтобы он шел дворами на Рубинштейна, а по Рубинштейна - к Невскому. По левой стороне. И - чтоб не

торопился. Запомнили?

- Запомнили,- в один голос подтвердили пацаны.- А он пойдет?

- А вот это не ваше дело!

- А премия будет?

- Пинок под зад будет! - пробасил Петренко.- А ну марш работать, пока уши не оборвал. И без фокусов!

Рык оказался едва ли не эффективней денег. Мальчишки сорвались с места и устремились к цели.

Через минуту кореш Силыча направился в нужном направлении. Спокойно, даже не оглядевшись.

Петренко и Васильев «вели» его порознь, но ничего не заметили.

И потеряли его в третьем дворе.

- Ничего себе! - произнес Петренко, оглядывая улицу.- Как провалился. Короче, ты по той, я по этой!

- Нет,- отрезал Васильев.- Разделяться не будем. Вместе пойдем.

Петренко глянул на него сверху вниз... но возражать не стал.

Не успели они пройти и двадцати метров, как рядом тормознул старенький «форд».

- Братила, слышь, не прояснишь, где тут лялек снимают?

Петренко шагнул к машине, медленно наливаясь яростью, наклонился...

- Слушай внимательно,- негромко и быстро произнес тот, кого они потеряли.- За вами - хвост. Я засек двоих. Один сейчас разговаривает с женщиной у итальянского магазина. Второй, на той стороне, зашел в «24 часа.» Зеленая куртка, вязаная черная шапочка. Проверьте их аккуратно, лучше - не сами. Звоните мне завтра. Говори!

- Ляльку тебе? - зарычал Петренко.- Я из тебя сейчас ляльку сделаю, понял?

- Да ты че, братан, я ж просто спросил!

Дверца захлопнулась, машина отъехала. Петренко повернулся и обнаружил рядом с собой трех милиционеров в бронежилетах, с автоматами.

- Попрошу документы! - лениво, с наглостью произнес один из них.

- А в чем дело? - громко осведомился Петренко, подмигнул и развернул удостоверение, которым его, как и остальных, в свое время снабдил Силыч.

- Нужна помощь,- негромко произнес он.- Только тихо.

- Слушаю, товарищ капитан,- оживился омоновец.

- У итальянского магазина - мужчина разговаривает с женщиной. Видишь?

- Ага.

- Проверьте его. Только аккуратно. Может быть вооружен. А теперь отдай мне документы и пошли подальше. Громко.

- Свободен! - рявкнул милиционер.

Матом все-таки постеснялся.

Петренко кивнул Валерию, чтобы следовал за ним и направился обратно, к подворотне. Миновал первого «хвоста» (тот даже не оглянулся), засек, как второй вышел из магазина, прибавил шаг и нырнул в подворотню, успев заметить, что первый топтун вдруг оборвал свою приятную беседу, двинулся, было, за ним... и тут его стопорнули менты.

Петренко нырнул в подъезд, дверь которого выходила прямо в подворотню. Кодовый замок был выломан. Сквозь дыру можно было без труда вести наблюдение.

Петренко увидел, как мимо прошел Валерий, затем - пожилая женщина. Ее обогнал мужчина в зеленой куртке и вязаной шапочке. Тот самый.

Петренко дал ему фору в тридцать секунд, вышел из подъезда... и столкнулся с тем, кого придержали менты. Вернее, должны были придержать.

Удивились оба. Правда, «хвост» просто удивился, а Петренко удивился активно: врезал топтуну под дых и добавил по шее. Умеренно: не изуверить, а просто притормозить. Уже не маскируясь, Петренко ринулся за вторым «хвостом», догнал, отоварил по башке прежде, чем тот успел что-то предпринять, подхватил со словами:

- Ну ты, бля, и ужрался! Валера, помоги!

Васильев тут же подскочил, подхватил обмякшего следопыта с другой стороны. Ничьего внимания они не привлекли.

Оттранспортировали следопыта в укромную щель, образованную двумя глухими стенами и каменным забором.

Петренко скоренько обшарил клиента, обнаружил пистолет Макарова... и «корочки». Как выяснилось при помощи брелочного фонарика, они захватили в плен некоего Хлопкова, доблестного оперуполномоченного Главного управления внутренних дел. То есть совершили нападение на работника милиции.

- Поздравляю с погружением в полную жопу! - произнес Петренко. И добавил еще несколько слов. Очень эмоциональных и очень нецензурных. Валерий был с ним полностью солидарен.

- Может, его...- Петренко чиркнул ладонью по горлу.

- С ума сошел? Это же мент, а не бандюган!

- Ну и что? Мало, что ли, мусоров на братву вкалывает?

- Не спорю,- согласился Валерий, пристраивая обмякшее тело оперуполномоченного Хлопкова

на деревянном ящике.- Но не думаю, что этот - из тех.

- Те, эти...- Петренко нахмурился.- С чего так решил?

- В кошелек его загляни.

- Уже заглядывал.

- Сколько там денег?

- Ну, около сотни...

- Еще вопросы будут? - осведомился Валерий.

- Ладно, понял. Тогда давай у него спросим, чего за нами таскался.

- Сначала его надо в чувство привести,- резонно заметил Васильев.

- Уже,- сказал Петренко.- Я меру знаю. Так что он уже должен очухаться. Верно, командир?

- Верно,- подал голос неудачливый следопыт.

- Тогда зачем придуриваться? - спросил Васильев.

- Да вот вас послушать хотелось.

- Послушал?

- Да.

- А теперь давай мы тебя послушаем,- произнес Васильев.- А чтобы не было недоразумений... Сашок, дай фонарик! - Он продемонстрировал удостоверение ФСО с золоченым российским орлом.- Ты у нас в каких чинах?

- Старший лейтенант.

- Вот-вот,- кивнул Валерий.- А следил за старшим по званию. Нехорошо!

- Век живи, век учись,- философски отозвался оперуполномоченный Хлопков.- Если бы у меня столько денег было, сколько у вас - контор...

- Короче,- перебил Васильев.- Мы хотим знать: зачем и почему?

- Почему - это просто,- ответил старший лейтенант.- Срисовали тебя у одной очень интересной персоны с красивой погонялой: Васек, а по паспорту Усташев Вэ Вэ. Лично я и срисовал. И заинтересовал ты меня крайне, поскольку ранее нигде не замечался, а вел себя с большим понтом. Поэтому взяли мы тебя аккуратненько под наблюдение. И не зря, поскольку вывел ты нас прямёхонько на разборку с обильным кровопролитием.

- Что вы видели? - быстро спросил Петренко.

- Да все видели,- лениво произнес старший лейтенант.- Километрах в трех от вашего карьера есть высотка, а на высотке - триангуляционная вышка. И с вышки этой в хороший бинокль видно все и подробно. Жаль, только видно, а не слышно.

- Значит, вы вытащили трупы и...

- Не торопись. Никто трупов не вытаскивал.- Старший лейтенант хмыкнул.- Некрофилией мы не страдаем, а «глухарей» у нас и без того хватает.

- Не понял? Вы же все видели!

- Ну и что? - удивился Хлопков.- За погляд денег не берут. Вот если бы мы вас с поличным взяли - другое дело. И то сомневаюсь. Гражданина Усташева уже однажды брали с поличным. И отпустили, поскольку, как выяснилось, задержали его неправильно. С нарушением демократической законности. Лично прокурор нашего славного города-героя позвонил и велел отпустить. Так что не удивлюсь, что и в вашем случае гражданин, вернее, господин Усташев оказался бы вовсе не убийцей, а, к примеру, заложником. Это если с гибкой позиции закона.

- А если с твоей собственной?

Старший лейтенант засмеялся:

- По Али и его отморозкам я плакать не стану. А теперь, мужики, говорите, кто вы такие. Не верю я, что вы - из спецов. Повадки не те.

- Например?

- Не хотите вернуть мне документы и оружие?

- Не хотим! - отрезал Петренко.

- Отдай,- сказал Васильев.- Я ему доверяю.

Петренко фыркнул, но послушался: протянул старшему лейтенанту пистолет.

Момент был критический... Но оперуполномоченный, как ни в чем не бывало, засунул оружие в кобуру.

- Вот теперь можно и пример,- сказал он.- Например, ноги вам делать - никаких проблем. Проверяйтесь, как баба, что к хахалю мимо законного мужа бежит. Это, граждане, факт, который сразу все ксивы перевешивает.

- Ничего,- буркнул Петренко.- Тебя-то с дружкой мы сделали.

- Да ну? А ты оглянись!

Петренко резко развернулся... и обнаружил, что в десяти шагах стоит второй «хвост» и весьма неделикатно целится ему в грудь.

Выждав секунду, второй мент картинно спрятал оружие в карман.

- Твоя правда,- сказал Васильев.- Мы - не спецы. Мы - просто исполнители. Спецы были, но...

- Но?

- Убили их,- буркнул Васильев.- Как я понимаю: арестовывать вы нас не станете?

- Как, думаешь, Веня? - спросил старший лейтенант.

- Думаю, он прав,- ответил второй «хвост».- Но поговорить очень хочется. Вы как, мужики?
- Если на нейтральной территории, то можно и поговорить,- согласился Валерий.- Не против, Сашок?
- Можно,- лаконично ответил Петренко.
- Интересная идея,- согласился Хлопков.- Кто угощает?
- Я,- сказал Петренко.
- Такая вот история,- завершил свой рассказ Васильев и ковырнул вилкой салатик.

Изрядную часть правды он утаил, заменив ее художественным вымыслом. Согласно подправленной версии, их команда занималась физическим уничтожением преступников, а также их имущества: в частности, наркотиков. И деятельность эта велась «не самостийно», как выражался Петренко, а по заданию Государства. Но противник их выявил, и большей части команды уже нет в живых. Остались только они вдвоем, рядовые исполнители. И связей с начальством у них нет. Зато есть очень обиженные бандиты, жаждущие развесить их кишки на заборе.

- А просто прийти в это ваше ФСО и сказать: вот они мы! Не пробовали? - спросил Хлопков, оказавшийся на свету тощим парнем около тридцати лет от роду с длинным носом и неправильным прикусом.
- Попробовали бы,- сказал Васильев.- И нам предложили бы сдать документы, оружие и ждать...
- Пока вас шлепнут,- завершил мысль старший лейтенант.- Как хорошо быть просто ментом, верно, Веня?
- Точно.- Веня, коренастый, с оттопыренными ушами и маленькими глазами-буравчиками, деловито разлил по стаканам водку.- Ну, давайте, мужики...
- Ни хрена! - крикнув и зажевав, заявил Васильев.- Идут они в жопу, начальнички! Сами управимся, верно, Сашок?

Петренко промолчал. Он почти не пил, сославшись на то, что за рулем, и вообще не участвовал в разговоре, представляя Валерию самому плести байки. Не то чтобы Васильеву очень хотелось врать этим ребятам, но... Как иначе выйти из сложившейся ситуации без потерь?

- В розыск вас не давали,- проговорил Хлопков.- Это плюс. Чем мы им можем помочь, Веня?
- Подумать надо. А мы хотим им помочь?
- Я лично - хочу! - заявил старший лейтенант. Лицо у него покраснелось, а голос стал громче. Он накарябал на салфетке номер, протянул Васильеву: - На! Надо - звони, не стесняйся.
- Спасибо,- поблагодарил Валерий.- Как знать, может, и мы вам на что-нибудь сгодимся.
- Лучше не надо,- строго сказал Веня.- Ну, еще по одной!

Набрался Васильев основательно. Настолько основательно, что к Тане Петренко его не повез, а

повез к себе, в двухкомнатную квартиру на Боровой, снятую всего два дня назад и потому безопасную. Завтра им предстоял трудный день. А когда у них были легкие? Давно-о!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

- Кто за вами следил, выяснили? - спросил Николай Николаевич.

Так звали Силычева кореша. Вернее, он так назвался.

- Да,- ответил Петренко.- Менты. Мы им сунули удостоверения, и они отвяли.

Васильев промолчал. Приятель Силыча ему не понравился.

Они сидели в Петренковом «лексусе». Хозяин впереди, Васильев и Николай Николаевич - сзади.

- Почему следили?

- Валера засветился у Усташева.

- Это еще кто?

- Бандит.

- Понятно. Что вам нужно от меня?

Терпение Валерия иссякло.

- Для начала - правду,- жестко произнес он.- А потом - ту суку, которая нас выдала. А сука эта - из ваших!

- Не думаю,- сухо произнес Николай Николаевич.

Некоторое время они смотрели друг на друга в упор.

- Больше никому! - отрезал Васильев.

- О некоторых ваших акциях знали два человека в МВД,- с ледяным спокойствием возразил Николай Николаевич.- Но у меня нет оснований им не доверять.

- А у меня есть! Более того, я не думаю, а точно знаю!

- Хотелось бы знать, откуда у вас такие сведения? Уж не от бандитов ли?

- Именно.

- И вы им доверяете? - брезгливо произнес Николай Николаевич.

«Ему наплевать,- подумал Валерий.- Эта брезгливость - только игра. Аналитический ум, в котором нет места чувствам и эмоциям. Он ставит эксперимент - и наблюдает за результатом».

Бывший ученый, Васильев с ходу улавливал такие вещи.

- Обстоятельства, при которых я получил эту информацию, дают мне уверенность в ней не сомневаться! – отчеканил Васильев.
 - А Виктор о вас очень хорошо отзывался, – неожиданно произнес Николай Николаевич. – Очень перспективно.
 - Какой Виктор? – Васильев удивился.
 - Покойный. Виктор Силантьевич Солохин.
 - Силыч, – сказал Петренко, но Валерий уже догадался, о ком речь.
 - Он говорил: после соответствующий подготовки из вас выйдет отличный волкодав. Не хотите?
 - Что?
 - Поступить на службу. Новое имя, новые возможности, никаких проблем с теми, кто сейчас жаждет вашего скальпа.
- Предложение прозвучало очень искренне и дружелюбно. Но это был еще один эксперимент.
- Спасибо, нет, – холодно произнес Васильев. – Я уже видел, как ваша служба заботится о своих. На примере Силыча.
 - Напрасно вы так, Валерий, – укоризненно проговорил собеседник. – Виктор был моим другом. Если бы не его бзик – уничтожение наркотиков, ваша группа до сих пор успешно работала бы.
 - Не вижу связи между стукачом в погонах и уничтожением дури.
 - Связь самая прямая, Валера. Стукач в погонах, как вы выразились, – это очень дорогое удовольствие. Особенно если звезды на погонах достаточно крупные. А деньги в преступных кругах просто так не тратят. Только когда речь идет о еще более крупных деньгах. Виктор же прекрасно понимал, что его задача: не уничтожение наркотиков, а сокращение их сбыта на территории России и переключение поставщиков на западный рынок.
 - Не понимаю.
 - И очень хорошо, что не понимаете. Здесь затронуты серьезные государственные интересы.
 - Ну да, конечно. Знаете, как русское оружие попадает к чеченским боевикам? Не знаете! И не узнаете. Потому что это – военная тайна.
 - Ага, – сказал Васильев. – Интересы своры воров, ужопившихся в думских и кремлевских креслах! Знаем мы их интересы!
 - Не надо судить так прямолинейно. Президенты приходят и уходят, а мы остаемся. И судьба России нам не безразлична. – Голос Николая Николаевича звучал настолько искренне, что Васильеву пришлось еще раз напомнить себе: это – игра. – Так же, как она была безразлична и Солохину. И Купцову. Вы его знали как Терминатора.
 - Что, Гоша тоже ваш? – вновь удивился Васильев. – Сашок, ты был в курсе?
 - А какая, на хрен, разница? – флегматично проговорил Петренко.

- Видишь, как хорошо выходит. Мы ведь, оказывается, не шкуры свои спасаем, а, можно сказать, Родине служим, а, Сашок? - с иронией произнес Васильев.

- Выходит хорошо,- согласился Петренко.- Знаешь, как в анекдоте. «Как кормят, товарищи солдаты? Хорошо?» Солдаты молчат. «Выходит, хорошо?» - «Выходит-то хорошо,- говорят.- Входит плохо».

Николай Николаевич вежливо засмеялся.

- А у нас и входит хорошо,- сказал Петренко.- Вон, полные лопатники. То-то, брат! Нынче на государственной службе не разбогатеешь. Верно, Николай Николаевич?

- Это точно,- кивнул тот.- Я выполню вашу просьбу, ребята. Насчет информатора. Но с одним условием: вы точно и в подробностях расскажете мне, чем занимались в последние дни и каким образом именно вам удалось уцелеть.

- Никаких условий! - отрезал Васильев.

- Поймите меня правильно, Валерий,- терпеливо произнес Николай Николаевич.- У меня тоже есть руководство. И мы - не гражданская лавочка. Если у меня будут факты о том, что ваша группа продолжает результативно работать, то я с полным основанием смогу оказывать вам поддержку.

- То есть сдать нас очередному стукачу?

- Валерий, даю вам слово: любая информация, которая может вам реально повредить, дальше меня не пойдет.

- Хорошо,- подумав, сказал Валерий. Все равно выбора у него не было. Разве что перерезать собеседнику горло.- Мы договорились. Сашок, ты не против?

- Не возражаю.

Спустя полчаса они высадили Николая Николаевича у метро «Петроградская» и поехали домой к Васильеву. Вернее, в его подвал. Поупражняться в метании острых предметов.

- Забавно,- сказал Валерий.- Я вчера мужикам так лихо врал про секретное задание, а получилось, что и не врал. Сашок, скажи, ты же не первый год всем этим занимаешься?

- Третий.

- Неужели ни о чем не догадывался?

- А зачем?

- Ну... любопытно.

- Любопытному хрен дверью прищемили. Ты своего дружка, Хирурга, не спрашивал: куда Шизу определили?

- Спрашивал. В спецлечебницу. Заплатят за все сами.

- И что дяди доктора говорят?

- Ничего хорошего.
- Жалко хлопца. По мне лучше сдохнуть, чем так.
- Ну, может, еще отойдет...
- Может. Николаича надо подключить. У них там спецы классные.
- Я ему не доверяю. Ладно, он нас вычеркнул. Мы ему никто. Но Силыча...
- Не гони волну. Может, он побольше нашего переживает. В чужую башку не влезешь. У них там свои игры. Ты не бурчи, а радуйся. Мог ведь не поддержку кинуть, а дать команду упырям ихним - и мочканули бы нас на счет два.
- Еще не вечер.
- Как раз вечер. Раз на свиданку к нам сам пришел, а не свинцовую посылочку прислал, значит, проехали.
- Ты предполагал?..
- А ты - нет? Ты меня огорчаешь, Валерик! Это же азбука! Ну, считай, у нас новый день рождения сегодня.
- Перестань. Мало в нас стреляли?
- Много. Но попали только один раз,- Петренко потер красный рубец на черепе.- В этом, браток, разница между спецом и бандюком.
- Мало, что ли, на них спецов работает? - фыркнул Васильев.
- Много,- согласился Петренко.- Только ты вспомни, что вчера было? Слепили нас, как молодых. А это просто менты. Обычные опера. А то - Контора. Если Контора тебя списать решит - все. Сливай воду.
- Если они все такие крутые,- с иронией произнес Валерий,- так почему у нас в стране хрен знает что творится?
- Потому, Валерик, что народ сам выбирает своих героев! - ухмыльнулся Петренко.- И герои его - скорее мы с тобой, а не Николай Николаич со старлеем Нехлопковым. Еще вопросы будут?
- Ты рули,- сказал Васильев.- Чуть «форд» не протаранил.
- Это его проблемы,- отмахнулся Петренко.- А ты все же радуйся, что чаша сия тебя миновала.
- Какая еще чаша?
- Зачистка спецуровская. Помнишь, что Силыч тебе говорил? Ты против них - карась.
- Посмотрим.

Васильев не стал напоминать другу, что в тот раз именно он с Силычем не согласился.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- Мороженое, кофе и пятьдесят бренди,- сказал Васильев.- Тебе точно одно мороженое, малыш?

- Точно,- Таня вертела головой, разглядывая стены, потолок, публику, наряды...

- Пожалуйста,- буфетчица поставила перед Васильевым кофе, улыбнулась чуть естественней, чем требовала профессия.

Таня тут же перестала озиаться, придвинулась к Валерию, недвусмысленно показывая: мой!

Васильев улыбнулся, взял заказанное и увел ее к столику.

- Все бабы на тебя глазеют,- с ревнивым удовольствием заявила Таня.

- Было бы странно, если бы они смотрели на тебя,- шутливо ответил Валерий.

- Надо было одеть юбку покороче,- парировала Таня.- Тогда...

- Надеть,- сказал Валерий.

- Что?

- Не «одеть», а «надеть».

- А какая, на хрен, разница? - обиженно проговорила девушка.

- Разница в том, малыш, что это - филармония. И вести себя здесь надо соответственно. Знаешь, чем отличается кино от театра?

- Ну?

- Кино - это развлечение, а театр - это действие!

- Чего-чего?

- Здесь свои правила, Танюша. Если ты их соблюдаешь, то получаешь куда больше удовольствия. Это особенный мир, который я, например, очень люблю. И люди, которые сюда приходят, должны чувствовать разницу между филармонией и ночным клубом.

- Ага,- фыркнула Таня.- К примеру, тот кабан с рыжей шмарой в брюликах! А то я не вижу, что он чувствует!

- Это его проблемы,- Васильев улыбнулся.- Музыка-то тебе нравится?

- Ништяк,- Таня сунула в рот полную ложку мороженого.- Только очень тихо.

- Не жалеешь, что я тебя сюда привел?

- Не-а! - Девушка засмеялась.- Я, если хочешь знать, с тобой - хоть куда. А ты сегодня прям красавчик!

Валерий взял ее руку:

- Серьезно? - В глазах его прыгали веселые искры.

- Ну! Я ж тебя еще в костюме не видела. Ты, ну как в кино, чесслово!

Валерий не стал спорить. Костюм ему шел - фигура подходящая. Но дело было не в костюме. И не в фигуре. Он знал: занятия боевыми искусствами и постоянное напряжение последнего времени придали его движениям особую хищную пластику, а лицу - жесткую спокойную уверенность. Год назад он выглядел года на два младше, чем на самом деле, теперь - на столько же старше. Походка тигра и взгляд ястреба. Здесь, в знакомом с детства фойе филармонии, он чувствовал себя в безопасности. И вместе с тем, его так и подмывало выкинуть что-нибудь... экстравагантное. Например, выстрелить в люстру.

Попытка удрать из двадцатого века в восемнадцатый не удалась.

Может быть, приди он сюда не с Таней, а с Тиной... Все равно результат был бы тот же. Потому что нет больше молодого и талантливого ученого Валерия Васильева. А кто есть? Вот это ему пока не ясно. Но - будет. Если выживет.

Валерий проглотил оставшийся коньяк и поднялся:

- Пошли в зал,- скомандовал он.- Сейчас антракт кончится.

Следующие два дня Васильев занимался делами бытовыми и профессиональными. Первое выразилось в том, что он освоил свою квартиру на Ленинском: врезал стальную дверь в стальной же коробке, поставил могучий замок, глазок с хитрым изгибом, прикупил кое-какую мебель и утварь. Второе состояло из тренировок в подвале дома на Рубинштейна, полевого выезде за город, пострелять, а также в поддержании полезных контактов: с доктором Алевтиной Голотосербской (горе роялю!) и тезкой-Васьком сотоварищи, подходившим под рубрику «Танцы с волками». Еще он успел съездить в институт и заказать полезный для выживания препарат, погружающий противника в здоровый и длительный сон. Кроме довольно высокого летального порога, препарат имел еще одно полезное свойство. Действие его легко блокировалось другим препаратом, если тот принять загодя. В общем, два дня прошли насыщенно, с пользой и без эксцессов. А вот на третий день...

Вместе с Петренко они заехали на «Апрашку» и закупили всякого железа, необходимого для домашних тренировок. Раз уж Васильев решил перебраться на Ленинский, без тренажеров и макивары не обойтись. Скинули покупки в багажник «лексуса», привезли.

- Ты поднимайся, а я пока разгрузюсь,- сказал Петренко, открывая багажник.

- Может, помочь? - спросил Васильев.

- Иди, сам управлюсь. Чаю поставь.

Валерий вошел в подъезд. Лифт не работал. Старая раздолбанная корзина для мусора! Сам-то Васильев предпочитал подниматься ножками, а не тащиться в провонявшем мочой и горелой пластмассой ящике, а на кнопку нажал для Петренко. Сашок, конечно, бугай здоровенный, но тащить железо на седьмой этаж - удовольствия мало. Ладно, допрет.

Валерий открыл дверь на лестницу. Когда отпустил, дверь грохнула, как выстрел. Васильев поморщился. Каждый раз напоминал себе: закрывай аккуратно. И каждый раз забывал. Сегодня - потому что отвлекся: на подоконнике, глядя в круглое окно, сидел мужчина.

Васильев насторожился, но тут же расслабился. Мужчина не вписывался ни в одну из опасных категорий. Ничем не примечательная физиономия, наивно-туповатый взгляд, заношенные ботинки.

- Земляк, слышь, сигаретки не будет?

- Не курю, земляк,- покачал головой Валерий.

- Ну извини.

Васильев в пять шагов одолел пролет и увидел, что по лестнице навстречу ему, не спеша, беспечно посвистывая, спускается еще один мужчина. Тоже ничем особо не примечательный.

- Добрый день!

- Добрый! - машинально ответил Васильев.

Они разминулись и...

Иголочка-мысль шевельнулась в мозгу. Что-то было не так. Что?

Ответ пришел практически мгновенно. Васильев не слышал шагов. Мужчина мог войти с площадки второго этажа, но все двери на лестницу оснащены стальной пружиной. Такой грох не прослушаешь. Значит, мужчина стоял на площадке. Разумеется, тому могла быть куча совершенно невинных объяснений. К примеру: проверял человек, не забыт ли кошелек?

Васильев поиском невинных причин не затруднился. Опасность? Дальше сработал рефлекс. Валерий присел, одновременно разворачиваясь к возможному противнику. Оп-па! Краем глаза он ухватил направленный ствол. Присев, Васильев оказался вне видимости, заслоненный лестничным пролетом. Поэтому убийца бросился вверх. Васильев мог бы выхватить собственную машинку, но успел засечь короткое рыльце вертикально сдвоенного ствола МСП. Бесшумная и беспламенная игрушка на два выстрела. Очень ценяемая специалистами.

Вместо того, чтобы устраивать дуэль с уже изготовившимся к стрельбе профи, Васильев инстинктивно избрал более верный путь - ринулся вверх по лестнице. Взлетев на полтора пролета - преследователь спешил за ним, но отставал,- Валерий опередил противника уже на целый этаж... И перемахнул через перила!

Вот этого враг точно не ожидал! Пистолет забренчал по ступенькам. Сбитый с ног киллер покатился следом, но сгруппировался и, оказавшись на площадке, проворно вскочил на ноги. Выброшенный вперед указательный палец едва не воткнулся в глаз Валерия. Но не воткнулся, промазал. Васильев ударил одновременно: кулаком в лицо и коленом - пах. Коленом попал. Дальше - сдвоенный удар по ушам, и враг с утробным урчанием (терпеливый, поганец!) повалился на пол и - каков герой! - потянулся за пистолетом.

Валерий пресек движение, врезав каблуком по шаловливой ручонке, пнул убийцу в живот, потом - в поясницу, отчего тот выгнулся назад и перестал прикрывать лицо левой рукой. Следующий удар размозжил противнику переносицу, а четвертый, расчетливый, в висок - окончательно отключил. В воздухе расплылся запах мочи: под непрушливым киллером образовалась лужа.

- Ты чё! Ты чё, мужик! Ты ж его убил, бля! Убил!

Курилка с подоконника. Дрожащие руки, расширенные от ужаса глаза, даже бледность почти натуральная. Одна маленькая неточность: рядовой представитель народа, будучи перепуган, не полезет в драку, если его самого не собираются бить. Наоборот, попытается тихо и незаметно слинять. А ничем не примечательный курилка, напротив, приближался в Валерию. И приближался довольно быстро.

Кулак Васильева прервал движение курилки и обратил его вспять. Врезавшийся спиной в стену (даже не пытался защититься) мужик натурально пустил слюну, скорчился и заблажил:

- Ну ты чё? За что?

Васильев на всякий случай врезал ему еще раз: открытой ладонью по щеке. Курилка даже не сделал попытки уклониться.

- Не бей! - проскулил он.- Не бей меня! - Слезы текли по его щекам, губы дрожали.

«Сейчас и этот обоссется», - брезгливо подумал он.

Выходит, все-таки просто случайный человек.

- Пошел отсюда на хрен! - скомандовал Валерий.- Ты ничего не видел, понял?

Мужик быстро-быстро закивал.

- Понял, не видел, не знаю, ухожу...- Вдоль стеночки отодвинулся от Валерия и ломанулся вниз по лестнице. Грохнула дверь.

Валерий наклонился над потерявшим сознание, обшарил его. Ничего не нашел, кроме пары специальных патронов в кармане и небольшой суммы в потертом кошельке. Что ж, не удивительно.

Васильев выпрямился... и это спасло ему жизнь. Заточка, нацеленная в шею, воткнулась в ягодицу. Давешний мужик-курилка (он уже не прикидывался трусоватым - оскалился, как волчара) выдернул ее, сунул еще раз, целя в печень, но Васильев перехватил руку, рванул, выкручивая сустав, подсел и швырнул противника через спину, продолжая жестко фиксировать не выпускающую заточку руку. Враг грохнулся на пол, рука его хрустнула и, наконец, разжалась. Васильев, не давая ему больше шансов, врезал ногой по голове, и волчара отрубился.

Надо же! Как ловко прикидывался! А как подкрался, подлец! Потрясающе!

Несмотря на то, что едва не лишился жизни, несмотря на набухающую от крови штанину и прыгающее от избытка адреналина сердце, Валерий не мог не восхищаться мастерством противника.

Бухнула внизу дверь. Васильев инстинктивно присел, потянулся за пистолетом... Но это оказался Петренко.

- Ёш твою мать! - удивился он, с лязгом опуская на ступени тяжелую сумку.- Ни хрена себе помидорчики!

Петренко наклонился к лежащим рядышком мужчинам.

- Ха, еще тепленькие! - отметил он.- МСП, ясно, их. А заточка?

- Их,- буркнул Васильев.- Но кровь на ней - моя.
- Тогда изыдем! Куда тебя?
- В задницу,- стыдливо признался Васильев.
- Мякоть?
- Угу.
- Тогда жить будешь. Зажми дырку и шагом марш домой. Еще накапаешь тут.
- Но...
- Давай, брат. Я зачищу. Первый раз, что ли?

Через полчаса Васильев стоял в ванной комнате, а Петренко, обработав его рану антисептиком, зашивал ее шелковой ниткой и попутно докладывал о результатах своего труда.

- Оформил их так: первый выстрелил во второго два раза. Один раз - издали. Сквозное ранение бедра. Второй - в упор, прямо в сердце. А этот, бедолага, чуть раньше перерезал ему горло... Знаешь, чем?

- Чем?

- Пластиковой картой. Я у него в кармане нашел. Хорошая такая карточка, аккуратно заточенная по краям. Первый раз такое вижу, но горлышко вскрыла замечательно. Так что выходит взаимное убийство. Первый стрельнул, второй набросился, выбил пистолет. Некоторое время метелили друг друга, пока первый снова не дотянулся до пистолета, а второй тем временем - чик! - по нежной шейке! А первый, кровью истекая, мужественно шмальнул ему в грудь. И опочил, как говорится. Ну, правдоподобная история?

- Если особо не задумываться. Ты скоро?

- Уже.- Петренко отложил иголку и залепил рану пластырем.- Пока сойдет. Докторше своей позвонишь, она тебя отреставрирует. А насчет моей залепухи не напрягайся. Убийство есть, убийцы тоже в наличии и не отпираются, поскольку трупы обычно молчат. А кто будет возражать? Менты? На хер им два глухаря? Те, кто ребяток послал? Эти и так все поймут. И новых pošлют, не сомневайся. Спецы, бля! Я эту манеру знаю. Пару-тройку лет назад сказал бы: считай, что ты - труп.

- А нынче?

- А нынче времена не те. Нынче офицеры ФСБ за хорошие бабки по телеку на своих командиров стучат: дескать, киллеров из боевых офицеров делают. А начальники их не о безопасности страны беспокоятся, а норовят политических противников на нож поставить. Вот такие времена нынче, братишка. Так что не робей, отбрешемся!

- Совсем недавно ты другое говорил,- напомнил Васильев.

- Так жизнь же течет! - не смутился Петренко.

- Допустим. Принеси-ка мне свою трубочку.

- Николай Николаевич, это Валерий,- сказал он, набрав номер.
- Николай Николаевич вышел,- ответил бойкий женский голос.- Чем могу помочь?
- Ничем,- буркнул Васильев и отключился.
- Вышел! - проговорил он желчно.- Вот сука! «Любая информация, которая может вам реально повредить, дальше меня не пойдет!» - злобно процитировал он.- Надо было его шлепнуть!
- А кто тогда нас на стукача выведет? - осведомился Петренко.

Васильев не слушал, думал о другом.

- Сашок, сколько у тебя бабок осталось?
- Наличными немного. Тысячи три. Но есть еще недвижимость. А что?
- Деньги,- сказал Валерий.- Если за деньги продали нас, то, может, за деньги же продадут и нам, а?
- Интересная мысль.- По физиономии Петренко видно было: расставаться с деньгами ему не хочется.- Тока ты прикинь, во что это встанет. Реально. Не думаю, что у меня хватит. Даже если все мои квартиры продать. Ну, сотни полторы наберем. Или меньше, ведь продавать надо по-срочному. И надо знать, кому давать. И кто будет давать? Ты? Хрен у тебя возьмут, понял?
- Васек поможет.
- Кто?! Тю-ю! Этот поможет! Бабки возьмет, а тебя - чпок! - и на выход! Ты докторше позвонил?
- Она на работе.
- На работу позвони. Жопа твоя, не казенная. Сгниет - обидно будет.
- Ты же залатал.
- Укол все равно надо сделать. И скажи ей, чтобы обезболивающего побольше привезла. Отлеживаться тебе некогда, понял? И сюда ее не зови, отсюда валить надо. Пусть «стрелку» забьет. Мы ее подхватим.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда в заднице лишняя дырка, сидеть очень неудобно. Валерий убедился в этом на собственном опыте. Хотя в «запорожце» его страдания, очевидно, были бы острее, чем в комфортабельной «японке».

Тину они подобрали у метро. И поехали прямо к ней домой. По дороге Петренко и Голотосербская весело болтали об особенностях и преимуществах колотых и резаных ран. С большим знанием дела, хотя Петренко в основном интересовали негативные последствия, а Тина уделяла большее внимание специфике лечения. Ерзающий на плюшевом сиденье Васильев чувствовал себя экспонатом кунсткамеры.

Приехали. Васильев обнаружил, что ходить стало труднее. И болезненнее. Но от помощи Петренко отказался.

К огорчению Валерия, Тинина мама оказалась дома. Но ее принял на себя Петренко. Обходительно поцеловал ручку, осведомился, как такая очаровательная женщина может иметь столь взрослую дочь? Под напором его грубой и откровенно лицемерной лести крепость заслуженного работника советской науки пала, как карточный домик. Петренко предложили чаю, и пара удалилась на кухню. Дребезжащее сопрано и могучий бас слились в дуэт. Бас превалировал.

Васильева Тина увела к себе в комнату.

- Ну, что там у тебя? - рассеянно спросила она.

Валерий молча снял штаны и повернулся.

- Так, так.- Женщина легонько ощупала шов.- Ложись. Извини, но эту штопку придется убрать.

Я должна исследовать рану. погоди, я найду новокаин.

- Не надо,- сказал Валерий.- Я потерплю. Мне полезно.

- Дело твое.

Возилась она минут десять. Васильев мужественно терпел.

- Крови много потерял?

- С полстаканчика.

Тина хихикнула, но тут же вспомнила о своем докторском статусе и посерьезнела.

- Рана пустяковая,- сказала она.- Чистая, ничего не задето. Чем это тебя?

- Нож.

- Хороший нож, острый.

- Я почувствовал,- усмехнулся Васильев.

- Рваная рана хуже заживает,- строго произнесла доктор Голотосербская.- Антибиотик я тебе колоть не буду, только витамины. Зашивать тоже не буду, поставлю три скобки. И повязку сделаю с французской мазью. Заживет через неделю. Только мазь дорогая...

- Ничего, я компенсирую,- сказал Васильев.

- Вот и все,- заявила Тина.- Как ты себя чувствуешь?

- Значительно лучше, чем ожидал,- признал Валерий.- Даже болит меньше.

- Это потому, что в мази есть анестетик,- пояснила Тина.- Эй, больной, вам противопоказаны резкие движения!

- А мы плавненько,- проговорил Васильев, расстегивая ее брючки.- Или пани не хочет? Может,

пани станет утверждать, что не потрахивает иногда собственных пациентов?

- Вы удивитесь, больной, но еще ни разу.

- Что ж, все когда-то бывает впервые,- философски заметил Васильев, располагаясь сверху.

- Не двигайся,- сказала Тина.- Я все сделаю сама.

- Это как?

- Сейчас покажу.

И показала.

- Не вышло,- сказал хриплый тенор.

- Почему не вышло? - властно осведомился начальственный баритон.- Вы же подключили специалистов.

- Да,- согласился тенор.- Но он их убил.

- Как?!

- Грамотно. Очень грамотно.

- Придется повторить,- приказал баритон.

- Да,- согласился тенор.

- И постарайтесь на этот раз не облажаться! - недовольно буркнул баритон.- Конец связи.

Оба собеседника положили трубки. Ровно через двадцать секунд отключился поставленный на автоматическую запись магнитофон.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

- Батя, это я, Валерий, как дела?

- Все в норме. Как у тебя?

- Рассасывается понемногу. У вас еще эксцессы были?

- Да нет. Мои хозяева, как нынче выражаются, перетерли тему. Кстати, фамилия «Горшков» тебе что-нибудь говорит?

- Абсолютно ничего!

- Жаль. Меня спрашивали, какие у тебя проблемы с этим самым Горшковым из Питера. Я сказал: не знаю. Больше мне вопросов не задавали.

- Ты уверен, что вас больше не тронут?

- Сто процентов. Я, конечно, всего лишь автомеханик, но мои хозяева – очень серьезные люди. Виноторговцы. Можешь не беспокоиться. Здесь не Питер. Здесь даже не Россия, к большому моему сожалению. Так что Лена снова учится, а мама ходит по магазинам. Не беспокойся. Главное, Валера, сам не нарвись, слышишь?

- Не нарвусь, батя,- пообещал Валерий.- Я теперь тоже умею яйца отвинчивать. А про Горшкова выясню и, обещаю, мало ему не будет!

- Ладно, ладно,- отец захихикал.- Понял, что ты теперь крутой. Береги себя, мы тебя любим! И если что, всегда примем, запомни!

- Понял, пап, спасибо! Всем привет!

- Ну шо? – спросил Петренко.- Як живэ самостийна Вкраина?

- В украинско-татарской оккупационной зоне Крым все спокойно,- ухмыльнулся Васильев.- Маневры НАТО прошли успешно.

Петренко захохотал.

- Тебе фамилия Горшков что-то говорит?

- Фамилия как фамилия. А что?

- Пока ничего.

Васильев вытащил из автомата карточку, сунул в карман.

- А тебе кто звонил?

- Олежек. Предупредил, что комнату твою пасут.

- Ну, я туда и не собирался. А собирался я с тезкой перемолвиться.

- Без меня.

- А что так?

- Не нравится он мне. Подбросить?

- Давай.

Высадил его Петренко за квартал. Офис господина Усташева у ментов под наблюдением, и можно предположить, что не только у них. Так что нечего Петренке светиться.

- Присаживайся,- добродушно предложил хозяин.- Есть о чем потолковать. Выпьешь?

- Попозже. Какие новости?

- Интересные. Пощупали мы вашего «Одиссея». Посредством службы безопасности большого человека.

Васильев хотел уточнить, кто ходит в больших людях у авторитета Васька, но воздержался. Успеется.

- И определили, кто там мазу держит. И оказалось, не кто иной, как сам Горшок.

- Горшок? - Брови Васильева взлетели вверх. Надо же какое совпадение!

- Угу. Господин Горшков собственной персоной.

Надо же, какое совпадение!

- А кто он? - стараясь не выказать волнения, осведомился Васильев.

- Депутат Законодательного собрания,- Васек хихикнул.- И дружок покойного Костромы. Можно сказать, соратник по партии. «Трудовой фронт России». Слыхал?

- Я в политике не очень.

- Зря, тетка, зря! Политика - это не просто большие бабки. Это очень большие бабки. Так вот, Горшок, прослышав, что Кострома убыл туда, откуда не откидываются, сунулся, хрен моржовый, поиметь его хозяйство. Но, прознав, что предстоят разборки с азерами, приссал. А может, решил, что дело того не стоит. Связи у него крутейшие. Но это не главное.

- А что главное?

- А то, что мой босс на Горшка зуб точит. И велел мне, если что, взлохматить Горшку шерсть на жопе. Ёшь твою мать, как ты мне, тетка, одного его кореша напоминаешь! Один в один, в натуре!

- Может, мы - родственники? - ухмыльнулся Васильев.

- Да нет! Фотокарточки у вас разные, но повадки...

- Ладно,- сказал Валерий, не желая углубляться в подробности.- Был бы человек хороший, и ничего, что погода не летная.

Снайпер сидел напротив приоткрытого окна: винтовка на упоре, руки отдыхают. В комнате было холодно. Снайпер караулил уже вторые сутки. Холода Снайпер не боялся. Это даже хорошо, что холодно. На холоде трупы дольше сохраняются. Трупов в комнате было два. Один принадлежал хозяину квартиры, беспробудному пьянице. Второй - его собутыльнику. Третьим собутыльником был Снайпер.

Квартиру ему вычислили заранее. Сначала он определил примерную позицию, затем толковый человек с правильными документами сходил к участковому и выяснил, кто проживает в указанных квартирах. То же самое можно было сделать и в ЖЭКе, но в ЖЭКе не могли бы охарактеризовать самих проживающих.

Изучив список, Снайпер остановился на Березкине Павле Ивановиче, сорок второго года рождения, прописанном совместно с сыновьями, один из которых пребывал неизвестно где, а второй отбывал срок за хулиганство.

Далее Снайпер работал по привычной схеме. Познакомился с Березкиным и его приятелем, предложил «на троих». Предложение было принято с охотой. Пить Березкин по собственной инициативе предложил у себя.

Спустя три часа хозяин и его приятель скончались от быстродействующего яда, который Снайпер добавил в водку. Еще через час Снайпер встретился с помощником и принял у него

орудие труда - снайперскую винтовку «Винторез», обеспечивающую поражение живой силы, защищенной бронежилетами первого и второго уровня защиты на дальностях до четырехсот метров, оснащенную оптическим прицелом и специальным, охватывающим ствол глушителем. Длина винтовки была менее девяноста сантиметров, а вес - около трех килограммов. Существенно меньше, чем у СВД, которую Снайпер использовал для более удаленных целей. Кроме винтовки Снайпер взял с собой сумку со всем необходимым для автономного существования в течение трех суток. Впрочем, если бы потребовалось, Снайпер мог провести в засаде и большее время. Скажем, неделю. Но по имеющейся у него информации, объект обычно появлялся не реже, чем раз в два дня. Вчера он не пришел, значит, придет сегодня.

Чтобы просидеть неподвижно даже пару часов, нужно сначала долго тренироваться. Чтобы ждать сутки, причем не просто ждать, а вести наблюдение и ни в коем случае не проглядеть среди сотен прохожих одного-единственного человека, причем не только выделить его, но и произвести два прицельных выстрела, требуется погрузиться в особое состояние. Этому тоже учат там, где учили Снайпера. Он хорошо учился. А за двенадцать лет службы приобрел значительный практический опыт. И за четыре года самостоятельной работы (после расформирования их спецподразделения) - тоже.

Щелчок замка Снайпер услышал на тридцать пятом часу ожидания. Он удивился, но не более. Медленно и осторожно он поднялся, достал нож.

- Батя, ты дома? - донесся из прихожей мужской голос.

Снайпер переместился к дверям.

Должно быть, вернулся один из сыновей хозяина. Младший - после отсидки, или старший - из неизвестных мест. Это было неприятно, но поправимо. К двум трупам прибавится третий.

Дверь распахнулась, и Снайпер нанес быстрый и точный удар в грудь нежданного гостя...

На его беду гостем оказался не младший сын, а старший, по досадному для Снайпера стечению обстоятельств оказавшийся профессиональным военным, инструктором рукопашного боя, всего лишь сутки тому назад покинувший зону локального военного конфликта и потому еще не успевший выйти из состояния «войны».

Нож Снайпера, не ожидавшего грамотного сопротивления, был перехвачен и тут же вогнан по самую рукоять в живот хозяина.

Снайпер скончался через четыре часа на операционном столе, разумеется, не дав никакой информации правоохранительным органам.

Но на подоконнике осталась винтовка, наведенная на подъезд противоположного дома, и эта информация уже через час стала достоянием большинства посетителей распивочной неподалеку от Пяти Углов. В том числе и соседу Васильева Афоне, который охотно поделился ею с Валерием, недоумевая: кого же из проживающих у них в подъезде выцеливал Снайпер?

Пожалуй, Валерий мог бы ответить на его вопрос. Но воздержался.

Вечером он позвонил Петренко.

- Саша,- сказал он.- В доме напротив обнаружили снайпера.

- Какого снайпера? Давай конкретно!

Васильев выдал все, что узнал от Афони.

- Да...- протянул Петренко.- Кое-кому везет.

- Кое-кому пора переходить к ответным действиям,- жестко произнес Валерий.- Кстати, ты не хочешь купить вторую машину? Попроще?

- Можно,- согласился Петренко.- Как твоя задница?

- Жить не мешает, только сидеть.

- Ну, сидеть мы с тобой не будем! - Петренко хохотнул.- Разве что в виде могильных памятников!

- Согласен,- сказал Васильев.- На чужих могилах.

Слова о том, что не худо бы обзавестись запасной тачкой, Петренко воспринял как руководство к действию. Через два дня представил Васильеву новое средство передвижения.

- Ну как? - самодовольно пробасил он, похлопывая средство по капоту.

Автомобиль, грязно-серая «Волга», явно знавал лучшие времена. Неровная краска, помятая дверца, крыло с проглядывающей местами грунтовкой. С точки зрения неприметности - идеально. А в остальном?

- Она не развалится?

- Шуткуешь? - ухмыльнулся Петренко.- Машина - зверь! Девять с половиной штук отдал!

- За это?!

- А то ж! У ней от «Волги» - только железо. И то усиленное. Движок «мерсовский», диски керамические, тяга, коробка, каждый шпунтик отлажен и подогнан. Правда, тяжеловата, но до ста шестидесяти я ее разгонял без проблем. Зато джип таранить можно! Нет, своих бабок она стоит! Мужик, у которого я ее взял, уже одиннадцатую продает.

- Тебе ездить,- сказал Васильев.- Тебе видней.

- Ну! - Петренко явно огорчился. Он ожидал похвалы.

- Вообще, ты молодец,- утешил его Васильев.- Тачка идеальная.

- Вот и я говорю! На вид ей лет двести, а бегают... Садись, короче. Сейчас я тебе покажу класс!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Телефон пиликнул, и Васильев поднес трубку к уху.

Тишина.

- Кто это? - недовольно спросил он.- Таня?

- Нет,- произнес мужской голос.- Неправильно. Оценка - два.

Теперь молчал Валерий. Голос был ему не знаком. А номер телефона имелся всего у четверых: Тани, Петренки, Олежка и отца. Даже Тине он его не давал.

- Не узнал,- удовлетворенно произнес голос.- И не узнаешь. А девушка у тебя смелая. Чуть меня не подстрелила. Хочешь ее послушать?

- Нет! - отрезал Васильев, уже понимая, что произошло.

- Валера! Валер...- зазвенел в трубке Танин голос. И оборвался.

- Ну как? - осведомился неизвестный.

- Если ты ее тронешь, сдохнешь! - рявкнул Васильев.

- Все так говорят,- со смешком отозвался собеседник.- А она симпатичная!

Васильев ничего не сказал. Что тут скажешь? Собака лает - ветер носит. Не грозить надо, а глотку рвать.

- К сотрудничеству готов? - осведомился неизвестный, по-своему истолковав его молчание.- Готов, если не дурак. Тогда слушай меня. Через два часа приезжай на станцию метро «Купчино». Выйди, поверни направо и иди через пустырек.

- Дальше что?

- Дальше мы тебя найдем. И без фокусов, ясно?

- Ясно,- буркнул Васильев.

- Ты, главное, не балуй,- еще раз предупредил собеседник.- Иначе девушку твою... Сам понимаешь.

- Понимаю,- ответил Васильев и отключился.

Понимал он все замечательно. Придет он на пустырек, и возьмут его элементарно, как «Чупа-Чупс» из коробочки. А то и попросту шлепнут, чтобы не возиться. И Таню тоже.

Все это Васильев понимал, но знал: пойдет. Потому что бросить Татьяну просто никак не может.

«Думай»,- приказал он себе, сворачивая с Московского проспекта в арку.

Первое: времени у него - два часа. Нет, уже час пятьдесят семь. Второе: кто? Кто его враги? Проанализируем:

неизвестный предатель;

Грустный;

Депутат Горшков;

Николай Николаевич;

кто-то еще.

Валерий сел на облупившуюся скамейку, взгляд тупо уперся в остов детской горки.

Да, исчерпывающий список. Особенно если учесть последний пункт.

Некто, кому нужен скальп Васильева, отследил его связи, вычислил Татьянину квартиру, послал людей. И взял ее достаточно грамотно, поскольку «чуть», но не подстрелила. Этот некто почему-то выбрал обходной путь, вместо того чтобы напасть на самого Валерия. Почему?

Три варианта ответа:

не смогли выследить Васильева, но по косвенным данным установили Таню;

выследить выследили, но самого Валерия после двух проколов нахрапом брать опасаются;

сработал случайный фактор, например: кто-то видел их вместе, кто-то, знавший Татьяну.

Наименее вероятной представляется первая версия. Вторая? Похоже. В конце концов, некие спецы уже дважды пытались его убить, и обернулось это для них летально. Да и не так просто до него добраться. Машины, под которую можно сунуть бомбу, у Валерия нет. Постоянных маршрутов, которые так любят киллеры, – тоже. А главное – у его противника нет времени. Третий вариант обдумывать бессмысленно, поскольку ничего нового он не дает.

Тогда возвращаемся в первому вопросу. Кто дал команду? И что предпринять? Прийти на «стрелку» и попытаться обменять себя на Таню? Глупо. Взяв Васильева, противник может запросто избавиться от девушки. Кому она нужна? Попытаться отбить ее силой? Сомнительно. Во-первых, не факт, что она там будет. Во-вторых, даже если будет... Даже когда заложников освобождают специально обученные командос, сплошь и рядом освобожденными оказываются трупы. А Васильев, даже при поддержке Петренко, даже если удастся заручиться помощью, скажем, Васька, – не антитеррористическая бригада. Правда, заложника можно обменять. Например, на деньги и вертолет. Или, что более интересно, – на другого заложника. А идеальным обменным материалом является именно тот, кто дал команду: взять! Итак, снова – кто? Из четверых кандидатов трое отпадают. Неизвестный чин – потому что – неизвестный. «Кто-то еще» – по той же причине. Николай Николаевич? Номер телефона, по которому звонил ему Валерий, не значится ни в одном из справочников. Даже в базе данных ЦАБ. Значит, до стража государственности не добраться. По крайней мере за оставшиеся два часа. Остаются двое: Грустный и Горшков. Кто из них?

С ходу на этот вопрос не ответишь.

Валерий встал со скамейки, покинул двор, вышел на проспект, остановился. Да, с ходу не ответишь, но есть некто, способный подсказать.

Опасаясь, что мобильник может прослушиваться, Валерий подошел к автомату.

– Васек, это тезка.

– Здорово! Проблемы? – удивительное чутье у господина Усташева.

– Да. Скажи, ты с Грустным беседовал?

– Не понял? – Васек, похоже, слегка обиделся. – Я ж сказал: перетру! – заявил он сердито. – Я за

базар отвечаю, запомни!

- Извини. Я хочу спросить: как он воспринял?

- Как? Опечалился! - Васек хохотнул.

- Да неужели? - Валерий попытался подстроиться под тон собеседника.- А как опечалился? На понтах?

- Какие понты? - удивился Васек.- Кто он, а кто мы! Забудь. Какие у тебя проблемы?

- Наехали,- лаконично ответил Валерий.

- Кто?

- Вот это я и выясняю.

- Сам цел?

- Естественно. У меня к тебе такой вопрос, тезка: ты можешь мне Горшкова найти? Только очень быстро!

- А чего его искать? - удивился Васек.- Его моя наружка пасет. В офисе он.

- Охрана мощная?

- Как у Клинтона. Он без четырех бодигардов срать не сходит! И бодигарды у него реальные. Такие туши! Я туда человека послал: присмотреться. Тот сказал: дело дохлое. Разве что из базуки. Когда Горшок выходит, они улицу секут во всю длину. А с другой стороны - парк. Бесплезняк, короче! Если хочешь его грохнуть, даже и не пытайся.

- А где его офис?

- На Таврической. Хочешь с ним побазарить? Не советую.

- Не о чем нам базарить! - отрезал Васильев.

- Значит, все-таки грохнуть? Есть идеи?

- Есть. Но нужен он мне - живой.

- Офуел?

Удивил Валерий господина Усташева, очень удивил.

- Ты мне адрес скажи,- потребовал Васильев.- А дальше я сам разберусь. Не в первый раз.

- Бля! - задумчиво изрек Васек.- Я и забыл, как ты умеешь. Только учти: Горшок в три раза круче Костромы и в десять раз ссыкливей Мусы.

- Учту,- перебил Васильев.- Адрес давай. У меня счетчик тикает.

- И сколько натикало? - поинтересовался Васек.

- На пару жизней.

- Ладно, запоминай...

Через двадцать минут Васильев уже любовался названным домом. Хорошим домом, старинным, с балкончиками, лепкой, стрельчатыми изящными окнами, из которых открывается вид на Таврический парк.

Как явствовало из бронзовых табличек на центральном подъезде, внутри располагались страховая компания, филиал банка и фирма с загадочным названием «Елпекс электро». Стоянки не было, и гладкие туши иномарок тюленями выползали на тротуар.

Тренькнула трубка.

- Мы на месте,- сообщил Петренко. И уточнил: - На углу Суворовского.

- Иду,- ответил Васильев.

- Ах ты лапонька! - Здоровенный бандюган стиснул Танину ногу.- А что у нас там запрятано? - Лапа полезла под халат. Таня рванулась и замычала, но привязали ее качественно. И кляп-тряпку зачихнули чуть ли не в самое горло.

Будь неподалеку Петренко, он непременно узнал бы в бандюгане того, кто так удачно смылся от него в клинике «Одиссей».

- Прекрати, Мирон,- сухо произнес усатый, тот, что выбил у нее пистолет. Этот на бандита не походил. К сожалению. В Мирона она бы не промахнулась.

- Да ладно, Машина! - буркнул Мирон.- Она тебе кто? Жена?

Но руку убрал.

- Выйди,- негромко сказал усатый.

- Много на себя берешь,- проворчал Мирон.

Усатый молчал. Выразительно молчал.

Недовольно бурча, толстошей Мирон встал и вышел из кухни, а усатый уставился на Таню. Причем ее голые коленки его абсолютно не интересовали. Глаза у него были - как кусочки тусклого стекла. Он не держал обиды за то, что Таня в него стреляла. И ударил он ее только один раз. В самом начале. Но он был - страшный!

- Я знаю, ты больше не будешь кричать,- сказал он и выдернул тряпку у нее изо рта.

И Таня не стала кричать. Она старалась не смотреть на усатого. Прислушивалась к звукам на улице, к храпу папаши за стенкой (вкололи какую-то дрянь), негромким голосам в ее комнате. Там шел обыск.

- Он приедет? - спросил усатый.

- Он тебя убьет,- резко сказала Таня.

Усатый чуть заметно усмехнулся. Он не боялся. И хотел, чтобы она тоже это знала.

- Нет, это я его убью,- сказал усатый.- Не знаю только, сразу убью или сначала захочу

поговорить.

- Это ты его не знаешь! - выкрикнула Таня.- Ты думаешь, ты первый, да? Ты думаешь...

Усатый хлестнул ее по щеке. Не очень сильно, для остратки.

- Я не думаю,- произнес он, когда девушка умолкла.- Я знаю. И знаю, что тебя уже брали в заложницы. Но сейчас есть одно очень важное отличие.

- Интересно, какое? - с вызовом спросила Таня.

- Я,- ответил усатый и усмехнулся.

- Главное,- сказал Валерий,- это сработать ритмично. Как только вылезет первый бодигард, уколется. Как только выйдет сам - двинетесь вперед. Близо не подходите, ветер и без вас справится. Разбили ампулы, и у вас, пацаны, будет ровно тридцать секунд, чтобы исчезнуть с глаз. Через тридцать секунд они начнут падать, а я рвану заряд. Когда я его рвану, ты, Сашок, аккуратно выкатываешься из-за угла, а Олежек отстреливает шоковую ракету. И - ходу! А мы, если все идет гладко, подбираем клиента и тоже сваливаем.

- А если не гладко? - спросил Олежек.

- Управимся,- пробасил Петренко.- Ты, хлопец, главное - не волнуйся! Гарик, у тебя пушка с собой?

- А то как же!

- Дай сюда!

- Это еще зачем?

- А затем, что на взрыв да ракету сюда через пять минут столько моторных хлопцев сбежится, что не протолкнуться будет. Район, сто процентов, оцепят. Если тебя обшмонают...

- А если тебя? - поинтересовался Гарик.

- Меня - нет,- ухмыльнулся Петренко.- Мы уже в другом районе будем. Давай сюда, не бойся. Не сломаю.

Парнишка нехотя отдал пистолет. Вернее, револьвер. Девятимиллиметровый «Смит-и-Вессон М-60». Небольшая, но достаточно смертоносная игрушка в полкило весом и длиной с ладонь.

- Где взял? - поинтересовался Петренко.

- Нашел! - сердито ответил Гарик.

Васильев вручил им по ампуле и один заправленный шприц на двоих.

- По кубику на нос,- сказал он.- Уколоться сумеете, СПИДом не болеете?

- Сделаем,- буркнул Гарик.- Не шелести.

Разлука с револьвером испортила ему настроение.

Когда сопровождаемый охранниками господин Горшков покинул здание и направился к лимузину, до срока, назначенного похитителями Тани, оставалось пятьдесят пять минут. Васек не соврал: Горшкова опекали плотно. Четверо бодигардов, суммарным весом не менее полутонны, полностью закрывали его от посторонних взглядов. Кроме того, еще один, пятый, оставался в дверях, цепко сканируя прилегающее пространство. Шестой и седьмой контролировали дорогу.

- Отдай! Отдай, сука такая! - раздался пронзительный вопль.

Двое мальчишек, один постарше, другой - помельче, неслись через дорогу. Старший впереди, размахивая связкой ключей. На тротуаре он остановился, помахал ключами:

- Козлик! Ме-е-е! - издевательски проблеял он.

Младший попытался выхватить ключи, но ему не хватило роста. Старший сорвался с места и побежал дальше. Младший - с воплями - следом.

Все семеро охранников видели... И ничего не заметили.

До лимузина они не дошли каких-нибудь десятков шагов.

Первым, как ни странно, осел самый крупный. Но у остальных не было времени удивляться, поскольку через пару секунд все они, включая и клиента, живописно разлеглись на асфальте.

Трое остальных, как по команде, выхватили оружие, двое завертелись, высматривая цель, третий бросился к упавшим...

Васильев нажал кнопку, и закрепленный на стволе старого тополя заряд лопнул с оглушительным треском. Дерево медленно накренилось и рухнуло на дорогу, перегородив проезд.

Петренко сунул в уши затычки и рванул с места. Васильев просто заткнул уши, едва услышал хлопок.

Душераздирающий визг пробрал до самых костей. Если уж Васильеву, в салоне машины, с зажатыми ушами, мало не показалось, то каково было тем, кто снаружи?

Им было неважно. На несколько секунд они полностью вышли из игры. Как и обещал изготовитель ракеты.

Петренко притормозил, Васильев выскочил из машины, схватил под мышки обмякшую тушу господина Горшкова, поднатужился (тяжелый, кабан!) и втянул в машину. «Волга» тут же рванула с места.

Кажется, кто-то сумел выстрелить ей вслед, но все равно не попал.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ни одна из случайностей, которым свойственно ломать самые тщательно продуманные планы, не произошла. И тем не менее они опоздали. Даже виртуозное мастерство Петренко не спасало от «пробок» и отвратительных дорог родного города. Оставалось надеяться, что вторая сторона проявит терпение.

Петренко припарковался за автобусной остановкой. Под запретным знаком. Уж больно хорошая позиция.

Господин Горшков спал сном младенца: посапывая и пуская слюни. Выглядел он настолько невинно и добродушно, что казалось странным: почему этакое сокровище столь неусыпно охраняли?

Васильев вылез из машины, но на пустырь не пошел, прохаживался туда-сюда с беспечным видом. Наверняка вторая договаривающаяся сторона держит станцию под наблюдением. Сам Валерий очень рассчитывал на Петренко, который из окна «Волги» сканировал местность с помощью мощного бинокля. Хотелось верить, что он заметит снайпера раньше, чем тот нажмет на спусковой крючок.

Из-за угла вышел милиционер и энергичной походкой устремился к машине. Васильев в очередной раз оказался перед дилеммой: удостоверение или деньги?

Оказалось, ни то ни другое. Оказалось, блюститель порядка не относится к госавтоинспекции, а принадлежит совсем к другой категории работников.

- Ты Васильев? - деловито спросил он.

- Нет, - тут же ответил Валерий. - А в чем дело?

Милиционер, младший сержант, выпятил губу, с сомнением и строгостью оглядел Васильева, наконец, решил не заморачиваться:

- Тебе велено спуститься вниз вместе со мной.

- Кем? - спросил Васильев.

- Чего - кем?

- Кем велено? - Он постарался, чтобы в голосе прозвучало максимум пренебрежения. Кто бы ни были похитители, а они наверняка навели о нем справки. Имидж, который он на себя накручивал все последнее время, должен уже работать. Имидж простой: «Я ни перед кем не прогибаюсь и никому не спускаю. Но договориться со мной можно».

Васильев уже не раз убеждался: его противники предпочитают действовать наверняка. Если бы ему после каждого блефа приходилось предъявлять карты, этот крутой стиль не годился бы. Но Васильев уже доказал, что не укладывается в схему и выходит победителем, когда все уже решили, что он проиграл.

Младший сержант думал. Он мог проявить настойчивость, но уж больно неприятный взгляд у этого «не-Васильева». Совсем отмороженный взгляд.

Ничего не сказала золотая рыбка. Милиционер повернулся на каблуках и так же деловито отправился в обратный путь.

- Стой! - скомандовал Валерий, и милиционер замер. Видимо, сработал рефлекс. Валерий усмехнулся.

- Пошли, - сказал он. - Поглядим, кому понадобится Васильев.

Они спустились вниз, в переход. Только что прибыла электричка, и загородный народ,

обремененный поклажей, бурлящим потоком тек через тоннель. Сержант уверенно устремился против течения, энергично отпихивая и покрикивая. Васильев двигался в кильватере. Сержант остановился у железной двери в стене.

- Здесь,- сказал он.- Давай стучи! - И отбыл с явным облегчением.

Васильев постучал. Результат оказался неожиданным.

- Стоять тихо,- негромко произнесли у него за спиной, и что-то твердое уперлось в затылок. Одновременно его аккуратно взяли за рукава куртки слева и справа, окончательно лишив возможности маневра. Трое. Нет, четверо. Четвертый изнутри распахнул железную дверь. За ней оказалась обычная подсобка. Стол, скамья, ведра, разное барахло...

- Вперед,- твердый предмет надавил на затылочную впадину Валерия, рукава его куртки отпустили... И совершенно напрасно! Потому что он тут же прыгнул вперед, кувырком ушел в сторону, увернувшись от того, кто открывал дверь, нырнул в щель между столом и скамейкой, успел углядеть на бетонном полу зеленый осколок стекла, подхватил его и, привстав, наработанным движением метнул в лицо того, кто держал пистолет. Тот уклонился, осколок разодрал щеку другого, стоящего позади, Васильев подхватил стол за железные ножки, выбросил вперед, как щит, углом ударил в лицо того, кто открыл дверь (парень опрометчиво полез в карман), услышал двойной хлопок, лязг затвора, стол рванулся из рук, приняв на себя предназначавшиеся Васильеву пули. Валерий, боком, швырнул стол в открытую дверь. Противники, выказав отличную реакцию, отпрыгнули в стороны. Не стол их напугал, ясное дело, а то, что Васильев мог пустить в ход более серьезное оружие. Стол угодил в какого-то совершенно не причастного мужика, издавшего отчаянный вопль. Нападающие замешкались. Их было трое, и каждый рассчитывал, что инициативу проявит другой. Мгновения замешательства Васильеву хватило. Он схватился за дверную ручку, рванул ее на себя и тут же задвинул засов, которым кто-то предусмотрительно снабдил дверь. Следующим движением он вlepил в пах последнему противнику, и тот надолго погрузился в собственные ощущения.

Выхватив из кармана телефон, он, не очень надеясь (зная, что в метро, например, сотовая связь не работает), набрал номер Петренки.

Повезло, вызов удался.

- Сашок, быстро уезжай! - сказал он.

- Понял,- Васильев услышал, как рыкнул двигатель.- Ты в порядке?

- Пат,- сказал Валерий.- Им до меня не добраться, а мне - не выйти.

- Ты где?

Валерий объяснил.

- Нормально. Что от меня требуется?

- Просто будь неподалеку и жди. Я договорюсь.

- Ладно, удачи!

Петренко отключился.

Васильев пошарил взглядом вокруг: рабочая подсобка, никаких загадок и тайников. И Тани здесь нет, как это ни печально. Зато есть моток тонкой стальной проволоки.

Валерий оторвал руки страдальца от причинного места и скрутил их у бедняги за спиной. Обыскал. Добыча оказалась богатая: пистолет ТТ с запасной обоймой, нож-выкидушка, «труба», пачечка рублей, ключи и прыскалка от дурного запаха изо рта. Под низким потолком проходила полуторadioймовая труба. Васильев перекинул через нее проволоку, изготовил с помощью плоскогубцев затяжную петлю. Его пленник, частично оклемавшийся, взирал на приготовления без всякого энтузиазма. Он был прав. Закончив с петлей, Васильев накинул ее добру молодцу на шею, подтянул, вынудив сначала просто встать, а потом встать на цыпочки, – и закрепил второй конец на дверной ручке. Столь изысканный способ хранения военнопленных он придумал не сам – видел в каком-то фильме. Пленник стоял на носочках, и физиономия его была невесторженная. Последствия удара по тестикулам не проходят быстро. Бедняга страдал, но держался мужественно. Даже не ругался.

Васильев перевернул ведро, уселся напротив.

– Ножки скоро устанут, – добродушным голосом произнес он. – А петелька затяжная. Говорят, некоторые до трех часов так простоять могут. Как думаешь, на сколько тебя хватит?

Пленник молчал. То ли понимал, что вопрос – риторический. То ли придерживался известного правила: откроешь рот – потом не закрыть.

– А говорят: профессионалы умеют проигрывать, – продолжал Валерий. – Ты профессионал или любитель?

Снова молчание.

– Собственно, мне от тебя ничего не нужно, – жизнерадостно провозгласил Васильев. – Я все и так знаю. Тем более что хозяин ваш по кличке Горшок сейчас мирно спит под присмотром моего человека.

По мимолетной гримасе пленника Васильев понял: туз все-таки оказался козырным.

– А ты как думал? – усмехнулся Валерий. – Вы меня обижаете, а я горько плачу? Нет, братишка! Когда меня обижают, я не плачу. И не обижаюсь. Я убиваю, понял? – Он резко поднялся и толкнул пленника в грудь. Тот пошатнулся, с трудом удержал равновесие. На лице его отразился ужас, когда стальная проволока сдавила горло.

Васильев сжалился, ослабил петельку.

– Телефончик мне скажи, – ласково произнес он. – Хочу с дружками твоими потолковать. Будем ченч делать. Знаешь, что такое ченч?

– На меня они твою девку не поменяют, – хрипло проговорил пленник.

– Да кто говорит о тебе? – удивился Васильев. – Я же сказал: у меня ваш хозяин. Я, конечно, не считаю, что он стоит моей девушки, но сам-то он наверняка другого мнения.

Снаружи о дверь что-то лязгнуло.

Васильев прикинул: если подручные Горшкова вознамерились рвануть дверь, кто им помешает? Народ из подземного перехода удалить нетрудно, небольшой фугасик вынесет дверь

запросто. И заодно размажет по противоположной стенке Васильева и его недобровольного соратника по заключению. Видно, такая же мысль пришла в голову и пленнику. Крутой, не крутой, а жить все равно хочется.

- Звони,- прохрипел он. И продиктовал номер.- Спроси Машину.

- Кого? - немного удивился Васильев.

- Машину.

Ради разнообразия Валерий воспользовался трофейной «трубой». Пусть неудачник платит!

Под дверью продолжали возиться.

- Как моя девушка? - поинтересовался Валерий.

Машина (судя по голосу - давешний собеседник) даже не спросил, с кем говорит.

- Мой начальник у тебя?

- Нет. У меня только твой подчиненный. А пахан твой - далеко. И под надежной опекой.

- Готов меняться,- сразу перешел к делу Машина.

- Ой ли? А я не готов! - Васильев засмеялся.- Кстати, там твои ребята не кумулятивный зарядец мастрячат?

- Обижаешь! Сейчас мы выжжем аккуратную дырочку...

- Погоди минутку...

Васильев открыл свой телефон, набрал номер Петренко.

- Сашок, слышишь меня? Если тебе не трудно, отрежь господину Горшкову правое ухо.

- Эй! Ты что? - обеспокоился Машина.

- Погоди минуту,- попросил Васильев. И, уже обращаясь к первому собеседнику:

- Скомандуй своим молодцам отойти от дверей и не делать резких движений.

- Если ты его убьешь, твоей девушке будет очень-очень плохо! - предупредил Машина.

- Кто говорит об убийстве? - удивился Васильев.- Просто мой друг обстругает его немного. Уши, пальцы, еще что-нибудь интересное...

- Имей в виду: то же самое сделают с твоей девушкой!

- Чему быть, того не миновать! - беспечно произнес Васильев.

Малейший намек на то, что его действительно беспокоит судьба Танюшки - и инициатива перейдет к противнику.

- Девушек, сам знаешь, много, а хозяин у тебя один. Вникаешь?

- Мы сделаем все, что скажешь,- сухо произнес Машина.- В разумных пределах.
- Вот и хорошо,- одобрил Васильев.- Для начала я хочу выйти. И имей в виду: телефон у меня включен. Малейший фокус - и мой друг начнет стругать чурку.
- Я понял. Жди.

Не прошло и минуты, как Машина опять взял трубку:

- Можешь выходить. Тебя не тронут.

Приятно иметь дело с предусмотрительным человеком.

Васильев похлопал своего пленника по щеке:

- Будь здоров,- сказал он.- Здоровье - это главное!

Пленник не возражал.

За дверью было пусто. Предусмотрительные ребята перекрыли тоннель. У ограждения, поставленного над лестницей, дежурил старый знакомец, младший сержант. Впрочем, он сделал вид, что никогда с Васильевым не встречался.

Валерий перепрыгнул через стойку из желтых прутьев.

- Я наверху,- откомментировал он в трубку.- Иду вдоль железнодорожной насыпи в сторону центра. За мной наверняка наблюдают.
- Так и иди,- сказал Петренко.- Хрен с ними, пусть наблюдают.
- Тебя не запеленгуют, Сашок?
- Это в едущей машине? - Петренко засмеялся.- Вот прослушивать могут. Но это - на здоровье.
- Как наш пациент?
- Сопит в две дырочки.

Тут ожил конфискованный телефон.

- Твою девушку привезут через пятнадцать минут,- сообщил Машина.- Предупреди своих, пусть...

- Обмениваться будем на углу Дунайской улицы,- перебил Васильев.- Вашего хозяина подвезут, как только я увижу девушку. И имей в виду, что мои ребята стреляют очень метко.

Иногда не вредно и приврать. Тот же Машина, к примеру, назначая Васильеву «стрелку», вовсе не собирался отдавать Таню. Иначе не пришлось бы ее везти целых четверть часа.

Валерий достиг назначенного места, огляделся. По дороге один за другим с ревом и грохотом катились тяжелые грузовики. Явных «хвостов» не наблюдалось, но неявные присутствовали наверняка. Не важно.

Поднявшись на железнодорожную насыпь, Васильев присел на корточки и стал ждать, когда

появятся основные силы противника. И они появились.

Ничего себе! Целая эскадра: два джипа и «мерс».

Остановились. Из джипов вывалили стриженные «быки». Шестеро. Один толкал перед собой Таню, со связанными руками и кляпом во рту, но без видимых повреждений. Из «мерса» не вышел никто. Даже стекла не опустились.

Васильев демонстративно держал в руках оба телефона.

- Стоять, где стоите! - резко бросил он.- Шаг вперед - минус одно хозяйское ухо! Ты! Развяжи девушку!

«Бык» послушно освободил Таню от веревок. Кляп она вытащила сама... и вlepила «быку» смачную оплеуху. «Бык» стерпел.

Таня подбежала к Васильеву, но сообразила, умница, что от объятий и поцелуев пока лучше воздержаться.

- Я знала, что ты меня вытащишь! - радостно сообщила девушка и спряталась у Васильева за спиной.

- Можно,- сказал Валерий в правый телефон, сложил его и сунул в карман. Вместо телефона в его руке теперь был пистолет.

«Быки» переминались с ноги на ноги, нервничали, но молчали и за оружие не хватались. Видимо, получили соответствующие инструкции. Васильеву это не очень нравилось. Человек, сумевший привить этим кускам мяса понятие о строгой дисциплине,- опасный человек.

И еще ему очень не нравился «мерс». Было в нем что-то зловещее.

«Волга» Петренко выскочила из проезда между домами, развернулась лихо и задним ходом, обойдя правый джип, выскочила на тротуар и остановилась точно за спиной Васильева, таким образом, что он своим телом заслонял водителя от бандитов. Номера «Волги» были тщательно затерты грязью.

Петренко открыл заднюю и переднюю дверцы. Но не со стороны дороги, а со стороны насыпи.

- Валера, садись первым,- сказал он.- А дивчина пускай немного постоит.

Нехорошо, конечно, прятаться за девушкой, но Петренко знал: два точных выстрела - и их заложнику больше никто не угрожает. Вопрос для любопытных: что тогда сделают с девушкой?

Стекло «мерса» немного опустилось. Из щели высунулся ствол с накладкой пламегасителя.

Васильев уже сидел внутри, прикрываясь тушей похрапывающего Горшкова.

Таня проворно нырнула на переднее сидение.

Васильев толкнул левую дверцу:

- Ну-ка посторонись! - крикнул он и, выхватив трофейный ТТ, разрядил обойму в колеса джипов и «мерса», причем шина «мерса» спустила только после третьего выстрела.

- Ты, блядь, что делаешь! - завопил бандит, схлопотавший по физиономии.

- Что надо! - рывкнул Васильев.- Принимай груз! - и мощным толчком вышвырнул Горшкова на тротуар.

Петренко рванул с места даже раньше, чем тело коснулось асфальта. Обогнув машины по короткой дуге, почти впритирку, перескочил улицу, едва не врезавшись в фуру, вылетел на газон, удачно вписался между двумя деревьями и завернул за угол дома.

Васильев успел увидеть, как разъяренные бандиты, выхватывая оружие, высыпали на проезжую часть. Как из «мерса» буквально вывалился человек с автоматом, упал на колени, прицеливаясь... Но выстрелить не успел. Все решила доля секунды.

«Волга», мотаясь на колдобинах, пронеслась через двор, выскочила на «Звездную», под душераздирающий визг чужих тормозов пересекла ее, проскочила в следующий двор, едва не сшибла мирно беседующих старушек, бредущих из супермаркета, промчалась через площадку, вылетела через просвет между домами в «карман», параллельный проспекту Космонавтов, из «кармана» - на сам проспект - и включилась в автодорожный слалом, явно не одобряемый другими водителями.

Пока Петренко демонстрировал вождение в экстремальных условиях, Таня ухитрилась перебраться через спинку, к Валерию.

- Потом нацелуетесь,- неодобрительно проговорил Петренко.- Валера, приглядывай там...

- Все чисто,- сказал Васильев.- Ты классно оторвался!

- Ну!

«Волга», сбросив скорость до официально разрешенной, свернула направо, по Типанова, аккуратно переползла через железнодорожный переезд и покатила по проспекту Славы.

- И куда теперь? - поинтересовался Петренко.

- На вокзал,- ответил Васильев.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В лесу еще лежал снег, но было заметно теплей, чем в Питере. Около нуля. Лесная дорога, сверкающие белые рукава на ветвях, скрип скользящих саней, шумное дыхание мохнатой лошаденки.

- Это медвежья шкура? - с восхищением спрашивает Таня, поглаживая серый жесткий мех.

- Лосиная,- отвечает возница.

«Ту-туп, ту-ту-ту-туп» - копыта по укатанной дороге...

Валерий позвонил прямо с вокзала, выяснил, что лесной особнячок свободен, и через полтора часа они с Таней уже сидели в электричке, направлявшейся в сторону Луги.

Солнце садилось. Висело, круглое, густо красное, над белым лесом.

- Завтра я уеду,- сказал Васильев.- Моя подруга поживет здесь одна.

- Да за ради Бога! - отозвался исполнительный директор фирмы «Отдых на природе».- Места у нас, сам видишь, тихие. Чужих нет. Только, прошу извинить, деньги вперед.

- Разумеется.

Сани остановились. Лошаденка задрала хвост и уронила «яблоко».

- Прибыли,- сказал возница.- Дальше пешочком, пожалеем кобылку.

И, подхватив сумки, зашагал вверх по косоугору.

Таня увидела дом, остановилась, взвизгнула, дернула Валерия за рукав:

- Ух ты! Как красиво! Нет, правда, красиво, разве нет?

- Да,- довольно равнодушно отозвался Васильев.

Его мысли были далеко отсюда.

- Натопить я не успел,- сообщил их провожатый.- Сейчас котел запущу, через пару часов нагреет.

- Ничего,- отозвался Васильев.- Пока у камина погреемся.

- У камина? - восхищенно проговорила Таня.- Правда, что ли?

Сгрузив продукты и запустив нагревательный котел, исполнительный директор удалился, пообещав завтра утром привезти телевизор и видик, «чтоб девушка не скучала».

Девушка не скучала. В ближайшие полчаса она облазила особнячок от чердака до подвала, с детской непосредственностью восхищаясь то камином, то башенкой, то небольшим баром на втором этаже, «совсем настоящим», со стойкой и круглыми высокими стульями. По мнению Васильева, такой бар в доме был абсолютно ни к чему. И восторги девушки его тоже удивляли. Если Таня в прежние времена водила дружбу с братвой, должна была привыкнуть к роскошным интерьерам.

За ужином он, не утерпев, спросил ее об этом.

Выяснилось, что у прежних друзей-приятелей Тани особнячков не водилось. Крутые тачки - да. Их покупали в первую очередь, часто - в долг. Престиж, ничего не поделаешь. Но жили ее знакомые в обычных задрипанных коммуналках или таких же задрипанных квартирках. А «отдыхали» в банях-саунах да в помещениях «подведомственных» фирмочек. К немалому удивлению Васильева, выяснилось, что среднемесячные заработки рядового «быка» меньше, чем Валерина доля от самой первой акции их команды, где Васильев и присутствовал-то в качестве статиста.

- Ну так ты прикинь: то ты, а то...- Таня пренебрежительно махнула рукой.- И я - дурочка тоже. Без понятия. Пока с тобой не познакомилась, думала: какие мужики! Даже замуж собиралась!

- Что дурочка - это точно,- согласился Валерий.- С такой профессией мужа запросто молодой

вдовой останешься.

- Ну и что? - удивилась Таня.- Так не навсегда же. Вон, сестренка моя, если хочешь знать, троюродная уже по четвертому разу замужем. Детей двое. А если нового мужа убьют или посадят, братва все равно поддержит. Своя же, не соска с вокзала!

Надо же! Ну просто бандитский профсоюз!

Таня подумала немного, потом соскользнула на ковер, обняла Валерины ноги, подбородок на колени положила, глянула снизу вверх блестящими глазищами:

- Слушай, а возьми меня замуж, а?

Валерий покачал головой.

- Нет, солнышко. Тебя уже по второму разу воруют! И все из-за меня!

- А разве ты каждый раз меня не спасаешь?

- Ну да,- согласился Васильев.- Только это тебя, а не меня голышом из собачьей миски кормили. И это тебе тот ублюдок Мирон обещался рашпиль засунуть.

- Запомнил, да?

- Не сомневайся. Очень хорошо запомнил. И мы с ним на эту тему еще побеседуем. Но извини, солнышко, для семейной жизни у нас сейчас обстоятельства неподходящие. Жена же, по моему мнению, должна дома сидеть и детей растить, а не по дуракам всяким из пистолета стрелять.

- Ты, кстати, пистолет мне оставь! - обеспокоилась Таня.- Мало ли что?

- Оставлю,- пообещал Васильев.- И ружье тоже. Хотя лучше бы они тебе не понадобились.

- Ладно. Валер, ты не обижайся, что я спросила,- виновато проговорила Таня.- Замуж не бери, но не бросай, ладно? Лучше тебя, если хочешь знать, у меня мужика в жизни не было!

- Да сколько ее, твоей жизни! - усмехнулся Васильев.- Не бойся, не брошу.

Но, что скрывать, был польщен. Но не настолько, чтобы взять в жены эту складную, славную и искренне преданную ему девочку. Потому что очень хорошо представлял, насколько они - разные.

- Егорыч, ты в своем уме? - поразился Петренко.- Какие, на хрен, тренировки, когда нас глушат, как...- Он запнулся, пытаясь найти подходящее слово.

Сэнсэй устремил на ученика взгляд, который очень точно объяснял, почему Егорыча звали - Кремень.

Петренко смешался. Как-то сразу почувствовал свое место. А с места этого сэнсэям не грубят. И решения их не обсуждаются.

Утвердив свою власть, Кремень произнес довольно мирно:

- Я сегодня к Академику ездил.

- Ну и как?
- Хреново.
- Рука?
- Рука - пустое. Люди и без руки бьются. И с отбитыми почками тоже. Инфаркт у него был, вот что. Но и это не главное...
- А что?
- Не думал я...- пробормотал Егорыч.- Ошибся, выходит...
- Да не тяни ты! - рассердился Петренко.
- Сломался Паша, вот что! - отрезал сэнсэй.- Ну, какой вывод? - спросил он через некоторое время.
- Какой? - тупо повторил Петренко.
- Такой, что любой из вас может сломаться. Ты, Валера... Выходит, недопонял я что-то...- проговорил он с досадой.
- О себе я ничего не скажу,- произнес Петренко,- а насчет Валерки ты не сомневайся. Это, Егорыч, не человек, а машина смерти какая-то. Веришь, я сам иногда его пугаюсь. Прикинь, года не прошло, как ты его взял. Причем с нуля. А он уже профи валит за не хрен делать. Его по башке железом лупят, а ему - как с куста, руки выкрутят, а он - хлоп! - и свободен! - Петренко почесал в затылке и признался.- Не понимаю я, Егорыч! Силыча завалили, Гошку завалили. Меня едва-едва не хлопнули! А он, новичок, салажонок - бац! - и кругом все лежат, а на нем - ни царапины! Почему, Егорыч?
- Карма,- лаконично ответил сэнсэй, но понял по физиономии Петренко, что для того это - пустой звук, и снизошел до примера.- Ты, Саша, грамматику знаешь?
- В каком смысле?
- Пишешь без ошибок?
- Да ну тебя, Егорыч! Я о деле, а ты...
- И я о деле.
- Как все пишу,- буркнул Петренко.- Я в институтах не учился.
- Вот именно. Учился бы правописанию, писал бы грамотно, так?
- Да на хрена мне это нужно?
- Это глупый вопрос. Но речь не о грамотности. Есть люди, Саша, которые, и нигде не учившись, все равно пишут без ошибок.
- Может, и есть,- Петренко пожал плечами, потом до него дошло.- Это ты про Валерку?
- Именно. Есть у него и нервы, и все прочее. Но, когда надо, он, как ты верно заметил,

меняется. Он перестает быть.

- То есть?

- Это именно то, Саша, чему я вас учил. Не смотри на нож, которым тебя бьют, не смотри на противника, не смотри на собственные руки. Не останавливай своего внимания ни на чем. Посмотрел - остановился, остановился - мертв. Из всех вас только Паша приближался к пониманию, а у Валеры это - естественное. Его тело, ум... Он не останавливается, Саша. Такому, как он, достаточно только показать базовую технику, чуть-чуть подправить пластику, помочь избавиться от дурных привычек и схем - и все. Валера - прирожденный воин. Лет триста назад он был бы непобедим.

- А теперь? - спросил Петренко.

- Возможность победы, Саша, заложена в противнике. Возможность поражения - в тебе самом,- сказал Егорыч.- И еще Кодекс. В старые времена у воина была Основа, Кодекс, который безусловно принимался людьми. Все понимали: безукоризненный воин - это безукоризненный убийца. Признавали это. Но даже у бродяги-ронина было свое место в обществе. И ему никогда не приходилось биться со всеми сразу.

- Что-то ты накручиваешь, Егорыч,- возразил Петренко.- Да у нас как раз и время такое: кто крут, тот и прав. Вон, к примеру, Васек, о котором я тебе рассказывал. У него принцип простой: мочи первым! Ему соперника коцнуть - как жабе муху слизнуть! А научил его этому, как он толкует, его пахан, который совсем высоко сидит и на всех сплевывает через трубочку! Я раньше себе не очень-то представлял, как у них все крутится. Сам знаешь, за всех нас Силыч думал. Что скажет, то и делаем. А теперь вижу: захотел бы Силыч место того же Костромы занять - и занял бы! Без вопросов. Только он не хотел.

- А почему?

- Почему не хотел? Ну... он же из этих... Органов.

Кремень усмехнулся.

- Силыч, конечно, не мастер дзэн,- сказал он.- Но голова у него варила неплохо. И тот самый Кодекс, о котором я тебе говорил, у Силыча имелся. А у Валеры его пока нет. И это его уязвимое место. Заложена в нем возможность поражения.

Петренко в очередной раз поскреб стриженный затылок. Отвлеченные рассуждения не были его сильной стороной.

- Егорыч,- взмолился он.- Если это важно, объясни ты толком. Чтобы я, дурень, понял.

- Да все просто, Саша,- еще раз усмехнулся Кремень.- Идеальный воин - это идеальный убийца. Но идеальный убийца - это еще не идеальный воин.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Возвратившегося из Луги Васильева Петренко встретил на вокзале. Здоровяк-хохол был мрачен, и настроение у Васильева сразу испортилось. Но, поскольку Петренко приехал на «лексусе», а не на боевой старушке «Волге», Васильев решил, что в ближайшее время силовых

разборок не предвидится.

- Этот звонил,- буркнул он.

- Этот - кто?

- Николай Николаич.

- Так.- Настроение Валерия упало еще на десять пунктов.- Что ему надо?

- Желает с тобой поговорить.

- Именно со мной?

- Именно! - Желчи в голосе Петренко хватило бы на месяц нормальной работы желудка.

- Что еще?

- Как твоя задница?

- Зажила. А что?

- Звонила твоя докторша. У нее проблемы.

- С бандюками? - Лицо Васильева сразу стало жестким.

- Нет. Наоборот. Ей срочно нужны деньги, а эти самые бандюки ею больше не интересуются

- Я на содержание ее брать не собираюсь.

- Ты не прав, Валера,- укорил Петренко.

- Верно,- согласился Васильев.- Не подумав ляпнул. Погоди...- Он достал трубку.- Васек? Здорово! Тетка! Кого мочканули? Меня? Хороший прикол! - прикрыв ладонью микрофон: - В городе слух прошел, что меня убили. Как тебе нравится? - И снова в трубку: - Да, конечно. Но в следующий раз советую поглядеть на мой труп. И проследить, чтобы его в землю зарыли. Тогда гарантия - пятьдесят процентов. Почему пятьдесят? А ты догадайся! Кстати, о трупах. Тетка, тебе врач не нужен? Нет, не патологоанатом, реальный доктор. С опытом ножевых, огнестрельных и прочее... Тогда дарю, запиши телефон. Зовут Алевтина Арсеньевна. Нет, не старушка. Вполне симпатичная женщина. Только ты ее не обижай, она нас здорово выручила. Надежная тетка. Аванец ей отстегни и считай, что вы уже сработались. А я ее предупрежу. Когда свидимся? Давай ближе к вечеру. Будь.

- Вот,- сказал он, складывая трубку.- С деловым человеком и пообщаться приятно.

Петренко хмыкнул. «Тетка» Васильева симпатий у него не вызывал.

- Этому позвони,- напомнил он.

Номер Николая Николаевича Васильев набрал с куда меньшей охотой, чем номер Васька. Парадокс, но борцу с врагами Государства он доверял значительно меньше, чем главарю преступной группировки. Хотя, почему он решил, что Николай Николаевич - из государственной службы? Исходя из его собственных слов? Но это в Англии джентльменам верят на слово. «Якобы кореш» Силыча даже никакой ксивы не показал. А если бы и показал...

«Корки» нынче – не более чем рыночный товар.

На этот раз Николай Николаевич взял трубку сам.

- Вы меня обманули,- сразу заявил Валерий.- Меня пытались убить. Причем убийцы явно вашей породы.

- Сожалею,- спокойно ответил Николай Николаевич.- Это было необходимо.

- Не думаю. И предупреждаю: убить меня не так просто! – В голосе Васильева прозвучала угроза, которую его собеседник, как обычно, проигнорировал.

- Я так и предполагал,- сказал он.- Это был самый эффективный способ проверить мои выкладки. Зато теперь могу вас порадовать: я знаю, кто виновен в утечке информации. И с вашей помощью в самое ближайшее время возьму этого человека. Я связался бы с вами раньше, но ваш телефон не отвечал.

- Меня не было в городе,- машинально ответил Валерий, потом вдруг спохватился: – Вы знаете мой номер?

- Было бы странно, если бы я его не знал, Валерий. Ждите моего звонка и будьте настороже. Покушение на вашу жизнь может повториться.

- Спасибо! А то я не знал! – буркнул Валерий и отключился.- Какая тварь,- проворчал он.- Паскудная тварь!

- А в чем дело? – спросил Петренко.

Васильев объяснил, в чем дело.

- А чего ты хочешь? – удивился Петренко.- Они все такие. Что у нас, что в Америке. Что разведка, что госбезопасность. Он не тебя подставил, а «проверил выкладки». Жив ты – хорошо. Значит, выкладки правильные, и ты еще пригодишься. Помер – тоже хорошо. Выходит, товарищ полковник или кто он там не ошибся, врага народа вычислил. Я тут приторможу, покушаем. Здесь повар хороший.

Практичность Петренко всегда вызывала у Валерия восхищение.

Господин Горшков был недоволен. И недовольство его еще более усугублялось тем, что человек, стоявший перед ним, вел себя абсолютно правильно. И перед господином Горшковым ни в чем не виноват, поскольку вот уже второй раз спланированные им акции проваливались из-за чужих ошибок. Человек этот сработал на самом профессиональном уровне. Это источник в органах, сука поганая, сдал киллеров, замочивших Чалого и перехвативших товар, сначала Костроме, а уж потом, с месячным опозданием,- Горшкову. А за этот месяц Кострома уже успел провернуть акцию, облажаться и сыграть в ящик вместе с самим Мусой Бакинским. Короче, нету больше ни Костромы, ни Мусы, но Горшкова уверяют, что пропавший товар им не вернули. Значит, он где-то спрятан. А это – деньги. А деньги Горшкову сейчас, когда до выборов всего ничего, нужны, как никогда. Проскочить в Думу – это такие возможности! Каждый вложенный миллион окупится сторицей. И таким грандиозным планам мешают какие-то мелкие людишки! Мелкие, но крайне опасные. Человек, который стоял сейчас перед Горшковым, совершил почти невозможное: вычислил одного из уцелевших убийц Чалого. Очень возможно, что этот недобиток знает, где пропавшая партия товара. Проблема в том, что о самой партии знают слишком многие. И слишком многие полагают себя ее законными

наследниками. Нет, не для того господин Горшков так усердно карабкался наверх, чтобы его убили какие-то бандиты. В этом разница между ним, Горшковым, и теми, кто должен его охранять. Теми, кому он платит, чтобы они рисковали вместо хозяина.

- Готовься,- сказал Горшков стоящему перед ним человеку.- Будешь командовать моей безопасностью.

Он не спрашивал согласия. Оно подразумевалось.

- Мухина я увольняю,- сказал Горшков.- С первого числа. Так что принимай дела.

От Мухина пришлось откупиться. Просто так начальника службы безопасности не уволишь. Слишком много знает, слишком большие связи. Даже этот, стоящий перед Горшковым, законтрактирован Мухиным. И этот - лучше. Он ловит - Мухин упускает. Любую ошибку можно простить. И исправить. Но неумение организовать личную безопасность господина Горшкова не прощается.

- Разработку по «Наследству» продолжать? - спросил человек.

- Нет,- отрезал Горшков.

Слишком рискованно. Слишком они прыткие. Недавнее похищение, пусть и окончившееся благополучно, многому научило господина Горшкова. Даже за несколько миллионов не стоит рисковать собственной жизнью. Но к этому делу можно вернуться.

- Еще один момент,- сказал кандидат в начальники службы безопасности.- Я выяснил: человек, которого заказал ваш информатор там,- жест наверх,- тот, которого люди Мухина дважды пытались устранить, и фигурант по «Наследству» - одно и то же лицо.

- Вот как...- Горшков нахмурился.

Ну конечно! Еще один ляп Мухина!

- Все равно,- буркнул он.- Пусть мент сам заботится о своих проблемах. Я не Мухин. Я ему ничего не должен. И ты тоже. У тебя все?

Кивок.

- Тогда свободен. Иди. Принимай дела.

Кандидат в начальники службы безопасности покинул кабинет. Он знал: его шеф совершает непростительную ошибку. Оставить в живых такого врага, все равно что играть в русскую рулетку. Но ошибки начальника следует исправлять подчиненным.

После обеда Петренко с Васильевым поехали на Охту. На проспекте Metallistov для Валерия была снята квартира. По дороге купили всякую мелочь, необходимую для жизни. Ездить за вещами к Васильеву домой было рискованно.

Затем с Metallistov проехали на Петроградскую сторону. Там пересели с «лексуса» в «Волгу». Васильев, до этого не задававший никаких вопросов, не выдержал:

- Ты что задумал?

- Да ничего,- ухмыльнулся здоровяк-хохол.- Надоело у тебя шофером работать. Сейчас на стадион поедем, будешь учиться баранку крутить.

- А на той машине нельзя? - ехидно поинтересовался Валерий.

- Нельзя! - отрезал Петренко.- Там скорости неправильно переключаются.

В город возвращались, когда уже начало темнеть.

- Совсем забыл! - сказал Петренко.- Мне Катя звонила.

- Какая Катя? - удивился Васильев.

- Силычева секретутка. Я думал: ее грохнули, а нет. Оставили дышать. Говорит, по официальной версии, Силыч застрелился, а она свидетелем проходит. В общем, потолковали с ней, объяснили, что почем, она и согласилась.

- Это не удивительно,- проворчал Валерий.- Удивительно, что она тебе позвонила.

- Ну! Это еще не все. Мы с тобой думали: Силыча бойцы Костромы убили, так?

- А на самом деле? - насторожился Васильев.

- А на самом деле братки опоздали. Силыча застрелил мужчина, пришедший раньше. Кто он, Катя не знает, но к Силычу этот человек наведывался неоднократно, и тот, похоже, ему доверял.

- Не удивлюсь, если это наш приятель Николай Николаевич,- процедил Валерий.

- А ты его спроси! - предложил Петренко, ухмыльнувшись.

- Спрошу! - жестко произнес Васильев.- Обязательно спрошу!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Такая возможность представилась Валерию через два дня.

Звонок застал Васильева в гостях. В гости его привел Егорыч. Узнав, что хозяин - филолог, Валерий удивился. Но еще больше он удивился, когда выяснилось, что приятель Егорыча не просто филолог, а профессор и почетный член Французской академии. Тогда Васильев предположил, что перед ним - один из давних Егорычевых учеников, но оказалось, что профессор далек от боевых искусств. Зато прекрасно разбирается в китайской литературе и традициях. Далее кратким напряжением мысли Валерий установил, что сэнсэй привел сюда ученика, дабы ученик повысил свой общеобразовательный уровень и приобщился к тонкостям восточной философии. Как понял Валерий, профессор мог говорить о своей работе всегда, везде и с кем угодно. Причем, что немаловажно, не заваливал собеседника неперевариваемой информацией, а профессионально подстраивался под его уровень. Профессор все-таки.

- Рост силы должен соответствовать росту мудрости,- сказал сэнсэй Васильеву, когда они на пару минут остались вдвоем.- С силой у тебя все в порядке, а с мудростью у тебя пока трудно. С мудростью,- уточнил он,- а не с умом.

С Егорычем китаист водил дружбу давно, поэтому Кремень мог без колебаний прийти в гости хоть с дюжиной учеников.

Васильев послушно вникал. И под действием неторопливой беседы и теплого зеленого чая нервы расслаблялись, как мышцы в парилке.

Звонок Николая Николаевича безжалостно вырвал Валерия из поднебесных миров «Путешествия на Запад» и швырнул в помойное ведро действительности.

- Сегодня в шесть,- сказал Николай Николаевич.- Кафе напротив Юсуповского сада. На углу.

- Я приду не один,- предупредил Васильев.

- Как хотите.

Кафе оказалось дешевой, но по-своему уютной забегаловкой. Такие места Васильев жаловал в студенческие времена и во времена научного безденежья.

В последние полгода он посещал другие заведения, но в этом кафе места было много и, расположившись у окна, за тяжелым деревянным столом, можно говорить, не беспокоясь о случайных ушах. А от неслучайных Николай Николаевич припас небольшой приборчик, который продемонстрировал Валерию и Петренко, после того как, взяв по кружке пива, они устроились за столом.

Закурив, Николай Николаевич протянул Васильеву листок бумаги. Распечатку.

- Читайте,- сказал он.

«Харитонов Михаил Геннадиевич. Тысяча девятьсот пятьдесят первого года рождения. Подполковник. Место работы. ГУВД. Начальник отдела...» Далее следовала информация о месте работы и жительства, возрасте, некоторых привычках и примерный распорядок дня. И черно-белый оттиск фотографии.

Валерий прочел, передал лист Петренко.

- Это он?

- Да.

- Что вы хотите?

- Не я,- возразил Николай Николаевич.- Вы. Вы просили, я сделал.

- И как вы предполагаете, мы с этим поступим?

- А что тут предполагать? - пробасил Петренко.- Шлепнуть гаденыша - вот и все предположение!

- Погоди,- недовольно отмахнулся Васильев.- Я слушаю вас, Николай Николаевич.

- Я согласен с Александром.

- Это... заказ? - осведомился Валерий, глядя прямо в глаза собеседника.

- Нет,- спокойно ответил тот.- Это предложение.

Васильев покачал головой.

- Нет. Я рассматриваю это как заказ. И у него есть цена.

Николай Николаевич некоторое время раздумывал.

Петренко забеспокоился. Лицо Васильева было непроницаемо.

- Хорошо,- наконец ответил Николай Николаевич. Валерий услышал, как рядом шумно вздохнул Петренко.- Что вы хотите?

- Цена - ответ на вопрос,- спокойно ответил Валерий.- Честный ответ. Предупреждаю: от этого ответа зависит, будем ли мы с вами сотрудничать, и каким будет это сотрудничество.

- Слушаю внимательно.

- Кто застрелил Силыча?

Николай Николаевич ответил не сразу. Васильев уже начал думать, что ответа вообще не будет...

Николай Николаевич вздохнул.

- Я ждал этого вопроса,- сказал он.- Иначе оказалось бы, что я вас переоценил, Валерий. Виктора Солохина убил я.

Над столом повисло напряженное молчание. Стало слышно, как спорят о чем-то три девушки за соседним столом, как отваживает пьяного барменша...

- Когда-нибудь,- сказал Николай Николаевич,- вы поймете, почему я это сделал. Поймете необходимость. Виктор бы меня понял.

- Возможно,- сухо произнес Валерий.- Но вряд ли одобрил.

- Возможно,- согласился Николай Николаевич.- Если вы хотите меня убить, советую сделать это немедленно. Потом будет труднее.

Васильев ощутил тяжесть пистолета под мышкой. Искушение было довольно сильным.

- Не надо,- широкая лапа Петренко легла на плечо Васильева.- Я ж тебе сказал. Он такой и есть. Порода такая. Горбатого могила исправит.

Маленькие глазки хохла разглядывали Николая Николаевича без всякого дружелюбия, но и без ненависти.

- Насчет могилы ты прав,- Васильев усмехнулся, одними губами, и напряжение спало.

Петренко опытным глазом заметил: убийца Силыча не расслабился. Как бы четко он ни просчитал ситуацию, а стопроцентной уверенности в том, что Валерий прямо сейчас не выстрелит ему в лоб, не было.

Николай Николаевич взял у Петренки листок, поднес зажигалку.

- Думайте,- сказал он.- И звоните.

Встал и пошел к выходу.

Васильев смотрел ему вслед и понимал: просто убить этого мерзавца - слишком просто. И еще ему хотелось понять: как это можно - застрелить того, кого считаешь другом... Ради каких-то «высших» интересов. Неужели стать таким - нормальный финал того, кто намерен служить Государству? Или это - выронок?

- Да плюнь на него! - Петренко обнял друга.- Хрен с ним! Пускай ползает. Силыча не оживишь, а этот говнюк еще пригодится!

- Пусть ползает, говоришь? - с недоброй усмешкой произнес Васильев.- А я не хочу, чтобы он ползал. И не хочу, чтобы этот козел чистил свою парашу нашими руками. И этого не будет!

- Успокойся,- проговорил Петренко и вдруг понял: его товарищ очень-очень спокоен. И говорит не просто так.

- А ну, давай выкладывай! - потребовал здоровяк-хохол.

Васильев надавил на белесый пепел, оставшийся от сгоревшей бумаги. Пепел рассыпался.

- Сделаем так...- сказал он и изложил Петренко свою задумку.

- Ну, блин, ты даешь! - выслушав, восхитился тот. И тут же усомнился: - Только больно накручено. Это ж не кино, Валерик, это...

- Хуже! - закончил за него Васильев.- Короче, Сашок, поможешь?

- А куда я денусь? - Петренко ухмыльнулся.- Куда я, на хрен, денусь из колеи? А эти, они согласятся?

- Думаю, да,- сказал Васильев.- Сейчас выясним.

Он раскрыл бумажник, нашел нужную визитку и набрал номер...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

- Он или дурной или... совсем дурной! - заявил Петренко, после того как они добрый час отнаблюдали за Михаилом Геннадиевичем Харитоновым, выгуливающим вдоль улицы кобеля.

- Может, он на пса рассчитывает? - усмехнулся Валерий.

- На кого? Тю! Это ж сеттер!

- В его положении я бы и на стаффордшира особенно не полагался,- заметил Васильев.

- А может, он суперкомандос? - Петренко развлекался.

- С таким брюхом и задницей? Завтра мы его возьмем. Перед прогулкой. И у нас будет еще минимум час, пока его хватятся.- Васильев достал телефон.- Николай Николаевич? Его уже нет? Тогда свяжитесь с ним и передайте, что звонил Валерий. Да, он знает. Пусть мне

перезвонит. Срочно. Поехали, Сашок.

Николай Николаевич позвонил, когда Васильев уже был дома, на Металлистов.

- Завтра во второй половине дня нам надо встретиться,- сказал Валерий.

- Надо, значит, надо. В то же время и на том же месте, где и в прошлый раз. Подходит?

- Вполне.

- Я слушаю вас внимательно, Валерий,- произнес Николай Николаевич.

Стакан с пивом он держал в руке. Полный стакан, едва пригубленный.

- Я обдумал ваше предложение,- сказал Васильев.- И по поводу заказа. И по поводу дальнейшей совместной работы. Но у меня есть еще одно условие.

- Слушаю.

- Я не могу сказать,- Валерий замялся.- Могу показать.

- Показывайте.

- Тогда, если вы согласитесь проехать с нами...- колеблясь, проговорил Васильев.- Или, хотите, вызовите служебную машину, если вы мне не доверяете.

- Не доверяю,- кивнул Николай Николаевич.- Я, Валерий, никому не доверяю. Но машину вызывать не буду. Она уже здесь. Если вы посмотрите в окно, то ее увидите. Светло-зеленая «восьмерка». Я поеду с вами, но нас будут сопровождать.

- Я понимаю,- кивнул Васильев.- Тогда давайте не будем откладывать.

Они покинули кафе и подошли к «лексусу». Валерий предупредительно распахнул заднюю дверь, пропустил Николая Николаевича вперед, сам сел рядом. В тот момент, когда он захлопывал дверцу, Петренко глянул в зеркальце заднего вида и, не поворачиваясь, только немного откинувшись назад, саданул пудовым кулачищем в лоб пассажиру. Не мешкая ни секунды, Васильев воткнул ему в шею шприц-тюбик со снотворным.

- Его прикрытие - в зеленой «восьмерке»,- сказал он.- Езжай не спеша.

- А куда торопиться? - удивился Петренко.- У нас еще пятьдесят минут.

Ровно через сорок пять минут они подъехали к дому Харитонов. «Восьмерка» катила за ними, не отставая. Судя по всему, они ничего особенного не заметили. Затемненные стекла «лексуса» скрадывали детали.

- Что он опять задумал? - спросил водитель зеленой «восьмерки», старший лейтенант Зубкин.- Я жрать хочу, с утра ни крошки, а у меня гастрит, мать его!

- А я - отлить,- невозмутимо произнес его напарник.- Финтит Николаич, как обычно. Терпи. Вот, помню, в Рейкьявике...

- Да ты уже рассказывал,- буркнул Зубкин.- Двое суток без сна и жрачки и вода из-под крана.

Помню я!

- Вот-вот,- кивнул напарник.- Так что это семечки.

- От семечек я бы тоже не отказался,- сказал старший лейтенант и затормозил, потому что «лексус» остановился как раз напротив харитоновского подъезда.

- Знакомое место,- проворчал Зубкин.

- Не нравится мне это,- буркнул его напарник.- Неаккуратно. Не в стиле Николаича так вот, на самом виду.

- Тебе какую команду дали? - осведомился старший лейтенант.- Сопровождать. Вот и сопровождай.

Сам он, впрочем, припарковал машину на занесенном снегом газоне, под прикрытием кустиков. С этой точки он мог видеть и подъезд, и «лексус», а заодно контролировать пути ухода, поскольку знал: нормальный выезд - только здесь. С другой стороны все перекопано.

- Время,- сказал Петренко.- Давай цветы.

Васильев протянул ему букет. Петренко взял, прихватил еще початую бутылку пива и вылез из машины. Усевшись на скамеечке, он положил букет на колени, бутылку взял в левую руку...

Михаил Геннадиевич Харитонов вышел из подъезда минута в минуту. Бросил взгляд на перегородившую выход машину, на мужика, усевшегося на скамейке... Может, и заподозрил что-то, но кобель шумно оросил ближайшее дерево и теперь рвался на волю, в пампасы. Харитонов наклонился, чтобы отстегнуть поводок. Когда Михаил Геннадиевич выпрямлялся (кобель уже сорвался с места и зигзагами унесся вперед), Петренко отложил букет, встал и ребром ладони ударил Харитонova повыше уха. Ударил, подхватил (Васильев тут же распахнул дверцу) и ловко усадил на заднее сиденье «лексуса». Затем вернулся и подобрал букет и бутылку.

- Ну и бугай! - восхищенно произнес старший лейтенант Зубкин.- Этакую тушу - как цыпленка!

- Да,- одобрил его напарник.- Чистенько. Зуб даю: никто и не заметил, как он его глушанул!

«Лексус» плавно тронулся с места, Зубкин приготовился пристроиться ему в хвост, но...

Когда «лексус» поравнялся с «восьмеркой», старший лейтенант издал невнятный вопль и нырнул вниз, под рулевую колонку. Его напарник, более проворный, толкнул дверцу, кубарем выкатился из машины, одновременно выхватив пистолет, распластался на снегу, лоя на мушку распахнутое нутро «лексуса»... но не выстрелил, побоялся попасть в своего непосредственного начальника...

А вот Васильеву бояться было нечего, и он совершенно спокойно полоснул из автомата по передним колесам «восьмерки».

- Вот сука! - Выскочивший из машины Зубкин успел увидеть черную корму «лексуса», скрывшуюся за углом дома.- Николаич нам яйца оторвет.

- Ты оптимист,- буркнул его напарник.- Похоже, Николаич дофинтился.

- Чего ж ты не стрелял? - с досадой произнес старший лейтенант.

- Потому что! - сердито рявкнул напарник.- Давай, вызывай подмогу. Пусть вертолет поднимут в темпе, гаишников озаботят. Не ссы, машина приметная, враз обозначат. Десять минут, спорим?

- Отлично! - одобрил Петренко результаты стрельбы напарника.- Теперь у нас в запасе минут пять.

- А почему так мало? - удивился Валерий.

- Потому что те хлопцы уже всех на уши поставили. Обидно. Засветилась моя «японочка»! Бля! Они ее бомбили, что ли?

Последнее восклицание относилось к дороге. «Лексус» свернул с магистрали в «карман», въехал в щель между двумя двенадцатизэтажками и затормозил у металлического ангара.

- Прибыли,- изрек Петренко.- Иди, открывай ворота.

Ангар они присмотрели вчера вечером. А сегодня отыскивали хозяина и за пятьдесят долларов арендовали помещение на два дня. Ангар принадлежал оптово-закупочной фирме и в данное время пустовал, поскольку фирма намеревалась обанкротиться. Внутри ангар был разделен на четыре секции: две внизу, две наверху. Одна из нижних выполняла функции гаража и содержала помятый скелет «хонды», вторая была пуста, если не считать кучи не разошедшегося секондхендовского барахла. В верхних секциях не было вообще ничего. Все перегородки и лестницы сварены из железа, равно как и сам ангар, поэтому температура внутри равнялась температуре снаружи.

В общем, это было помещение, идеально подходящее для задумки Васильева.

«Добычу» разложили на тряпье. Обоих Петренко со всей тщательностью обыскал, особенно Николая Николаевича. Учитывая его профессию.

Затем достойных пленников аккуратно связали и привели в чувство: одного - уколом стимулятора, другого - энергичным растиранием и похлопыванием.

- Доброе утро,- вежливо произнес Васильев.- Вы знакомы?

Николай Николаевич уселся, опираясь на стенку, поглядел на Харитонову и кивнул. Выглядел он спокойным, но Валерий нисколько не сомневался, что аналитическая машина в этой лысеющей голове работает с лихорадочной скоростью.

Совсем по-иному повел себя другой пленник.

- Ах ты ...! - заорал он. И понес всех по кочкам с поистине боцманской изобретательностью и разнообразием.

Васильев дал ему минуту, чтобы высказаться, затем кивнул Петренко, и тот с удовольствием отвесил товарищу подполковнику сочную оплеуху. Подполковник заткнулся, но взирал на своих врагов с такой ненавистью, что, будь у нее, ненависти, температура, Петренко с Васильевым мгновенно превратились бы в пар.

- Вы оба - убийцы,- сказал Васильев.- Но для таких, как вы, закона не существует, потому что

вы и есть закон, верно, Михаил Геннадиевич?

- Что за чушь ты несешь! Да кто ты такой?

- Моя фамилия - Васильев. Васильев Валерий Витальевич. И если я еще жив, то исключительно из-за вашей оплошности, Михаил Геннадиевич.

- Вот это точно! - буркнул Харитонов.- По крайней мере теперь я понимаю, что происходит. Что вам нужно? Чтобы я попросил Горшкова оставить вас в покое? Хорошо, я это сделаю. Давайте телефон.

Васильев достал сотовик, набрал продиктованный номер и приложил трубку к подполковничьему уху.

- Это я,- сказал Харитонов.- Да, кто же еще! Значит, слушай: все, что по «Наследству», сверни и просьбу мою забудь. Почему? Так надо. Все, конец связи!

Васильев спрятал трубку.

- Ну, ты доволен? - начальственно произнес Харитонов.- А теперь развяжите меня!

- Минутку,- возразил Валерий.

Он достал из кармана капсулу из толстостенного стекла. В капсуле плескалась зеленоватая жидкость. Около пятидесяти миллилитров.

- Вы оба знаете, что я по специальности химик,- сказал он.- Вот здесь - бензольный раствор отравляющего вещества общего действия. Его химическая формула вам вряд ли интересна, зато, вероятно, интересно, что именно подразумевается под «общим действием»? Верно? - Он сделал паузу. Слушали его очень внимательно.- Если я сейчас брошу эту штуку на пол,- продолжал он,- растворенный в бензоле препарат начнет понемногу улетучиваться. Понемногу, поскольку здесь довольно холодно. Вряд ли вы почувствуете его воздействие раньше, чем через десять—пятнадцать минут, но почувствуете обязательно. Сначала это будет жжение слизистых оболочек: глаз, носоглотки, горла, легких, потом, по мере проникновения препарата, жжение превратится в острую боль, которая будет продолжаться до тех пор, пока поверхность легких не будет, как пишут в учебниках, «существенно разрушена». Тогда вы оба умрете от удушья. Но произойдет это не скоро. Думаю, не раньше, чем через три-четыре часа с того момента, как я разобью капсулу. А может быть, и через сутки - это зависит от очень многих факторов, в частности, от сопротивляемости вашего организма. В любом случае вы умрете. Даже если вам повезет и вас найдут раньше, чем вы испустите последний вздох. Последствия действия препарата необратимы. Я понятно излагаю?

- Вполне,- кивнул Николай Николаевич.- Очень поэтично.

Его самообладание уже начало импонировать Васильеву.

- Вы же мне обещали! - возмущенно заявил Харитонов.

- Разве? - Васильев поднял бровь.- Сашок, разве я что-то обещал?

- Не припомню,- Петренко ухмыльнулся.

- Еще минутку внимания, пожалуйста,- попросил Валерий.- Спасибо. Капсула - это одна из

двух альтернатив. Есть и вторая.- Он выдержал паузу, но слушатели от вопросов воздержались.- Итак,- продолжал он,- вторая альтернатива. Она тоже не очень приятна. Но зато, если вы выберете ее, то один из вас выйдет отсюда живым, а второй, хоть и умрет, но зато куда менее болезненно.

- А третья? - хладнокровно спросил Николай Николаевич.

- Третьей, к сожалению, нет,- Васильев развел руками.- Лично мне вы, Николай Николаевич, значительно более симпатичны, чем ваш партнер,- он кивнул на Харитонов.- Но человек, убивающий во имя идеи, так же виновен, как и убивающий из-за денег.

- Я никого не убивал! - воскликнул Харитонов, и в его голосе отчетливо слышались панические нотки.

- Собственноручно, возможно, нет,- согласился Васильев.- Но это не так важно.

- То есть как это не важно?!

- А так,- Валерий улыбнулся.- Вы готовы выслушать вторую альтернативу или предпочитаете эту? - Он взболтнул жидкость в капсуле.

- Говорите, Валерий,- мягко произнес Николай Николаевич,- мы слушаем.

- Очень хорошо. Вторая альтернатива проста. Сейчас мы вас развяжем и оставим наедине. Времени у вас будет примерно полчаса. За это время один из вас должен убить другого. Помогут вам эти предметы,- он тронул ногой два обрезка водопроводной трубы примерно по метру каждый.- Если через полчаса один из вас не будет мертв, мы вернемся к первому варианту,- он встряхнул капсулу.- То же произойдет, если вы попытаетесь поднять шум или выбраться наружу. Стены здесь - из пятимиллиметрового стального листа, место достаточно удаленное, так что если вас даже услышат и освободят, будет уже слишком поздно. Все понятно?

- Понятно,- проворчал Харитонов.- Я согласен.

- Я тоже,- кивнул Николай Николаевич.

- Отлично. Сашок, развяжи их. А теперь мы удаляемся.

Они вышли из секции, задвинули снаружи засов, затем очень тихо поднялись наверх. Там они заранее набросали тряпок, чтобы железо не гремело от каждого шага, и просверлили два отверстия.

- Сашок,- прошептал Васильев.- На кого ставишь?

- На нашего,- тоже шепотом ответил Петренко.- Ментяра, конечно, в два раза больше, но он в начальничьих креслах жопу наел, а наш, он шустрый.

Петренко достал видеокамеру, настроил ее так, чтобы в объектив попадало все нижнее помещение, и зафиксировал штатив.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

- А я тебя знаю,- сказал Харитонов, энергично растирая запястья.

- Я тебя тоже,- ответил Николай Николаевич.- Что будем делать?

- Насчет отравы он не брешет?

- Не думаю,- спокойно сказал Николай Николаевич.- Но есть старое солдатское средство: помочиться на тряпку и дышать. Противно, но эффективно. А тем временем...

- А если они нас просто пристрелят?

- А что мы теряем? - Николай Николаевич пожал плечами.- Знаешь, я уже не в том возрасте, чтобы устраивать гладиаторские бои. Да и ты тоже.

- Пожалуй,- Харитонов оценивающим взглядом окинул собеседника. Тот не выглядел Геркулесом: средний рост, вес, средняя комплекция. Харитонов на полголовы выше, а тяжелее килограммов на пятьдесят. Но собеседник явно поддерживает себя в форме, а Харитонova эта кабинетная работа совсем сквасила. Вот лет двадцать назад... Хотя... Вот он наклонился, выбирает тряпку. Если сейчас... Но где гарантия, что эти отморозки Харитонova отпустят?

Николай Николаевич сделал быстрое, почти незаметное движение, и обрезок трубы оказался у него в руке.

- Эй! Ты что делаешь? - заорал Харитонов и ринулся вперед.

Стремительный выпад - и стальная труба звонко треснула его по голени.

Наверху, над головами «гладиаторов» тихонько загудела камера, но они звука не услышали. Не до того.

Харитонов (тоже не лыком шит) подхватил с пола какую-то джинсовую тряпку, намотал на руку.

«Надо отобрать у подлеца железку,- думал он.- Или добраться до второй. Вот сука! Как подловил!»

Нога отчаянно ныла.

Николай Николаевич ловко перебрасывал трубу из руки в руку. Противника он не боялся, видел, что тот медлительней. Но, с другой стороны, Харитонов тоже кое-чему обучен и физически сильнее. Если схватит, еще неизвестно, как обернется. И все-таки справляться с такими, как подполковник Харитонов, на этом поле, когда все решают сила, ловкость и мужество, проще, чем в коридорах власти, где решает вовремя переложенная из кармана в карман пачка долларов, кокетливо предложенная попка или свидетельство о браке с внучатой племянницей министра.

Р-раз! - и стальная труба звонко ударила по недостаточно быстро отдернутой кисти. Два! - носок ботинка смачно врезал по щиколотке.

Харитонов терпел. Он вообще был терпелив.

И боль переносить умел еще с тех времен, когда занимался дзюдо. Главное - подловить, схватить, а там...

Николай Николаевич с легкостью просчитал тактику противника. В глубине души он был даже благодарен этому нахапенку Васильеву. Собственными руками прикончить того, кто не только разрушил прекрасно спланированную программу, но еще и вынудил пожертвовать старым другом... Редкое удовольствие, ничего не скажешь!

Он решительно шагнул вперед... и споткнулся.

Харитонов прыгнул вперед, красиво перехватил руку противника... Но уже без трубы! Труба оказалась в другой руке и конец ее снизу врезался Харитонову в пах. Михаил Геннадиевич взвыл от нестерпимой боли... И умолк. Навсегда.

Противник поймался на примитивную ловушку. Николай Николаевич трижды повторил один и тот же прием, на четвертый раз симитировал потерю равновесия... Есть! Нахрапистый подполковник ринулся, как носорог, схватил подставленную руку, получил по яйцам, отпустил руку, открылся, и неровно откромсанный конец водопроводной трубы с хрустом проломил ему висок.

Николай Николаевич подобрал с пола желтую майку с надписью по-английски: «Самый лучший стиль», тщательно протер трубу (зачем оставлять на орудии убийства свои пальцы?), уселся на тряпки и приготовился ждать оставшиеся четверть часа... или меньше, если устроители этого соревнования одновременно являются и его зрителями.

- А мотив? - спросил старший лейтенант Хлопков, принимая видеокассету.

- Ну, брат!..- протянул Васильев в изумлении.- Мы тебе сдаем убитого, убийцу, видеозапись совершенного преступления, орудие убийства, более того, убитый - из вашего ведомства, а ты говоришь: мотив!

- Да... Но... Как-то это все... Сомнительно. Так, Веня? - Старший оперуполномоченный Хлопков повернулся к напарнику.

- Сомнительно,- согласился тот.- А скажи мне, Валера, убийца, часом, не из вашего ведомства?

- Увы! - Васильев развел руками.- Ты просто Шерлок Холмс, Вениамин!

- Тут и козе понятно, что вы его подставили,- проворчал опер.- С кассетой хоть все в порядке?

- Весь процесс: от и до! - заверил Васильев.

- Берем? - спросил Хлопков.

- Берем,- вздохнул напарник.- Убийство есть убийство.

- А как мы вот это объясним? - старший лейтенант помахал кассетой.

- Предусмотрительность подполковника Харитонова,- сказал Васильев, у которого все было продумано.- Камера закреплена наверху, и пальчики убитого на ней имеются.

- И как же он ее включил?

- А никак. Просто часть пленки оказалась некачественной. Но самое главное запечатлелось.

- Камеру не жалко?

- Жалко,- вздохнул Васильев.- А что делать?
- А откуда мы все это узнали? - не унимался Хлопков.
- Ладно, пошли,- сказал Веня.- Какая разница откуда? Оперативная разработка, сигнал информатора... Только жопой чую - все равно это дело у нас отберут.
- Может, и отберут, а может, и нет,- буркнул Хлопков.- Ладно, мужики, покедова. Мы вас не видели. Кстати, машину вашу уже ищут.
- В связи с чем, интересно? - спросил Васильев.
- Наезд.
- Так мы тихонько,- сказал Петренко.- Дворами-закоулками. Да и оставим в таком тихом месте.
- Заявление напишем: угнали, мол,- добавил Васильев.
- Пишите,- сказал Хлопков.- По месту жительства. И проваливайте. Глаза б мои вас не видели, конспираторы хреновы!
- Лязгнул засов, и Николай Николаевич поднялся, доброжелательно улыбаясь. Но, увидев вошедших, улыбаться перестал.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Бойцы господина Горшкова в зале, конечно, набезобразничали, но не сотворили ничего такого, что нельзя исправить. И Егорыч с мальчишками за день навели порядок. Когда Васильев опять появился в зале, Кремень провел уже несколько тренировок.

Приехал Валерий пораньше, к четверем, рассчитывая пообщаться с Егорычем.

Переступив порог зала, Васильев вспомнил, как сделал это в первый раз. И года ведь не прошло, а кажется... Такое чувство бывает, когда взрослый приезжает в дом, где жил ребенком. Все словно становится меньше. И в тот, первый, раз в зале тоже не было никого, кроме сэнсэя. И на этот раз, как и тогда, Кремень не уделил Валерию особого внимания. Поздоровался - и все. Словно и не было последнего страшного месяца.

Васильев не обиделся. Он уже научился понимать своего сэнсэя.

Пара кружков по залу, разминка, работа со снарядами... Валерий чувствовал, как возвращается к нему почти забытое состояние тренировки. Чертовски приятно!

Около пяти начали появляться ученики. Малышня. Чуть попозже - Олежек с Гариком. Эти двое, увидев Васильева, обрадовались. Он, впрочем, тоже.

Затем, к удивлению Валерия, появился профессор-китаист, к которому его как-то водил сэнсэй. Нет, профессор не собирался тренироваться. Он привел племянника, тощего парня лет двадцати с рыжим «хвостом» на затылке. Привел попробоваться. Последним появился Петренко.

Сэнсэй хлопнул в ладоши. Построились.

И в этот миг Валерий с необычайной остротой почувствовал пустоту в зале. И в груди. Силыч, Юрка, Гоша, Монплефир... Все они... Их нет.

Построились. Поклонились. Побежали. Через двадцать минут Валерий констатировал, что потерял физическую форму. Ничего, наверстается.

Хлопок, команда разбиться на пары.

- Олег, встань с новичком! Петренко, Васильев! Работа с шестами!

Орудовать длинной палкой, гордо именуемой «шест», Петренко умел значительно лучше Валерия. И доказал это, первым же движением сбив Васильева с ног. Валерий сделал правильный вывод и стал осторожнее. Вообще, он как будто раздвоился. Одна его часть «работала», а вторая, главная, оставалась в неподвижности. Часть эта не оценивала, нет, даже не наблюдала. Она просто была.

В конце тренировки сэнсэй удостоил Васильева краткой похвалы:

- Хорошо работал.- И тут же переключился на другого: - Новичок, подойди сюда!

Спустя несколько минут новичок (губа расплущена, в ноздре запеклась кровь), прихрамывая, вошел в раздевалку. На физиономии - невероятная усталость и безразличие.

- Ну, что сказал? - озабоченно поинтересовался Олежек.

- Прийти завтра.- Новичок сел, нет, скорее, рухнул на низенькую скамейку, свесил длинные худые руки... Нетрудно было догадаться, о чем он мечтает: лечь и никогда не вставать.

Васильев поймал взгляд Олежка. Встал, подошел к новичку.

- Бойцы! - сказал он, стараясь, чтобы голос звучал бодро.- У нас пополнение! Валерий! - Он протянул новичку руку, увидел, как тает у того в глазах мутная пленка усталости...

- Станислав...

Через два дня Васильев отправился за Таней. Он уже звонил директору «Отдыха» и узнал, что там все в порядке и девушка отдыхает с удовольствием, только скучает немного.

В лесном доме они прожили почти неделю: Валера решил, что заслужил отпуск. Весна в этом году тоже решила отдохнуть, температура держалась в районе нуля, снег не таял, и Васильев с подругой целый день гоняли на лыжах по местным горкам. Возвращались вечером, голодные, усталые и счастливые.

В последний день Таня сказала:

- Валерик, а что мы теперь будем делать?

- А чего бы тебе хотелось?

- Мне? - Таня задумалась... И вдруг выпалила: - Косметический салон!

- Что-что? - удивился Валерий.

- Косметический салон,- Таня смутилась.- Ну, я, еще когда в школе училась, курсы косметологов закончила. Ну, может...- Она окончательно смутилась и умолкла.

«А действительно,- подумал Васильев.- Почему бы и нет? Лицензию можно на Тину оформить. Она же врач. А такая вещь всегда пригодится: хотя бы доходы легализовать».

- Ладно,- сказал я.- Будет тебе салон. Обещаю.

- Ой, Валерка! - Восторженная подружка повисла у него на шее. Как мало человеку надо для счастья.

В Питер Васильев вез Таню в отдельном купе. Взял сразу четыре билета, хотя ехать - всего ничего. Просто не хотелось случайных попутчиков.

В городе тоже была зима, но не белая и снежная, а серая и мокрая.

Валерий спрыгнул на перрон, перекинул через плечо Танину сумку, подал ей руку...

На Московском вокзале, как всегда, толпился народ. Встречающие, провожающие...

- Васильев Валерий Витальевич?

- Нет,- привычно ответил Васильев, повернулся и понял: ловить нечего. Четверо. Одежда нейтральная. Профи. Один уже придерживает за локоток испуганную Таню.

- Федеральная служба безопасности! - Мазок в воздухе раскрытыми «корочками».- Прошу проследовать для выяснения!

Второй тем временем быстренько ощупал Валерия, извлек из кобуры «макар».

- Девушку вам лучше не трогать! - глядя исподлобья, процедил Васильев.

- Девушка нам не нужна,- последовал холодный ответ.

Васильев протянул сумку побледневшей Тане.

- Езжай домой,- сказал он.- Саше позвони. Обо мне не беспокойся, я разберусь.

Оперуполномоченный Хлопков и безработный Александр Петренко сидели в кафе и ели чебуреки, запивая их «двойным золотым». Оплачивал угощение безработный Петренко, но рассматривать это как взятку или вознаграждение не стоило. Просто старшему оперуполномоченному уже месяц задерживали зарплату, которой хватило бы ровно на тридцать шесть порций чебуреков. То есть голодная смерть Хлопкову не угрожала. Если зарплату будут платить вовремя.

Старший оперуполномоченный был немного расстроен.

- А что мы могли сделать, Саша? Приказ есть приказ. Мы даже сдать его не успели. Приехали ваши коллеги, забрали задержанного, протоколы, вещдоки...

- И кассету?

Старший уполномоченный развел руками:

- Все по описи. А теперь что? Нет больше ни доказательств, ни подозреваемого.
- А покойник?
- По официальной версии - бытовая травма. Не совместимая с жизнью, как у медиков принято писать. Причем помер терпила наш уже в больнице, как явствует из документов.
- То есть как это?
- А так. Саша, я сам все знаю. Он уже остыл, когда мы его в труповозку грузили. Я лично и грузил, потому что санитар один не мог, а у водилы радикулит открылся. Но это, Саша, лирика. Вызвал начальник, ознакомил с официальным заключением и велел не шелестеть. Мол, не вашего уровня дело! Извини! - Хлопков допил пиво и встал.
- Поехал я. Мне к трем - в прокуратуру.
- Погоди,- сказал Петренко.- Я тебя подброшу.
- Отдаю должное вашей предприимчивости, Валерий!

Николай Николаевич взирал на Васильева через пустое пространство стола.

- Задумано было неплохо. И выполнено - тоже. Но вы неверно оценили масштабы.
- Петренко у вас? - спросил Валерий.
- Пока гуляет,- Николай Николаевич усмехнулся.- Похвально, что вы интересуетесь судьбой товарища.
- Подставить вас - это была моя идея,- буркнул Васильев.- Его не трогайте. Тогда я вам подыграю на суде.
- А почему вы решили, Валерий, что будет суд?
- Ах даже так...- Васильев помрачнел.

В этом варианте он не может ставить условий. И на что-то рассчитывать.

- Я думаю,- сказал Николай Николаевич,- мы обойдемся без суда. Суд в вашем случае - пустая трата времени и материала.
- Тогда к чему этот разговор? - проворчал Васильев.- Хотите показать себя победителем?
- Хочу,- признал Николай Николаевич.- Очень хочу...
- Да отвали ты от меня, папка,- досадливо проговорила Таня и, протиснувшись мимо отца, шмыгнула к себе в комнату.

Батяня топтался под дверью, бубнил, какой он нехороший. Батяня всегда так: после первого стакана злобится, после второго кается. Таня не слушала. Она поплакала немного, потом вытерла слезы и достала из записки сигареты. После первой же затяжки закружилась голова. Давно не курила. Неудобно при Валере. Он, мужик, не курит, а она - курит. Почти что бросила.

Таня посмотрела на себя в зеркало: зареванное лохматое пугало. Кошмар! А если все

обойдется, и Валера сейчас придет?

С лихорадочной поспешностью она принялась приводить себя в порядок. Загадала: вот накрашусь – и он придет.

И точно! Только-только губки по контуру обвела – звонок.

Таня улыбнулась сама себе, сказала:

- Я – ведьма!

Встрянула волосами, чтоб слегка распушились, подмигнула зеркалу: ну разве не красавица? Глазки, шейка, ротик. Конфетка, а не девочка!

Не спеша вышла, нет, выплыла в коридор. Папаша уже открывал, поэтому Таня остановилась, прислонилась к стене, изобразила загадочную улыбку.

Входная дверь распахнулась, пьяный папаша отлетел назад, треснулся о косяк, заматерился. Танино улыбающееся личико застыло каменной маской: на пороге стоял Мирон.

- ...Именно поэтому, – продолжал Николай Николаевич, – устранить вас, Валерий, значит бездарно и бесполезно истратить превосходный человеческий материал. Таково мое мнение, хотя, не хочу скрывать, есть и другое.

- Если мне предлагается выбрать, – сказал Васильев, – то хотелось бы знать – из чего.

- Вам не предлагается выбрать, – Николай Николаевич погладил виски. Валерий видел: собеседник устал. – Речь идет не о выборе, а о вашей жизни. В том случае, если вам ее сохраняют, жить вы будете так, как мы скажем.

- Нет, – сказал Васильев.

- Вы что-то не поняли, Валерий?

- Почему же? – Васильев усмехнулся. – Я все понял. И я сказал: нет.

Николай Николаевич вздохнул, подумал... Валерий насмешливо глядел на него. Ей-Богу, он был ничуть не страшнее того же Грустного.

- Хорошо, – подумав, произнес Николай Николаевич. – Вы уже доказали свою ценность. И свое умение выживать. Более того, обзавелись связями, которых, не скрою, нет ни у одного моего сотрудника. Поэтому я готов выслушать, только выслушать, ваши условия.

- Они просты, – сказал Васильев. – Вы заказчик, я – исполнитель. Никакого доверия. Никакого контроля. Я всегда могу отказаться, вы всегда можете меня убить. Для вашей организации это – не проблема.

- Сейчас – да, но позже это может оказаться затруднительным, – возразил Николай Николаевич.

- Вы всегда можете меня взять, – Валерий пожал плечами. – С такой же легкостью, как и сегодня.

- К сожалению, нет,- собеседник покачал головой.- Если мы договоримся, то спустя некоторое время эта задача существенно усложнится.

- Почему же?

- Потому что вам, Валерий, если мы договоримся, придется пройти соответствующее обучение. Пока вы еще только материал. Превосходный, не скрою, но абсолютно сырой. Вы согласны пройти подготовку?

- Согласен,- кивнул Валерий.- Что еще?

- Еще - поработать с нашими психологами.

- Нет.

- Я обещаю: никакой кодировки.

- Я вам не верю.

- Тогда хотя бы тестирование.

- Хорошо. Но пусть у вас не возникает иллюзий. Я - не ваш сотрудник. И тем более - не ваш подчиненный.

Николай Николаевич кивнул, помолчал, а потом сказал:

- Я постараюсь позаботиться о вас, Валерий. Постараюсь, потому что обещал.

- Кому?

- Своему другу. Виктору Солохину.

Вот теперь Васильев, действительно, удивился.

Что это: очередной ход в какой-то хитрой комбинации? Или правда? В конце концов, почему бы его собеседнику не иметь и некоторой толики человеческих чувств... Вне служебных отношений.

- Не понимаю,- бросил Васильев.- Вы же его убили!

- Этого требовали интересы Государства,- твердо произнес Николай Николаевич.- Кроме того...- Васильев видел: продолжать его собеседнику не хочется, но он все-таки закончил: - Кроме того, ему самому я в свое время ничего не обещал.

- Ну что, сучка, не ждала? - процедил Мирон, кривя губы.- А я - вот он!

Захлопнув дверь, бандит мимоходом треснул Таниного папашу по макушке (тот завалился мешком), перешагнул через него... Таня, опомнившись, отскочила назад, завизжала отчаянно - и задохнулась, когда Мирон ударил ее кулаком в живот.

- Не ждала, блядюшка! - зарычал он, схватив ее за волосы.- А я - вот он!

Мирон втащил ее в комнату, швырнул на кровать, посиневшую, беззвучно открывающую рот...

- Драть тебя буду во все дырки,- пообещал он, вытаскивая из чехла тесак и поднося к Таниному лицу.- А будешь плохо подмахивать - кишки на уши наматаю, поняла? - Он поддел лезвием ткань платья у ее паха, проткнул и распорол одним движением до самого ворота. Таня ощутила холодное прикосновение металла, попыталась схватить толстую волосатую руку, но Мирон поймал ее запястья свободной рукой, сразу оба, сдал так, что захрустели косточки.

- Ты чё, сучка, не поняла? - Он прижал тесак плоской стороной к ее груди, так, что она соском почувствовала бритвенно-острое лезвие.- Ну?

- Поняла,- прошептала Таня, борясь с тошнотой, накатившей от боли и страха.- Я поняла... Убери...

- Кое-что подписать вам все-таки придется, Валерий,- сказал Николай Николаевич.- Вернее, расписаться...

Он открыл ящик стола, достал бумагу, подписал и протянул Васильеву.

- Ваш пропуск,- сказал он.

Мирон с хрустом воткнул тесак в подоконник, вытащил из кармана шнур и сноровисто примотал Танины руки к кровати. Он явно проделывал такое не в первый раз. Затем ободрал с нее одежду, именно ободрал, а не снял. Как кору с дерева, сознательно стараясь причинить боль. Таня не сопротивлялась, терпела. Ей очень хотелось жить.

Раздев девушку, Мирон, не торопясь, разделся сам. Он очень любил свое могучее, оплывшее жирком тело, бледное, в синих узорах татуировок. Он гордился ростом, мускулами, силой, набухшим половым органом с неровными шишками «спутников». И он несколько не сомневался, что и Таня тоже им восхищается, но баловать ее он не собирается.

- Сначала в жопку, потом за щечку,- сказал он, потряхивая бугристым фаллосом,- а потом опять в жопку. Я, сучка, страшно активный! Просто страшно!

- В общем, мы договорились,- сказал Валерий, усаживаясь в машину и пристегивая ремень.- Обучать меня будут по индивидуальной программе, так сказать, без отрыва от производства. И знаешь, может, я дурак, но я ему верю. Просто так он меня не подставит.

- Только ради государственных интересов,- пробасил Петренко.- Шутка! Ты сделал все правильно! И это надо обмыть. Поехали за твоей Танюшкой, она небось беспокоится, потом захватим Тину...

- Тину-то зачем? - запротестовал Васильев.

- А мне, ты считаешь, подружка не нужна? - Петренко захохотал, хлопнул Валерия по плечу.

- Да ради Бога! - засмеялся Васильев.- Забирай, если она не против.

- Уже забрал! - ухмыльнулся Петренко.- Чи мы не козаки?

- Давай тогда, крути баранку,- потребовал Васильев.- Я жрать хочу!

- Дверь открыта,- сказал Васильев.- Может...

Петренко ухватил его за руку, поднес палец к губам. Глаза Валерия сузились: расслабленность, появившаяся после успешных переговоров с Николаем Николаевичем,

сменилась привычным концентрированным вниманием.

Петренко достал пистолет, кивнул. Васильев очень осторожно приоткрыл дверь, увидел на полу, поперек коридора, Таниного отца, аккуратно перешагнул. Петренко у него за спиной аккуратно прикрыл дверь...

- Сначала в жопку,- процедил Мирон.- Без мыльца, зато...- И осекся, услышав щелчок замочного язычка. Плавно, по-медвежьки, он сместился к подоконнику, выдернул из него тесак, показал Тане знаком: «Молчи - или горло перережу!» - бесшумно переместился к двери, приготовился...

- И-и-и-и!!! - истошно завизжала Татьяна.

Мирон вздрогнул, дернулся к ней, потом, сообразив, что разобраться с девушкой можно и погода, выскочил в коридор...

Бац! - Ботинок Васильева описал в воздухе полукруг, закончившийся на правой руке Мирона. Грозный тесак вылетел из ушибленных пальцев, а ботинок, изменив траекторию, воткнулся чуть пониже шишковатого фаллоса, после чего и фаллос, и его хозяин сразу утратили гордость и погрузились в глубокую печаль, гуманно прерванную Петренко, опустившим на затылок потерпевшего пистолетную рукоять.

Пока Валерий освобождал Таню, Петренко деликатно смотрел в сторону, повернулся только тогда, когда девушка запахла халат.

- Ну как, цела? - спросил он.

- Цела,- ответил за нее Васильев.- Что с ее папашей?

- Живой,- лаконично ответил Петренко.- Везучий ты, Валерка! Везучки твоей на троих хватает!

Таня подошла к Мирону и злобно пнула его пяткой:

- Коз-зел!

Глаза у нее были злые и сухие.

Мирон заурчал, сделал попытку приподняться. Таня пнула его еще раз, в ухо.

- Надо бы его зафиксировать красиво и элегантно,- озабоченно произнес Петренко.

- Красиво и элегантно? - Васильев подумал немного и полез в ящик туалетного столика, куда ссыпал всякую мелочь.- Где-то у меня был подходящий инструмент...

Через некоторое время приведенный в чувство неудачливый насильник был зафиксирован в интереснейшей позе: на четвереньках, бледной задницей кверху, лбом - в пол. Поза оригинальная, но наиболее удобная, если большие пальцы рук соединены миниатюрными наручниками, цепочка которых привязана внатяжку к оконной ручке.

- Вот теперь тебя люблю я,- пропел Петренко и звучно шлепнул Мирона по ягодице.

- Тихо! - потребовал Васильев.- Я звонить буду.

Несколько минут потребовалось, чтобы выяснить телефон Горшкова. Не одного из тех, что стоят в приемной депутата, а того, который он носит в кармане.

- Горшок! - рыкнул в трубку Васильев.- Ты что, войны хочешь? - и, не дожидаясь ответа.- Будет тебе война! Ты меня понял?!

- Какая война? Кто это? - ошарашенно спросил Горшков.- В чем, собственно, дело, я не понимаю?

- Ах ты не понимаешь? - протянул с издевкой Васильев.- Так я тебе сейчас растолкую, придурок! Ты думаешь, если я один раз тебя отпустил, не шлепнул, на второй раз так же будет? Я из тебя цыпленка табака сделаю! Во всех позициях!

- Кто это? - почти взвизгнул Горшков. И тут же, уже не в трубку: - На, возьми, это тебя!

- С кем я говорю? - холодно спросил уже знакомый Валерию голос.

- А ты догадайся, Машина! - насмешливо произнес Васильев.- Я думал: ты умнее, два раза на одни грабли не наступаешь.

- Ты правильно думал,- ледяным тоном произнес противник Васильева.- В чем дело?

- У меня тут твой дружок валяется. Мирон. Что скажешь?

- Пока ничего,- спокойно ответил Машина.- Продолжай.

- Сейчас ты скажешь, что к моей девушке он по собственному почину ввалился? - с иронией проговорил Валерий.

- Я его не посылал,- сухо произнес начальник службы безопасности депутата Горшкова.

- И у тебя не будет ко мне претензий, если я сейчас сломаю ему шею? - поинтересовался Васильев.

Молчание. Достаточно долгое, чтобы предположить: Машина решил посоветоваться с хозяином. Наконец Васильев снова услышал в трубке его дыхание.

- Да,- неохотно произнес Машина.- У меня не будет претензий.

- Тогда все,- сказал Васильев.- В будущем присматривай за своими обезьянами получше. Второй раз не спущу.

Машина не удостоил его ответом, просто отключился.

Васильев присел на корточки.

- Плохие новости, Мирон,- сказал он насмешливо.- Сдали мне тебя со всем дерьмом и потрохами. Что скажешь?

- Пошел ты!...- процедил бандит.

- Га! - воскликнул Петренко.- Оно разговаривает! - и отвесил Мирону пинка.

- Как ты думаешь, Танюша, что мы с ним сделаем? - спросил Васильев.

- Яйца ему отрезать! - мстительно заявила девушка.

- Ну-у-у! - укоризненно протянул Валерий.- Мы же не звери! - И подмигнул Петренко.

- Да если хочешь знать, если бы он...

- Мы сделаем лучше,- не обращая внимания на ее реплику, продолжал Васильев.- Мы его продадим. Как ты думаешь, Сашок, сколько мне дадут за такого крупного мужчину? Я думаю, тысяч пять дадут, как считаешь?

Пленник притих. Прислушивался.

- Наверяд ли,- усомнился Петренко.

- А рублей?

- Ну, если на вес - то может быть,- Петренко ухватил пленнику за складку сала на боку.- Собачек кормить, к примеру. Или свинок...

Снизу донеслось невнятное бормотание. Пленник считал, что его мясо можно использовать с большей пользой.

- А ведь он прав,- внезапно произнес Васильев, вспомнив, как он распорядился судьбой еще одного хорошо упитанного представителя криминальных структур.- Я думаю, имеет смысл продать его мозги, а не сало.

- Тю! Сколько там тех мозгов!

Но Валерий уже не слушал, набирал телефон своего криминального тезки.

- Васек,- сказал он.- Здорово. Скажи, пять штук деревянных тебя не разорят? А твой большой вождь господином Горшковым еще интересуется? Рядом со мной в интересной позе один кабанчик стоит. Мироном зовут. Ах даже знаешь! Отлично! Нет, с Горшком - никаких проблем. Он мне его отдал... За долги. Берешь? Ну, тогда подошли кого-нибудь...- Он продиктовал адрес.- Жду.

Васильев сложил телефон и повернулся к Петренко:

- Вот,- сказал он весело.- А ты говоришь: вряд ли! Танюха, ты что, плачешь?

- Ты его отпускаешь,- всхлипнула девушка.- А если он снова придет?

Валерий обнял ее, шепнул в ушко:

- Ты когда-нибудь видела ходячую свинину?

- Нет.

- Правильно. Свинина ходить не умеет. Ее или едят, или закапывают в землю, если недоброкачественная. А это,- он кивнул на коленопреклоненного Мирона,- особо недоброкачественная говядина.

ЭПИЛОГ

- Мне было бы проще его устранить,- сказал Васильев.- Вместе со всей компанией.
- Не годится,- Николай Николаевич покачал головой.- Мы окажем вам максимальную техническую поддержку. У вас будет полная информация по всем персонажам. Остальных вы можете зачистить, но этот нам нужен живым. И скомпрометированным.
- В таком случае, почему бы вам просто его не задержать? - усмехнулся Валерий.- Подбросьте ему пакетик с героином - и никаких проблем.
- Не надо иронизировать. Задержать мы его можем, но вынуждены будем выпустить, может быть, уже через час, потому что давить на нас будут с самых высоких вершин.
- А я думал, вам теперь закон не писан,- Валерий усмехнулся еще шире, но его собеседник остался серьезен.
- Вы ошибаетесь, Валерий. Такой акт потребует одобрения руководства. Кроме того, нам нужен не столько он сам, сколько его показания. Причем раньше, чем его покровители-компаньоны наверху успеют принять меры. А утечка информации происходит нынче именно с самого верха. На среднее звено я полагаюсь больше, чем на больших начальников. Если бы дело обстояло иначе, Валерий, то и вы были бы мне не нужны.
- Надо понимать так, что при иных обстоятельствах я уже не топтал бы землю, а под ней лежал? - Мировоззрение собеседника уже давно не пугало его. Скорее, развлекало.

Николай Николаевич не удостоил его ответом. Вернее, не стал тратить времени на пустяки. Он понимал, что Васильев просто демонстрирует свою независимость.

- У нас есть записи его телефонных переговоров,- сказал он.- У нас есть информация о том, где находится принадлежащая ему машина, стоимость которой в десять раз превышает его годовую зарплату. Но он - чиновник налоговой службы и, разумеется, позаботился о таких мелочах. По документам машина принадлежит матери его жены и получена путем натурального обмена на участок в Подмосковье.
- И сколько стоит участок в Помосковье? - поинтересовался Васильев.
- Такой участок может стоить сотни тысяч долларов, но конкретно этот - не более полутысячи. По «черным» расценкам. Однако, если вторая сторона желает обменять его на машину стоимостью в сорок восемь тысяч долларов, это ее право.
- А записи разговоров?
- Этого недостаточно. Без живых свидетелей они - пустой звук. Не говоря уже о том, что участники всегда могут заявить, что просто шутили. Он должен быть замазан, Валерий. Серьезно замазан. Иначе толку - ноль. Мы его возьмем - и отпустим. Знакомство с лидером преступной группировки? Да он скажет, что понятия не имел, кто это, а приехал на встречу с членом совета директоров солидного банка, который, кстати, является гарантом сделки, упомянутого мною обмена. А в этом случае и место встречи легко объясняется. Почему бы зятю не проверить лично, не обманули ли его тещу? Так что выхода у нас нет. Его надо замазать, Валера! Замазать так, чтобы не отмылся. И тогда мы его возьмем и выжмем. Задача ясна?
- Не очень,- признался Васильев.

- Нам нужны трупы,- сказал Николай Николаевич.- Нам нужен деморализованный, лучше всего - раненый соучастник убийства. И не надо ухмыляться. Высший закон в данном случае - интересы России. А интересы России требуют именно этого.

- Ладно,- сказал Валерий.- Я согласен, хотя предпочел бы дождаться Петренко.

- Пусть отдыхает,- сказал Николай Николаевич.- Вы справитесь. Тем более мы вам поможем.

- Это несомненно,- кивнул Валерий.- А теперь поговорим о цене...

- Стоять! - грубо сказал парень в камуфляжных штанах.- Хули ты тут делаешь?

- Стою,- лениво произнес Васильев, игнорируя направленный в живот ствол.

- Борода шутит,- процедил приятель целящегося, шагнул вперед и неожиданно нанес быстрый удар ботинком по щиколотке Валерия, с такой силой, что Васильев потерял равновесие и плюхнулся животом в грязный снег.

Парень с пистолетом наступил ему на поясницу, а второй тем временем быстренько ощупал.

- Чистяк,- сообщил он.

- Встать, козел! - скомандовал обладатель пятнистых штанов.

Валерий встал.

- Пошел! - Ствол с силой уперся ему в спину.

Валерий качнулся назад, отчего ствол еще глубже впился ему в спину, сделал шаг вперед... И вдруг резко повернулся, отчего пистолет скользнул вперед по кожаной куртке и устоял в пустоту. Его хозяин нажал на спуск, но крючок оказался заблокирован пальцем Васильева. Рывок - вопль - сокрушительный удар коленом - и утробное мычание, оборвавшееся, когда левый кулак Валерия сокрушил челюсть противника.

Его подельник ринулся в бой... и обнаружил, что пистолет приятеля направлен ему в живот.

- Грабки кверху и кру-гом! - велел Валерий.

Парень команду выполнил, но духом не пал.

- Ты, бля, ответишь, понял! - пообещал он.

- Понял, понял,- успокоил его Васильев и врезал рукояткой по стриженному затылку. От души врезал: щиколотка еще ныла.

Спрятав пистолет, Валерий подхватил пришибленного за ворот, отволок к двери ближнего гаража, привалил спиной. Не замерзнет. Не февраль - середина апреля. Зиме уже давно пора кончиться, достала уже...

Сунув пистолет в карман, Валерий вернулся к его бывшему хозяину. Обшарил его наскоро, обнаружил бумажник, пустую кобуру и «трубу». «Трубу» и бумажник забрал. Зачерпнув две пригоршни снега, Васек энергично растер «пострадавшему» уши. Парень очнулся и наверняка пожалел об этом. Ему было больно и обидно. А потом стало очень больно и очень обидно, когда

он ответил матерщиной на вежливый вопрос. Урок пошел впрок. Обошлось без членовредительства.

- Молодец,- похвалил Валерий.- Лучше поступиться гордостью, чем некоторыми частями тела.

- Чего? - не понял парень.

- Того. Встали и пошли.

Идти было недалеко.

Вопреки полученной Васильевым информации это оказался не гараж - мастерская. Валерий позволил своему провожатому постучать и сказать: «Я». Больше ничего. Тычок в основание черепа - и парень на время потерял способность говорить и двигаться. Когда железная дверь начала открываться, Валерий резко рванул ее на себя, а затем толкнул вперед. Удар, сдавленный вопль, снова рывок на себя, рубящий левой... Васильев наступил ногой на выбитый автомат (предосторожность не бывает лишней) и навел пистолет на последнего боеспособного обитателя мастерской. Тот осознал ситуацию и опечалился. Понял, что полупустая бутылка пива - слабое оружие против модернизированного «макарушки». Понял, аккуратно поставил бутылку на стол и поднял руки.

- Умница,- похвалил Валерий.- Будешь жить. Когда они приедут?

- Скоро. Уже звонили.

- Охрана?

Парень пожал плечами.

- Да обычная. Чего тут охранять.

- На пол и руки на затылок.

Васильев оглядел мастерскую. Присутствовали: наполовину перекрашенный «фольксваген-гольф» и серебристый новенький «лендровер». Вероятно, тот самый. Еще имелись стеллажи вдоль стен, куча покрышек, детали от машин самых разных марок, всевозможное полезное и бесполезное имущество, а также три лампочки под потолком, из которых горела только одна, у входа.

Валерий достал телефон, набрал номер:

- Я внутри,- сказал он.- Скоро будут.

- Принято,- лаконично отозвались с той стороны.- Мы их ведем.

Васильев сложил телефон и сунул в карман. Затем втащил двух выбывших «игроков» внутрь, пристроил за кучей покрышек и прикрыл автомобильным чехлом. Подумал о третьем, оставшемся на улице, но решил: отлучаться не стоит.

- Эй, командир,- подал голос уложенный на пол любитель пива.- Холодно, командир, кинь ватничек подстелить.

- В могиле холодней,- заметил Васильев. Но сжалился и бросил ватник. Правда, сначала

проверил карманы.

Валерий поднял с пола автомат, стандартный десантный «калаш», проверил магазин. Комплект. А номер не спилён, что интересно. Сейчас Васильев его привяжет к делу, а там пусть господа сыщики развлекаются, устанавливая, с каких он складов утек.

Прошло минут пятнадцать, и снаружи донесся рокот въехавших на территорию машин. Это могли быть и не те, кого Валерий ждал, но приготовиться не помешает.

- Подъем,- командовал Васильев отдыхавшему на полу.- Сядь на свое место. Постучат - откроешь. Веди себя хорошо - и увидишь солнышко. Все понял?

- Да понял, понял! - В глазах у парня читалось острое желание жить.

Валерий передернул затвор автомата и укрылся за покрывками. В этой части мастерской царил полумрак, а между покрывками и стеной оставалось еще метра два с половиной. Вполне достаточно для маневра.

Машины остановились у мастерской.

Васильев приготовился...

Они вошли втроем. Четвертый, косая сажень, остался в дверях. Вошли без опаски. Парень, которого Валерий держал на мушке, открыл и пропустил пришедших вперед. Парень помнил о наведенном «калаше», поэтому расположился так, чтобы оказаться отдельно от вновь прибывших.

Прибывшие представляли весьма колоритную компанию. Низенький толстый мужчина, явный представитель финансовых кругов, еще один мужчина, повыше ростом, с властной физиономией начальника, и, наконец, третий, чернявый, дерганый, с густой щеточкой усов.

- Вот ваша машина,- сказал банкир.- Это, как вы сами понимаете, аванс, майор. Просто знак нашего расположения.

- Разумеется,- сухо ответил второй.- Если я закрываю глаза на шестьдесят миллионов, мой процент должен быть существенно больше, чем игрушка на колесах! - И надменно задрал подбородок.

- Да пошел ты в жопу! - злобно процедил третий.- Чё, думаешь, ты один скурвился? Чё, думаешь, мы, бля, другого не забашляем? - Он вытащил пистолет и потряс им в воздухе.- А тебе, бля, я сейчас шмальну в брюхо - и криздец! Понял, бля?

Майор ничего не ответил, только усмехнулся. Бодигард в дверях тоже никак не отреагировал.

- Давлат! - укоризненно произнес первый.

Третий скривился, пренебрежительно сплюнул, спрятал оружие и демонстративно отошел.

Васильев аккуратно прицелился в грудь застывшего в дверях бодигарда. Даже если броник выдержит, мало не покажется. Палец аккуратно потянул спусковой крючок. «Калашников» коротко грохотнул, и бодигарда вынесло на улицу. Резкий Давлат тут же отпрыгнул в сторону, пригнулся... на свою голову. Валерий целил в туловище, но... короткая очередь пошла чуть выше, и мозги Давлата выплеснулись из черепа.

Майор среагировал лучше всех. Отскочил под прикрытие джипа и выстрелил на вспышку. Попал. Но не в Васильева, а в одного из прикрытых автомобильным чехлом. Валерий уже откатился в сторону и, под днищем джипа, длинной очередью полоснул майора по ногам. Тут же вскочил, прыгнул вперед. Майор рухнул на пол, но пистолет не выпустил. Валерий мимоходом врезал каблуком ему по руке, размозжив пальцы, ведущим форвардом рванулся к двери и захлопнул ее. Через пару секунд снаружи загрохотали выстрелы, но ни дверь, ни железные стены из автомата не пробить. Разве что из подствольника, однако наличие такового у атакующих сомнительно. Питер все-таки не Грозный.

Повернувшись, Васильев обнаружил:

одного коррумпированного майора - в шоке;

одного предприимчивого бизнесмена - в ступоре;

одного рядового бандита - предусмотрительно улегшегося мордой в пол.

Остальных можно в расчет не принимать.

Первым делом следовало наложить жгуты на простреленные ноги майора, что Валерий и проделал с помощью оказавшегося под рукой репшнура. Тем же репшнуром он скрутил умного бандита и предприимчивого бизнесмена. Последний, выйдя из ступора, с ходу предложил лимон баксов. Валерий предложение проигнорировал.

Под чехлом живых убавилось вдвое. Майорская пуля оказалась роковой для обладателя пятнистых штанов.

Теперь следовало позаботиться о декорациях.

Васильев достал пистолет покойника, тщательно обтер и положил на полку. Достаточно далеко от убитого, чтобы выстрел майора не выглядел самозащитой. Затем протер автомат и предложил финансисту. Финансист отказался с ужасом. Но под давлением «обстоятельств», обретших форму ствола ПСМ, принял предложение и даже произвел под присмотром Васильева один выстрел в потолок, чтобы обеспечить результаты порохового теста. После этого Валерий отобрал у него автомат и тщательно осмотрелся. Лишних улики оставлять не следует. «Помочь» следствию - это одно, а доверять... извините!

Снаружи снова загрохотали выстрелы, однако через пару минут все стихло, а еще через минуту в двери постучали.

- Кто? - спросил Валерий на всякий случай.

- Мы. Снаружи закончено.

Голос именно тот, который рассчитывал услышать Валерий. Поэтому он отворил без промедления.

Из шести вошедших только на одном, Николае Николаевиче, не было маски. Васильев их понимал. У него тоже не было никакого желания светить физиономию, поэтому сейчас ее украшала накладная борода от самых глаз, а на лоб свешивалась фальшивая челка.

- Забирайте товар,- сказал Валерий.- Пришлось немного попортить, ну, уж извините.

Те, что в масках, устремились к живописно расположившимся по полу телам. Один из них тут же сделал майору укол. Лекарство, хотя сам майор, скорее всего, предпочел бы яд.

- Этого не трогать,- Васильев указал на предусмотрительного бандита.- Мой.

Николай Николаевич спорить не стал.

- Хочешь - забирай. Спасибо.

- Пожалуйста,- ответил Васильев.- Удачи.- И предусмотрительному: - Пойдем, корешок.

Снаружи маячили еще люди, но перед Валерием расступились. Предупреждены. Но Валерий не расслаблялся ни на секунду. Уговор уговором, а ухо следует держать востро.

Территорию покинули через дыру в заборе. У железнодорожной насыпи Валерий распутал руки парня.

- Исчезни,- сказал ему Васильев.- Навсегда.

- Спасибо! - с чувством ответил тот.- Я не забуду.

- Лучше забудь,- посоветовал Валерий, взбежал на полотно и по шпалам отправился к станции.

Путь был неблизкий, километра полтора.